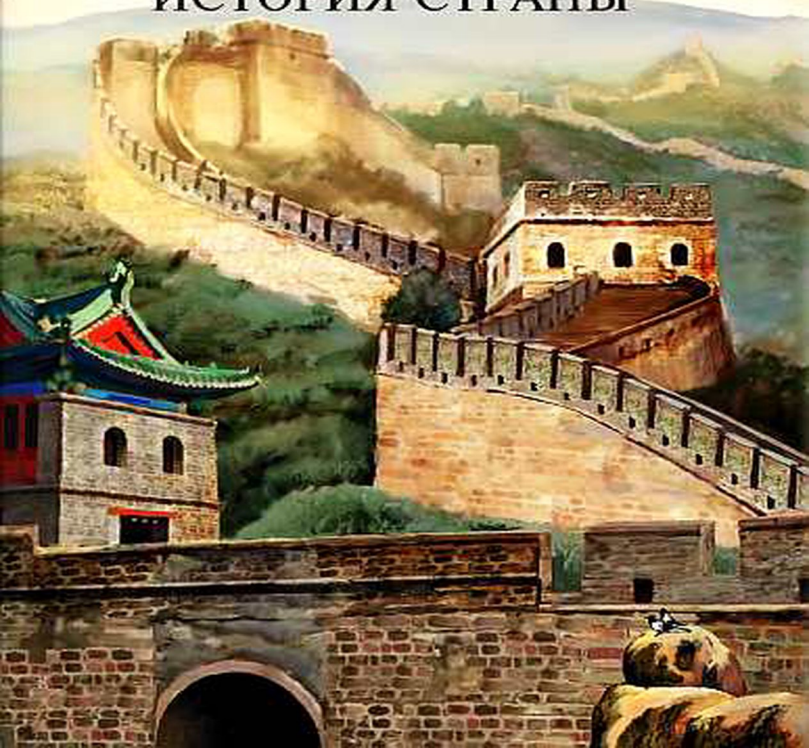
РЕЙН КРЮГЕР

КИТАЙ

ИСТОРИЯ СТРАНЫ



Китай. История страны

Рейн Крюгер

Аннотация
Рейн Крюгер. Китай. История страны
Предисловие
ГЛАВА 1. От раннего палеолита до эпохи Шан (700 000-1750 гг. до н. э.)
Глава 2. Династия Шан (1523(?)-1027(?) гг. до н. э.)
Глава 3. Западная Чжоу (1027(?)-771 гг. до н. э.)
Глава 4. Восточная Чжоу (771–476 гг. до н. э.)
Глава 5. Восточная Чжоу (771–476 гг. до н. э.). Продолжение
Глава 6. От Конфуция до империи
Глава 7. От Конфуция до империи. Продолжение
Глава 8. Цинь в Китае
Глава 9. Ранняя Хань (206–141 гг. до н. э.)
Глава 10. Ранняя Хань. Продолжение: У-ди (141-87 гг. до н. э.)
Глава 11. Ранняя Хань. Окончание (87 г. до н. э. — 9 г. н. э.)
Глава 12. Междуцарствие (9-25 гг.) и реставрация династии Хань
Глава 13. Реставрация династии Хань (25-220 гг.)
Глава 14. Раздел империи (220–589 гг.)

Глава 15. Суй (581–618 гг.)
Глава 16. Тан (618–907 гг.)
Глава 17. Тан (618–907 гг.). Продолжение
Глава 18. Тан (618–907 гг.). Окончание
Глава 19. Пять династий, Десять царств и Сун
Глава 20. Сун (960-1279 гг.)
Глава 21. Монгольская династия Юань (1271–1368 гг.)
Глава 22. Мин (1368–1487 гг.)
Глава 23. Мин (1487–1644 гг.). Продолжение
Глава 24. Китай в эпоху династии Мин
Глава 25. Маньчжурская династия Цин (1644–1911 гг.)
Глава 26. Цин: Опиумные войны и тайпины
Глава 27. На пороге XX века
эпилог. Двадцатый век
Библиография

Аннотация

Многовековое китайское государство — одна из величайших империй, когда-либо существовавших на Земле, которая завоевала огромные территории, достигла поразительных высот в научном и культурном развитии, породила бессмертные сокровища философской мысли и прикладных искусств. Данная книга содержит полное и подробное описание истории Поднебесной — от раннего палеолита до коммунистического периода XX века. Эта древняя и фанатично традиционная цивилизация, тысячелетиями развивавшаяся в изоляции от Запада, являет нам образцы непревзойденного изящества и фантастической жестокости, утонченной поэзии и изуверских пыток, изысканной кухни и свирепых массовых казней, знаменитых боевых искусств и беспощадных войн до поголовного истребления противника. Увлекательное популярное изложение делает эту книгу интересной для самого широкого круга читателей.

Китай — безусловный социально-полити-

ческий и культурный феномен человеческой истории. Нет другой цивилизации, которая отличалась бы такой же устойчивостью ко всем потрясавшим ее кризисам и выходила бы из них, говоря словами современного китайского поэта, «обновленной, но прежней». Верность традиции проявляется в Китае во всем, даже в идеологии, которая позволяет человеку вновь и вновь возвращаться к истокам человечности в себе, ибо ориентирована на «технику сердца». И в этом — секрет ее поразительного долголетия.

БВС
БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ СТРАН

Рейн Крюгер
Китай. История страны

Глубока вера китайцев в то, что вселенная — природа и человек — постоянно стремится к равновесию и гармонии, так что если зло нарушает баланс, то для исправления ситуации необходимо добро, и таким образом Инь и Ян уравновешивают друг друга. Именно этот принцип красной нитью проходит через всю историю этой огромной страны с ее огромным населением и величественной цивилизацией — историю, которую мы попытались кратко очертить в этой книге.

Рейн Крюгер

Китай — это не просто другая страна, это другая планета, на которой обитают существа совершенно другой расы, мотивы слов и поступков которых подчиняются железной многотысячелетней логике, для обычного человека не имеющей разумного объяснения.

Рональд Рейган

ЭКСМО

Предисловие

О, Небо! Ты всех истин бескорыстней,
Ты видишь все, что скрыто в нашей мгле,
Ты помогаешь тем, кто в этой жизни
Достойно существует на земле.
Цюй Юань. Лисао[1]

«Если спрятать лодку в бухте, а холм — в озере, скажут, что они в сохранности, но в полночь силач унесет все на спине, а невежда ничего не будет знать. В каком бы подходящем месте ни спрятать большое или малое, оно все же исчезнет. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет исчезнуть, — таков общий закон для всех вещей».

Китай на протяжении тысячелетий успешно выполнял этот завет своего великого философа Чжуанцзы: страна замыкалась в себе и на себя, оставаясь загадкой для остального мира. Европейцы воспринимали Китай наряду с Индией — и, позднее, Японией — как страну экзотиче-

---

[1] Примечания: 1
Перевод А. И. Гитовича.

ских диковинок; непривычным и непонятным казалось все — от языка и веры до придворного этикета и правил поведения в обществе.

Разумеется, китайская «самоизоляция» существенно отличалась от, к примеру, «великой изоляции» Японии: в конце концов, последняя — цепочка островов, до которой еще нужно доплыть, а Китай с его протяженной сухопутной границей, даже несмотря на строительство Великой Китайской стены, физически не мог отгородиться от иноземного влияния (благодаря которому, в частности, в Поднебесную проник буддизм). Тем не менее, страна многие века оставалась «закрытой» — и именно поэтому сумела сохранить самобытность до наших дней, вопреки глобальным цивилизационным процессам последних столетий. И сегодня, как и несколько веков назад, когда знания европейцев о Китае ограничивались сведениями Марко Поло и сообщениями отцов-иезуитов, первые миссии которых появились в Поднебесной в XVI веке, само слово «Китай» будоражит воображение, олицетворяя собой Восток — загадочный, таинственный и по-прежнему непостижимый.

Согласно конфуцианской традиции, прародителями китайцев были первопредки Фуси и

Нюйва, которым наследовал первый земледелец Шэньнун, а ему — основатель китайского государства Хуанди, «первый император». С Хуанди, как утверждает традиционная историография, начинается эпоха Пяти императоров: это сам Хуанди, Чжуаньсюй, Ку, образцовые правители Яо и Шунь. Шунь передал трон усмирителю потопа Юю, а когда последний умер, люди пожелали видеть правителем его сына. Так в Китае появилась первая правящая династия — Ся, которой открывается эпоха Трех династий (Ся, Шан-Инь и Чжоу).

Этой эпохе наследовали эпоха Разделенных царств; эпоха Борющихся царств; эпоха Цинь, первый правитель которой взял себе титул «хуанди», каковой принято переводить на другие языки как «император»; эпоха Хань; эпоха раздробленности, или «эпоха перемен», удивительным образом совпавшая со временем проникновения в Китай буддизма (I тысячелетие н. э.); эпоха Тан, вернувшая Поднебесной ее «золотой век»; период Пяти династий и Десяти царств; эпоха правления монголов; эпоха Мин, когда были написаны романы, получившие наименование «классических» и составившие золотой фонд китайской литературы; и, наконец, маньчжурская эпоха Цин, в которую

Китай фактически «законсервировался» с точки зрения культуры и идеологии, а завет Чжуанцзы о Поднебесной, которую надлежит спрятать в Поднебесной, превратился в основополагающий принцип государственной политики.

Века XIX и XX обернулись для Китая серьезными социально-экономическими потрясениями (колониальные войны, две революции, японская агрессия, режим Мао Цзэдуна), однако религиозно-мифологическая традиция продолжала существовать, вновь и вновь доказывая свою живучесть. Пожалуй, именно она является той «Поднебесной в Поднебесной», о которой говорил Чжуанцзы. Сегодня в мире применительно к экономике Китая популярна метафора «Спящий дракон пробуждается»; что касается идеологии (в широком смысле слова), этот дракон в Китае не засыпал никогда.

Китай — безусловный социально-политический и культурный феномен человеческой истории. Нет другой цивилизации, которая отличалась бы такой же устойчивостью ко всем потрясавшим ее кризисам и выходила бы из них, говоря словами современного китайского поэта, «обновленной, но прежней». Верность традиции — Традиции, как предпочитал писать Рене Генон

— проявляется в Китае во всем, в том числе и в идеологии, которая до сих пор определяет китайский взгляд на мир. Перефразируя отечественного синолога В. В. Малявина, который рассуждает о китайской цивилизации, можно сказать, что китайская идеология позволяет человеку вновь и вновь возвращаться к истокам человечности в себе, ибо ориентирована на «технику сердца». И в этом — секрет ее поразительного долголетия.

Кирилл Королев

ГЛАВА 1. От раннего палеолита до эпохи Шан (700 000-1750 гг. до н. э.)

По своим размерам Китай близок к целому континенту — он лишь немного меньше Европы и больше Соединенных Штатов. Северная часть страны, расположенная в полузасушливой климатической зоне, характеризуется жарким летом и холодными зимами, которые приносят с собою снег. На зеленом, дождливом юге, в зоне субтропиков, даже в самые холодные зимы снег выпадает крайне редко. Три основные речные системы, протянувшиеся с запада на восток, отмечают на карте эти зоны, добавляя к ним еще и центральную область: на севере — Хуанхэ (которая уже десятки раз меняла свой курс к морю); в центре — Янцзы и на юге — Сицзян. На этой территории расположены холмы и горные хребты, пустыни и плодородные равнины, леса, джунгли, ущелья, бесчисленные реки и озера. Предки больших человекообразных обезьян, предки людей и, как позволяют предположить многочисленные доказательства, их общие предки более двух мил-

лионов лет оставляли в этой земле свои кости. На самом деле, на основании находок, сделанных в южном Китае в 1983 году, некоторые ученые выдвинули предположение, что наши первые предки появились именно тут, а не в Африке около десяти миллионов лет назад.

Что касается истории Китая, то здесь существуют две противоречивые тенденции, которые привлекают к себе внимание. С одной стороны, ни один другой народ не проявлял большего усердия в регистрации исторических событий, чем китайцы, которые приступили к ведению своих летописей в начале первого тысячелетия до н. э. и впоследствии пунктуально обновляли их династия за династией. С другой стороны, попыткам восстановить события более отдаленного прошлого отнюдь не способствовала существовавшая среди местных крестьян многовековая традиция использовать ископаемые остатки — так называемые «кости дракона» — для лечения всех мыслимых заболеваний, поскольку считалось, что драконы приносят здоровье и удачу. Эта практика не сулила особого вреда, чего, как заметил один британский ученый, нельзя сказать о большинстве лекарств, используемых в современной британской фармакологии; однако

она привела к поглощению большого количества бесценной информации в желудках легковерных крестьян.

Современные теории говорят о том, что четыре с половиной миллиарда лет назад Земля появилась из хаоса, шестьдесят миллионов лет назад тщедушные, похожие на землероек создания охотились на насекомых среди крон деревьев, а около десяти миллионов лет назад произошло разделение эволюционных ветвей человека и высших человекообразных приматов. При таких масштабах современный человек, который, как принято считать, появился около ста тысяч лет назад, кажется абсолютно новым продуктом эволюции.

До находок 1983 года считалось, что антропоидные предки человека проникли из Африки на Яву, а оттуда в Китай. Они эволюционировали в древнейших истинных людей, Homo erectus *(лат.* «человек прямоходящий»), которые оставляли следы своего присутствия на юге и севере центрального Китая примерно с 700 000 года до н. э. За этим последовало равномерное эволюционное развитие, результатом которого стало появление представителя древнейших ископаемых людей, известного в современных научных кругах как

пекинский синантроп[2]. Это название он получил в честь одного из мест своего обитания, поскольку его скелетные останки были впервые обнаружены в пещере, неподалеку от того места, где ныне находится город Пекин, а точенее, в двадцати пяти милях к западу — в горах у железнодорожной станции Чжоукоудянь. К тому времени — примерно около 400 000 года до н. э. — уже началось разделение человечества на пять основных расовых групп, одна из которых, монголоидная, как принято считать, получила свои гены от пекинского синантропа.

Размер его мозга, составлявший чуть больше 1000 кубических сантиметров, приближался к 1350 $см^3$ современного человека, но внешний облик был не слишком привлекательным. Ростом около пяти футов, с низкими, нависшими бровями и скошенным подбородком, несомненно кровожадный и вонючий, он имел лишь три шанса из ста дожить до пятидесяти лет. Он охотился в основном на оленей, но также и на леопардов, медведей, саблезубых тигров, гиен, слонов, носорогов, верблюдов, буйволов, кабанов и лошадей;

[2] Примечания: 2

Наряду с пекинским синантропом некоторые ученые выделяют другой, чуть более древний вид синантропа — лантьянский. — Примеч. перев.

в его рацион входили орехи и дикие фрукты; и он поедал плоть, мозги и костный мозг и своих сородичей — людей, убитых ударами по черепу. Он готовил пищу, поскольку одним из первых в мире начал добывать и использовать огонь, и собирал ярко окрашенные камешки, возможно для того, чтобы, рассматривая их в свете костра, удовлетворять свое зарождающееся эстетическое чувство. Синантроп оставил после себя большое количество разнообразных каменных орудий.

На протяжении 200 000-летнего проживания в пещере — есть ли где-нибудь еще жилище, которое бы на протяжении столь длительного непрерывного периода времени служило бы домом для человека? — он и его сородичи-троглодиты во всем Китае добились существенных эволюционных достижений. Их итогом стало появление непосредственного наследника, Homo sapiens (это название — «человек разумный» — пишут на латыни, вероятно, потому, что иначе оно звучало бы как насмешка). Интересно, что неандерталец, предшественник Homo sapiens в Европе, по всей видимости, никогда не появлялся в Китае, и это подкрепляет позицию тех ученых, которые считают, что он был эволюционным тупиком, а не прямой дорогой, ведущей к совре-

менному человеку. Вызывает интерес также и тот факт, что синантроп и его потомки несли в себе гены не только представителей различных типов монголоидной расы, которых мы называем китайцами, но и большинства дальневосточных рас, а также эскимосов и американских индейцев.

Хотя предки современного человека в Китае впервые достигли стадии Homo sapiens в нескольких разрозненных местах, разбросанных по югу и северу страны, примерно за 50 000 лет до н. э. люди, представлявшие разнообразные культуры, уже расселились по всей территории Китая. Наиболее известные останки их сородичей, датируемые XVIII тысячелетием до н. э., были найдены в тех же самых горах у Чжоукоудянь, где когда-то жил пекинский синантроп, но в более высокой пещере, после этой находки получившей название Верхняя пещера.

Они принадлежали культуре позднего палеолита и мезолита, следы которой встречаются во всех частях земного шара. Эта культура проявляла завидную изобретательность, без устали отмечая триумф Homo sapiens все новыми эволюционными вехами. К окончанию последнего ледникового периода здешние люди стали «про-

фессиональными» охотниками и собирателями. Те из них, которые жили в Верхней пещере, охотились на тигров, леопардов, кабанов, волков, оленей и газелей в лесах и степях, а также ловили огромных рыб в близлежащих озерах. Они использовали не только камень, но также кости, раковины и дерево, чтобы изготовлять копья и гарпуны со съемными наконечниками, луки и стрелы и разнообразные специализированные инструменты с гладко отполированными лезвиями. Они строили временные летние жилища вдали от «зимней» пещеры. Они использовали иглы с ушком, чтобы шить из кожи одежду и различные емкости для хранения и переноски продуктов. Они усовершенствовали топор, изобрели кирку и тесло и, когда количество крупной дичи сократилось, начали изготавливать ловушки для мелких животных, а также крючки и сети для рыбной ловли. Новые инструменты привели к появлению выдолбленных из цельных стволов дерева каноэ, которые позволили людям добавить к освоенным территориям водные просторы.

По всей видимости, это было первобытное клановое общество с наследованием по материнской линии, поскольку статус отца просто не

мог возникнуть до тех пор, пока не была осознана неочевидная связь между совокуплением и беременностью. Путем логических построений ученые пришли к выводу, что древние люди имели тотемы, табу, обряд инициации и другие ритуалы, уважали мертвых, боялись духов, верили в женское начало или богиню-мать, а также обладали всеми прочими характерными особенностями, до сих пор сохранившимися среди примитивных племен. Очевидно, военные действия начались только в более поздний период: в конце концов, охотничьи угодья были большими, а население всего земного шара не хватило бы, чтобы заполнить современный мегаполис. Люди перемещались маленькими группами, как та, которая оставила свои реликты в горах к западу от Пекина.

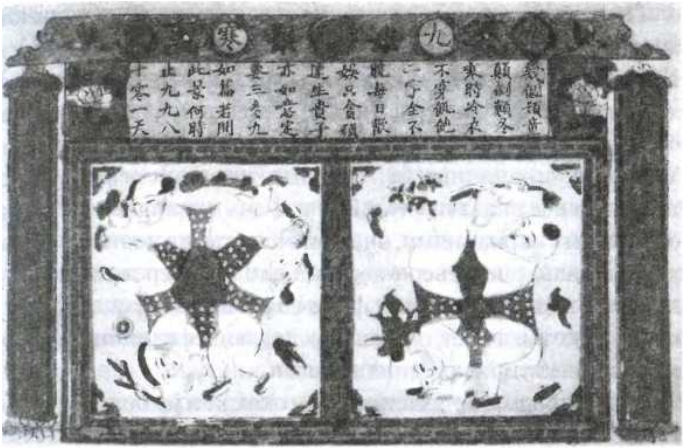
После завершения последнего ледникового периода, который закончился около X тысячелетия до н. э., установившийся на Земле климат и геофизические условия предоставили человеку возможность сделать первые шаги от выживания к цивилизации. Примерно к VIII тысячелетию до н. э. жители междуречья Тигра и Евфрата начали заниматься сельским хозяйством. Они засевали почву и одомашнивали животных. И

начали изготавливать глиняную посуду, в чем более поздние поколения добьются огромного технологического прогресса. Но самое главное то, что эти достижения, обеспечив излишки и досуг, приводили к строительству городов, из чего вытекало появление науки, торговли, искусства и политики.

В послеледниковом Китае, который был более теплым и влажным, чем сегодня, сельскохозяйственная революция произошла позднее. Если взять область, расположенную на севере, проведя ее границы приблизительно в ста пятидесяти милях к западу от того места, где река Вэй впадает в Хуанхэ, в нескольких сотнях миль вниз по течению последней, и в паре сотен миль с каждой из сторон, то перед нами предстанет колыбель китайской цивилизации. Здесь, в плодородных равнинах и долинах, к началу V тысячелетия до н. э. люди достигли финальной стадии усовершенствования инструментов каменного века и основали множество сельскохозяйственных общин.

В отличие от своих товарищей на юге, тоже научившихся делать глиняную посуду, но продолжавших жить в пещерах, они строили маленькие дома, как правило круглые, но иногда и прямо-

угольные, от шести до девяти футов в диаметре, с глинобитными полами, обычно ниже уровня земли, а также выкапывали ямы для хранения зерна, которое обрабатывали при помощи ступки и пестика. Они изготовляли копья, гарпуны, стрелы, мотыги, резцы и серпы; среди останков встречаются костяные вязальные спицы, заколки и бирюзовые украшения. В печах, нагревавшихся до девятисот градусов по Цельсию, они обжигали грубую глиняную посуду, обычно красного или коричневого цвета, кувшины и чаши без особых декоративных излишеств. Они одомашнили свиней и собак, а также экспериментировали с выращиванием различных видов местных растений, среди которых были два вида проса, артишоки, соя, чеснок, просвирник, лук и капуста, а еще — персики, сливы, абрикосы, хурма и шелковица, не говоря уже о конопле. (На юге почва рождала иной, не менее широкий диапазон растений, включавший рис, таро, ямс, красную фасоль и шпинат, а также апельсины, кумкваты, мушмулу, маслины — и чай.)



Девять девяток и конец зимним холодам. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

По преданию зимние холода в Китае длятся 81 день («девять девяток»). По таким календарям отмечали погоду каждого дня (кружки на поясах борющихся мальчиков — именно для пометок), чтобы знать, к чему готовиться, — к богатому урожаю или к засухе и т. д.

Первые ясные представления о жизни древних сельскохозяйственных общин, существовавших на протяжении V–IV тысячелетий до н. э., появи-

лись в результате открытия археологической культуры Яншао, получившей свое название от деревни на берегу Хуанхэ. Распространение культуры Яншао не ограничивалось средним течением реки Хуанхэ, там, где в нее впадают реки Вэй и Фэнь — например, с региональными вариациями, она отмечена также достаточно далеко на западе, на северо-востоке, вдоль побережья, и в верховьях Янцзы. Различные фазы ее развития продолжались около двух тысяч лет, оказав определяющее влияние на формирование китайской цивилизации.

Люди продолжали заниматься охотой и рыболовством, а также собирать каштаны и лесные орехи в тогдашних изобиловавших природными богатствами лесах. Но, по сути, это были сельскохозяйственные общины, как и их предшественники, выращивавшие просо (часть перерабатывалась в муку) на севере, рис на юге и разнообразные овощи; содержавшие не только одомашненных собак и свиней, но также крупный рогатый скот, овец и коз. И они стали разводить шелковичных червей, положив начало производству продукта, который, как ни один другой, отличает китайцев. Их техника сельскохозяйственного производства основалась на

подсечно-огневом земледелии, и поэтому время от времени они переносили свои поселения, чтобы оставить обрабатываемые земли под паром.

Эти поселения были большими, до шестнадцати миль в поперечнике. В них могло насчитываться до сотни домов, сгруппированных у центра, окруженного рвом, за которым с одной стороны находилось кладбище (для взрослых; детей хоронили в канавах между домами), а с другой — печи для обжига керамических изделий. Загоны для животных и кладовые были сосредоточены в середине. Дома имели укрепленные огнем полы, расположенные ниже уровня земли, обмазанные глиной плетеные стены и соломенные крыши на деревянных столбах; в каждом доме был свой очаг. Дома были организованы группами, перед каждой обычно размещался более крупный по размеру дом с внутренними отгороженными друг от друга помещениями, а иногда вытянутый по форме, более шестидесяти пяти футов в длину и двадцати пяти в ширину. Организация этих поселений навела ученых на мысль о существовании клановой системы, которая была вплетена в ткань будущего государства. Другим предвестником цивилизации стала керамика: изготовленная на гончарном круге,

порой достаточно красивая, с тисненым орнаментом в виде циновки или прутьев корзины, либо глазурованная, с красными или черными узорами. Огромное значение имеют украшающие ее символы, в которых некоторые ученые видят источник китайской письменности.

В течение III тысячелетия до н. э. представители культуры Яншао из различных регионов общались друг с другом — начался процесс построения нации, — и к концу тысячелетия эту культуру сменила более развитая культура Луншань. Наиболее примечательные археологические находки, относящиеся к этой культуре, были обнаружены на всей обширной территории средней части бассейна Хуанхэ, а также вдоль течения Янцзы и далее на восток до самого побережья. Дома теперь чаще имели прямоугольную форму и иногда сооружались на приподнятой над землей платформе, а самой примечательной чертой поселений нового типа стала окружающая их стена. Китайцы начали формировать свою репутацию величайших строителей стен на земле. Например, в одном месте стена высотою двадцать футов и шириною тридцать тянулась вдоль периметра длиною около четырехсот ярдов: начав свою работу с выкапывания рва шириною более

сорока и глубиною пять-шесть футов, строители выложили вдоль одной из его сторон слой лесса — местной осадочной горной породы желтого цвета, рожденной сухими северными ветрами, дующими со стороны пустынь, — и утрамбовали; затем добавили еще один слой лесса, чуть уже предыдущего, тоже утрамбовали и так далее, слой за слоем. В результате получилась стена, от края рва постепенно сужающаяся кверху.

Эти стены свидетельствуют о потребности в обороне, а большое количество наконечников стрел и копий среди археологических находок — о периодически вспыхивавших боевых действиях: на самом деле, на одном из участков раскопок были обнаружены останки скальпированных или обезглавленных людей. Более богатые захоронения, часто с украшениями или предметами личного потребления, говорят о возросшей религиозности, как и появление ритуальных сосудов среди самой высококачественной керамики, изготовленной на гончарном круге и обожженной при высокой температуре. (Высокотемпературный обжиг «ответственен» и за появление первых изделий из металла — медных сплавов и даже бронзы.) Интересным аспектом культуры Луншань является появление практики гадания

по костям, в ходе которой лопаточные кости животных обжигались до появления на них трещин, затем истолковывавшихся как послания богов — добрых и злых, которые, где бы они ни существовали, живут в умах китайцев, по крайней мере умах простых и неискушенных, и по сей день: это не группы богов, как в античном греко-римском пантеоне, и не единственный бог, как в христианстве или исламе, а целые полчища.

Таким образом, в этот период китайской истории, известный как период культур Яншао и Луншань, длившийся с V по II тысячелетие до н. э., произошли важные изменения: усиление дифференциации населения по богатству и политическому могуществу, увеличение роли ритуалов (следует помнить о том, что ритуализованное поведение является одной из самых стойких характерных особенностей китайского общества), усиление насилия как во внутренних, так и во внешних взаимоотношениях, увеличение обмена товарами и идеями между различными центрами, зачатки металлургии и, в конце периода, появление искусства и знаменитой письменности. Мы добрались до зарождения китайской цивилизации.

Письменность развивалась на протяжении

нескольких тысячелетий, от первых символов на керамических изделиях V тысячелетия до н. э. до настоящих надписей на бамбуковых и деревянных дощечках, относящихся к XXII веку до н. э. Это был век, когда, согласно традиции, появилась первая китайская династия — династия Ся. Сегодня ученые в целом согласны с тем, что династия Ся представляет собою исторический факт. В то время существовало несколько десятков маленьких «государств», и, возможно, Ся было среди них самым сильным и развитым. По всей видимости, одна из столиц Ся находилась на берегу реки Ло, неподалеку от места ее слияния с Хуанхэ, в пределах той же самой обширной территории распространения культур Яншао и Луншань. Здесь обнаружены остатки двух больших дворцов, один из них представляет собою в плане почти правильный квадрат со стороною триста пятьдесят футов. Камень, раковины и кости по-прежнему обеспечивали жителей Ся сельскохозяйственными орудиями, но в их обиходе присутствовали также сосуды и оружие из бронзы, не говоря уже о широком диапазоне гончарных и кожаных изделий.

Разумеется, ускорение прогресса на рубеже III и II тысячелетий до н. э. происходило не только

в Китае. Этот период также отмечен развитием устойчивых городских сообществ на территории Месопотамии, Ливана, Анатолии, Ирана и Центральной Азии, расцветом долины Инда, строительством пирамид, начавшимся с появлением первых египетских династий, и прибытием древних греков (ахейцев) в Пелопоннес. И здесь мы можем сделать паузу, чтобы подытожить содержание предыдущих страниц: за бессчетные миллионы лет в Китае человекообразная обезьяна эволюционировала в древнего человека, а затем в человека современного, который от обитавшего в пещерах охотника дошел до сопричастности трем величайшим достижениям, сформировавшим наш мир, — практике земледелия, начавшейся на Среднем Востоке около VIII тысячелетия до н. э. и повлекшей за собой основание деревень и городов; развитию металлургии, также открытой на Среднем Востоке, после того как какой-то гончар, возможно, еще до начала III тысячелетия до н. э., впервые заметил, какое воздействие оказывает жар его печи на медь и другие минералы; и, наконец, регистрации событий и общению при помощи письменности, по всей видимости зародившейся в III тысячелетии до н. э. в храмах Шумера, где местные жрецы

вели с ее помощью учет подношений. Китайцы, особенно в центральной области, вокруг которой Хуанхэ по пути к морю описывает восточную часть своей гигантской, вытянутой на юг петли, откликнулись эхом на эти достижения, добавив к ним некоторые собственные отличительные черты, такие как производство шелка. Но были ли эти достижения на самом деле всего лишь эхом того, что происходило на Западе, или же они явились спонтанными? Поиск ответа на этот вопрос, который давно является предметом ожесточенных споров, ставит перед нами новый вопрос: как в те далекие времена культурные связи могли распространяться на столь обширные и труднопреодолимые территории — преодолевать тысячи миль высочайших горных хребтов и бескрайних пустынь?

Что касается земледелия, то возделыванию злаков на плодородных лессовых террасах, вытянувшихся вдоль реки Хуанхэ, можно было научиться у самой природы, которая распространяла и выращивала семена, в то время как содержание в загонах послушных животных могло показаться более надежным способом обеспечения едой, чем охота. Китайская письменность имела длительный период местного созревания, и она не

содержит никаких признаков внешнего влияния. Таким образом, остается только металлургия. Китайцы начали выплавлять медную руду к III тысячелетию до н. э. Области, где это впервые произошло, имели собственные богатые запасы руды, и в то время как египтянам пришлось потратить целое тысячелетие на то, чтобы научиться получать бронзу из собственной меди, китайцы открыли для себя бронзу очень рано (около 2200 г. до н. э.). Из-за того, что их медная руда обычно содержала примеси, в том числе и олова, они могли наткнуться на процесс смешения меди и олова для получения бронзы по счастливому стечению обстоятельств.

Как бы то ни было, к 2200 году до н. э. из тумана истории проявилась первая китайская династия верховных правителей, династия Ся, смутное представление о которой долгое время позволяли составить только мифы и легенды, прежде чем археология сумела неуверенно подтвердить факт ее существования.

Эти мифы и легенды описывают версии космического генезиса, достаточно сильно отличающегося от того, который описан в Библии, и даже от тех, которые представлены на этих страницах. Некоторые из них удивительным

образом предвосхищают современную теорию: из Великого Начала, полной пустоты, появились первичная материя и жизненные силы. Все, что было «легким и чистым», поднялось вверх и образовало небо, а «тяжелое и грязное» опустилось вниз и образовало землю. Затем, без чьей-либо помощи, начали возникать существа, которые, будучи непохожими друг на друга, разделились на различные виды рыб, птиц и зверей. И наконец, человек родился из небытия, чтобы обрести форму в бытии. Другой миф о творении, также предвосхищающий западную концепцию Создателя, является более красочным. Вначале, гласит он, вселенная была яйцом. Яйцо раскололось, верхняя его часть стала небом, нижняя — землей, а из самого яйца появился прародитель всех людей Пань-гу. На протяжении восемнадцати тысяч лет он рос и достиг гигантских размеров. После смерти он распался на части: его глаза стали солнцем и луной, кровь — реками и морями, жилы — дорогами, плоть — землей, волосы — лесами, капли пота — дождем, дыхание — ветром, а блохи, жившие на его теле, — прародителями людей. На протяжении 216 000 лет двенадцать Небесных Императоров управляли вселенной. За ними последовали три правителя с человече-

скими головами и змеиными телами. Они дали рождение династии земных императоров, из которых пятеро последних признаны первыми китайскими историческими записками, появившимися за век до рождения Христа. Самый знаменитый из них, Хуан-ди, или «Желтый император», считающийся героем-основателем Китая, взошел на трон в 2698 году до н. э. Кроме того, что ему удалось победить воинственных варваров и утвердить превосходство «земли за перевалами» — территории в среднем течении Хуанхэ за окружающими горными цепями, — он ввел институт правления, в то время как его первый министр придумал письменные символы.

Мудрое правление Желтого императора стало золотым веком, на протяжении которого все люди были чисты сердцем и жили в процветании, внося свой вклад в развитие цивилизации. Его последователи, чье правление также проходило в гармонии с окружающим миром, ввели астрономические наблюдения, календарь и контроль над наводнениями. Каждый из этих правителей занимал престол не по праву рождения, а благодаря своим личным достоинствам. Так, например, рассказывают, что, когда один из них, которого звали Яо, состарился и решил найти се-

бе достойного преемника, мудрецы посоветовали ему обратить внимание на скромного крестьянина по имени Шунь: «Он сын слепого человека. Его отец глуп, его мачеха сварлива, а сводный брат высокомерен. И все же он живет в гармонии с ними, проявляя исключительную почтительность. Он умеет справляться с собою, и его сердце не ожесточилось». Услышав этот хвалебный отзыв, правитель решил отдать Шуню в жены двух своих дочерей и понаблюдать за его поведением. Испытание прошло успешно. «Послушай, Шунь, — сказал Яо, — я проверил твои советы относительно тех дел, о которых мы говорили. На протяжении трех лет они приносили хорошие результаты. Я хочу, чтобы ты занял мой престол и стал государем». Шунь поначалу возражал, говоря, что он недостаточно добродетелен для того, чтобы справиться со столь ответственной задачей, но в конце концов все-таки согласился с предложением Яо.

Впоследствии Шунь уступил престол Юю, усмирившему потоп, а Юй положил начало династии Ся, в которой насчитывалось семнадцать правителей, благодаря чему потомки присвоили ему царственный титул Добродетельный Основатель Династии. Последний представитель его дина-

стической линии, правивший спустя пятьсот лет, оказался совсем другим человеком. Это был жестокий и порочный тиран, и его совершенно заслуженно свергли с престола, который заняла первая династия, ясно и определенно предстающая перед нами в свете истории, — династия Шан, согласно традиции, начавшая свое правление около 1750 года до н. э.

Глава 2. Династия Шан (1523(?)-1027(?) гг. до н. э.)

Прежде чем мы начнем прослеживать судьбу Шан, следует отметить, что в то время в различных частях Китая появлялись другие, возможно, сравнимые по уровню, быстро развивавшиеся общества, и, несомненно, многие другие еще будут открыты в ходе дальнейших археологических раскопок. Хотя между всеми ними существовали сильные различия, в то же время у них было много общего. Однако мы сосредоточим свое внимание на хорошо задокументированной истории Шан, поскольку она представляет собой ту золотую нить, по которой ученые прослеживают ход развития китайской цивилизации.

Будучи оторванными от своих племенных земель на окраинах Ся, шанцы столетие или более переносили столицу с места на место, пока незадолго до 1400 года до н. э. их правитель Паньгэн не выбрал место для основания Великого города Шан. Этот город находился неподалеку от современного Аньяна, немного к северу от реки Хуанхэ, на полпути между ее восточным изгибом и мо-

рем, примерно в четырехстах милях к юго-западу от современного Пекина. Место, которое выбрал Паньгэн, с трех сторон было защищено рекой, а с четвертой стороны построили массивную стену с двойными воротами, увенчанными башней.

Акры плодородной лессовой почвы за пределами города орошались и интенсивно обрабатывались для получения урожая зерновых культур. Местные крестьяне вспахивали землю вручную, используя раздвоенные лопаты. Коровы, овцы и козы паслись на пастбищах; откармливаемые зерном собаки дополняли рацион шанцев, а волов и буйволов они содержали в качестве вьючных и упряжных животных.

Внутри городских стен росли дома для быстро увеличивающегося населения. Эти прямоугольные жилища сооружались на приподнятых платформах из утрамбованной земли, настолько твердых, что их не смогли размыть дожди трех тысячелетий; по краям платформ располагались парные столбы, на которые опирались легкие стропила, поддерживающие остроконечные крыши из обмазанных глиной циновок. Столбы были украшены резьбой, а комнаты разделяли ширмы. (Принцип остроконечной двускатной крыши на столбах и приподнятой над землей прямоуголь-

ной террасы многие века позднее используют и греки.) Для менее привилегированных горожан, а также для хранения продовольственных запасов сооружались похожие на улья строения из предыдущих эпох, погруженные в землю на глубину до семи футов. Самые крупные строения окружались стенами, которые образовывали внутренние дворики, как, например, стена вокруг комплекса зданий царского дворца, раскинувшихся на площади более шестнадцати акров: внутри богатые интерьеры, украшенные настенными росписями из красных, белых и черных узоров, тонкой резьбой, а также инкрустациями из перламутра и кабаньих клыков.

Возле дворца располагался квартал ремесленников, где местные мастера вылепляли, вырезали, выковывали, вытачивали и ткали бесчисленные артефакты. В многолюдных аллеях резчики по камню изготавливали мраморные браслеты, нефритовые кольца, статуэтки людей и животных, а также предметы повседневного обихода, такие как ножи и блюда, сохранявшие в себе отголоски каменного века. Резчики по кости, в том числе и черепашьему панцирю, выделывали самые разные предметы, от искусно вырезанных черпаков до булавок со скульптурными голов-

ками, часто отполированных до зеркального блеска. Среди кузнецов были мастера, изготавливавшие тонкие ювелирные изделия; резчики по раковинам выделывали украшения из перламутра, гребешки и заколки; были также мастера по нефриту и коже. Текстильщики и меховщики выкраивали и шили одежду с рукавами и пуговицами. Они стали родоначальниками шелковой индустрии, так описанной древним поэтом:

Тепло с собою несет весна,
Уж песня иволги вдали слышна.
Вот девушка вышла с корзинкой в руках,
По узкой тропинке идет она.
И все она ищет, где листья нежней;
Тутовника ветки пригрела теплынь…
В восьмую луну крепки тростники —
Мы режем тростник и камыш у реки.
Луна шелкопрядов — зеленый тут,
Мужчины тогда топоры берут —
Верхушки со старых срежет топор,
А с юных — зеленый убор сорвут!
Кричит балабан о седьмой луне.

В восьмую — за пряжу садиться жене.
Мы черные ткани и желтые ткем...[3]

Хотя в квартале ремесленников изготавливались по большей части предметы повседневного обихода, такие как рукоятки для оружия и инструментов, лодки и колесницы, многие из них были настоящими произведениями искусства. Например, гончары, выделывавшие серую или красновато-коричневую посуду для бытовых нужд, также лепили тонкие, похожие на белый неглазурованный фарфор изделия для торжественных ритуалов и церемоний, а еще различные статуэтки и модели, варьирующиеся от гротескных до изящных. На самом деле, некоторые работы шанских мастеров стоят в одном ряду с лучшими произведениями искусства их современников, представляющих критскую, египетскую и вавилонскую цивилизации. Это справедливо, например, в отношении превосходных мраморных скульптур, которые были преимущественно черными, а также более массивными, чем все достижения их последователей — целые быки, превосходящие размером натуральную величину, и драконы с рогами более чем

[3] Примечания: 3
Здесь и далее стихи из «Шицзин» в переводе А. Штукина.

в один фут, кажущиеся неестественными и поэтому несколько чуждыми для западных глаз. Но величайшим достижением шанцев была бронза.

Хотя из бронзы отливались оружие, инструменты и украшения, ввиду недостатка металла большая его часть шла на изготовление ритуальных сосудов для религиозных церемоний. О самых лучших из них выдающийся китаист Х. Крил написал, что это почти несомненно самые прекрасные вещи подобного рода в мире; вероятно, это даже самые изысканные предметы, которые человек когда-либо создавал из металла, независимо от времени или места.

Их отличительной чертой является сложное переплетение рельефных линий, некоторые выступают над поверхностью более чем на четверть дюйма, образуя регулярные узоры, а также изображения реальных и вымышленных существ, из которых наиболее характерным является то, что принято называть головой чудовища Таоте — геометрически представленная маска животного, разделенная на две части, каждая из которых формирует очертания других животных, так что, например, ухо может быть телом дракона, которое, в свою очередь, образует часть птицы. Среди сосудов были и чаши для жертвенного

вина высотою один фут, и контейнеры на трех ногах, один из которых, предназначавшийся для церемониальных возлияний, назывался *чжуи,* возможно, в честь птицы, чьи крики, как считалось, означают «Умеренность! Умеренность! Достаточно! Достаточно!»

Шанские мастера, изготавливавшие предметы из бронзы, придумали мехи, чтобы с их помощью поддерживать жар в печах на нужном уровне, когда плавили медь (восемьдесят три процента) и олово (семнадцать процентов). Будущие изделия сначала лепили из воска, который затем покрывали тонкими слоями жидкой глины, точно повторявшей самые тонкие фрагменты узора. Когда слой глины становился достаточно толстым для того, чтобы выдержать обжиг, воск растапливали и выливали наружу, после чего в получившуюся форму заливали расплавленную бронзу. Когда металл остывал, глиняную форму раскалывали и извлекали из нее бронзовое изделие, готовое к полировке и иногда раскрашиванию узора. Как ни просто звучит, технически этот метод до сих пор не превзойден, даже со всеми достижениями XXI века.

Один специалист по древнему искусству столь невысокого мнения о китайской бронзе, что, по

его собственным словам, скорее украсил бы свой дом старой кухонной плитой. На самом деле, чтобы оценить эти произведения искусства по достоинству, жителям Запада требуется выработать в себе особый вкус. Как писал Крил: «Только постепенно приходишь к пониманию, что эти животные и узоры, которые кажутся нам гротескными, имеют вполне определенное значение… По мере того как человек видит больше и узоры становятся ему знакомыми, он начинает ценить непревзойденное мастерство создателей этих шедевров».

Маска Таоте. Узор эпохи Шан-Инь

Высокая стоимость бронзовых сосудов делала их надежным капиталовложением в условиях, когда основной формой товарообмена являлся бартер. Раковины каури, в связках по десять штук, служили в качестве примитивной валюты, но их единственным источником было устье Хуанхэ, расположенное в пятистах милях к востоку. В результате при обмене чаще использовались такие товары, как зерно и шелк, но поскольку общины по большей части все еще были самодостаточными, торговля между ними едва началась.

Лучшие бронзовые изделия в Великом городе Шан хоронили вместе с мертвыми, особенно теми из них, кто принадлежал к царской семье. Огромное кладбище расположено в одной миле к северу от города. Тела заворачивались в циновки, и то, что человек брал с собою в загробную жизнь, зависело от его социального статуса: если простолюдина мог сопровождать простой топор или несколько гончарных изделий, то захоронение правителя часто представляло собой настоящую сокровищницу, наполненную прекрасной белой керамикой, огромными мраморными скульптурами, бронзовыми сосудами высотою в два фута и сотнями шлемов.

Чтобы вместить все предметы, предназначав-

шиеся для царских похорон, шанцы выкапывали огромную яму, способную полностью поглотить современный пятиэтажный дом на тридцать квартир. На дне ямы, к которому вела лестница по периметру, они строили павильон высотою десять футов со стенами, украшенными прекрасными росписями и резьбой. В эту гробницу помещалось тело усопшего вместе со всеми его богатствами — а также сотнями тел принесенных в жертву царских жен и домочадцев. Затем всю яму заполняли слоями плотно утрамбованной земли.

Людей также приносили в жертву и на многих других религиозных церемониях, поскольку большая часть мира тогда, как и позднее (например, греки и римляне), верила в то, что жертва умиротворяет богов. Шанцы обезглавливали своих жертв и обычно хоронили их группами по десять или в количестве, кратном десяти, — в одном месте найдено три сотни убитых; следовательно, они уже имели некоторые представления о десятичной системе. В жертву приносились рабы или военнопленные, часто захваченные экспедициями, отправленными именно с этой конкретной целью.

Умиротворяемые боги по своей сути были ду-

хами гор, рек, ветров, облаков, молний, небесных тел, а самые важные из них — духами земли, дающей урожай. Они не имели никакого отношения к морали, будучи ни плохими ни хорошими; для их умиротворения не требовалось ничего, кроме жертвоприношений. Некоторые люди верили в верховного бога, который через женского духа земли дал рождение всем животным и растениям; другие ставили его в один ряд с другими богами. Звавшийся Шан-ди, или Верховный владыка, он сохранился в истории и был ошибочно принят жителями Запада за восточную версию их собственного Бога. Если он «родился» как обожествленная версия древнего правителя племени шан, то своим появлением он перебросил мост между богами природы и равными им по положению душами мертвых. В то время как китайские философы и художники, впрочем, как и простые крестьяне, никогда не прекращали диалога с природой, веря в то, что гармония между человеком и природой является ключом к всеобщему благосостоянию, практика поклонения предкам продержалась до прошлого века. Об этом сэр Леонард Вулли писал: «Простая вера шанцев в то, что человек живет после смерти, становясь источником руководства и защиты

для своих потомков, а также достойным объектом поклонения, удовлетворяла их естественную потребность и оказала самое большое влияние на формирование идеала китайской цивилизации».

Появление Шан-ди и Иеговы на противоположных концах Азии было совпадением. Во времена первых шанских правителей Авраам скитался со своей семьей по безлюдным местам, куда не распространялась власть Лунного бога и других божеств их родной шумерской религии, поскольку там не было храмов, где божествам можно было бы поклоняться. Поэтому Авраам был вынужден поклоняться единственному богу, который всюду их сопровождал, а именно, своему семейному богу. Впоследствии семейный бог Авраама, Исаака и Иакова вырос в значимости до всемогущего Иеговы. Хотя он не был обожествленным предком, каковым, вероятно, являлся Шан-ди, и приобрел внушающий трепет статус, отсутствующий у последнего, связь между семьей и божеством позволяет также подметить любопытную связь между Востоком и Западом.

Шанцы верили в то, что дыхание человека является его духом (на латыни *spiritus* = дыхание), который поднимается к небу, когда человек умирает, а затем овладевает неведомыми си-

лами, способными укреплять или разрушать семейное благополучие. В случае с духом царя от него зависело благосостояние всей нации. Если дух не умиротворять жертвоприношениями, он будет вечно блуждать голодным в мрачном чистилище: чтобы избавить его от такой ужасной судьбы и позаботиться о собственном семейном благополучии, потомки должны приносить ему жертвы и в то же время постараться самим родить детей, которые будут делать то же самое для них. Преданность семейным ценностям и почитание старших, сопутствовавшие поклонению предкам, издревле были основными факторами социальной жизни китайцев.

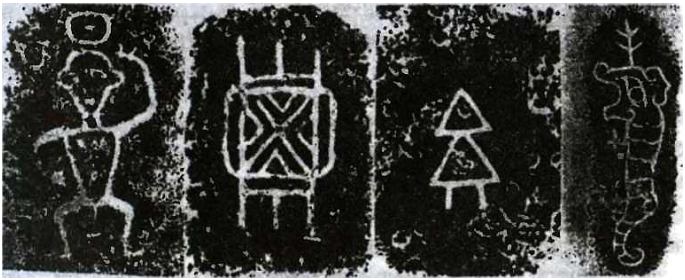
Потребность приносить пищу в жертву духам была логичной, поскольку, хотя дух человека отделялся от тела в момент смерти, тем не менее он по сути оставался в мире, о чем живущие узнавали, видя его в своих снах. Дух забирал только сущность еды, которая, таким образом, оставалась пригодной для употребления теми, кто совершал жертвоприношение: практическое соглашение, не слишком далекое от христианского вероисповедания. Духам царей требовались более существенные подношения — например, триста коров и сотня овец; кроме пищи,

жертвоприношения могли включать ценные предметы, такие как яшма, колесницы и даже табуны лошадей вместе с искусной упряжью. Жертвоприношения часто сопровождались возлияниями, которые в значительной мере повышали важность зерновых культур, использовавшихся при производстве пива.

Верования шанцев и практика жертвоприношений широко варьировались. Службу могли отправлять как жрецы или шаманы, так и глава семьи, в то время как сам правитель Великого города Шан мог обращаться к богам в храме предков, который представлял собой высокое здание длиною около девяноста футов, построенное при помощи рабочих слонов. Общение с богами было не для невежд. Прежде всего требовалась грамотность: человек писал свое послание, а затем сжигал его, чтобы сожженные слова могли подняться к небу. Обращаясь к духу предка, его уважительно избегали называть по имени, вместо этого упоминая свою степень родства с ним и день недели, в который он умер: Дедушка Вторник, Тетушка Пятница. У духа можно было спросить совета о жертвоприношении, выразить свою благодарность или обратиться к нему с вопросами, от самых тривиальных («Будет ли

следующая неделя для меня счастливой?» — ответ определял дальнейшую деятельность) до тех, которые связаны с серьезными проблемами военной стратегии.

Для получения ответа применялся метод гадания на костях, практиковавшийся с древних времен. Фрагмент кости — чаще всего шанцы использовали панцирь черепахи около фута в поперечнике — полировался до зеркального блеска после того, как животное торжественно смазывали кровью вола и приносили в жертву. Затем в кости выдалбливалось небольшое овальное углубление, к внутренней стороне которого прижималось раскаленное металлическое острие: это приводило к появлению узора из трещин, интерпретировавшихся предсказателем. Часто на кости, для регистрации события, выцарапывался поставленный вопрос, после чего кость сдавалась в архив, где она могла храниться поразительно долгое время: западные ученые сомневались в том, что шанская цивилизация когда-либо существовала за пределами легенды, пока в XIX веке крестьяне не начали выкапывать из земли эти гадательные кости.



Пиктографические знаки на гадательных костях эпохи Шан-Инь

Тот факт, что точная дата могла иметь важнейшее значение для предсказаний оракулов, стал одной из причин появления календаря. Возможно, он возник еще при династии Ся; как бы то ни было, шанцы совершенно определенно имели свой календарь, причем очень точный. На основании астрономических наблюдений они подсчитали, что продолжительность лунного месяца составляет 29,5305106 суток (современные астрономы называют цифру 29,530585), лунного года — 354 суток, а в солнечном году насчитывается 365,25 дней. Год у них начинался весной (но первый месяц перемещался, чтобы отметить начало нового правления) и состоял из двенадцати месяцев по двадцать девять или тридцать

дней. На протяжении цикла из девятнадцати солнечных лет для согласования движения солнца со сменой лунных фаз шанцы добавляли семь дополнительных месяцев, которые беспокоили их не больше, чем нас — високосные годы. Приведение в соответствие лунных и солнечных лет всегда представляло собой сложную проблему, и шанцам удалось ее решить на тысячу лет раньше греков. Короче говоря, шанский календарь был составлен с научной точностью, с которой, по словам Вулли, «не могли соперничать ни Вавилон, ни Египет».

Их письменность требует краткого пояснения. В Месопотамии, где впервые появилась письменность, шумерский язык состоял преимущественно из односложных слов. Пиктограммы для двух или более слогов можно было соединять, образуя другое, при необходимости абстрактное слово. Для обозначения слов, которые нельзя изобразить при помощи символов, использовались ребусы, составленные из омонимов. Вводя новые, все более тонкие значения, шумеры постепенно стилизовали свои пиктограммы в клинописный алфавит и получили завершенную систему. В I тысячелетии до н. э., путем постоянного сокращения знаков, финикийцы превратили клинопись

в алфавитную систему, благодаря которой сегодня те, кто пишет по-английски, обладают почти безграничными возможностями для выражения собственных мыслей при помощи всего двадцати шести букв.

Китайцы, также говорящие на односложном языке и начавшие с пиктограмм, следовали примерно тому же самому пути, но в итоге так и не пришли к алфавиту. Вместо того чтобы составлять свои слова из двадцати шести букв, они записывают каждое слово при помощи отдельного иероглифа. Таким образом, в современном китайском языке насчитывается более 70 000 иероглифов, из которых около 7500 находятся в повседневном использовании, — все они эволюционировали из 2500 иероглифов, бывших в употреблении у шанцев.

То, как последние их использовали, может быть проиллюстрировано на примере предложения, процитированного Крилом: «Слуга видит, как птицы приближаются со стороны восточного леса и собираются над домом». «Слуга» изображался символом восточного глаза, что являлось сокращением для «головы», поскольку пленных определяли как «такое-то количество голов», а пленные часто становились рабами и затем слу-

гами; глагол «видеть» записывался при помощи изображения человека, над которым доминирует глаз, смотрящий налево; далее следовало изображение различных злаков, чье название звучало как слово «приближаются»; рисунок птицы (множественное число подразумевал общий смысл предложения) был достаточно понятным; «со стороны» соответствовало изображение носа, что, по всей видимости, объясняется привычкой китайцев показывать на свой нос, когда они имеют в виду себя; круг, символизирующий солнце, над линией, соответствующей горизонту, и на фоне дерева означал «восток»; два дерева с корнями соответствовали слову «лес»; для слова «собираются» использовалось изображение птицы на дереве, что являлось упрощением для большого количества птиц, собравшихся вместе; местоимение «над» изображалось при помощи короткой линии над длинной, а та же самая короткая линия, расположенная ниже длинной, означала «под»; наконец, завершал предложение силуэт дома. Возможно, самой некорректной из всех пиктограмм было изображение двух женщин, означающее «ссора».

С течением времени простые пиктограммы наподобие описанных выше становились все

более стилизованными, так что красивый беглый китайский почерк содержит в себе лишь дальние отголоски своего происхождения; хотя каллиграфия напрямую связана с письмом, она всегда считалась искусством, родственным живописи. Кисть постепенно стала использоваться в качестве основного инструмента для письма, возможно на шелке и совершенно точно — на деревянных или бамбуковых дощечках, которые для получения книги сшивались вместе, образуя некое подобие миниатюрного штакетника. Кроме надписей на гадательных костях, из шанской литературы ничего не сохранилось, и мы можем судить о ней лишь по отголоскам, звучащим в поэтических произведениях следующей династии. Что касается писцов, то здесь единственную подсказку нам могут предложить только соревнования лучников-аристократов, при проведении которых самым смышленым слугам поручали вести счет, бросая в чашу бамбуковые бирки. Возможно, именно они стали первыми гадателями на костях, а затем писцами — основателями уникального класса китайских ученых, о котором мы поговорим позднее.

Эти соревнования лучников являлись как разновидностью активного отдыха, сопровож-

давшегося обильными возлияниями, так и военной тренировкой, крайне важной для выживания царства. Лук был самым мощным оружием в китайском арсенале и оставался таковым на протяжении многих веков, вплоть до появления пушек. Грациозно изогнутый, как лук Купидона, и известный нам как изогнутый татарский лук, он имел силу натяжения тетивы сто шестьдесят футов, стрелял оперенными стрелами из бамбука и по своей поражающей способности превосходил английский длинный лук, появившийся тремя тысячелетиями позднее.

Точно так же охота, которая по-прежнему обеспечивала шанцев значительной частью потребляемой ими пищи, предоставляла хорошую возможность для отработки военных маневров. Самыми примечательными участниками таких маневров были боевые колесницы (как и на Среднем Востоке, начиная примерно с 1600 г. до н. э.). Колесницы имели два колеса со спицами и запрягались парой, а позднее четверкой лошадей. Повозка и упряжь были покрыты превосходными бронзовыми украшениями. Экипаж колесницы состоял из возничего, лучника и копьеносца, вооруженного восьмифутовым копьем, так что, когда колесницы выстраивались в

ряд, враг видел перед собой лес копий. Их можно представить себе в действии под яркими лучами солнца: блестящий металл, красные наколенники и золотистые туфли колесничих, лучники с наперстками и наручниками, стреляющие в унисон под звук барабанов, передающих команды аристократов в бронзовых шлемах с плюмажами, свешивающимися ниже шеи.

Кроме луков и копий, в армии использовалась праща, а в рукопашном бою — боевой топор и кинжал с клинком, развернутым под прямым углом к рукоятке. В среднем экспедиционном отряде численностью около пяти тысяч человек большую часть войска составляли пехотинцы, набранные из крестьян, которые на время военных действий прекращали работу. Также присутствовал и некоторый процент рабов, но шанцы выделялись в древнем мире тем, что их общество не было полностью рабовладельческим.

На самом деле их общий жизненный уклад свидетельствовал о строгом моральном кодексе и социальной просвещенности. Например, женщины пользовались уважением: они не работали в поле, а приносили туда еду своим мужчинам; умершим царицам, как и царям, совершались жертвоприношения; цари редко имели больше

одной или двух жен; и слуги жили вполне сносно — они часто занимали ответственные посты и направлялись посланниками в другие племена, поскольку царь не всегда мог полагаться на своих родственников, которых ему не позволяло наказывать семейное табу.

Эти пользовавшиеся доверием слуги постепенно эволюционировали в министров; но управление по-прежнему было достаточно простым делом, и его главная цель состояла в сохранении целостности царства. Царь осуществлял управление при помощи системы феодальных уделов. Всего при династии Шан существовало четыре ранга знати — *бо, цзы, хоу* и *нань*, — которые в привычных для нас понятиях имели следующую иерархию. В столице государь жаловал поместья рыцарям (нань), за ее пределами баронам (цзы); еще дальше графам (бо), а на границах — маркизам (хоу), и каждый из вассалов получал право управлять своим уделом, неся службу сюзерену. Пока тюрко-монгольские кочевники из далеких северных степей не начали свои набеги, которые будут потрясать Китай в последующие эпохи, они представляли собою отдаленную угрозу и даже служили источником новых идей — они могли познакомить шанцев с колесницей, ко-

неводством, шаманской магией и поклонением звездам. Но на всей территории обширного субконтинента растущие амбиции и экономическая необходимость приводили к появлению как региональных сил, так и городов-государств на различных стадиях развития, которые представляли постоянную угрозу для Шан.

Осуществление царем прямого контроля было ограничено тем коротким расстоянием, которое могли преодолеть его колесницы, не разрывая линий коммуникаций, или природными преградами. Таким образом, ему приходилось во многом полагаться на вассалов, связанных торжественными договорами, при заключении которых каждая из сторон смачивала губы кровью принесенного в жертву животного, чье тело затем сжигалось вместе с копией договора, чтобы навлечь гнев духов на того, кто осмелится его нарушить. Кроме того, выдающиеся достижения шанской цивилизации и ее военная мощь означали, что духи предков шанского царя обеспечивали его подданных всеобщим превосходством. Он также использовал дипломатические методы, например осыпая щедрыми подарками (изделия из бронзы, связки каури, лакированные луки) победоносных военачальников и преданных вас-

салов и организуя выгодные браки. Набор армии основывался на системе «колодезных полей».

Это была система распределения земли. На широких равнинах северного Китая уделы были квадратными по форме, и их границы отмечали земляные валы и деревья. Внутри квадратные наделы были разделены на девять «колодцев», или участков, площадью до двадцати акров. Восемь из них принадлежали отдельным семьям, а девятый, урожай с которого шел местному господину, возделывали совместно. При администрировании четыре колодца составляли «город», четыре города — округ, четыре округа — район, а четыре района — область. Каждый округ и район должны были поставлять сюзерену определенное количество колесниц, лошадей, скота и вооруженных людей. (Меры веса и длины также были основаны на единицах, кратных четырем. Так, например, шестнадцать унций составляли катти — меру веса, равную 1,3 английского фунта, — которая используется до сегодняшнего дня, хотя при следующей династии вошла в употребление десятичная система.)

Престол в династии Шан передавался от брата к брату или к сыну в том случае, если братьев не оставалось. Правление тринадцатого царя,

Чжоу Синя, начавшееся незадолго до 1100 года до н. э., традиция описывает слишком живыми и яркими красками для того, чтобы эти картины соответствовали истине, но тем не менее в их достоверность верили бесчисленные поколения. Она изображает могущественного человека с проницательным взглядом и острым слухом, умного и красноречивого, но в то же время жестокого и развратного. Однажды в ответ на увещевания своего старшего родственника, человека честного и прямого, который видел, что Чжоу погряз в разврате и забыл о справедливости, он воскликнул: «Говорят, ты мудрец. А я слышал, что в сердце мудреца семь отверстий. Посмотрим, так ли это!» С этими словами он приказал слугам убить своего родственника и предъявить ему сердце убитого. Традиция также повествует о том, что он потакал порочным пристрастиям своей любимой наложницы Дацзи: выполняя ее каприз, он повелел в одном из парков наполнить пруд вином и развесить на деревьях куски мяса, после чего заставил обнаженных мужчин и женщин гоняться друг за другом.

В это время в бассейне реки Вэй жил вождь племени, которого его люди называли Вэнь-ван, «Просвещенный владыка». Это было племя чжоу

— племя, заставляющее вспомнить о современниках-греках, в ту пору потрошивших Эгейскую цивилизацию, греках, чей первоначальный варварский облик, как и в случае с чжоу, не содержал никаких намеков на последующий интеллектуальный расцвет.

Столица племени чжоу стояла возле современного города Сиань, там, где сегодня раскинулись пшеничные поля, в трехстах милях через реки и горы от Великого города Шан. Это племя силой установило власть над остальными племенами, обитавшими в долине реки Вэй. «Просвещенный владыка», сын шанской принцессы, которая была выдана за его отца для укрепления вассалитета, продолжил завоевания и в конце концов обратил свой взор на далекие дворцы и сокровищницы самого царства Шан. Не испугавшись больших расстояний, природных преград и мощной шанской армии, он спланировал кампанию. Однако Вэнь-ван умер до того, как сумел осуществить задуманное, завещав сделать это своему сыну. Его сын, У-ван, или «Воинственный владыка», потратил девять лет на подготовку армии и формирование союза племен, поклявшихся в верности. Первая попытка переправиться через Хуанхэ была сорвана, но двумя годами позже,

около 1050 года до н. э., У-ван нанес удар, когда силы шанского правителя были ослаблены волнениями на востоке. Историческая традиция рассказывает о том, что 50-тысячное войско У-вана вступило в сражение с 700-тысячной шанской армией, что кажется значительно менее вероятным, чем факт падения династии Шан после однодневной решающей битвы.

Чжоу Синь бежал с поля боя; у себя во дворце он облачился в роскошное платье, украшенное драгоценными камнями, затем бросился в свой любимый павильон и поджег его вместе с собой. Среди драгоценностей, украшавших платье Чжоу Синя, было пять чудесных нефритов «небесная мудрость», благодаря которым его тело не сгорело полностью. После смерти тирана в огне две его главные наложницы, в том числе и Дацзи, повесились в саду. Когда У-ван вошел в столицу, он выпустил три стрелы в обожженный труп, отрубил всем троим головы и насадил их на древки своих знамен.

Грубые вожди, помогавшие ему осуществить этот дерзкий план, стремились поживиться добычей и поскорее вернуться в свои крепости. Но У-ван их остановил. Отныне, объявил он, будет всеобщее повиновение его правлению, от «углов

морей и восхода солнца».

Глава 3. Западная Чжоу (1027(?)-771 гг. до н. э.)

К концу II тысячелетия до н. э. эпохальный бронзовый век заложил основы для развития человеческой цивилизации. Он возвел свои монументы — города Междуречья, Нила, Инда и Хуанхэ. Он способствовал появлению минойского, финикийского, вавилонского и хеттского государств и вывел Моисея из Египта; поднял ассирийское войско; подготовил эгейские берега к расцвету классической греческой культуры и в целом познакомил индоевропейские племена, загадочным образом вторгнувшиеся на Ближний Восток и в Европу, с возможностями приближающегося железного века.

После падения династии Шан наступил период Чжоу, продолжавшийся восемьсот лет, но только триста из них чжоуские цари обладали реальной властью. Эта первая фаза, получившая название Ранней или Западной Чжоу, и будет сейчас рассмотрена.

Когда силы Чжоу двинулись в восточном направлении, они, помимо возделываемых земель,

оккупировали также целинные и охотничьи угодья. Поначалу земля считалась собственностью племени, но затем была разделена на частные владения нового класса аристократов, приходившихся родственниками царю, лидеров союзников и местных вождей, включая тех шанцев, которые успели сдаться достаточно быстро. Новое царство превзошло старое по размеру, достаточно быстро поглотив почти весь северо-восток Китая, от реки Янцзы до пустынь. Поскольку дороги были плохими и немногочисленными, путешествия по ним опасными, а в отдаленной столице Чжоу отсутствовал административный аппарат, способный управлять такой обширной территорией, возникла потребность в совершенствовании феодальной системы, созданной Шан, и в результате она стала напоминать ту систему, которая превалировала в средневековой Европе. Недавно занятые и завоеванные земли были пожалованы во владение удельным князьям, которые поклялись в верности верховному властителю-вану и обещали нести службу. Они также собирали налоги со своих территорий, часть которых поступала в царскую казну.

Чжоуский ван назначал вассалов, а также избранных чиновников, на высокие должности в

ходе пышных церемоний. Сначала он усаживался лицом к югу в центральном зале храма предков, после чего человек, назначаемый на должность, по сигналу Великого мастера церемоний вставал перед владыкой. Ван заявлял о своем намерении назначить кандидата на должность, объяснял, чего именно ожидает от назначенного, и объявлял, какие дары будут ему вручены. После этого он отдавал распоряжение Великому историографу составить документ, содержащий приказ о назначении. Человек, получивший назначение, восхвалял и благодарил царя, совершал двойной поклон — то есть дважды касался лбом земли — и удалялся. Ценность полученных даров зависела от ранга, варьируясь от просяного вина до бронзовых сосудов, рабов, лошадей, колесниц, оружия, изделий из нефрита, домашнего скота, красных туфель, одежды и раковин. Самые важные персоны часто получали бронзовые сосуды с надписями, увековечивающими событие, и те из сосудов, что сохранились, стали ценными источниками информации для историков.

Предок. Бронза. II тысячелетие до н. э.

Удельные князья также получали нефритовый скипетр — по размеру меньше царского, который они должны были держать в руке всякий раз, когда встречались с ваном.

В ходе сплочения нового государства один человек приобрел влияние, которое поставило его в один ряд с самыми выдающимися фигурами китайской истории. Вскоре после завоевания шанского царства У-ван умер, и на престол взошел его сын, получивший от отца беспокойное наследство — недостроенное, необъединенное государство, обуреваемое центробежными настроениями. В этот момент младший брат У-вана, Чжоу-гун, назначил себя регентом. Благодаря силе характера и интеллекта, а также за счет безжалостных военных операций и искусного убеждения он даровал царю мир и укрепил его власть.

Для этого ему пришлось подавить шанское восстание, которое разжег его собственный брат, правивший как вассал дома Чжоу и заподозривший Чжоу-гуна в чрезмерных амбициях. Обуздав недовольных чжоуских лидеров, он сражался в течение трех лет за то, чтобы навсегда искоренить влияние свергнутой династии Шан. Затем он переселил весь цвет знати и трудового населения на юг от Хуанхэ. Здесь он поручил построить новый город, расположенный значительно ближе к центру нового развивающегося государства, чем прежняя столица их далекой родины. При

помощи гадания было получено одобрение богов на строительство, и после выбора точного места последовали церемониальные жертвоприношения божествам. (Их жертвами стали животные. Человеческие жертвоприношения совершались все реже и реже.)

Чжоусцы оставили религию шанцев практически без изменений, за исключением того, что они позаимствовали у северных кочевников концепцию поклонения звездам, которая сделала Небо верховным богом. В результате «скрещивания» этого верования с верой шанцев в Шан-ди как в верховного бога Шан-ди стал олицетворять собой Небо, а также приобрел представителя на земле в лице верховного правителя, которого с тех пор начали называть Сыном Неба. Концепция «Неба» была столь же необычайно расплывчатой, как и западная концепция Всемогущего. Небо одновременно представлялось местом — например, местом обитания духов предков, в которых чжоусцы также верили, — космической моральной силой, направленной на поддержание всеобщей гармонии, и существом с разумом и волей, частично управляющим судьбами людей. В истинно феодальном стиле Небо возглавило иерархию подчиненных ему природных богов,

из которых самыми важными были бог земли и бог зерна, всегда получавшие свою долю жертвоприношений.

Затем Чжоу-гун собрал на месте будущего города лидеров Чжоу и несчастных шанцев, оказавшихся вдали от дома. На встрече он провозгласил доктрину, которая на протяжении нескольких тысячелетий будет сохранять доминирующее положение в китайском политическом мышлении. Согласно ей царская власть обусловлена «мандатом Неба». Правитель заслуживает этот мандат своей добродетелью: если он перестанет следовать добродетели, мандат будет у него отобран. Хотя главным инструментом свержения власти можно считать оружие, в действительности падение династии Шан было обусловлено утерей ею Небесного мандата. Поэтому, сказал Чжоу-гун, «новый царь должен уделять самое пристальное внимание своей добродетели. Посмотрите на его древних предшественников, правителей Ся: Небо лелеяло их и защищало, пока не отвернулось от последнего из правителей, жестокого и беспощадного». Точно так же, продолжил Чжоу-гун, обращаясь к покоренным шанцам, «последний правитель Шан предался праздности, забросил дела управления и не совершал должных

жертвоприношений. И тогда Небо уничтожило его… Наш же чжоуский царь хорошо относился к людям, следовал добродетели и исполнял долг перед божествами и Небом. Небо наставило нас, оказало нам милость, избрало нас и наделило нас мандатом Шан, чтобы править в ваших бесчисленных землях».

Прослеживая происхождение своего царственного племянника от древней династии Ся, Чжоу-гун таким образом пытался придать легитимность власти нового дома, а называя волю Неба главной причиной падения династии Шан, он дипломатично позволял покоренным шанцам сохранить лицо. (Кстати, он также позволил номинально продолжиться шанской династической линии с тем, чтобы ее представители не прекращали совершать должные жертвоприношения своим царственным предкам. Но в ответ на приписываемое шанцам падение нравов он ввел запрет на употребление спиртных напитков, нарушение которого каралось драконовскими мерами.) Он закончил свою речь, объявив, что целью создания новой столицы является ее перенесение в самый центр царства Чжоу, и призвал царя построить великий город, который «станет двойником сиятельного Неба. Он должен исправ-

но совершать жертвоприношения великим и малым духам и из этого центра управлять своим царством».

В месте, расположенном в десяти милях от современного Лояна, был построен великий город Лои. Его внутренние стены окружали территорию площадью девять квадратных миль, а внешние — территорию, которая больше еще примерно в десять раз. За стенами находились дворцы, сады, охотничьи парки, сокровищница, зернохранилища, кумирня, посвященная богу земли, и другая, воздвигнутая в честь бога зерна, дома министров и чиновников, постоялые дворы для посланников. Вокруг стояли дома горожан, раскинулись кварталы ремесленников и рынки, расположенные у городских ворот. За внешними воротами находился наполненный водою ров, через который перебрасывался подъемный мост. Как внутренние, так и внешние ворота постоянно охранялись, независимо от того, подняты мосты или опущены, причем ворота всегда запирались по ночам, а дозорные в темное время суток патрулировали по всему городу, отбивая стражи. Их служба оплачивалась товарами или раковинами каури.

Когда молодой Сын Неба достиг совершенноле-

тия, Чжоу-гун подтвердил свою приверженность принципам, любезно уступив престол. Однако царственный племянник пренебрег его советом править из Лои и редко там появлялся.

Чжоусцы абсорбировали культуру покоренных шанцев, переняли их одежды, язык, моральные нормы, а также их искусства, хотя чжоуская бронза, несмотря на то что ее преимущественно изготовляли шанские мастера, не выдерживает сравнения с изделиями шанской эпохи. Как уже отмечалось выше, еще чжоусцы переняли религиозные верования шанцев, добавив к ним концепцию Неба, а также магическую практику шаманизма и строительства курганов над могилами. Шан-ди, Небесный Владыка, или Небо, почти не оказывал влияния на жизни простых людей, и жертвоприношения ему совершал только царь. Большее значение для простолюдинов имели боги земли и зерна, которым периодически совершались жертвоприношения в посвященных им храмах — как, например, во время ежегодного весеннего праздника бога земли, когда все одевались в яркие одежды, играла музыка и исполнялись сложные ритуалы. Кроме того, царь и представители высшей знати имели храмы предков — «большой храм», посвященный

всем предкам, и «специальный храм», посвященный одному конкретному предку, который разрушался после определенного количества поколений. Для всех людей имели значение боги солнца, луны и звезд, повелевавшие снегом, стужей, ветром и дождем; а также боги гор и рек, которые насылали наводнения, засуху и эпидемии. Церемонии, посвященные одному из этих богов, проводились, как того требовали конкретные обстоятельства — эпидемия, грядущее или состоявшееся сражение, наводнения, пожары, солнечное затмение и т. д. В жертву приносились животные, а также шелк и нефрит, которые обычно уничтожались в ходе жертвоприношения. При дворе религиозными делами ведали четыре группы чиновников, которыми руководили соответственно Великий мастер молитв, Великий мастер церемоний, Великий прорицатель и Великий историограф.

На вершине общества, сформировавшегося в первые века династии Чжоу, находился царь. Само царство делилось на княжества, каждое из которых по сути представляло собой государство внутри государства, со своей обнесенной стеной столицей и подчиненными уделами, принадлежащими благородным домам, члены которых

составляли класс сановников-*дафу*. Назначением князей и дафу ведал царский распорядитель. Среди других министерских должностей были мастер молитв, историограф, главнокомандующий, а распорядитель двора, наподобие премьер-министра, при назначении на должность получал поместье, которое должен был вернуть, когда покидал свой пост.

Для аристократии самыми важными вещами в жизни были церемонии жертвоприношений и война. Специалисты по войне, называвшиеся *ши* — позднее этот термин стал обозначать ученых, — проходили всестороннюю подготовку. Сыновья царя, феодальных правителей и дафу изучали стрельбу из лука, управление колесницей, использование щитов и копий, танцы, музыку, ритуалы и переложение стихов на музыку. Предполагалось, что, как и рыцарь средневековой Европы, идеальный воин должен не только хорошо владеть оружием, но и быть преданным, ставить честь выше личной безопасности, а долг выше жизни и не страшиться трудностей. Прежде чем принять командование колесницей при подготовке к битве, ее возничий выбирался по результатам гадания. Часто, если воин погибал в бою, слались панегирики, про-

славляющие его доблесть.

Аристократия стала известна как «Сотня имен», поскольку только знатные носили настоящие имена. Ниже располагалась масса простых людей — «черноголовых». Большую их часть составляли крепостные, которые работали на земле — разбитой на участки, измерявшиеся полетом стрелы, платили оброк, служили в армии, когда возникала необходимость, и предоставляли своему господину все те услуги, которые тот мог от них потребовать. Вряд ли они имели возможность игнорировать такие требования, поскольку господин обладал властью над жизнью и смертью крепостных, мог их покупать, продавать, закладывать и дарить. Некоторые могли стать независимыми земледельцами, но эта независимость была единственным, что отличало их от расположенного ниже класса рабов, которыми становились военнопленные и осужденные. В крупном феодальном владении могли содержаться до десяти тысяч рабов, которые производили для своих хозяев еду, одежду, соль, колесницы, оружие, музыкальные инструменты и ритуальные принадлежности. Все члены семьи раба становились рабами, и этот статус являлся наследственным. Освобождение раба на волю

случалось очень редко.

Существование как и крепостных, так и рабов, судя по всему, было тяжелым. Вот как жизнь крестьянина описывается в древнем фольклорном стихотворении: первый месяц — подготовка к сельскохозяйственным работам; второй месяц — крестьянин начинает пахать, жена приносит еду ему в поле, где он работает под наблюдением надсмотрщика, в то время как его дочь ходит с корзиной по тропинкам между полями и собирает листья тутовника для кормления шелкопрядов. Вероятно, следующие пять месяцев заняли военные действия, поскольку стихотворение продолжается с восьмого месяца, когда начинается сбор урожая, в то время как жена и дочь крестьянина ткут шелковую ткань, которую они окрашивают в черный и желтый цвет или же в красный для одежды князя; десятый месяц — сбор риса и приготовление вина; когда сбор урожая завершен, крестьяне направляются в дом господина, где чинят кровлю и вьют веревки; проводятся благодарственные церемонии и пиршества, крестьяне готовят барашков и все вместе отправляются к князю, чтобы наполнить рога вином и воскликнуть: «Долгие лета!»; одиннадцатый месяц — охота на лис, чтобы обеспечить

господина мехом; а двенадцатый месяц посвящался военной подготовке, крестьяне приносили откормленных свиней своему господину, а также кололи и заготавливали для него лед. Эта тяжелая жизнь могла стать еще хуже, если господин был жестоким и бесчувственным. Такое на самом деле случалось часто, и крестьяне поднимали восстания, количество которых возросло с наступлением VIII века до н. э.

К этому времени история Чжоу вошла в новую фазу. За прошедшие годы княжества постепенно эволюционировали в полностью развившиеся самостоятельные государства. Удельные князья раздобрели в условиях мира и стабильности, ушли с головой в местные проблемы и приобрели собственные сильные армии, всегда готовые собраться по их призыву. Дружеские узы, сформированные в огне завоеваний, остались в прошлом. Короче говоря, они приобрели еще большую независимость от царя, к которому все с большей неохотой присоединялись на войне и все менее охотно отдавали собранные налоги.

В такой ситуации, когда индивидуальные амбиции могли в любой момент разжечь внутренние разногласия, все зависело от способности верховного правителя сохранять единство цар-

ства и защищать его от внешних атак. Но система наследования — лотерея, которая разыгрывается в материнской утробе, и если хорошие, сильные и способные правители сдерживали сползание государства к дезинтеграции, плохие, слабые и глупые его ускоряли. И здесь еще раз подтвердилась мудрость и прозорливость великого Чжоу-гуна, поскольку, продолжая править из своей первоначальной западной столицы вместо Лои, чжоуские ваны оказались оторванными от своих «баронов» и в опасной близости к враждебным варварским племенам, наращивавшим давление с севера.

Эти люди были кочевниками. Они совершали набеги на земли Чжоу в долине Вэй из окружающих горных районов и, по сути, были частью сложного конгломерата рас, ассоциировавшихся со степями. Во всем многообразии исторических событий мало что так завораживает ум и в то же время вызывает замешательство, как история среднеазиатских кочевников. Известные под разными именами, в основном как хунну и монголы, они покидали обжитые места, если цивилизаторское влияние оседлого образа жизни, связанного с наступлением культурного земледелия, начинало их тяготить, и перекочевывали

в любые места, куда бы ни заводила потребность в выпасе стад. Они в совершенстве владели искусством верховой езды, и летящие копыта их низкорослых лошадей, казалось, пробуждали дикий дух степей, заставлявший кочевников неистово мчаться вперед. На протяжении многих веков, даже в современные времена, их орды периодически вздымали свои знамена в разных концах Евразии, от тихоокеанского побережья до городов Венгрии; они угрожали Риму; при Атилле их рейд к берегам Балтики, по всей видимости, заставил германское племя англов переселиться на остров, большая часть которого теперь носит его имя. Некоторые из кочевников — конфедерации быстро кочующих кланов, приверженных радостям грабежей и убийств — оставили горькую память о своих ханах, таких как Чингисхан и Тамерлан. Обширный театр их боевых действий включал горы, равнины, внутренние моря, лесные массивы, оазисы и пустыни, где ни крайняя жара, ни лютый холод не могли подавить их неуемную энергию. Они создавали и разрушали великие государства, чьи названия не менее известны, чем названия таких городов, как Бухара и золотой Самарканд, которые стояли на расплывчатой условной границе, разделявшей

восточную и западные части мира. Население так часто объединялось в новые союзы и меняло своих лидеров, значительная часть фактов, связанных с их происхождением и деятельностью, отличаются такой неопределенностью, а сам мир был настолько эфемерен, что трудно составить целостную и непротиворечивую его картину.

На настоящий момент достаточно отметить, что горные пастухи и степные кочевники, начавшие беспокоить царство Чжоу, были хунну — монгольского, тюркского и тибетского происхождения, этнически связанные с китайцами, которыми многие из них на самом деле и стали и с которыми их диалог в терминах войны, культуры и торговли в определенной степени поддерживается до сегодняшнего дня. Привлеченные легкой добычей или обнаружившие, что их пастбища заняты чжоускими поселенцами, у которых им в таком случае приходилось покупать зимний корм для скота, часто — по грабительским ценам, они совершали постоянные набеги. Эти набеги могли бы показаться чжоускому гиганту не более чем мушиными укусами, но для организации карательных экспедиций царю требовалась поддержка вассалов; а как мы уже видели, этот ресурс быстро истощался, особенно после 878

года до н. э., когда на престол взошел Ли-ван.

Его жадность и жестокость вызывали острую критику, с которой он боролся, приказывая шаману выявлять главных недоброжелателей, которых затем казнили. Многие удельные князья выражали недовольство хотя бы тем, что перестали приезжать ко двору по государственным делам и присягать на верность. Разгневанный Ли-ван настолько усилил свои репрессии, что спровоцировал восстание и в 841 году до н. э. был изгнан.

Его наследник, будущий правитель Сюань-ван, нашел прибежище в доме первого министра. Дом окружила толпа, требовавшая выдать наследника. Феодальный кодекс чести не позволял первому министру совершить такой поступок, и потому он взамен отдал собственного сына (который успешно сбежал). После свержения Ливана наступил период регентства, получивший название эры Всеобщей гармонии.

Когда через четырнадцать лет Ли-ван умер от старости на чужбине, трон унаследовал Сюань-ван. Народное предание приписывает пророческое значение одной песенке, которую распевали мальчишки на улицах столицы. В ней были следующие слова:

Лук из горного тута
И колчан из бобовой ботвы
Принесут беду Чжоу.

Эта детская песенка распространилась повсюду и в конечном счете дошла даже до Сюань-вана, который встревожился и тайно приказал расследовать причину «беды», грозящей его царству.

И вот как-то раз в столице появился некий человек, который пришел из деревни вместе со своей женой — продавать луки из тутового дерева и колчаны, сплетенные из бобовой ботвы. Они выкрикивали на улицах: «Купите луки из горного тута! купите колчаны из ботвы!» Услышав эти крики, шпионы Сюань-вана сразу же доложили царю. Сюань-ван приказал схватить и казнить двух торговцев. Однако кто-то предупредил супругов о грозящей им опасности, и они успели убежать. По пути они заблудились в дворцовом парке, из которого долго не могли выбраться, и, когда уже стемнело, услышали плач младенца. Они пошли на плач и нашли у стены брошенную девочку. Супруги пожалели несчастного ребенка и взяли его с собой.

С происхождением этой девочки связана весьма необычная легенда. Рассказывают, что при

династии Ся перед правящим монархом появились два призрака в облике драконов — самца и самки. В большом зале дворца они переплели хвосты и поведали, что некогда были князем и княгиней в царстве Бао. Им преподнесли дары, после чего драконы исчезли, оставив после себя на полу немного семени. По приказу правителя семя собрали в коробку, которую спрятали. Коробка хранилась на протяжении трех династий, и никто не осмеливался в нее заглянуть. Наконец порочный Ли-ван в последние годы своего правления из любопытства открыл коробку, что повлекло за собой большие беды. Семя дракона, грязное и вонючее, растеклось по залу. Его пытались соскрести, но не смогли. Тогда Ли-ван приказал голым женщинам громко прикрикнуть на семя, чтобы таким образом изгнать нечистую силу. От женского крика семя собралось в кучку и превратилось в большую черную черепаху. Черепаха побежала в задние покои дворца, вызвав там всеобщий переполох. Одна маленькая девочка, лет восьми, не успела убежать и столкнулась с черепахой. Как только девочка достигла половой зрелости, она забеременела и в положенный срок родила младенца женского пола. Поскольку происхождение ребенка было неизвестно, молодая

мать испугалась и выбросила его за дворцовую стену.

Цель этой легенды — объяснить губительное влияние той женщины, в которую со временем превратился младенец, найденный супружеской парой торговцев у дворцовой стены. Она стала любимой наложницей преемника Сюань-вана, глупого Ю-вана, и заставляла того выполнять все свои капризы. Одна из странных особенностей этой женщины, имя которой было Бао Сы, заключалась в том, что на ее красивом лице никогда не появлялось даже тени улыбки. Пытаясь ее развеселить, Ю-ван испробовал тысячи различных способов, но безрезультатно. Тогда он не придумал ничего лучше, как зажечь на сторожевой башне огонь, сигнализирующий о беспорядках в столице. Этот сигнал передавался до самых окраин государства по системе смотровых башен, построенных вдоль всех главных дорог. Увидев сигнал бедствия, удельные князья собрали свои отряды и выступили из всех областей на помощь правителю. Когда же они прибыли в столицу и обнаружили, что ничего не случилось, на улицах города началось настоящее столпотворение. На перекрестках главных дорог смешивались кони и люди, командиры громко кричали, пытаясь

выяснить, в чем дело, воины ругались между собой. Бао Сы, наблюдавшая вместе с Ю-ваном за этим зрелищем со сторожевой башни, впервые в жизни от души расхохоталась. Глупый правитель впоследствии повторял этот трюк всякий раз, когда хотел, чтобы Бао Сы рассмеялась. Однако с каждым разом все меньше одураченных князей откликались на его призыв, и смех любимой наложницы тоже становился все менее веселым. Когда она родила Ю-вану сына, тот лишил титула государыни свою главную жену, дочь князя из удела Шэнь, и несколько раз пытался убить ее сына Ицзю, который уже давно был объявлен законным наследником.

Шэнь-хоу, разгневанный дядя бывшей жены Ю-вана, образовал союз, в который вошли несколько варварских племен, и в 771 году до н. э. выступил в поход на столицу. Испуганный Ю-ван приказал зажечь сигнальные огни, чтобы вызвать подкрепление, но на сей раз никто не пришел ему на помощь. Вместе со своей любимой наложницей он бежал на восток и был убит у подножия горы Лишань, а Бао Сы попала в плен к варварам. Удельные князья вместе с Шэнь-хоу поддержали наследника Ицзю и провозгласили его Сыном Неба. Чтобы избежать столкновений с племе-

нами варваров, постепенно становившимися все могущественнее, новый правитель перенес столицу на восток, в Лои, выполнив наконец волю мудрого Чжоу-гуна. Перенос столицы стал началом периода Восточной Чжоу, первая фаза которого известна как эпоха «Весны и Осени».

Глава 4. Восточная Чжоу (771–476 гг. до н. э.)

Для правящего дома это была глубокая осень, если не зима. Светский авторитет власти почти полностью исчез, единственные реальные функции, которые она исполняла, носили религиозный характер, поскольку, чтобы заручиться поддержкой богов для всей нации, никто, кроме Сына Неба, не мог совершать необходимые жертвоприношения и церемонии — например, такие как символический акт вспашки с сопровождающими его ритуалами в начале года, гарантирующий защиту от неурожая. Пока царь выполнял роль верховного понтифика, удельные князья боролись между собой за политическое и экономическое влияние. Делая это, они не останавливались перед инцестом, похищением женщин, коррупцией и прочими разновидностями безнравственных поступков. Они интриговали, плели коварные заговоры, подкупали, предавали и вели войны, чтобы подчинить себе более слабых соседей и расширить свои земли на север, запад и юг через Янцзы, в процессе создания по-

чти независимых государств внутри государства.

Технически в существовании объединенного государства не было особого смысла, поскольку царь обладал мандатом Неба на управление всей землей. Царство Чжоу защищала его цивилизация: люди, не принявшие ее полностью, были варварами. Даже некогда маленький удел Шэнь — чей правитель сверг глупого Ю-вана, а впоследствии отвоевал восточные земли у варваров — по-прежнему считался полуварварским. В период «Весны и Осени» единственными цивилизованными субъектами — княжествами или так называемыми царствами — считались те из них, которые располагались в бассейне реки Хуанхэ, где культуры и династии прошлого глубоко укоренились в плодородных лессовых почвах. Все вместе они назывались Чжунго, Срединное царство. (Позднее сам Китай начал использовать это название, что неудивительно для страны, считающей себя центром мироздания — Поднебесной — и единственным хранилищем цивилизации; китайцы называют так свою страну до сегодняшнего дня.)

В Срединное царство входило одиннадцать княжеств и еще примерно четырнадцать находилось за его пределами; но из этих двадцати пяти

почти половина попала в зависимость от своих более могущественных соседей, охваченных бесконечными пароксизмами амбиций. Борьба амбиций часто прерывалась потребностью в объединении перед лицом угрозы со стороны варваров. В отсутствии авторитарного царя кто-то достаточно сильный должен был возглавлять союзы княжеств. Поэтому начиная с 685 года до н. э. в хрониках упоминается череда «диктаторов», которые, чтобы сохранить видимость подчиненности царю, назывались «гегемонами». Каждый из них был самым могущественным феодальным правителем своего времени, который не только руководил военными кампаниями, но также исполнял роль верховного арбитра в спорах между другими князьями, формировал союзы для сдерживания чрезмерной агрессии, получал налоги, ранее платившиеся в царскую казну, и обладал почти такой же абсолютной властью, какой прежде располагал чжоуский ван. Благодаря таким мерам большую часть периода «Весны и Осени» удавалось сохранять некоторое подобие государственного единства.

Несмотря на падение морали и отсутствие стабильности, это был период значительного прогресса. Прежде всего, в Китае наступил желез-

ный век — через шесть или более столетий после начала использования сыродутного процесса для получения железа из руды хеттскими племенами; очень скоро китайцы значительно обогнали Запад в технологии производства железа. На Ближнем и Среднем Востоке металлургов было немного, и они ревниво оберегали свой секрет — использование древесного угля для науглероживания расплавленной железной руды; это может объяснить запоздалое проникновение металлургии на север. Самое удивительное то, что китайцам, к тому времени уже успевшим довести до совершенства свои мощные гончарные мехи, — которые позволяли поддерживать температуру, необходимую для производства литого железа, заметно отличавшегося от западного сыродутного железа, — и быстро перешедшим к производству стали, удавалось более двух тысячелетий сохранять свои знания при себе, вплоть до того момента, когда тигельная плавка была заново изобретена в Англии в XVIII веке. Дело не только в том, что на Западе производили исключительно сыродутное железо, но так же и в том, что за один раз его можно было получить не более тридцати фунтов против китайского литого железа в отливках по полтонны. Сыродут-

ное железо превращалось в листы лишь путем долгой и тщательной ковки, в то время как китайский металл можно было отливать: доступный и дешевый, он использовался для изготовления кухонной посуды, оружия, сельскохозяйственного инвентаря, упряжи для лошадей и скота. Его также превращали в плужные лемехи, поскольку к этому времени уже появился плуг.

Распространение технологии производства железа среди княжеств способствовало укреплению независимости их экономик. Самым богатым было княжество Ци, которое, кроме получения дохода от продажи железной руды, снабжало весь восток страны солью, что добывалась выпариванием морской воды, и этот промысел по приказу князя стал государственной монополией. Разница в благосостоянии княжеств дополнялась многими другими различиями, с которыми мог столкнуться путешественник: местные диалекты, системы мер и весов и даже ширина дорог. Но, вероятно, больше всего такого путника поразило бы единство цивилизации, поскольку та всегда имела связи со своим прошлым и, как дерево, на протяжении своей жизни нигде не прерывалась и не увядала, а лишь пускала то там, то здесь новые ветви, еще больше ее укреплявшие.

В основание этой цивилизации было заложено почтительное отношение к родителям, вскормленное культом поклонения предкам. Общество и религия, человек и бог объединялись в семейном союзе, созданном жертвоприношением, ритуалом и неизменным статусом живых и мертвых. Этот союз обычно состоял из нескольких поколений, живущих в одном доме, где старшие родители, сначала мужчина, затем его вдова, обладали абсолютной властью, получая в ответ безграничную преданность:

Отец мой и мать породили меня,
Заботой своей окружили меня,
Они обласкали, вскормили меня,
Взрастили меня, воспитали меня,
Взлелеяли нежно ребенком меня,
Вне дома и дома носили меня,
Мой долг перед ними, что в сердце возник,
Как небо безмерное, столь же велик!

Каждый должен быть готов умереть за своего брата или отомстить за него, если кто-то причинил ему вред. В аристократических кругах, когда разгоралась борьба за власть между кня-

жествами или внутри них, это могло привести к уничтожению всех родственников убитого, даже если тот был казнен за измену, чтобы таким образом исключить возможность мести со стороны рода. В то же время, вне зависимости от социального статуса, наказание за преступление часто распространялось на всех членов семьи злоумышленника, чтобы подчеркнуть доктрину коллективной семейной ответственности. Семейное достояние также считалось общим, хотя глава семьи имел полное право распоряжаться им по своему усмотрению и, вместо того чтобы, как это было принято, назначить наследником старшего сына своей главной жены, он мог завещать все имущество кому-то еще, даже сыну любимой наложницы.

Эта возможность открывала наложнице, которая обычно была всего лишь игрушкой в руках своего хозяина, выбравшего ее из числа слуг, один из немногих путей к привилегированному положению внутри семьи. Значительно более высоким рангом обладала главная жена, за которой следовали другие жены, принадлежавшие к тому же социальному классу, что и хозяин, к которому наложница, как правило, даже не мечтала присоединиться. Полигамия, как и

обычай заводить наложниц, стала следствием роста благосостояния чжоусцев и социального доминирования мужчин, что являлось одним из главных отличий их общественного устройства от шанского, которое было близко к матриархату. У каждого состоятельного хозяина дома был свой гарем, что привело к появлению нового класса — евнухов, — впоследствии сыгравшего экстраординарную роль в китайской истории.

Положение женщин мало отличалось от рабства, из которого они могли освободиться только благодаря сексуальной привлекательности, сильному характеру, преклонному возрасту или хитрости и коварству. Характерным примером здесь может послужить женщина, которая сделала все для того, чтобы князь заподозрил законного наследника ее мужа в попытке его отравить и вместо ложно обвиненного человека назначил наследником ее собственного сына. Статус женщин делал неизбежными интриги, которые на протяжении веков становились причиной гибели династий. И потому неудивительно, что мужчины, имевшие достаточно оснований обвинять себя самих, жаловались словами поэта:

Не в небесах источник смут,

А в женщине причина тут.

Моралисты обожали рассказывать истории о катастрофах, навлеченных на голову выдающихся мужчин их женщинами, — катастрофах, подобных тем, что положили конец династиям Ся и Шан. О человеке, казненном из-за того, что он выдал важный секрет своей жене, они говорили: «Он проболтался своей жене; он и в самом деле заслуживает смерти».

Второстепенный статус женщин хорошо иллюстрируют некоторые стихи, посвященные царю, которые, однако, в равной мере применимы ко всем высшим слоям общества:

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл, как игрушку, дарят.
Громок их плач… Заблестит наконец
Их наколенников яркий багрец —
Примут уделы и царский дворец!
Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,

В руки им даст черепицу играть!
Зла и добра им вершить не дано…

С раннего детства женщину готовили к будущему браку. Она помогала по дому, училась ткать, шить одежду и готовить. И она занималась исключительно китайской разновидностью женского труда — шелководством. Согласно преданию, идея изготовления шелковой ткани впервые пришла в голову главной наложнице легендарного Желтого императора, когда она наблюдала за тем, как шелкопряд прядет свою нить. В любом случае не вызывает никаких сомнений то, что эта индустрия была очень древней, зародившейся до династии Шан, и в период Чжоу постепенно приобретала все большее значение в изготовлении одежды для высших классов общества, а также в бартере и выплате дани. В то время, когда золото уже давно распространило свой блеск по всему западному миру, шелк в Китае стал объектом алчности и источником вдохновения. Жители Запада впервые увидели этот материал лишь в самом конце I тысячелетия до н. э., а затем еще много веков не знали, как его производить, поскольку это был один из самых важных технологических секретов в

истории, ревностно оберегаемый китайцами, которые казнили всякого, кто пытался тайно вывезти гусениц шелкопряда из страны. Но для нашей молодой женщины шелководство было самым обычным делом. Китаянка знала, что для того, чтобы размотать длинную непрерывную нить с кокона, сплетенного гусеницей, куколку необходимо вовремя убить, поскольку иначе она появится в виде бабочки и разорвет кокон; знала, что гусеницу нужно держать на неизменной диете из тутовых листьев; и еще множество других вещей, которые она, несомненно, считала значительно менее важными, чем обучение чтению и письму, также относившееся к числу ее домашних занятий.

Она могла надеяться на замужество примерно в семнадцатилетнем возрасте. О браке договаривались ее родители и родители жениха, последним обычно бывал юноша лет двадцати, носивший другую фамилию — если мы говорим о представителях высших слоев общества, поскольку только те имели фамилии. Однако в жизни девушки бывали такие случаи, как посещения храмов или выезды на природу весной, когда влюбчивое сердце могло привести к мукам и радостям тайных свиданий.

Ворот одежды блестит бирюзовый на нем.

Сердце мое скорбит бесконечно о милом моем.

Хоть никогда не хожу я его повидать —

Сам почему не зайдет он проведать наш дом?

Вечно резвится он, вечно беспечный такой,

Вечно торчит он на башне стены городской.

День лишь его не увижу, а сердце мое

Словно три месяца ждет, истомится тоской!

Данные строки, как и все остальные стихи, процитированные в этой главе, позаимствованы из «Шицзин», или «Книги песен и гимнов», одного из величайших завещаний древности мировой литературе. Она содержит около трехсот стихотворных произведений, лирических и литургических (для пения или чтения во время церемоний), неизвестных авторов, большая их часть принадлежит фольклору. Эти стихи были

собраны в рассматриваемый нами период, около 600 года до н. э., и вошли в состав классических произведений, которые на протяжении последующих тысячелетий играли важнейшую роль в китайском обществе, и к ним мы еще вернемся. В одной из многочисленных любовных песен «Шицзин» рассказывается о настойчивости некого Чжуна, представляющей собой резкий контраст со сдержанностью вышеупомянутого молодого человека в одежде с бирюзовым воротом:

Чжуна просила я слово мне дать
Больше не лазить в наш сад на беду
И не ломать нам сандалы в саду.
Как я посмею его полюбить?
Страшно мне: речи в народе пойдут.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только недоброй в народе молвы
Девушке нужно бояться, поверь!

Насколько сильно ей следовало бояться, становится ясным из суждения, имеющего для нас знакомое звучание:

Будь осторожна, девушка, и ты:

Не принимай ты ласки от дружка!
Коль завелась утеха у дружка,
О ней он все же может рассказать…
А девушке про милого дружка
На свете никому нельзя сказать!

Это фрагмент длинного произведения, где женщина рассказывает о том, как она, вопреки воле своей семьи и окружающих, тайно бежала с возлюбленным. Последующие годы заставили ее горько пожалеть о содеянном:

Состарились с тобою мы, а ты
Мне в старости наполнил сердце злом!
Так Ци сжимают берега кругом,
Так сушей сжат в низине водоем.
Я помню: волосы сплела узлом,
Беседовали мы, смеясь вдвоем…
Быть верным клятву дал ты ясным днем!
Ты обманул… Могла ли знать о том?
И в мыслях не держала я, поверь!
Что делать мне? Всему конец теперь.

Но что насчет девушек, ради которых ни один

Чжун не лазил через стену сада и которых никто не пытался подговорить на тайный побег?

Слива уже опадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.
Сливы уже опадают в саду,
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи со мной.
Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

Традиция предписывала, чтобы отцу девушки в храме предков поднесли гуся, посланного отцом жениха в знак предложения о замужестве. Если отец девушки соглашался, гадателю поручали узнать мнение духов, и если то было благоприятным, их также просили выбрать время. В назначенный день жених подъезжал к дому невесты в своем экипаже. Она поджидала его вместе с «дуэньей» либо, возможно, младшей

сестрой или другими родственницами, которым была уготована роль вторых жен — царь мог иметь из одной благородной семьи до девяти таких спутниц. После обмена церемониальными приветствиями женщины забирались в повозку невесты, а место возничего занимал жених. После того как колеса повозки совершали три оборота, он возвращался в собственный экипаж и, следуя за невестой, отправлялся в поездку до своего дома. Здесь проходил праздничный пир, по окончании которого пара удалялась в покои для новобрачных. На этом дело не заканчивалось, поскольку на следующий день невеста должна была приготовить для родителей жениха церемониальную трапезу, а затем, в свою очередь, отведать еду, предложенную ими. Даже если первоначальное знакомство проходило гладко, невесту все равно ждал трехмесячный испытательный срок, в течение которого ее могли отправить домой как непригодную для замужества. Если все было хорошо, ее принимали как настоящую жену, представляли предкам мужа, и впоследствии она принимала участие во всех семейных жертвоприношениях и ритуалах. Семья мужа теперь становилась в такой же степени и ее семьей, как если бы она в ней родилась, и родители мужа

ожидали от нее такого же полного повиновения, как и от собственных детей.

Однако женщина обладала и собственными правами, особенно если она была главной женой, в чьих руках порою даже находилась жизнь и смерть ее собственных слуг. Конечно же, она должна была вести себя скромно, когда в дом приходили гости, и даже оставаться за ширмой, если ее муж был князем, принимающим важных людей: но гости часто приносили ей подарки в знак своего уважения. И ее положение было вполне надежным до тех пор, пока она повиновалась родителям мужа, блюла верность, рожала детей, а также не воровала или не болтала слишком много. («Коль с длинным языком жена, все беды к нам влечет она», — сказано в «Шицзин».) Нарушая эти правила, женщина рисковала разводом — муж просто отправлял ее собирать вещи. Но муж не мог выгнать свою жену, если у той не было родительского дома, куда она могла бы направиться, или если она доказала свою почтительность к его родителям тем, что носила по кому-то из них трехлетний траур, либо если при вступлении в брак они были бедными, а затем разбогатели. Она же, со своей стороны, была привязана к мужу до конца жизни, и на вдов, повторно вышедших

замуж, смотрели косо.

Ее главная цель состояла в том, чтобы родить младенца мужского пола, который со временем будет совершать жертвоприношения предкам. Тем не менее станет ли один из ее сыновей наследником, зависело главным образом от того, насколько сильное влияние женщина имеет на своего мужа: он мог доверять ей полностью, постоянно спрашивать у нее совета, даже поручать ей управление целым княжеством на время своего отсутствия в военном походе, но в то же время она всегда рисковала получить удар в самое сердце:

С новой женою пируете вы,
Видно, нечистою счел меня ты?..
Славу мою опорочил, и вот —
Я, как товар, не распроданный в срок…
Или забыл ты, что было давно?
Что лишь со мною обрел ты покой?

Если же с женщиной на самом деле плохо обращались, единственное, что она могла сделать, — это обратиться за помощью к собственной семье. Так, например, в одной старой истории рассказывается о молодом человеке, который,

как он признался своему другу, женился только для того, чтобы занять более высокое положение в обществе. Он так плохо обращался со своей женой, что, когда она пожаловалась брату, тот связал мужа и подвесил к ветке дерева высоко над землей. Когда друг незадачливого молодожена проходил мимо, то в ответ на его мольбы о помощи с усмешкой сказал: «Не понимаю, чем ты так недоволен. Ты ведь сам говорил, что хочешь занять более высокое положение, и вот теперь ты на высоте».

Но как бы женщина ни страдала большую часть своей жизни, с наступлением пожилого возраста всем ее невзгодам приходил конец. Пожилые люди обоих полов пользовались всеобщим уважением и обладали всевозможными привилегиями, а если ее муж умирал первым, то изменение в статусе женщины, в сравнении с прежним подчиненным положением, было еще более разительным, поскольку она приобретала огромный авторитет. Влияние, если не тирания, пожилых женщин Китая вряд ли сравнимо с тем влиянием, которое они когда-либо имели на Западе. Его последствия могли быть печальными, но также и абсурдными, в чем в начале XX века на собственном опыте смог убедиться шведский

ученый Андерсон, когда вел поиски синантропа: ему пришлось остановить раскопки ископаемых останков древнего человека после того, как одна старая женщина, возмущенная тем, что он угрожает покою древних духов, уселась в раскопе и отказалась двигаться с места. Всеобщая враждебность по отношению к каждому, кто пытался проявить неуважение к старой женщине, вынудила Андерсона покинуть место раскопок. Показательный случай из жизни высших слоев общества был записан в период «Весны и Осени». Один высокопоставленный чиновник устроил званый ужин, в ходе которого к столу была подана очень маленькая черепаха. В результате главный гость заявил: «Господа, прежде чем есть эту черепаху, давайте подождем, пока она подрастет», — и с этими словами вышел за дверь. Мать хозяина была так разгневана скупостью своего сына, что выгнала его из собственного дома. Она позволила ему вернуться только через пять дней, после того как в дело вмешалась самая высокопоставленная женщина — жена князя.

Главным фактором в образе жизни любой женщины — качество ее одежды, комфорт, образование, степень влияния на дела в целом — являлся социальный класс, к которому она

принадлежала. Государство Чжоу периода «Весны и Осени» сохранило классовую структуру Восточной Чжоу. На самом дне общества находились рабы, хотя, возможно, их было меньше, чем в любом другом месте Древнего мира, а за ними следовали крестьяне, большая масса людей, которые наполняли армии и чей подневольный труд обеспечивал пищей княжества, а также создавал для последних материальную опору — ирригационные сооружения, дороги (многие были трехполосными), храмы, здания различного рода и массивные стены вдоль границ.

Эти крестьяне были привязаны к своим феодальным правителям, и если те взваливали на крестьян бремя непосильных налогов или подвергали чрезмерному гнету, оставалось только поднять восстание, рискуя почти неминуемой смертью, либо убежать туда, где, согласно народной молве, условия жизни были лучше:

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь пшена.
Мы трудились — ты хоть раз
Бросить взгляд могла б на нас.
Кинем мы твои поля —
Есть счастливая земля,

Да, счастливая земля!
В той земле, в краю чужом
Мы найдем свой новый дом.

Крестьяне были необразованными и крайне суеверными. Главной передышкой от тяжелого труда служили для них длинные ежегодные праздники, в ходе которых религиозная торжественность уступала место вакхическим ритуалам с участием деревенских юношей и девушек. Они, как правило, были ближе своих хозяев к добрым и злым духам, присутствовавшим во всех силах природы, временах года, земле и небе, на каждом перекрестке дорог, во всех доминирующих чертах ландшафта, таких как горы и реки (дух Хуанхэ обладал особой властью над боевыми действиями: военачальник, надеющийся на победу в сражении, бросал в реку в качестве жертвы тот ценный предмет, который был затребован у него во сне). Крестьяне, в сравнении с представителями высших социальных слоев, были в значительно большей степени привержены шаманизму, ранней форме религии, основанной на поклонении природе, которая практиковалась в северной Евразии с древних времен. Главный участник камланий — шаман

— облачался в странные одежды, впадал в транс, исполнял исступленные пляски, пророчествовал, изгонял злых духов и вызывал дождь. Представители высших классов были невысокого мнения о шаманах и презрительно относились к их тесному общению с духами, считая, что в нем есть очень много от заискивания и раболепства. Лишь в крайне редких случаях шаман мог достичь сколько-нибудь значимого положения в органах власти, но он — или она, поскольку шаманизм предлагал женщинам редкую возможность сделать профессиональную карьеру — пользовался большим уважением среди народных масс.

Над крестьянами располагался смешанный класс, куда входили домашние слуги, моряки, рудокопы, ремесленники и даже разбойники, а также коробейники, многие из которых к тому времени уже успели превратиться в купцов. Хотя купцы не носили отличавшей их одежды и не имели рангов, они обладали возможностью разбогатеть на торговле, особенно полотном и едой. Расширяющаяся сеть дорог и постоялых дворов, построенных для чиновников и посланников, облегчала передвижение купцов по всему Китаю, и они не могли упустить такую возможность сбора коммерческой, политической и военной

информации для своего княжества. На границах княжеств они платили пошлины: чрезмерная добыча обесценила раковины каури, и им на смену пришли медь и другие металлы. Существовала единица веса, равнявшаяся примерно половине фунта (220 г), но в 600 году до н. э. до идеи чеканить монеты, которые только что появились на Ближнем Востоке, оставался еще целый век.

Доминирующим классом по-прежнему была аристократия. Напрямую или через покровительство аристократы двигали китайскую цивилизацию вперед, и именно на них мы сейчас обратим свое внимание.

Глава 5. Восточная Чжоу (771–476 гг. до н. э.). Продолжение

Аристократия, занимавшая верхнюю часть по сути двухклассового чжоуского общества, сама была стратифицирована. Царь, или ван, стоял над всеми, но скорее по титулу, чем по факту, поскольку многие князья открыто называли себя ванами собственных княжеств. Таким образом, царство Чжоу оставалось единым государством только по названию, в отличие от своей обширной современницы Персидской империи (при династии Ахеменидов), в которой сатрапы входивших в ее состав провинций и областей напрямую подчинялись столице.

Ниже князей Чжоу на социальной лестнице располагались представители трех старших рангов — маркизы (хоу), графы (бо) и бароны (цзы). Среди оставшихся шести рангов были менее благородные сословия рыцарей, министров и ученых, численность которых быстро увеличивалась. Княжества разделялись и подразделялись на владения, принадлежавшие представителям младших рангов, каждый из них находился в

вассальной зависимости от вышестоящего правителя, которому платил дань и оказывал услуги. В то же время хозяин владения обладал абсолютной властью над его обитателями.

Последние не могли рассчитывать на защиту закона, имевшего достаточно расплывчатые очертания. Вплоть до XX века в Китае, как и в Великобритании, не было письменной конституции; но в отличие от британцев, а также своих современников — ассирийцев, персов и израильтян, которые имели объемные письменные своды законов, чжоусцы вершили правосудие, руководствуясь главным образом обычаями, неписаными прецедентами и общечеловеческим чувством справедливости. Когда в 536 году до н. э. министр одного из княжеств составил свод законов, отлитый в бронзе, другой чиновник горячо протестовал, говоря, что правители древности полагались на свое чувство правоты, моральные нормы и добродетельных чиновников; и хотя они могли устанавливать наказания, «чтобы удержать людей от крайностей», в то же время они никогда не пытались придать им четкий статус, поскольку «когда люди точно знают законы, они перестают испытывать трепет перед властями. В них просыпается мятежный дух, и они начинают

прибегать к словесным уловкам».

Существующие законы были связаны главным образом с воинской дисциплиной и уголовными преступлениями. Первые были направлены, например, против мародерства или нарушения субординации ради личных целей, и колесничий мог поплатиться жизнью только за то, что выехал из общего строя; уголовные законы подвергали преступников суровым наказаниям — от смертной казни (осуществляемой различными способами, в том числе и бросанием в котел с кипящей водой) до штрафов, между которыми располагались клеймение, кастрация, а также отсечение носа, ушей, пальцев ног и ступней. Но все эти наказания предназначались для простолюдинов и, как правило, применялись по решению хозяина обвиняемого. В среде аристократии письменного свода законов вообще не существовало, хотя, если какой-то феодал был значительно сильнее своего обидчика, он мог потребовать для того наказания в виде смертной казни, конфискации имущества или понижения в ранге до простолюдина.

В гражданских судебных разбирательствах (которые проходили только между равными, поскольку никто не мог иметь каких-либо пре-

тензий в отношении человека, занимающего более высокое положение) и уголовных делах законы, по всей видимости, полностью зависели от того, как судьи интерпретируют обычаи. Многие преступления разбирались внутри семьи или клана, и вся судебная практика носила настолько локальный характер, что судьи обычно хорошо знали стороны, принимающие участие в судебном споре, и им не было безразлично общественное мнение. Хотя судебная система без адвокатов и ставящая справедливость выше закона способна у многих вызвать симпатии, не следует забывать, что она была подвержена коррупции (например, судья мог получить подарок в виде красивой девушки) и оставляла непривилегированных на милость привилегированных.

Так, один князь, получивший в присутствии семи свидетелей плохую новость, распространения которой он не желал, приказал перерезать им горло; другой, коллекционер мечей, испытывал остроту оружия на своих подданных; третий забирался на башню и ради развлечения стрелял из лука по прохожим; четвертый проверял подозрительную пищу на своем слуге; а еще один убил повара, чье блюдо ему не понравилось. Хотя все эти поступки остались безнаказанными,

исторические записи позволяют предположить, что такое поведение аристократов не являлось нормой.

На самом деле чжоуский аристократ обладал многими положительными качествами. Обычно рожденный в роскоши, он тем не менее мог вырасти вполне достойным, культурным человеком. До тех пор пока политические волнения, военная деятельность или личные амбиции не овладевали им, он наслаждайся радостями жизни, как человек с тонким вкусом и развитым умом. Он умел читать и писать, свободно цитировал стихи, созвучные его восприятию красот природы, одевался в одежды из шелка или меха, прогуливался в своих парках, украшенных изящными павильонами, и демонстрировал изысканные манеры. Он соблюдал весьма утонченный этикет, изучал тексты, позднее собранные под общим заглавием «Ли цзи», или «Книга ритуалов», в которых детально описывались правила поведения аристократии в различных жизненных ситуациях. Среди них — церемония надевания специальной шапки, отмечающая достижение аристократом совершеннолетия; социальные и дипломатические визиты; крупные и мелкие состязания по стрельбе из лука; браки, похороны,

траур, жертвоприношения и так далее, до бесконечности. За этими правилами лежала глубокая концепция примеров, которые управляют внутренней гармонией человека, общества, а также всем естественным порядком вселенной.

Однако все эти правила не исключали стремления к удовольствиям. Аристократ любил спорт: состязание по метанию наконечников стрел в вазу, каковое некоторые ученые считают предшественником таких игр, как кости, карты и шахматы (хотя египтяне играли в некоторое подобие шашек еще в IV тыс. до н. э.), охоту и езду на колесницах; а также петушиные бои. Но самой большой популярностью у чжоусцев пользовались соревнования по стрельбе из лука. Единственными официальными школами, существовавшими в ту эпоху, были школы лучников. Соревнования устраивались при каждой удобной возможности. Их участники выступали командами, чтобы никто не потерял лицо в результате личного поражения — на самом деле очень высокопоставленный аристократ мог обнаружить, что его промах записан как попадание. Если какой-то лучник не успевал выстрелить вовремя, выстрел аннулировался. Состязания сопровождались обильными пиршествами, возлияниями

и музыкой.

На самом деле музыка, как ритуальная, так и развлекательная, играла весьма заметную роль в жизни аристократа. Чаще всего он сам играл на каком-нибудь инструменте. Как правило, это была классическая «лютня», которая представляла собой разновидность цитры. Он также либо содержал, либо вызывал к себе профессиональных музыкантов. Те обычно были слепыми, имели официальный ранг и пользовались большим уважением. На торжествах любого рода присутствовали либо квартеты музыкантов, исполнявших также и вокальные партии, либо группы флейтистов, либо целые оркестры, игравшие на «звенящих камнях» (пары подвешенных L-образных камней), духовых и струнных инструментах, больших и маленьких барабанах, а также колокольчиках. Последние — возможно, произошедшие из закругленных совков для зерна — подвешивались в один ряд на раме, и поскольку они обладали высочайшей чистотой тона, их использовали для настройки всех остальных инструментов. Была разработана необычайно передовая система нотной записи, в которой использовалось двенадцать нот. До нас не дошла ни одна из игравшихся в то время

мелодий, но многие песни сохранились в «Шицзин». В одной из них описывается выступление придворного танцора:

Я всегда плясать готов
Так свободно и легко…
Рост могучий, я — танцор,
Выхожу на княжий двор…
Вот я в руки флейту взял
И перо фазанье сжал,
Красен стал, как от румян, —
Князь мне выпить чару дал.

Со времен запрета на употребление спиртного под страхом смертной казни, объявленного Чжоу-гуном после завоевания Шан, было выпито огромное количество чарок. Пирушки укрепляли дружбу. «А разве человек не должен искать себе друзей?» — спрашивал поэт. Неформальные застолья и официальные банкеты, спортивные состязания и религиозные церемонии редко проходили при отсутствии напитков. Часто это был всего лишь фруктовый сок или слабоалкогольный напиток из зерна, но употребление забористого просяного пива порой могло привести к прискорбным последствиям:

Званые гости к циновкам подходят сперва,

Справа и слева по чину расселись едва…

Каждый почтителен, тонок и щедр на слова,

В каждом, пока он еще не напился вина,

Важность осанки, как это и должно, видна…

Если уж гости напилися пьяными, тут

Спьяна без толку они и кричат, и орут.

Спутает пьяный сосуды мои без труда,

Спляшет не раз он, шатаясь туда и сюда.

Тот, кто напьется вина, говорю я, таков,

Что за собой никогда не заметит грехов.

Шапку свою набекрень нахлобучит он вкось,

Пляшет подолгу, кривляется как ни пришлось.

Если напился да сразу оставил твой дом —

Счастье тогда и ему и хозяину в том.

Если ж напился да дом не оставит никак —

Он своему и чужому достоинству враг.

Выпить вина — что ж, обычай сей очень хорош,

Если при том и осанку и честь сбережешь.

Ели много и проявляли в еде большую разборчивость. Шеф-повар при княжеском дворе имел статус важного государственного чиновника, и то заметное место, которое китайская кухня сегодня занимает в мировой кулинарии, есть в известной мере результат достижений этих поваров. Кроме специфических деликатесов, таких как медвежьи лапы, в 600 году до н. э. обед мог состоять из следующих блюд:

Суп — говядина, баранина, свинина.

Рыба — осетр, лещ, карп либо черепаха.

Мясо — вареная либо тонко нарезанная баранина или говядина; рубленая говядина; жареная свинина с соусом и горчицей; цыпленок с требухой; простое

или острое сушеное мясо; рагу из оленя, лося, улиток или зайца.

Дичь — фазан или куропатка.

Овощи — сельдерей, горчица, побеги бамбука, ряска, рдест, таро или фасоль; папоротник (двух типов).

Чжоусцы любили соления, ели улиток, просвирник, лук-порей, корни камыша, арбуз, а также обильно использовали приправы и соусы. На десерт они могли выбрать персики, сливы, дикий виноград, апельсины, дыни и китайские финики (плоды дерева ююба). Пожалуй, самый удивительный факт, связанный с рационом китайцев, заключается в следующем: несмотря на то что они с незапамятных времен содержали молочных животных и тесно контактировали с народами, пьющими молоко, сами они, вплоть до появления мороженого в XX веке, никогда не употребляли молочных продуктов, к которым испытывали внутреннее отвращение.

В ходе каждой трапезы духи получали ритуальные жертвоприношения в виде еды и питья. Этот ритуал нельзя считать эквивалентом христианской благодарственной молитвы перед едой, поскольку его участники никого не благодарили,

а просто заботились о том, чтобы их предки были хорошо накормленными. С течением времени, по мере того как дух привыкал к новым условиям существования, ему требовалось все меньшее количество пищи, но уважение и почтительное отношение к духам усопших следовало проявлять всегда и везде, при каждом удобном случае, поскольку они обладали огромным могуществом. Они могли завладеть имуществом отдельных людей, являться как призраки или в различных обличиях, влиять на ход событий, чтобы вознаградить или покарать своих потомков, и, если в силу недостаточных жертвоприношений им приходилось вести голодное существование, они могли выразить свое недовольство, наслав на неблагодарных потомков всевозможные беды и несчастья. Владея такими силами, духи служили сильным сдерживающим средством против злодеяний и заговоров, поскольку подобные действия могли навлечь смерть как на голову самого преступника, так и на членов его семьи, в результате чего его собственный дух мог остаться без жертвоприношений. Духи предков были и полезными союзниками; одна их репутация могла заставить амбициозного князя дважды подумать, прежде чем атаковать соседа, имевшего слабую

армию, но очень сильных предков. Например, считается, что маленькое восточное княжество Лу сумело выжить среди значительно более могущественных соседей только потому, что его основателем был великий Чжоу-гун.

Дома за соблюдением религиозных обрядов следил глава семьи. В храме за них отвечал главный аристократ области, поскольку это был храм его предков. В самом главном храме, посвященном предкам верховного правителя, а следовательно, и всей нации, обряды совершал царь. Помогавшие ему чиновники и слуги являлись самым близким подобием чжоуского духовенства, поскольку они присматривали за храмом, были сведущи в ритуалах и составляли молитвы.

Судя по всему, молитвы были не столько ритуалом, сколько насущной потребностью. Чаще всего молящийся просил о долголетии — в силу высокого положения стариков, как в семье, так и в обществе. Богатый человек мог написать специальную молитву на бронзовом сосуде, стоимость которого вряд ли смог бы проигнорировать даже самый мрачный дух, но обычно считалось достаточным использовать метод шанцев, состоявший в сожжении молитвенного письма, чей дым должен был донести послание до небес. По-

видимому, существовали некоторые разногласия по поводу места обитания духов. Небеса — место, где они, как считалось, пребывали, — все чаще отождествлялись с Шан-ди, или Верховным владыкой, — главной силой, поддерживающей гармонию вселенной. Поэтому духов постепенно переселили под землю, в место, которое называлось Желтый источник.

В тех случаях, когда от духов требовалось получить ответ, применялось искусство гадания. Даже подготовку к жертвоприношению нельзя было начать без предварительного одобрения духов относительно предмета или животного, предназначенного в жертву. Некоторые западные народы той эпохи, такие как этруски, у которых учились римляне, гадали на внутренностях животных, но чжоусцы по примеру шанцев использовали кости, главным образом черепаший панцирь. Они сочетали этот метод с целым рядом других, самый распространенный из которых был основан на гадании на стебле тысячелистника. На протяжении многих поколений китайцы использовали «Книгу Перемен» («И цзин»), где детально описываются всевозможные сочетания боковых побегов тысячелистника различной длины, по которым посвященный мог интерпре-

тировать волю духов и предсказывать будущее. Никто теперь не понимает эту книгу, старейшую в китайской литературе; она выглядит как каббалистическое руководство для колдунов. И все же многие века великие мыслители писали к ней глубокие и тонкие комментарии. Здесь следует напомнить, что еще несколько столетий назад мистика и наука были неразделимы. Так, например, Пифагор, считающийся одним из основателей западной науки, рассуждал о мистических свойствах бобовых семян.

За пределами дома главным местом для вызова духов являлся храм предков, где их имена были начертаны на деревянных табличках. Храм предков считался самым важным местом в каждой общине, а храмы князей и царя — самыми важными в княжествах и всем царстве соответственно. В этих храмах решались вопросы, связанные как с богами, так и с людьми. Здесь вершились важнейшие государственные дела, включая назначение наследника, провозглашались декреты, присваивались титулы, устраивались дипломатические приемы и даже официальные банкеты; отсюда армии уходили в поход, захватив с собой некоторые из деревянных табличек, которые возвращали в храм после победы или пораже-

ния. Можно сказать, что в те времена в Китае вряд ли можно было найти такое дело, которое обходилось бы без участия духов. Их почитание эволюционировало в сложный храмовый ритуал, нашедший свое отражение в утонченном церемониале аристократического сословия.

Тема ритуала затрагивает самое ядро китайской цивилизации, а в том, что касается мотивов, побуждающих человека к соблюдению определенных моральных и этических норм, отличает ее от всех остальных. Мотивы, существовавшие на Западе, представляли собой смесь религии, закона и общественного мнения, причем религия стала таким мотивом в последнюю очередь, так как поначалу она лишь призывала своих последователей совершать установленные ритуалы. Считалось, что только ритуалы, а не абстрактная добродетель, способны умилостивить богов — совсем неудивительно, притом что мораль считалась простым определением того, как люди могут лучше жить в обществе. Переход к вере в то, что богам требуется еще что-то, кроме бесхитростного религиозного служения, возможно, был связан с их персонификацией, наблюдавшейся во многих цивилизациях — от этрусской, персидской, ассирийской, еврейской, финикийской и

египетской до греческой; они воспринимались мистически и трансцендентально, как люди, или люди, наделенные сверхчеловеческим могуществом. В процессе персонификации возникали достаточно необычные верования — например, что вселенная была создана богом, который породил сам себя; что бог имеет моральный кодекс (так, иудейские пророки настаивали на том, что Иегова в высшей степени справедливый бог, в то время как греческие боги достаточно далеки от морали); что в зависимости от того, насколько ревностно человек соблюдает этот кодекс, бог может либо вознаграждать его, либо наказывать и что цель жизни состоит в служении богу. Из веры в то, что верховный отец следит за поведением своих детей, выросла концепция божественного воздаяния. В условиях, когда порочность очень часто приводила к процветанию, данная идея, возможно, так никогда бы и не укоренилась, если бы не еще одна, выдвинутая следом за ней, замечательная идея, утешавшая человека перспективой получения своего маленького вознаграждения если не при жизни, то после смерти. Великие иудейские пророки, современники Восточной Чжоу, только начинали пропагандировать это верование, желая пере-

нести акцент с ритуала на этику. Тем не менее в иудейской религии ритуал всегда сохранял свое первостепенное значение как внешнее проявление религиозной веры, требующее содержание целого класса профессиональных священников для надзора за ним.

Просвещенный Китай VII века до н. э. был далек от этого. Китайцы верили в бессмертие души, но без райских блаженств или адских мук — да, душе усопшего грозили страдания, но лишь в том случае, если родственники не будут совершать для нее необходимые жертвоприношения. Шан-ди, верховное божество, не был ни космическим творцом, ни вершителем верховного правосудия, ни автором моральных кодексов, и его единственная связь с добродетелью состояла в необходимом условии получения божественной санкции на царское правление — добродетель, которая определена не божественными заповедями, а тем, как ее понимает каждый человек. Хотя природные духи, столь многочисленные и могущественные в крестьянской среде, были смутно персонифицированы — несомненно, по аналогии с духами предков, — мысли китайцев все больше обращались к силам, которые не разделялись на группы добрых и злых демонов, о

которых позднее рассказывал персам Заратустра, а скорее были ближе к таким физическим силам, как, скажем, гравитация или магнетизм. Они действовали в соответствии со своим конкретным характером, а не божественным статусом (с которым мы до сих пор считаемся, ошибочно называя научные гипотезы «законами»), в то время как высшая первичная сила сохраняла единство вселенной, поддерживая порядок. Этот порядок был не фиксированным, а постоянно меняющимся и эволюционировал по мере того, как различные силы взаимодействовали, порождая гармонию или равновесие между всеми явлениями. Вселенная была единой, и гармония вселенной складывалась из гармонии ее составных частей, а человек вместе со своими собратьями являлся частью вселенной в такой же степени, как и солнце на небе.

Таким образом, мораль была всего лишь соблюдением естественного порядка. Хорошее поведение способствовало приведению человеческого общества в созвучие с гармонией небесных сфер; плохое поведение вносило диссонанс и вредило общему благосостоянию. Некоторую склонность придать морали религиозные мотивы можно увидеть в любви китайцев к прецеденту, которая

приводила к тому, что любое отклонение от поведения или мнения предков могло быть расценено как неуважение, но усилия некоторых мыслителей убедить общество в том, что добродетельное поведение само по себе приносит удовольствие предкам, не имели особого успеха. Однако, даже несмотря на то, что единственным выражением религиозной веры в Китае был ритуал, он не стал таким затянутым и многословным, как, скажем, в индийском брахманизме, и для его проведения не требовался класс профессиональных священников.

Вместо этого чжоуская цивилизация взрастила близкий к духовенству, но в то же время совершено иной общественный класс. Он являлся продуктом своего времени, которое, после того как ранняя эпоха военной оккупации уступила место внутренним сложностям разросшегося правительства и внешним трудностям борьбы за власть, требовало, чтобы правители все больше и больше полагались в делах управления на ученых людей, обращаясь к ним за советом. Эти люди были наследниками традиции, начатой еще слугами и рабами шанского государства и продолженной потомками их хозяев — поскольку представители бывшей шанской

аристократии были одними из главных учителей чжоусцев, жадно впитывавших в себя достижения завоеванной цивилизации. Так появился класс высокообразованных людей, поставлявший государству непревзойденных гражданских чиновников, замечательных мыслителей и художников. Эти люди, бывшие источником и проводниками китайских интеллектуальных достижений, стали известны как просто «ученые».

Хотя ученый обычно с самого рождения принадлежал к представителям верхних социальных слоев, при наличии выдающихся способностей и удачи он мог добиться высокого положения за счет прилежной учебы. Считалось, что для посвященного ума первостепенное значение имеет гуманитарное образование, а не техническое или профессиональное. Типичный курс обучения, предлагавшийся наследникам князей в начале VI века до н. э., включал в себя историю, поэзию, музыку, литературу, государственные документы, церемониал и этикет. Кроме того, молодым людям прививали моральные ценности, вытекающие из традиции и применявшиеся на всех должностях, от первого министра до домашнего учителя; среди моральных ценностей главными считались честность, преданность и забота об

общественном благосостоянии.

Именно китайские ученые сыграли основную роль в составлении или сохранении большей части монументальных работ, позднее вошедших в состав конфуцианского пятикнижия, или «У цзин» (буквально — «пять канонов»). Это самые древние письменные произведения, известные со времен шанских надписей на черепашьих панцирях, которые стали основополагающими текстами китайской культуры. Они были вплетены в саму ткань национального существования, и по глубине влияния на общество их можно сравнить с Библией. Они не содержали отчетов о божественных откровениях, к которым Дальний Восток не испытывал особого интереса, но с тем же Святым Писанием их роднит разнообразие содержания, варьирующееся от истории, как реальной, так и вымышленной, до песен и притч, а также политических, этических и религиозных пассажей. Их авторство и аутентичность по сей день вызывают самые ожесточенные споры.

Из этих пяти книг три уже упоминались — «Книга песен» («Шицзин»), «Книга ритуалов» («Ли цзи») и «Книга Перемен» («И цзин»). Остальные две посвящены истории. Самую раннюю из них — «Шуцзин» — называют «Книгой исто-

рии», но в то же время и «Книгой документов», поскольку она представляет собой собрание государственных постановлений, речей (таких, как речь великого Чжоу-гуна, обращенная к основателям Лои), отчетов и т. д. Если приведенные там факты о Западной Чжоу достаточно надежны, то большая часть информации, связанной с предыдущими династиями Шан и Ся, является либо вымышленной, либо представляет собой простую пропаганду. Последний классический текст, анналы «Весны и Осени» («Чуньцю») был написан позже остальных; хотя это хроники лишь одного из княжеств с 722 по 481 год до н. э., их название было присвоено всему рассматриваемому периоду.

Эти книги распахнули врата в литературу. Наука также значительно продвинулась вперед, поскольку даже если ученые, сосредоточившиеся на изучении гадания по стеблям тысячелистника, солнцестояний и равноденствий, вряд ли могли похвастаться какими-то выдающимися достижениями, китайский технологический прогресс ни в чем не уступал темпам развития других главных цивилизаций той эпохи. Несомненно, именно союз ученого и ремесленника привел к уже упоминавшимся достижениям, таким

как изготовление музыкальных инструментов, производство соли и железа, строительство ирригационных сооружений, а еще — появление мерного фута. Он был разбит на десять дюймов, что отражало склонность китайцев к десятичной системе, которая проявилась в шанские времена. Десятичная система использовалась и раньше, причем более последовательно, чем в любом другом известном нам месте. Такая система, разумеется, сыграла важную роль в развитии математики и методов точных измерений.

Однако наибольший вклад в развитие цивилизации своей страны китайский ученый внес в роли учителя и государственного служащего. При консультировании правителя главным оружием ученого было цитирование древнего прецедента, от которого никто не мог просто так отмахнуться; и если, чтобы удержать правителя от неразумной политики, ученый придумывал прецедент сам, то он не шел на обман, вопреки своему тщательно оберегаемому честному имени, а всего лишь делал вывод из непонятных простому уму моральных доводов, которыми руководствовались уважаемые предки. Порою ему не удавалось найти дипломатичного способа настоять на совете, идущим вразрез с сильным желанием своеволь-

ного правителя, и в таком случае он рисковал как своей должностью, так и жизнью. Но это его не удерживало, поскольку он всегда был готов принять смерть в знак преданности своему правителю. Его преданность была неотделима от честности и заботы о всеобщем благосостоянии: он считал, что, если правитель несправедлив, жесток, деспотичен или развратен, это непременно приведет к плохим последствиям — бунтам, нестабильной экономике, потоку беженцев, которые укрепят амбициозное соседнее княжество; кроме того, такое поведение, неподобающее для образованного человека, и тем более правителя, было проявлением неуважения к собственным предкам.

На фоне беспрерывной борьбы за власть, характерной для всего периода «Весны и Осени», среди внутренних волнений, жестокости, предательства и коррупции, ученый на посту чиновника продолжал играть важную роль в схватке добра и зла, роль, которая не в последнюю очередь выражалась в его влиянии на феодальных правителей, заполнивших вакуум, оставшийся после ослабления царской власти. Так, например, Хуан Чжун, первый министр самого первого гегемона, правителя княжества Ци, доказал свою

эффективность следующим образом: увидев, что призывы царя оказать сопротивление вторжению варваров остаются без внимания, он убедил князя оставить земли, завоеванные у соседних княжеств, в результате чего те стали его союзниками. Освободив таким образом свои армии, они смогли дать совместный отпор варварам.

После этого события, которое имело место в 679 году до н. э., на протяжении двух столетий сменявшим друг друга гегемонам удавалось поддерживать хрупкое единство страны. Ни одно из княжеств не доводило победу над соседом до полного завоевания. Но в 479 году до н. э. запруженные воды прорвали плотину, когда полуварварское княжество Чу, занимавшее большую часть долины Янцзы, поглотило маленького соседа, положив начало двухвековой эпохе широкомасштабной кровавой борьбы, которая получила название периода Борющихся Царств. Это была борьба за овладение всем Китаем — точнее, телом Китая, поскольку его душа уже была завоевана человеком, который, по странному совпадению, умер в том же самом 479 году до н. э. Этого человека, которому, возможно, было суждено оказывать самое большое и самое продолжительное влияние на человечество из

всех когда-либо живших людей, звали Кун Фуцзы, т. е. учитель Кун. На Западе, после того как его имя было подвергнуто латинизации, он стал известен как Конфуциус, или Конфуций.

Глава 6. От Конфуция до империи

Выбор рубежа до н. э./н. э. между так называемыми древним и современным миром создает впечатление стены, за которой лишь смутно просматриваются очертания получеловека, существовавшего вплоть до 1 года н. э., когда он, полностью оперившийся, вышел на солнечный свет. Это лишает его внутренней преемственности. Стоит лишь почитать литературу древних греков, поэзию и письма египтян либо ассирийцев, не говоря уже о чжоусцах, чтобы убедиться в том, что ничто человеческое не было им чуждо. Вавилонянин, чудесным образом перенесенный в XXI век, вероятно, был бы поражен, увидев самолет, телевизор или компьютер, но дайте ему пройти современный курс обучения, и он поймет принцип их действия и будет пользоваться достижениями техники наравне с нами. Очевидно, что наши эмоции, как и структура мозга, не претерпели сколько-нибудь значительных изменений со времен каменного века; но если при создании концепций древнего и современного мы захотим провести некую условную разделительную

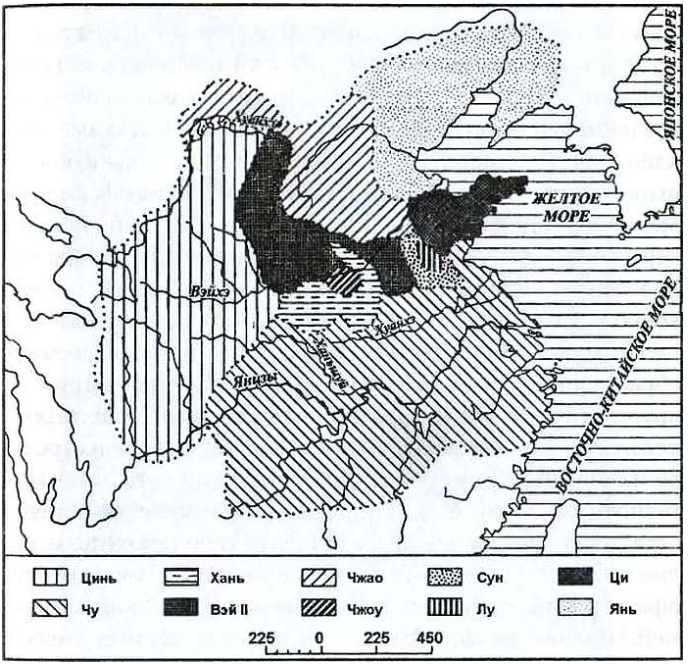
черту, то, возможно, нам стоит остановить свой выбор на столетии от середины VI до середины V века до н. э. В 558 году до н. э. Заратустра начал свою проповедническую деятельность, которая привела к появлению персидской религии; в последующие десятилетия иудейские пророки вели активную пропаганду в вавилонской ссылке; в 520 году до н. э. умер Лао-цзы, основатель даосизма, чьи взгляды представляли собой контраст со взглядами Конфуция; а в 486 году до н. э. — Сиддхартха Гаутама, основатель буддизма; смерть Конфуция в 479 году до н. э. на десять лет опередила рождение Сократа, который был старше Платона на тридцать восемь лет. Таким образом, можно сказать, что в этот короткий период были рождены и выношены многие метафизические, философские, религиозные и политические идеи, которые после появления христианства и ислама стали главным культурным достоянием всего цивилизованного человечества.

Конфуций родился около 551 года до н. э. Он был вторым сыном в семье представителей ши — социального сословия нетитулованного дворянства, к которому принадлежали ученые и чиновники. Этот крепкий класс людей, часто обладавших благородным происхождением, но

редко имевших полное право называть себя аристократами, по современным понятиям можно было бы назвать буржуазией. Местом его рождения было давно исчезнувшее селение Цзоу, располагавшееся неподалеку от современного города Цюй-фу в провинции Шаньдун. Тогда эта территория принадлежала княжеству Лу — самому маленькому из всех уделов, входивших в состав чжоуского царства, которое тем не менее пользовалось среди своих соседей большим авторитетом, поскольку его основателем считался бессмертный культурный герой Чжоу-гун, чьи идеи оказали основополагающее влияние на идеи самого Конфуция.

В делах княжества, в котором он рос, находили свое отражение коррупция, предательство и безжалостная борьба аристократов за власть, продолжавшаяся на протяжении периода «Весны и Осени» во всем царстве, хотя благодаря своему происхождению княжество Лу так и не было поглощено более могущественными соседями, которые вторгались в него лишь раз в десятилетие. Главной причиной внутренних проблем была амбициозная вражда трех главных аристократических фамилий, которые вели свое происхождение от трех сыновей князя, правив-

шего княжеством в предыдущем столетии. Их звали Старший, Третий и Младший (Цзи). Когда отец обошел Старшего в вопросе о престолонаследии, тот попытался убить наследника, но ему помешал Цзи, чей клан впоследствии доминировал, хотя все три сына постепенно узурпировали княжескую власть. На самом деле ко времени рождения Конфуция «Три семьи» исполняли лишь церемониальные обязательства перед правящим князем, чье положение, таким образом, было аналогично положению верховного правителя.



Древний Китай в эпоху Борющихся Царств

По всей видимости, Конфуций получил определенное образование у своих родителей — поскольку лишь в семьях крупных феодалов ученые-чиновники могли исполнять роль педагогов, — обучившись чтению, письму, музыке и

стрельбе из лука. Когда ему исполнилось пятнадцать, клан Цзи распространил свою власть на половину княжества, оставив остальным семьям по одной четверти и подтвердив бессилие князя; но юноша не имел особой надежды получить официальную должность при дворе какой-либо из этих семей. Похоже (детали его жизни по большей части относятся к области предположений), что постепенно он перебрался ближе к центру политической активности — если не в столицу, то в один из укрепленных городов, где базировались «Три семьи», и нашел себе работу писца.

На своей первой должности он вел учет запасов зерна и проверял качество скота. Эти обязанности вряд ли были обременительными, а развивающийся разум кормили книги, которые по-прежнему существовали в виде бамбуковых дощечек, скрепленных горизонтальными шнурами, причем многие из них были разбиты на отдельные части, только позднее собранные вместе. То, что он узнал о жизнях и верованиях ученых прошлого и высокопринципиального основателя родного княжества, а также знакомство с ценностями собственного класса ши, — все это было влияние одного рода. Влияние другого рода оказывал скептицизм, разделяемый все большим

числом интеллектуалов, по поводу практической действенности религии. Могущественные предки не могли спасти великие семьи от немилости и бедности, какими бы богатыми и щедрыми ни были ритуальные жертвоприношения; царственные духи не могли возместить слабость в военной силе; а торжественные договоры, заключенные под эгидой небесных покровителей, нарушались совершенно безнаказанно стороной, обладающей более сильной армией. Этот скептицизм вызывал рациональную оценку окружающих условий, которые приносили унижения и страдания простым людям; чувствительный и проницательный молодой ум не мог оставаться к ним равнодушным. По всей видимости, сам Конфуций никогда не испытывал ни острой нужды, ни насилия над собой, которые могли бы привести его к моральной поддержке экстремистских идей или действий (за одним поздним исключением). Вместо этого у него развились искреннее сочувствие к народным массам и сбалансированный взгляд на то, как можно улучшить их благосостояние. На протяжении жизни ему, вероятно, чаще всего приходилось сталкиваться с высокомерием тех, кто занимал привилегированное положение.

萬世師表
先覺先知為萬古倫常立極
至誠至聖與兩間功化同流

Конфуций с учениками. Гравюра на дереве

Нетерпимое отношение Конфуция к покровительству, интригам, уклончивым и пустым речам не могло способствовать карьерному росту. То, что он был скромным и даже молчаливым, становится ясно из его отношения к красноречию: «У людей с красивыми словами и притворными манерами мало человеколюбия», — говорил он. И если Конфуций переживал из-за низкого происхождения, в то же время он не мог не осознавать своего интеллектуального превосходства над теми, кто лишь по праву рождения имел более высокий ранг. Но начальникам он, вероятно, казался чопорным, педантичным и излишне придирчивым человеком, что вряд ли могло помочь добиться всеобщего признания тому, кто лишен привилегий.

Он женился и имел по меньшей мере одного ребенка — сына, о котором известно лишь то, что Конфуций считал его большим разочарованием; а его жена — просто факт, закрепленный в молчании эпох. Таким образом, семья вряд ли могла служить ему утешением за годы безвестности, скорее, наоборот, заставляла его больше времени посвящать учебе. Учился он, продолжая

сочувствовать угнетенным, испытывающим лишения народным массам, учился не ради учения, а как человек, который может изучать плуг, чтобы затем с его помощью вспахивать почву. «Учиться, — однажды сказал он, — а затем, когда представится возможность, применять изученное на практике — разве это не приятно?»

Большую часть своей жизни Конфуций не имел возможности испытать подобное удовлетворение, но продолжал стремиться к цели с неиссякаемым оптимизмом, сухим юмором, нередко приводившим в замешательство серьезных комментаторов его трудов, и готовностью дружить с каждым. Когда Конфуций приблизился к своему тридцатилетию, вокруг него собралась группа молодых людей, большинство которых не отличались знатным происхождением и были моложе его, что, возможно, сделало Конфуция менее застенчивым и побудило поведать о тех умозаключениях, к которым он пришел. Начиная с этого времени, нам становится известно о развитии его идей. Они никогда не были систематизированы или даже записаны при жизни Конфуция, и их приходится искать в древней литературе — сборнике приписываемых ему бесед и высказываний «Лунь юй», составленном вторым

поколением его учеников, трактате «Мэн-цзы», появившемся в следующем веке, истории княжества Лу в период его жизни; более поздние работы сделали легенду еще более запутанной.

Друзья были очарованы силой и эрудицией его ума, притягательностью его мягкого и в то же время твердого характера. Они называли его своим Учителем. Это слово, как и предпринятые в последующие эпохи попытки обожествить Конфуция, создают ложное представление о человеке, который верил в то, что удовольствия играют важную роль в жизни уравновешенной личности и уравновешенного общества — каковое он ставил превыше всего. Он любил такие развлечения, как рыбалка и стрельба из лука, наслаждался музыкой, с удовольствием присоединялся к неформальным песнопениям; и его встречи с друзьями проходили в веселой, приподнятой атмосфере, которая не мешала вести искренние беседы.

Но это были тяжелые времена. Из большого южного княжества У дошли слухи о судьбе правителя. Получив приглашение на пир от амбициозного родственника, князь проявил осторожность и расставил солдат на всем пути от своего дворца до пиршественного зала. Перед

входом в зал всех разносивших блюда слуг раздевали донага и меняли на них одежду, после чего они на коленях вползали внутрь. Но один из слуг спрятал кинжал в рыбе, которую должен был подать на стол, и вонзил заготовленное оружие в князя, даже несмотря на то, что в тот же самый миг, как записал хронист, «два меча встретили его грудь». Когда Конфуцию исполнилось тридцать четыре года, в его родном княжестве Лу номинальный правитель попытался восстановить свою власть, атаковав главу клана Цзи, но «Три семьи» сомкнули ряды и отправили претендента в изгнание. После этого они возобновили свои бесконечные интриги, вызванные завистью к клану Цзи, хватаясь за любой удобный предлог, от азартных игр до женщин. Народные массы были вынуждены трудиться еще более усердно, чтобы обеспечить экстравагантной роскошью правителей, чьи администрации служили инструментами обмана, насилия и коррупции.

Эти и подобные им события укрепили уверенность Конфуция в тех убеждениях, которые он предлагал на обсуждение своим молодым друзьям. В системе, настаивал он, существует фундаментальный изъян: она действует для блага тех, кто управляет. Отсюда безжалостная

борьба за власть и издевательства над народом. Если вместо этого систему переориентировать на благо управляемых, если, более того, на руководящие посты назначить самых добродетельных людей независимо от их происхождения и, наконец, если врожденные добродетели дополнить обучением навыкам управления, то государство будет процветать, народ начнет стойко переносить трудности, поскольку будет разделять его удачи, с готовностью поддерживать, заселять без завоевания, в результате чего войнам и несправедливостям будет положен конец. Он верил в то, что для социальных улучшений требуются совместные усилия и что при справедливом обращении любой человек будет их поддерживать по самой своей природе. Западные идеи о первородном грехе и потребности человека в «искуплении», которое возможно только при божественном содействии, был и глубоко чужды мышлению Конфуция, поскольку он верил в то, что все люди рождаются потенциально добродетельными — то есть заботливыми, искренними, рассудительными и доброжелательными, — и разумно управляемое общество позволяет реализовать этот потенциал. Все зависит от качеств правителей.

Эти качества представляли собой этический стандарт высшего порядка. Идея Конфуция о том, что управление людьми должно осуществляться ради людей, помогла сформировать западную демократию; но, хотя он тоже считал, что правительство должно быть народным, в том смысле, что люди, занимающие руководящие посты, должны избираться из всего населения страны, его, вероятно, сильно озадачил бы наш метод выбора. Он бы спросил, каким образом избирательная урна способна определить самых добродетельных и подготовленных людей — одним словом, подходящих для управления страной. Главной потребностью он считал добродетельного правителя, который окружит себя добродетельными, способными министрами, которые, в свою очередь, отберут по тому же принципу — поскольку важным элементом добродетели является готовность распознать то же качество в других людях — подчиненных им государственных чиновников, и так далее, вплоть до самых нижних уровней власти. Предложенную им систему можно охарактеризовать как устойчивую меритократию, где упор сделан на характер индивидуума. На первое место Конфуций ставил идеи, а не правила, поскольку

считал, что ничто не может освободить человека от обязанности думать и быть честным с собой.

В это же время начала распространяться вера в то, что в истории страны существовал золотой век, когда все правители были благородными, а их подданные — счастливыми. В результате появились такие культурные герои, как упоминавшийся ранее Желтый император. Многие цивилизации сохранили схожие, наполненные сожалениями предания о потерянном рае. Но хотя Конфуций признавал, что «верит в древность и любит ее», он не разделял веру в золотой век, пусть даже его идеи могли стимулировать ее распространение. Он верил в то, что китайский правящий класс утратил благородство, но в своих рассуждениях он никогда не заходил дальше эпохи лидеров чжоуского завоевания У-вана и его сына великого Чжоу-гуна. Особенно высоко Конфуций ценил последнего за то, что тот сформулировал концепцию Небесного мандата, а также рассуждал о необходимости соблюдения принципов гуманности и справедливости в управлении людьми.

Конфуций не претендовал на оригинальность. «Распространитель, а не создатель» — так он себя характеризовал. Таким образом, он думал

лишь о феодальном обществе — единственном, которое он знал, — как о семье, расширение которой может быть успешным лишь на основании взаимной ответственности, хотя при этом некоторые члены семьи должны подчиняться другим. Но его идеи по поводу того, как следует управлять обществом, включали революционные предложения: открыть доступ в правящий класс для всех, кто наделен личными достоинствами; сделать единственной привилегией служение людям; ввести систематическое обучение; и все это на основании того, что каждая личность является объектом уважения и заботы.

Конфуций пробудил в своих друзьях желание построить реформированный мир и в процессе подготовки к этому поднять уровень своего образования до высочайших стандартов. Он читал ученикам курс лекций по предметам, знание которых считал важным для каждого кандидата на пост государственного чиновника. Некоторые из этих предметов были техническими (правительственные документы, протоколы и правила); некоторые — практическими: церемониальные процедуры и музыка; а некоторые — гуманитарными: история, литература и философия, которые он считал главными инструментами

для формирования характера.

Когда Конфуций начал посвящать большую часть своего времени регулярным занятиям, он оставил работу и стал жить на ту плату, которую могли предложить ему ученики, даже если это была всего лишь связка сухого мяса, и не отказывал никому, кроме глупцов и лентяев. Он отличался от всех, кто учил до него, не только тем, что был первым профессиональным учителем в Китае, но и тем, что к нему мог обратиться любой человек, независимо от происхождения, и узнать все возможное о принципах, разнящихся с теми, которые поддерживали существующую общественную формацию. И все же он считал себя не столько учителем, сколько человеком, готовящимся к великой задаче. Конфуций имел мессианскую убежденность в том, что рано или поздно его призовут осуществить на практике те реформы, которые он проповедовал. Ученики были его потенциальными заместителями, которые помогут решить эту задачу, когда придет время.

Хотя последователи идей Конфуция в последующие эпохи отличались большой ученостью, а слово «конфуцианство» стало синонимом образованности, сам Конфуций интересовался книгами только как источниками знаний и инструмен-

тами для формирования характера. О наиболее часто используемой им книге «Шицзин» он говорил, что та может «вдохновить, расширить кругозор, сблизить с другими людьми, научить, как сдерживать свое недовольство»; кроме того, она содержала практическую информацию — названия животных и растений, правила поведения и житейский опыт. Он стремился развивать в своих учениках критическое мировоззрение, призывал их смотреть и слушать, при этом воздерживаясь от суждений о том, что вызывает сомнения, и был строг с теми учениками, которые, копируя древний текст, пытались угадать смысл, вместо того чтобы оставлять пропуски в «темных» местах.

Конфуций сделал больше любого другого человека в Китае для укрепления верховного авторитета учителя, что достаточно иронично, поскольку он ясно говорил о собственном несовершенстве, с готовностью признавал свое невежество и никогда не претендовал на то, что обладает монополией на истину. Если ему казалось, что ученик прав, он так и говорил; если тот ошибался, он рассуждал вместе с ним, а если ему не удавалось переубедить, просто оставлял тему. Он никогда не грозил и не запугивал («Человек,

который прикрывает свою внутреннюю слабость грубыми и высокомерными манерами, не лучше, чем вор», — говорил он).

Он воспринимал все знания как гипотетические, а все рассуждения — как утлое суденышко в океане неопределенности. Такой подход к истине, когда каждое заключение рассматривается как гипотеза, которая может быть опровергнута, составляет основу того, что мы сегодня называем научным методом. Это также достаточно иронично, поскольку Конфуций не испытывал особого интереса к науке: для него главным объектом изучения был человек, а не звезды. Когда его спросили, что такое добродетель, он ответил: «Это значит любить людей». Когда его спросили, что такое знание, он ответил: «Это значит знать людей».

Конфуций исключил из своей учебной программы стрельбу из лука и управление колесницей, так как эти предметы принадлежали военной аристократии, но, желая придерживаться традиций — поскольку он был самым миролюбивым революционером из всех, кто когда-либо жил на Земле, — принимал такие аристократические верования и практики, которые служили его цели. Конкретным примером здесь может служить

их добавление к тому, что называлось *ли.* Это слово первоначально означало сосуд, который использовался в жертвоприношениях, а затем стало обозначать весь ритуал жертвоприношения. Мы уже говорили о том, что церемониал не проводил особых различий между живыми и мертвыми, сделал храмы центром как религиозных, так и мирских дел, а также сблизил людей и духов. Священные сосуды использовались и во время дружеских пирушек; церемонии для живого царя мало отличались от тех, которые были посвящены его трупу, — поэтому посол, вернувшийся после выполнения миссии для своего правителя, мог сделать доклад его могиле. Со временем ли стало предметом как повседневного, так и религиозного поведения, что привело к формализации манер и этикета не только при общении человека с богом, но также человека с человеком.

Этот предмет вызывал у Конфуция все больший интерес не только потому, что умение вести себя правильно и с большим достоинством имело прямое отношение к его стремлению принять участие в управлении государственными делами, но и потому, что он искал способ формировать потенциальных министров из людей, не прошед-

ших школу аристократического воспитания. Он также сделал из ли нечто более важное, чем свод правил, предписывающих, когда поклониться или где посадить самого почетного гостя (слева от себя; впоследствии в Китае дорогих гостей стали сажать по правую сторону). Конфуций рассматривал ли как восприятие всей совокупности людей в качестве единого социального существа. «Во всех своих делах, — говорил он ученикам, — относись к людям так, словно принимаешь дорогих гостей; а если тебя поставят руководить другими, распространяй доверие так, словно прислуживаешь в важном жертвоприношении. Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве, и в семье к тебе не будут испытывать вражды».

Поскольку манеры могут быть показными, либо даже скрывать безразличие или злые намерения, в них нет истинного ли. Конфуций ни во что не ставил правильное поведение, которое не подкреплено искренностью. Он говорил: «Разве ли не означает нечто большее, чем простое подношение яшмы и шелка?» Для него ли означало значительно больше, от высочайших повелений сердца до простого здравого смысла, — например, когда шапки из конопли, которые, согласно

требованиям ли, следовало надевать во время жертвоприношений, стали слишком дорогими, он не постеснялся использовать более дешевую шапку из шелка. Но от традиционного ли отойти было непросто: перед аудиенцией с правителем, перед тем как войти во дворец, следовало совершить поклон на внешних ступенях, поскольку Конфуций настаивал на необходимости проявлять уважение к правителю, а истинное уважение состояло еще и в том, что подданный всегда должен был говорить искренне, даже если при этом он рисковал своей жизнью. Основные принципы ли заключались в том, чтобы всегда воздерживаться от необдуманных действий, проявлять умеренность в суждениях, уважать других, сохранять достоинство перед лицом опасности, никогда не терять хороших манер и не выставлять напоказ свое богатство или эрудицию. Конфуций говорил, что один человек хорошо знает, как сохранять дружбу, потому что, независимо от продолжительности знакомства, никогда не забывает проявлять уважительность. Он считал, что ли соотносится с его концепцией образования следующим образом: «Если в человеке естественность превосходит воспитанность, он подобен деревенщине. Если же воспитанность

превосходит естественность, он подобен слуге, ведающему бумагами». Следовательно, только после того как воспитанность и естественность гармонично дополнят друг друга, мы получим человека, достойного того, чтобы принадлежать к правящему классу. Одно время ли играло важную роль в обучении общественного человека правилам поведения, дисциплине, а также сведении воедино всех атрибутов, необходимых для управления.

Лаоцзы встречает Конфуция. Гравюра. I в. до н. э.

В этом аспекте соблюдения внешних приличий ли оказывало глубокое влияние на протяжении всей китайской истории. Его называли принципом, который является целью китайской национальной жизни, воспитанием, отличающим китайцев от варваров или зверей. Если

считать, что тенденция ли подавлять радикализм и проявлять уважение к властям, которые его не заслуживают, ответственна за периодические вспышки насилия, словно бы слишком долго сдерживаемый под крышкой пар прорывался наружу, то это создаст ложное представление о концепции Конфуция. Для него ли включало в себя абсолютную честность, страстное стремление к мудрости и стойкую веру в те качества, которые все люди ценят превыше всего, такие как отвага, справедливость и сострадание.

Еще одним аристократическим дополнением к ли, которое Конфуций сделал по своим собственным соображениям, была музыка. Для нас музыка является изящным искусством, дополняющим образование. Однако в классическом мире, будь то в Греции или Китае, это было не так. Когда более чем через пятьдесят лет после смерти Конфуция Платон написал, что «обучение музыке является самым действенным из всех инструментов, потому что ритм и гармония проникают до самой глубины души», он точно выразил взгляды Учителя. Упорядоченность ритма и гармонические связи звуков передают то, что имел в виду Конфуций, когда говорил, что ли является искусством жить в обществе. Кроме

того, что звуки имеют внутреннюю связь, в своем внешнем проявлении, то есть игре на инструментах, с одной стороны, и церемониале — с другой, они так же тесно связаны между собой, поскольку один звук обычно сопровождает другой. Музыка важна для молодого человека, стремящегося проникнуть в правящий класс, представители которого очень часто играли и слушали музыку. Сам Конфуций играл на цине — струнном инструменте, похожем на лютню, — и пел. Согласно традиции Конфуций лично отобрал стихотворения, вошедшие в книгу «Шицзин», которая в действительности представляет собой сборник песен и давно утерянных мелодий, но у нас нет никаких доказательств того, что он сам обучал музыке. Вероятно, этим занимался специальный учитель, в то время как сам он внушал мысль о важности музыки своим ученикам: их характер, говорил он, должен «вдохновляться поэзией, укрепляться изучением ли, а затем полироваться изучением музыки».

Мы теперь должны обратиться к тому, как он учил, кем были его ученики и что было ему уготовано судьбой на оставшиеся годы жизни.

Глава 7. От Конфуция до империи. Продолжение

Конфуций учил в легкой, но в то же время строгой манере, в основном используя консультативный метод. Порою он терял терпение и устраивал взбучку нерадивому ученику, но это были редкие срывы человека, который усердно старался жить в соответствии со своей верой и под полным самоконтролем. Его отношения с учениками отмечены психологической проницательностью великого учителя.

Например, над Цзы-лу, грубоватым, простодушным, импульсивным парнем, наделенным солдатской прямотой и преданностью, он мягко подшучивал. По отношению к Жань Цю, весьма одаренному, вкрадчивому и амбициозному политику, которого трудно себе представить погибшим в борьбе за безнадежное дело, Конфуций порою бывал резок, но тот никогда его не бросал. Порою он отпускал колкости в отношении Цзы-гуна, невозмутимого горожанина, который, не нарушая конфуцианских принципов, добился большой популярности, стал выдающимся ди-

пломатом и политическим советником, а также философом и в то же время сумел сколотить значительное состояние; среди последователей Конфуция он занимал второе место следом за Учителем. Напротив, Янь Хуэй, вероятно, был самым бедным из всех учеников и умер молодым, не успев ничего достичь: к нему Конфуций относился как к собственному сыну.

Это всего лишь несколько имен, сохранившихся в истории. Каждый из них начинал как ученик и сопровождал Конфуция как последователь. Вероятно, их было всего лишь две или три дюжины — хотя оценки здесь варьируются от двух десятков до нескольких тысяч. По всей видимости, это объясняется смешением таких понятий, как последователи и ученики. Очевидно, что многие молодые люди прошли составленный Конфуцием трехлетний курс обучения, а затем отправились своим путем.

Своим будущим ученикам Конфуций ясно давал понять, что он не собирается учить их тому, как стать богатым. Кроме того, он считал, что человек должен стремиться не к тому, чтобы стать известным, а к тому, чтобы стать достойным этой известности. Точно так же человек должен стремиться не к тому, чтобы получить должность,

а к тому, чтобы хорошо подготовиться к той должности, на которую его могут назначить. Таким образом, строгие принципы и скрупулезная подготовка гарантировали, что какие бы плохие связи ни имел ученик, он закончит курс обучения прекрасно готовым к тому, чтобы получить пост в правительстве. А сам Конфуций, хотя он никогда не оставлял надежд на высокую должность, оставался незамеченным на фоне многих лет государственной политики взяточничества и неприкрытой алчности. Но внезапно, когда ему было уже почти пятьдесят лет, политические волнения в княжестве Лу поставили его перед трудным выбором.

Учитывая существовавшие тогда условия, не было ничего необычного в том, что подчиненные время от времени следовали примеру своего начальства: иногда человек, назначенный управлять городом, закрывал городские ворота и делал город своей личной вотчиной или, если город находился на границе, присоединял его к соседнему княжеству, рассчитывая получить там более высокую должность. На этот раз, около 505 года до н. э., подчиненный зашел еще дальше. Некий Ян Ху схватил главу правящего клана Цзи, в котором занимал пост одного из самых

высокопоставленных сановников, и бросил в темницу. Ян Ху вынудил правителя отдать ему свою власть, а затем заставил глав остальных двух семей принести торжественную клятву в том, что только он один, а не кто-то из них или номинальный князь является правителем всего Лу. Силой или обманом он пытался завербовать себе сторонников. Так он завоевал доверие управителя домашнего города клана Цзи, добросовестного человека, убедив его в том, что целью переворота является восстановление законной власти князя. На этом основании управитель пригласил Конфуция присоединиться к мятежу и занять место в администрации. Конфуций никогда не одобрял мораль «Трех семей», как и узурпацию ими княжеской власти, поэтому искус впервые предложенной высокой должности, должно быть, вызывал у него сильный соблазн, пробуждая мысль о том, что она может стать первым шагом в процессе возрождения всего Китая, в котором он сам сыграет видную роль. Но это была лишь мечта человека, сознающего свой возраст, и, как следует поразмыслив, он отклонил предложение. К тому же истинные намерения Ян Ху очень скоро стали всем очевидны после того, как узурпатор попытался убить глав всех

трех семей. После того как планы Ян Ху были раскрыты в последний момент, ему пришлось бежать в соседнее княжество Ци, где он тщетно пытался вызвать вторжение в Лу. В итоге клан Цзи восстановил свою власть.

Но этот мятеж заставил правителей осознать потребность в чиновниках, которые не превратятся в предателей. Ученики Конфуция начали добиваться признания. Они получали важные посты, среди которых был и весьма влиятельный пост управляющего в семействе Цзи. Однако сам Конфуций ничего не получил, несмотря на то что младший сын главы семьи Цзи стал для него кем-то вроде покровителя. Когда Конфуций увидел, что его друзья смущены тем, что они получили должности, в то время как их учитель оказался обойденным, он попытался их успокоить: человек может внести существенный вклад в управление государством, сказал он, просто будучи хорошим подданным.

Неспособность Конфуция пресмыкаться ради получения должности можно проиллюстрировать его общением с младшим Цзи. Когда последний преподнес ему в подарок лечебное средство, которое любой человек на месте Конфуция принял бы с благодарностью, он даже

отказался его попробовать: «Не зная, что это такое, я не могу этого сделать». Когда младший Цзи спросил совета о том, как лучше справиться с разнузданными разбойниками, Конфуций сказал: «Если вы откажетесь от излишних желаний и будете поощрять людей наградами, они не станут разбойничать». Этот принцип, согласно которому добродетельное правительство порождает добродетельный народ, совпадал с глубокой верой Конфуция в силу личного примера. Но он не показался привлекательным младшему Цзи, который, после того как его единокровный брат умер при загадочных обстоятельствах и он возглавил клан, проявил такую же готовность, как и его предшественники, вести войну, оставляя князя без власти, хотя хроники все же приписывают ему немалые административные способности.

Но Конфуций добился слишком большого уважения, чтобы от его услуг можно было просто так отказаться. Вскоре ему предложили высокую должность советника князя. Наконец у него, казалось, появилась возможность быть услышанным при обсуждении важных государственных дел, и годы его размышлений трансформируются в позитивные действия, которые, возможно, приведут к наступлению нового золотого века.

Конфуций принял предложение со своей обычной скромностью и при дворе проявлял уважение к вышестоящим сановникам, хотя, как он сказал своим друзьям, ему приходится «идти следом» за теми, кто ниже. Эти слова оказались ближе к истине, чем он думал, поскольку в своей неискушенности Конфуций не заметил, что от него просто отделались громким титулом.

Когда один из его учеников, который также служил при дворе, опоздав на назначенную с ним встречу, сказал в свое оправдание, что его задержало дело государственной важности, озадаченный Конфуций возразил, что дело не могло быть важным, поскольку в таком случае его самого бы пригласили посоветоваться. Истина открывалась ему медленно, но когда это наконец произошло, Конфуций отреагировал с твердой решимостью: он покинет Лу. Где-нибудь на просторах Китая он, несомненно, найдет правителя, готового выслушать и сделать его мечты реальностью. Собрав вокруг себя небольшую группу последователей, около 479 года до н. э. он покинул родное княжество.

Они отправились на запад, в соседнее княжество Вэй. Веком ранее столица княжества подверглась жестокой осаде, и ее обитатели до-

шли до того, что стали поедать детей друг друга. Этот опыт явно не способствовал улучшению морали. Ко времени прибытия Конфуция жена князя, как говорили, была любовницей собственного брата и вмешивалась в политику. Тем не менее она и ее муж оказали ему лестный прием и, вероятно, назначили жалованье, но не предложили должности, и через несколько лет он направился на юг.

Он оказался в княжестве Сун, где один из его учеников, потомок знатного рода, имел высокопоставленных родственников. Его старший брат находился на положении любимчика князя, несмотря на то что был наглым вымогателем, которого все высшие сановники ненавидели столь сильно, что один из них его избил, и вся ситуация находилась на грани мятежа. Младший брат, также презиравший княжеского любимчика, испугался, что родственники могут захотеть отомстить Конфуцию за то, что тот его «испортил». Конфуций посмеялся над его страхами: «Если ты заглянешь в собственное сердце и не найдешь там ничего плохого, то тебе не о чем беспокоиться и некого бояться». Спокойствие Конфуция было нарушено после того, как старший брат устроил засаду с намерением его убить. Попытка

не удалась, но вынудила Конфуция и его спутников обратиться в бегство. Они так старались не привлекать к себе внимания ни одеждой, ни манерами, что их никто не узнавал. В результате они достигли безопасной территории соседнего княжества.

Им требовалось восстановить силы, и они провели некоторое время в маленьких близлежащих княжествах. Одно из них, княжество Чэнь, олицетворяло собой царивший во всей стране упадок нравов, поскольку его предыдущий правитель вместе с двумя своими министрами пользовался услугами одной общей любовницы, а министры даже носили предметы ее одежды при дворе; когда другой министр возмутился их хвастовством, он был убит. Жители этих мелких княжеств страдали еще и потому, что армии двух великих южных царств У и Чу превратили их в арену своей борьбы. В этой грозной атмосфере странствующий учитель вряд ли мог рассчитывать на то, что его слова будут услышаны, однако внезапно Конфуций нашел слушателя в лице популярного и успешного полководца из Чу по имени Шэ-гун. Его титул *гун,* или князь, был выше занимаемого им положения. Это объяснялось тем, что истинный гун называл себя ваном, или

царем, открыто пренебрегая некогда священными прерогативами верховного правителя Чжоу, отдаленного от южных границ тогдашнего китайского государства, обитатели которых все еще считались полуварварами.

Полководец полностью согласился с идеей Конфуция о том, что власть должна править, руководствуясь добродетелью и в интересах народа. Он стремился к этому на практике и, несомненно, на какое-то время дал Конфуцию надежду на то, что здесь наконец-то будет осуществлена его мессианская миссия. Но все надежды рухнули после того, как на вопрос полководца о том, что для человека важнее, государство или его семья, Конфуций ответил: «Семья». Определив, таким образом, главное различие между авторитарной и либеральной школой, которые вечно борются за душу человечества, Конфуций привел в смятение Шэ-гуна. Тот спросил у одного из его учеников, что за человек Конфуций. Когда ученик поведал, что ничего не ответил полководцу, Учитель сухо упрекнул его: «Почему ты не сказал ему, что это человек, который так любит учить тех, кто стремится к знаниям, что забывает о еде; делая это, он так увлекается, что забывает о всех своих неприятностях и даже не думает о прибли-

жающейся старости?»

Новая надежда появилась в виде приглашения войти в состав городских властей в княжестве Ци, богатого северного соседа родного Лу. Но надеждам снова не суждено было осуществиться, поскольку Ци было охвачено гражданской войной, и противники управителя города, подчинившие себе князя Ци, вынудили Конфуция отказаться от присоединения к фракции, с формальной точки зрения совершившей измену. Отсутствие перемен лишь закаляло стоицизм Конфуция. Единственный раз он позволил себе отчаяние: «Неужели я подобен тыкве-горлянке, которую можно только подвешивать, но нельзя есть?»

Во всяком случае, призыв из Ци, по всей видимости, заставил его направить шаги в сторону дома, поскольку свой шестьдесят седьмой день рождения он встретил в западном соседе Лу, княжестве Вэй, откуда и началась когда-то его одиссея. Виновная в кровосмешении княгиня спровоцировала большие волнения. В частности, ее сын, наследник княжеского титула, был так возмущен (предполагаемый мотив) поведением матери, что убедил одного из слуг раз и навсегда покончить с ее распутством. Но этого человека

подвели нервы, и княгиня с криками о помощи бросилась к мужу, а ее сын бежал и нашел прибежище за пределами княжества. Когда позднее князь умер, у власти был поставлен не изгнанник, а его собственный сын, что спровоцировало первого на вторжение в княжество; ко времени прибытия Конфуция он захватил один из городов. Однако реальная власть в Вэй находилась в руках первого министра молодого князя, Кун Вэнь-цзы. Он был безжалостным и амбициозным, но все же заслужил повалу Конфуция за то, что «был мудр, любил учиться и не стыдился обращаться за советами к нижестоящим». Возможно, похвала была не полностью объективной, поскольку Кун Вэнь-цзы дал страннику жалованье и спрашивал у него совета. Однако эта многообещающая ситуация развивалась по уже знакомому сценарию. Желая покарать вторгнувшегося претендента на княжеский титул, Кун Вэнь-цзы спросил Конфуция, как лучше на него напасть. Конфуций ничего не ответил, сославшись на незнание военного дела. Он решил покинуть Вэй и попросил приготовить для него экипаж. Кун Вэнь-цзы извинился и попросил Конфуция остаться. Пока он колебался, из Лу прибыли посланцы с подарками и настойчивым приглашением занять там

высокий пост.

В течение тех тринадцати лет, пока Конфуций скитался по стране, его бывшие ученики постепенно приобретали все большее влияние, как в самом княжестве, так и в правящем клане Цзи, а один из них, Жань Цю, незадолго до этого во главе отряда клана Цзи оказал успешное сопротивление вторгнувшимся циским войскам. Теперь они предлагали своему учителю честь и влияние.

Было бы приятно закончить историю на том, как старый человек с триумфом вернулся домой, и его благородные идеи были осуществлены на практике. Поначалу все так и складывалось, поскольку Конфуция встретили с почестями, вероятно, дали должность, и ведущие сановники спрашивали у него совета. Но мы с определенной долей уверенности можем сказать, что последующие годы пребывания в должности не были гладкими и лучезарными, поскольку, как показывают два последующих примера, советами Конфуция редко пользовались. Когда Жань пришел спросить его мнения о том, какие дополнительные налоги лучше ввести, Конфуций с возмущением заявил, что правительство продолжает вводить новые налоги, поручив Жаню их сбор, несмотря на то что народ и так

уже бедствует. Этот вопрос вызвал у Конфуция редкую вспышку ярости. «Это не мой ученик! — воскликнул он. — Бейте в барабаны, мои дети, и обрушьтесь на него — я даю вам волю!» (Такая глубокая обида была слишком нехарактерной для Конфуция, чтобы продолжаться долго, и Жань остался его последователем.) Другой пример связан с семьей, которая, получив приют в соседнем княжестве Ци, увенчала список предательств, убив приютившего их князя. Конфуций настаивал на вторжении — не для того, чтобы отомстить беспокойному соседу, а чтобы устранить тиранию и восстановить законное правление: его обращение ко двору, предваренное традиционным постом и подкрепленное аргументом, что враждебность местных жителей к узурпаторам гарантируют успех экспедиции даже из такого маленького княжества, как Лу, убедили князя; но, не обладая собственными военными силами, князь был вынужден обратиться к «Трем семьям», которые оставили обращение без ответа. Это усилие Конфуция, единственное, когда он выступал за войну, стало последним в его общественной жизни — «финальным спазмом» отчаяния старого человека.

Согласно традиции, оставив службу, Конфуций

взялся за литературную работу. Несомненно, он сличал рукописи, собранные во время путешествий, и хотя заявления некоторых поздних исследователей, утверждающих, что он составил всю классику, по видимости, являются преувеличением, комментаторы, вероятно, правы, когда приписывают ему авторство хроник «Весны и Осени» («Чуньцю») — на первый взгляд, сухого перечисления исторических событий, но для ученых последующих эпох наполненного тонкими нюансами, отражающими позицию Конфуция, — и отбор стихов (ши) для «Шицзин». (Возможно, именно этим Конфуций однажды занимался у себя дома, когда ему доложили о посетителе, поведением которого он был недоволен. Конфуций сказался больным, но когда посетитель покидал его дом, Конфуций заиграл на цине и запел, словно бы признаваясь в том, что немножечко солгал, дабы избежать прямого оскорбления, так как он однажды сказал: «Скрывать обиду и оставаться в дружеских отношениях с тем, к кому ты ее чувствуешь, — я был бы оскорблен таким поведением».)

Однако большую часть времени он уделял своему педагогическому призванию, набрав новое поколение молодых учеников. Многие из его

первых учеников уже умерли. Среди них прямодушный Цзы-лу, который отправился на службу к Кун Вэнь-цзы в Вэй, где пренебрег возможностью убежать во время мятежа и погиб, пытаясь спасти своего господина. Эта новость вызвала у Конфуция более безутешное горе, чем случившаяся примерно в то же время смерть собственного разочаровавшего его сына. Место родного сына в сердце Конфуция, судя по всему, занимал его ученик Янь Хуэй, оплакивая кончину которого он воскликнул: «Небо послало его смерть!»

Однажды он сам так серьезно заболел, что потерял сознание. Его ученики не могли вынести мысли о том, что он умирает, не получив признания со стороны великих мира сего, и поэтому собрались вокруг его ложа в костюмах министров, ожидающих появления августейшей особы. Когда Конфуций пришел в себя, то мягко их упрекнул: «Притворившись моими министрами, когда у меня их нет, вы думали, я смогу этим кого-то обмануть? Разве можно обмануть Небо? И разве не лучше, если бы я умер на ваших руках, мои друзья, чем на руках министров?»

В 479 году до н. э. он на самом деле умер. Ему было семьдесят два года. Говорят, что ученики Конфуция на весь период трехлетнего траура

поселились возле его могилы, а один из них, Цзы-гун, прожил в шалаше неподалеку на три года дольше. Им принадлежит эпитафия: «От рождения человечества до наших дней не бывало ему равного».

Такова была кончина человека, который стал почти обожествленным бессмертным для китайского народа. Но в ту пору его смерть стала всего лишь причиной личного горя нескольких учеников на фоне усиливающегося в царстве Чжоу хаоса, который полностью захлестнул страну в тот же самый год, после того как княжество Чу поглотило своего соседа и положило начало эпохе Борющихся Царств.

Как уже было отмечено, путешествия Конфуция между княжествами, в надежде приобрести влияние над их правителями, стало вполне обычным явлением для ученых в период Борющихся царств, поскольку рост населения, бесконечные войны внутри царств и между ними, нападения варваров, восстания угнетенного народа, технологическая революция, вызванная появлением железа, заставили многих феодальных правителей искать помощи у класса ученых, пользуясь их услугами в качестве советников и дипломатов. Появились целые философские школы, так

называемые «Сто школ», и парадокс заключается в том, что на фоне кровавой незатихающей борьбы, продолжавшейся между V и III веком до н. э., в ходе которой крупные царства поглощали мелкие, эти школы обеспечили интеллектуальный расцвет Древнего Китая.

Слово «сто» в названии отражает приверженность китайцев к экстравагантной нумерации, поскольку в действительности главных школ насчитывалось только шесть. Кроме конфуцианцев это были логики, или «школа имен», даосы, или «школа Дао и Дэ», «школа моистов», натурфилософы или «школа инь-ян», и легисты, или «школа законников». Многие ученые посещали академии, из которых самой известной была академия «Ворот Ци», расположенная в столице царства Ци. Основанная правителем около 318 года до н. э. (примерно в то же время Платон основал свою академию в Афинах), она принимала мыслителей со всей страны, обеспечивала их пищей и жильем и награждала самых выдающихся титулом Великого знатока.

Там можно было встретить самых известных лидеров всех шести школ. Ход их мыслей, включая представителей конфуцианства, позволяет составить некоторое представление о воззрениях

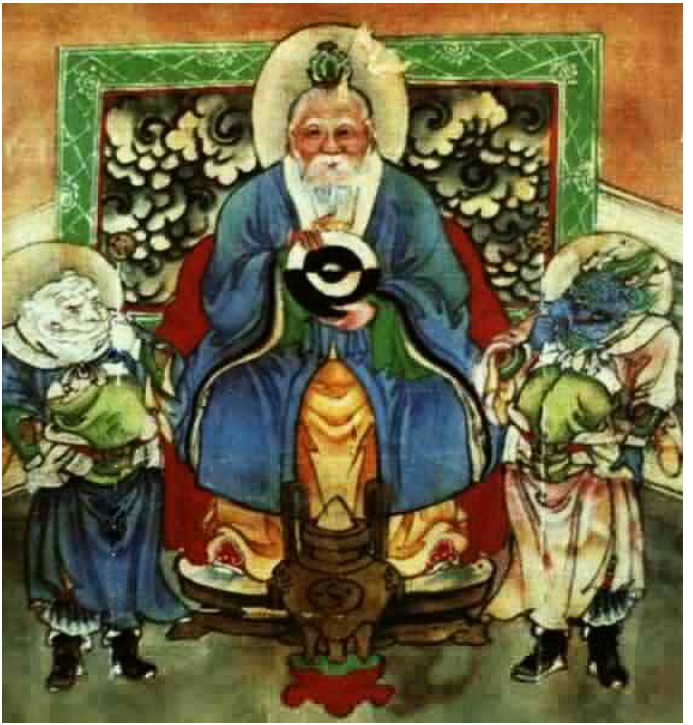
китайских интеллектуалов второй трети последнего тысячелетия до н. э.

Термин «логики» является переводом китайского названия школы *минцзя,* которое также можно перевести как «софисты» или «полемисты», но ни один из этих вариантов не будет более точным, чем «школа имен», поскольку именно на именах, или названиях, были сосредоточены последователи этой школы. Они занимались, как писал древний историк, «тщательным изучением мелких деталей в сложных и запутанных высказываниях». Например, они брались доказать, что белая лошадь не есть не лошадь — потому что понятие «белая лошадь» обозначает белизну и лошадь вместе и ничто по отдельности, так что белая лошадь — лошадь не больше, чем ее белизна. Другая линия рассуждений была связана с различием между «всеобщим» — такими понятиями, как «белизна» и «твердость», которые существуют независимо от того, есть ли где-то твердые или белые предметы — и «действительным», например твердым белым предметом. Существует знаменитое утверждение о «раздельности твердости и белизны», суть которого в том, что белизна и твердость не могут быть познаны одновременно одним и тем же органом чувств.

Например, глаз видит только белизну камня и не воспринимает его твердость. Рука же, ощупывая камень, воспринимает твердость, но не может воспринять его белизну. Поэтому, как утверждали логики, белизна исключает твердость, а твердость белизну. Всеобщие понятия лежат за пределами действительных форм и черт, как и «идеи» Платона. Мы, однако, можем сказать, что все вещи схожи в том, что они — вещи, но различия возникают при сравнении вещей друг с другом — это знаменитое «доказательство единства схожести и различия». Некоторые понятия являются абсолютными, некоторые относительными: в утверждении «это стол» понятие «стол» является абсолютным, описывающим любой стол, в любом месте, но «это» относительно, поскольку относится к конкретному столу. Относительность еще более наглядно демонстрирует тот факт, что сегодняшнее вчера накануне было сегодня, а сегодняшнее сегодня будет вчера завтра. Точно так же относительными понятиями являются разрушение и сооружение: если кто-то сделает деревянный стол, то с точки зрения дерева это будет разрушение, а с точки зрения стола — сооружение. Возможно, неудивительно, что многие главные светила «школы имен» были

законниками — например, один из них составил свод законов для княжества Вэй, — но их аналитическое крючкотворство закончилось ясным социальным выводом: поскольку все вещи относительны и находятся в состоянии непрерывного изменения, все они, по сути, одинаковы и их следует любить, не проводя различий.

Даосизм, как и учение Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.), выдающегося распространителя конфуцианской философии, обучавшегося у внука Конфуция, появился через век после смерти Учителя; даосизм, основанный Лао-цзы, получил полное толкование усилиями Чжуан-цзы, современника Мэн-цзы. Даосизм как философскую школу следует четко отличать от религии с тем же самым названием. Философский даосизм основан на следовании природе — так, например, смерть воспринимается даосами как естественное следствие жизни. С другой стороны, религиозный даосизм противостоит природе — например, ищет способы избежать смерти, — и в этом отношении его духом является наука, так что благодаря религиозному даосизму были сделаны многие научные достижения.



Лао-цзы с символами инь и ян. Китайская народная картина

Даосисты-фидософы высмеивали Конфуция за тщетные усилия спасти мир. Мир, считали

они, следует предоставить самому себе: они заявляли, что, если бы мир можно было спасти, выдернув из своего тела единственный волосок, они все равно бы этого не сделали. Их отправной точкой было сохранение себя и избежание ранений, чего можно достичь, если укрыться в горах или лесах и вести жизнь отшельника. Они превозносили бесполезность, приводя в пример священный дуб, который избегал топора потому, что его древесина ни на что не годилась. И все же, несмотря на все старания даосов не делать ни добра ни зла, возможность страдания оставалась, поскольку «причина моего большого несчастья в том, что я имею тело. Если бы не было тела, то откуда бы взяться несчастью?» Таким образом, на финальной стадии своего развития даосизм стал мистическим. Его последователи ставили себе цель увидеть жизнь и смерть, себя и других с высшей точки зрения: очистив разум от всех знаний, они стремились выйти за пределы этого мира и достичь следующего, в котором собственное *«я»* исчезало, слившись со вселенной.

Хотя слово «Дао» обычно переводят как «путь», для последователей даосизма этот термин имел более глубокое значение. Для них Дао — начало всех вещей, великий единый комплекс небытия,

из которого появилось бытие, и, следовательно, все существа и вещи. Само по себе Дао не сущность, а всеобщее и безымянное, через которое появились все именованные вещи, унаследовав от Дао то, что называется Дэ — энергию или силу и то, чем вещь является по своей природе. Дао производит квинтэссенцию, Дэ наделяет ее природой. Человек должен всегда следовать Дэ, ограничивая свои действия только тем, что необходимо или естественно для него — никогда не прилагая чрезмерных усилий, сделав простоту своим руководящим принципом, а удовлетворенность целью; желания и знания разрушают чувство удовлетворенности и поэтому их следует избегать: «Когда появились знания и интеллект, началось великое мошенничество».

Соглашаясь с Конфуцием в том, что правитель должен быть мудрым и добродетельным — одним словом, мудрецом, — даосы отводили ему совсем иную роль: вместо того чтобы просвещать свой народ, насаждать справедливость и осуществлять законодательную власть, мудрецу следует предпочитать недеяние. Все проблемы мира, говорил Лао-цзы, появляются не потому, что что-то не делается, а потому, что делается слишком много. «Когда будут устранены мудрствование

и ученость, тогда народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены „гуманность“ и „справедливость“, тогда народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви… Когда много искусных мастеров, умножаются редкие предметы. Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников». Управление мудрого человека делает сердца людей «пустыми, а желудки — полными. Оно ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знание не смели бы действовать». Все вещи происходят от Дао, которое само по себе ничего не делает, но в то же время «нет ничего такого, что бы оно не делало», — пример парадокса, доставлявшего удовольствие даосам.

Школа моистов была значительно более приземленной, чем школа даосов, более отвечающей здравому смыслу, чем «школа имен», и не менее рациональной, чем школа конфуцианцев. Современный философ без всяких проблем усвоил бы ее догматы. Она пыталась создать чистый логический метод, включающий в себя дедуктивный и индуктивный методы, классификацию знаний и диалектику. Она предвосхитила «принципы

пользы» английского философа, родоначальника утилитаризма Иеремии Бентама, который также верил в то, что целью морали является «наибольшее счастье наибольшего числа индивидуумов». Критика других школ открывает простоту и ясность ее мысли. Например, взявшись оспорить тезис даосов о том, что учение бесполезно, моисты указывали на то, что обучение и учение — связанные термины: там, где существует обучение, есть и учение, и, следовательно, если обучение полезно, учение не может быть бесполезным. Они также опровергали логическое построение представителей «школы имен», которые настаивали на раздельности белизны и твердости в понятии «твердый белый камень», указывая на то, что эти свойства являются не раздельными, а одновременно присущими камню. Но, как и последователи «школы имен», только более позитивно и энергично, монеты отстаивали доктрину вселенской любви — всеобъемлющей любви всех людей.

«Школа инь-ян» вела свое происхождение от практики шести оккультных искусств, к числу которых относилась, например, астрология. Изначально, на ранней стадии существования царства Чжоу, каждый аристократический дом

содержал собственных специалистов по этим искусствам, но по мере дезинтеграции феодальной системы они рассеялись. Оккультизм является направлением магии, но последователи одной из его ветвей в Китае хотели понять природу сил, формирующих вселенную. Эта школа, как и религиозный аспект даосизма, способствовала развитию научного мышления, подобно алхимии западного средневековья. Центральное положение в учении школы занимала концепция *усин*, «пяти стихий» или «пяти первоначал». Если поначалу эти пять стихий означали реальные составные части материи — воду, огонь, дерево, металл и землю, впоследствии они эволюционировали в абстрактные силы. Эти пять первостихий управляли вселенной, которую представители школы рассматривали как механизм, где взаимодействуют человек и природный мир: если одна из его частей выходит из строя — например, верховный правитель своим недостойным поведением вызывает гнев Неба, — гармония нарушается, что приводит к аномальным явлениям. Представители школы считали, что пять стихий порождают друг друга и что смена времен года наглядно иллюстрирует этот факт: дерево, доминирующее весной,

порождает огонь, который доминирует летом, и т. д. Точно так же последовательность правящих династий соответствует пяти стихиям, каждая из которых имеет свой цвет; так, например, легендарный Желтый император, правивший в то время, когда доминирующее влияние имела земля, принял ее цвет и стал называться желтым (дерево — зеленое, металл — белый, огонь — красный, вода — черная). Пять стихий объясняли строение вселенной, а ее происхождение связывалось с действием двух первичных сил, инь и ян, ответственных за все природные явления. Ян представляет мужественность, активность, тепло, свет, сухость, твердость и т. д., тогда как инь олицетворяет собой женственность, пассивность, холод, темноту, влажность, податливость и т. д. Все, что происходит во вселенной, является результатом взаимодействия этих противоположностей.

Из теорий инь-ян появилась уже упоминавшаяся ранее причудливая «Книга перемен» с ее приложениями, которые называются «Десять крыльев». Книга произошла от древнего метода гадания на стеблях тысячелистника: представленные восемью наборами из трех горизонтальных сплошных или прерывистых линий,

они образовывали шестьдесят четыре комбинации, известные как гексаграммы. Считалось, что эти комбинации, при помощи книги, могут дать ответ на любой вопрос. Важная идея, содержащаяся в «Десяти крыльях», состоит в том, что секреты вселенной можно раскрыть при помощи чисел, из которых те, что представляют ян, всегда нечетные, а те, что инь, — четные.

Хотя все школы сыграли важную роль в формировании китайской философской мысли и мировоззрения, наиболее глубокой из них была конфуцианская школа, в то время называвшаяся «школой служилых людей», или *жуцзя*. Однако самое большое практическое воздействие на ход истории в рассматриваемый период оказала «школа законников», или легистов. Как мы увидим, ее последователи оказывали значительное влияние на политику царства Цинь, которое положило конец периоду Борющихся царств, покорив прочих участников междоусобиц; в 221 году до н. э. правитель Цинь стал первым императором объединенного государства. На Западе это государство известно по названию царства; императорская власть в нем осуществлялась на основании принципов легистов, прародителей тоталитаризма, запятнавшего XX столетие.

Глава 8. Цинь в Китае

Основное различие между легистами и представителями остальных философских школ состояло в том, что последние все время оглядывались на то, что считали историческими прецедентами, особенно на «золотой век», который они стремились возродить. Позицию школы легистов по данному вопросу иллюстрирует история, которую рассказал один из основоположников школы Хань Фэй-цзы. Крестьянин пахал поле и вдруг увидел, как бегущий заяц ударился головой о ствол дерева, сломал себе шею и умер; крестьянин бросил свой плуг и встал около дерева, ожидая, когда об него ударится другой заяц. «Тот, кто сегодня хочет управлять страной, — писал Хань Фэй-цзы, — используя методы первых правителей, в точности похож на крестьянина, который ожидает зайца у дерева». Революционная идея легистов состояла в том, что история является процессом непрерывных перемен. Распространение феодализма обусловлено новыми обстоятельствами, и методы управления должны быть изменены в соответствии с оными.

Эти методы управления государством были основаны на учении о наградах и наказаниях. В отличие от даосов, легисты верили в то, что человек рождается не добрым, а злым, и лишь ничтожное меньшинство людей делают добро по собственной инициативе. Поэтому правитель должен осуществлять свою власть со всей строгостью закона. Он не должен быть мудрым или, как говорили конфуцианцы, добродетельным, служа примером для своего народа. На самом деле он должен быть таким, какими его представляли даосы — полностью бездеятельным за исключением тех случаев, когда требовалось наградить или наказать людей, назначенных им на государственные посты. Если те добросовестно исполняют свои служебные обязанности, их награждают, если нет — наказывают. Благодаря такой системе некомпетентность не имеет шансов просуществовать долго. Народ, со своей стороны, не должен иметь идеалистических устремлений к добродетельному поведению; конфуцианская добродетель не имеет никакого отношения к государству, и у народа есть лишь одна главная обязанность — повиноваться закону. Закон следует безжалостно усилить, и все должны быть равны перед ним. В этом отношении легисты

следовали революционному конфуцианскому принципу игнорирования классовых различий; но вместо того, чтобы пытаться поднять народ до более высоких стандартов поведения, легисты стремились опустить аристократию до более низких стандартов, полностью полагаясь на систему наград и наказаний, равную для всех.

Чтобы лучше объяснить появление царства Цинь в качестве победителя периода Борющихся Царств и объединителя Китая, необходимо бросить взгляд на его историю. Легенды помещают происхождение племени цинь в III тысячелетие до н. э., но более достоверная история начинается в 897 году до н. э., когда мелкий вождь и искусный коневод получил от царя Чжоу маленькую территорию, чтобы выращивать на ней лошадей для царского двора. Потомки вождя вскоре стали называть себя князьями. Можно вспомнить, что в 770 году до н. э. тогдашний циньский князь помог спастись чжоускому царевичу, который перебрался в новую (восточную) столицу Чжоу, где был провозглашен царем. Он наградил Цинь, сделав область полноправным княжеством, которое, как и все другие княжества, все меньше хранило верность чжоуской династии. Земли в долине реки Вэй, к западу от ее слияния с Хуанхэ, как и

старая столица Чжоу, были защищены реками и горами, и с этой территории в последующие века цинь вели военные действия против западных и северных конных варваров (хунну, известных еще как сюн-ну и ху), а также против соседей в долине Хуанхэ, при этом постепенно расширяя собственную территорию.

На протяжении всей истории Цинь, вплоть до конца периода Борющихся Царств, остальные китайцы считали циньцев полуварварами. Они разделяли многие обычаи и верования своих соседей-варваров, и их неотесанность проявлялась в приписываемом им незнании традиционных нравов, взаимоотношений и добродетельного поведения. Тем не менее они постепенно ввели у себя многие институты и культурные практики китайцев, проживавших к востоку от них. Среди нововведений были важные летние и зимние праздники и даже человеческие жертвоприношения, сопровождавшие смерть важной персоны. Впервые это произошло в 678 году до н. э. когда вместе с князем в могилу сошли шестьдесят шесть человек. Данная практика была официально запрещена в 384 году до н. э., хотя случаи человеческих жертвоприношений отмечались в Китае вплоть до 1398 года. Другим

видом жертвоприношения, позаимствованным у восточных соседей, являлось подношение циньской принцессы в качестве жены богу реки Хуанхэ: каждый год отбирали красивую девушку, которую облачали в свадебный наряд и пускали вплавь на плоту, выглядевшем как свадебное ложе. В скором времени плот шел ко дну вместе с предназначавшейся в жертву девушкой.

Феодализм внутри царства, а вместе с ним и власть аристократии постепенно ослаблялись в результате развития государственных структур. Так, например, в V веке до н. э. был введен земельный налог для крестьян, который те должны были выплачивать государству зерном вместо того, чтобы, как прежде, отрабатывать трудовую повинность для хозяина. Но только в следующем веке циньцами овладел творческий порыв, который довел их до кульминационной точки в истории царства.

В 361 году н. э. из соседнего царства в Цинь прибыл потомок младшей царской наложницы, чтобы служить циньскому правителю Сяо Гуну. Это был легист по имени Шан Ян; во время его первой беседы с Сяо Гуном князь заснул, но после нескольких последующих встреч Шан Ян завоевал его доверие. Известный позднее как советник

Шан, он достаточно скоро приобрел такое большое влияние, что на протяжении последующих двух десятилетий провел в царстве широкие реформы, полностью основанные на легистских принципах. Деятельности Шан Яна был положен конец после того, как наследник Сяо Гуна обвинил его в заговоре, после чего советник был убит при попытке бежать, а его труп разорвали на части колесницами.

Однако за два десятилетия он успел сделать многое, и его реформы оказались долговечными. В 350 году до н. э., в том году, когда после переноса столицы из города в город циньский двор наконец обосновался в Сяньяне, Шан разделил царство на тридцать два административных уезда, каждый из которых управлялся назначенным из центра чиновником, чтобы таким образом еще больше ослабить власть наследственной аристократии. Точно так же произведенная им отмена древней системы колодезных полей, служившей интересам феодальных правителей, сделала возможной продажу и покупку обрабатываемых земель, что стимулировало землевладение и позволило привлечь крестьян из других царств, компенсировав тем самым все еще ощущавшуюся нехватку населения. Он увеличил площадь сельскохо-

зяйственных земель, ликвидировав сеть дорог между колодезными полями и поощряя освоение пустошей. Но больше всего он сосредоточился на реализации главной идеи легистов — системе наград и наказаний. Чтобы никто не сомневался в сути изданных им законов, он приказал вывесить их копии в столице, на столбах, специально установленных для этой цели перед дворцовыми воротами. Он разделил все население на группы по пять или десять семей, внутри групп между всеми их членами была введена круговая порука. В «Книге правителя области Шан», приписываемой Шан Яну, говорится:

> Каждый, кто не донесет на преступника, будет разрублен надвое; каждый, кто донесет на преступника, получит такую же награду, как и тот, кто обезглавил врага; каждый, кто укроет преступника, получит такое же наказание, как и тот, кто сдался врагу.

В качестве легистских мер поощрения Шан ввел иерархию ненаследственных рангов, которыми награждали за похвальное поведение. Начиная с военных заслуг — «Тот, кто срубит одну голову, повышается на один ранг», — ранги

варьировались от первого, самого низшего, до восемнадцатого. Обладатели рангов имели льготы, среди которых были услуги рабочих и налоговые послабления, а также могли получить в награду землю или должность. Введение рангов стало еще одним шагом в лишении традиционной аристократии наследственных прав. Целью Шан Яна стало создание мощного централизованного государства, основанного на строго контролируемом административном аппарате, трудолюбивых крестьянах и дисциплинированной крестьянской армии. Это были «первые занятия» населения; «вторые занятия», к которым относились торговля и производство предметов роскоши, не поощрялись, и на самом деле, класс торговцев (за одним примечательным исключением — см. ниже) на протяжении большей части китайской истории был лишен значимого положения в обществе. Наконец в поддержку своих принципов эффективного управления Шан стандартизировал меры веса и длины.

В 325 году до н. э., через несколько лет после смерти Шан Яна, князь Цинь последовал примеру правителей большинства других княжеств и стал называть себя царем — наглядная демонстрация упадка правящего дома Чжоу (в 256 г. до н. э.

династия Чжоу была окончательно упразднена после того, как царство Цинь завоевало ее родовые земли). Немногим позже при циньском дворе была введена должность советника, разделенная на посты советника левой стороны, занимавшего самое высокое положение после верховного правителя, и второй по своему значению пост советника правой стороны.

За сто тридцать лет царство Цинь провело не менее пятидесяти крупных войн и военных компаний, что привело к потерям в полтора миллиона человек, хотя точность этой цифры вызывает сомнения. Кровавая борьба и коварные интриги периода Борющихся царств повсеместно усилились. К 250 году до н. э. в результате завоеваний число участников междоусобиц сократилось от первоначальных двадцати четырех до семи. Таким образом, у Цинь осталось шесть соперников за Хуанхэ и к югу от Янцзы.

В тот год должность советника в царстве занял выдающийся человек по имени Люй Бу-Вэй. Он был богатейшим торговцем своего времени и единственным торговцем в китайской истории, который поднялся столь высоко. Его ловкие маневры привели к тому, что на трон взошел сын наложницы по имени Ин Чжэн, тогда еще

мальчик, далекий от того возраста, когда он мог бы править самостоятельно. В 238 году до н. э. он наконец достиг совершеннолетия и изгнал Люя после того, как узнал о том, что между тем и его матерью возникла любовная связь (на самом деле это было возобновление старого романа, плодом которого, как считали многие, был Ин Чжэн). Оказавшись в изгнании, Люй принял яд и умер. К тому времени на исторической сцене появился еще более замечательный человек. Это был Ли Сы, самый выдающийся из всех государственных деятелей-легистов. С 247 года до н. э. он на протяжении сорока лет занимал самые высокие посты, среди которых был и пост советника левой стороны.

Армия циньцев, сражавшаяся при отражении атак варваров столь безжалостно, что заслужила для своего царства прозвище «царство тигров и волков», представляла собой дисциплинированную, хорошо отлаженную боевую машину, обладающую громадным опытом. Их родная земля — сеть рек и горных хребтов — была почти непроходима. Экономика процветала — при прохладном отношении к торговле она представляла собой аграрную экономику, которую поддерживал железный плуг и амбициозные

ирригационные работы. Сравнительная свобода от культурных традиций остальной части Китая, а также радушный прием, оказываемый способным людям из других царств, таким как Шан Ян, Люй Бу-Вэй и Ли Сы, позволяли Цинь постоянно реализовывать самые смелые проекты. В царстве издавались законы, дававшие государству контроль над всеми аспектами жизни подданных; действие этих законов распространялось на пахотные земли, конюшни, парки, зернохранилища, преступные и прочие деяния, короче говоря, на все что угодно. Законы усиливались системой наказаний, включавших смертную казнь, подневольный труд, штрафы и строгие выговоры. Административная эффективность достигалась за счет бюрократических процедур. Вот некоторые из инструкций для государственных служащих:

> Когда делается запрос по какому-либо поводу, его необходимо подать в письменной форме. Не может быть устных запросов или запросов через третьих лиц.
>
> Когда документы передаются или получаются, необходимо записать месяц, день

и время их получения или отправления.

От составления сельскохозяйственной статистики до определения количества зерна — ничто не ускользало от внимания чиновников. И все же простые люди, по всей видимости, не испытывали угнетения: они, как докладывали инспекторы, трепетали перед чиновниками, но последние добросовестно исполняли свой долг, «демонстрируя беспристрастность и не затевая козней».

Таким образом, царство Цинь представляло собой высокоорганизованное государство, когда в 230 году до н. э. его армии двинулись на восток, чтобы завоевать одно за другим оставшиеся шесть Борющихся царств. Цинь удалось выполнить эту задачу в течение одного десятилетия. Родное княжество Конфуция Лу уже несколько лет было оккупировано одним из соседей, а некогда могущественные царства Чжао, Янь, Ци, Чу, Хань и Вэй друг за другом оказались под пятой Цинь. Итак, в 221 году до н. э. Китай был объединен под властью царя Ин Чжэна, который сразу же взял себе титул Ши-хуанди — «Первый император».

Его страна простиралась на тысячу миль на запад от побережья Тихого океана и от северных

пустынь до плодородных земель к югу от Янцзы. Это было ядро Китая, которое, несмотря на периодическую фрагментацию и значительное приращение территории, сохранялось как страна и нация все последующие два с четвертью тысячелетия, представляя собой одно из главных политических образований на Земле, тогда как за это время бесчисленное количество других империй успели разрастись, распасться и кануть в небытие.

Первый император предпринял ряд мер, чтобы закрепить объединение. Его главным зодчим (в политическом смысле) был Ли Сы. Царства, ранее управляемые ванами, аристократией и чиновниками, были разбиты на административные уезды, как это в свое время сделал Шан в царстве Цинь, а уезды объединены в тридцать шесть областей, каждой из которых управлял назначенный из центра ненаследственный триумвират, состоявший из гражданского губернатора, военного командующего и инспектора, представлявшего императора. С помощью этой системы областей и уездов центральное правительство могло осуществлять управление в самых дальних уголках страны. И точно так же, как после завоевания Шан Чжоу-гун переселил покоренную шанскую

аристократию в свою столицу Лои, бывшие правители, аристократия и чиновники завоеванных царств были собраны в циньской столице Сяньян. Здесь для них построили новые дворцы — называется цифра 120 000 зданий, хотя опять-таки она является скорее метафорической, чем реальной, — где их можно было держать под надзором, лишив возможности устроить мятеж.

Главный объединяющий фактор в жизни китайцев — письменность — стандартизировали, поскольку в позднечжоуские времена появилось множество расхождений: Ли Сы упростил и рационализировал так называемый шрифт «большой печати» раннего Чжоу, заменив его письмом «малой печати», которое после дальнейших усовершенствований, сделанных при правлении следующей династии, сохранилось в неизменном виде до наших дней. Таким образом, хотя на обширной территории Китая люди говорили на десятках различных диалектов, письменный язык был понятен образованной элите повсюду, как, на более простом уровне, мы понимаем дорожные знаки, независимо от того, в какой стране они установлены. Стандартизация мер веса и длины, проведенная Шан Яном, была, наряду со многими его законами,

распространена на всю страну. Увеличили ширину дорог — с тем, чтобы колеса экипажей могли везде попадать в наезженные колеи, что имело важное значение при путешествиях по сильно размытым дорогам, особенно тем, которые были проложены по легко разрушающимся лессовым породам севера. Также стандартизировали очень важную для экономики металлическую валюту. Хотя металлические монеты уже были в ходу на протяжении нескольких десятков лет, при расчетах использовались и другие предметы — жемчуг, нефрит, черепашьи панцири, раковины каури, серебро, олово. Однако теперь расчеты могли проводиться только с помощью двух типов денег, а именно золотой и бронзовой круглой монеты с квадратным отверстием посредине, которая оставалась стандартной на протяжении последующего тысячелетия.

Была осуществлена огромная программа строительства. Широкие трехполосные императорские дороги расходились из столицы во всех направлениях. Самой примечательной из них была дорога, протянувшаяся в направлении север-юг на пятьсот миль, которая называлась «прямой». Подсчитано, что общая протяженность циньских императорских дорог составляла 4250 миль (по

оценке Гиббона, протяженность дорожной системы римлян, от Шотландии до Иерусалима, составляла 3740 миль). Эти дороги прослужили около пяти веков, после чего развитие водных путей ускорило их разрушение. Но, несомненно, самым знаменитым произведением циньских строителей стала Великая стена.

Как уже отмечалось ранее, китайцы славились своей любовью к возведению стен. На некоторых участках северных границ бывших царств уже построили некоторое количество стен для отражения бесконечных набегов кочевых варварских племен. Теперь их объединили в одну сплошную стену, протянувшуюся на две тысячи миль через горы и полупустыни. Этот выдающийся строительный подвиг был совершен менее чем за десять лет под руководством главнокомандующего Первого императора Мэн Тяня, который также отвечал за проходившее в то же время строительство «прямой дороги». На строительстве стены были заняты около 300 000 человек, и постоянно удлинявшиеся пути подвоза в редконаселенной местности вряд ли могли позволить использовать меньшее число людей. Лютый зимний холод и летняя жара унесли жизни многих тысяч из них.

Кроме возведения дворцов, протянувшихся вдоль реки Вэй выше и ниже столицы и давших приют устраненной от власти аристократии, Первый император начал строительство нового огромного тронного зала, названного «Ближний дворец», а также продолжил уже начатые работы по строительству своего мавзолея, который поразил мир, будучи частично раскопан в XX веке. Древние источники утверждают, что на строительстве дворца и мавзолея были заняты 700 000 человек, хотя эта цифра опять-таки вызывает сомнение у ученых.

Всего через несколько лет после объединения циньская военная машина снова пришла в действие. Кампании на севере, в том числе и на той территории, которая сегодня называется Внутренней Монголией, а также на юг от Янцзы добавили новые земли, разделенные на три или четыре области, к уже существовавшим тридцати шести уездам. Чтобы облегчить транспортировку зерна для снабжения войск в ходе южной кампании, через горную цепь был прорыт трехмильный канал, связавший приток Янцзы с одной из восточных рек. Он продолжает использоваться и сегодня, представляя собой лишь часть системы каналов, общая протяженность которых

впоследствии увеличилась до 1250 миль — беспрецедентная длина внутренних водных путей.

Сотни человек направили на колонизацию недавно завоеванных земель. Некоторые из них были обычными гражданами, добровольцами, соблазнившимися наградой в виде десятилетнего освобождения от трудовой повинности или повышения на один ранг. Другие отправлялись по принуждению, как, например, каторжники или дезертиры с военной службы, или (что отражало предубеждение против коммерции) торговцы, или крепостные — члены бедных семей, вынужденные работать на семью кредитора и попадавшие в рабство, если им не удавалось погасить свой долг в трехлетний срок. Были там и чиновники, которые не справились со своими служебными обязанностями и в соответствии с принципами легистов подлежали наказанию наравне со всеми.

Одним из самых примечательных событий, отметивших правление Первого императора, были его объединительные поездки по стране. Почти каждый год Ши-хуанди проводил несколько месяцев, путешествуя с императорским кортежем. Сначала он направился на запад, а затем на восток, к морю, откуда вернулся по широкой дуге,

чтобы как можно большее количество людей, проживавших в отдаленных уголках страны, осознало тот факт, что они подчиняются единоличному правителю.

В этом процессе консолидации и объединения — включавшем административные реформы, установление всеобщего равенства перед законом, стандартизацию мер веса и длины, ширины дорог, валюты и шрифта — деятельность Первого императора и его советника заслуживает самых высоких похвал, как и основание ими Академии знаний, к которой были приписаны семьдесят ученых, пользовавшихся таким же почетом и уважением, как члены Академии ворот Ци, существовавшей в предыдущем столетии. Но в 213 году до н. э. произошло событие из разряда тех, которые впоследствии стали считать отличительной чертой тоталитаризма.

В тот год, во время пира в императорском дворце, многие академики вставали, чтобы пожелать императору долгих лет. Один ученый также вознес хвалы за то, что император принес мир и поддерживает его, заменив прежний аристократический режим новыми методами управления через наместников в административных уездах и областях. Затем слово взял другой ученый. Хотя

империя управлялась на основании легистских принципов, конфуцианство, наряду с даосизмом и теориями школы инь-ян, не потеряло своего места в интеллектуальной жизни, и этот оратор говорил как конфуцианец. Предыдущие династии, сказал он, держались у власти потому, что цари раздавали уделы своим сыновьям и заслуживающим поощрения чиновникам. «Хотя ваше величество владеет всеми землями в пределах морей, его сыновья и младшие братья остаются простыми людьми. Я никогда не слышал о том, чтобы система, не соответствующая образцам древности, смогла продержаться долго».

Ответ советника Ли Сы был сокрушительным: «Есть некоторые книжники, которые не следуют современности, а изучают прошлое, чтобы критиковать настоящее. Они сбивают с толку простых людей и подталкивают их к бунту». Если этому не положить конец, добавил он, «императорская власть ослабнет наверху и возникнет смута внизу».

И Ли Сы твердо решил осуществить сказанное. Был издан декрет, согласно которому, за исключением исторических записок самого царства Цинь, текстов, хранящихся в Академии знаний, а также работ по медицине, гаданию, сельскому

хозяйству и лесоводству, все остальные труды различных философских школ и все классические книги подлежали сдаче губернаторам областей для сожжения. Люди, обсуждающие «Шицзин» («Книгу песен и гимнов») или «Шуцзин» («Книгу истории»), подлежат казни, а их тела будут выставлены для всеобщего обозрения; не только те, кто «используют прошлое для критики настоящего», но и их родственники будут преданы смерти; чиновники, не донесшие о нарушении любого из этих постановлений, будут считаться виновными в той же мере, что и нарушители; и каждый, кто не сожжет запрещенные книги в тридцатидневный срок, будет заклеймен и отправлен на принудительные работы.

Ущерб знаниям, нанесенный этим «сожжением книг», хотя его наихудших последствий в целом удалось избежать, вызвал у китайских ученых последующих поколений глубокое отвращение к империи Цинь. Посмертную репутацию императора не улучшило и поведение, которое он демонстрировал после того, как попал под влияние магов, особенно одного из них, по имени Учитель Лу. Идеи «Ста школ», несомненно, оказывали свое воздействие на императора, несмотря на то что его правительство строго придержи-

валось легистских принципов. Так, например, прославляющие его достижения каменные стелы, которые он распорядился установить в важных местах в ходе своих путешествий по стране, часто содержали конфуцианские выражения — к примеру, «его глубокая мудрость человечна и добродетельна». С самого начала правления он уделял более чем поверхностное внимание теории «пяти стихий», довольствовался тем, что верил, будто их последовательность наделила его династию энергией воды, которой соответствовали черный цвет и число 6. Поэтому одежда Ши-хуанди, вымпелы и флаги были черного цвета, в то время как шляпы и колесницы чиновников измерялись группами по шесть, а в собственную колесницу императора были запряжены шесть лошадей. Но наиболее привлекательным философским учением для него являлся даосизм, чей словарь он также использовал в упоминавшихся выше надписях на стелах. Например, в одной из них сказано: «Он олицетворяет Дао и практикует его силу». Однако императора притягивала не столько философия даосизма, сколько его смесь с шаманизмом и колдовством, сосредоточенная на поисках эликсира бессмертия. Сформировался культ, распространившийся в основном вдоль

восточного побережья, — культ, чьи последователи верили, что, если найти или создать такой эликсир, принявший его человек сможет жить вечно на трех священных горах посреди моря.

В ходе своей первой поездки на восток император познакомился с этими магами. Один из них обратился к нему с просьбой дать разрешение на морскую экспедицию с целью исследования священных гор-островов, где, как считалось, обитали бессмертные. Император согласился и отправил несколько сотен юношей и девушек вместе с экспедицией, которую больше никто не видел. Во время своего следующего путешествия на восток Ши-хуанди отправил четырех магов, в том числе Учителя Лу, на поиски эликсира. После возвращения императора в столицу Учитель Лу доложил о том, что поиски эликсира безуспешны, однако ему все-таки удалось обнаружить магический текст, который предсказывает гибель империи Цинь в результате вторжения варваров хунну. Услышав это, император отправил своего полководца Мэн Тяня с огромной армией к северным границам с приказом атаковать хунну. Учитель Лу напомнил о себе снова через несколько лет, когда посоветовал императору держаться подальше от других людей, чтобы таким образом

облегчить поиски эликсира. После этого император приказал обнести двести семьдесят дворцов, окружающих столицу, стенами и дорогами под навесом, чтобы никто не мог видеть его в момент переезда из дворца во дворец. Он распорядился казнить каждого, кто раскроет его местонахождение, и с тех пор никто не знал, где в конкретный миг находится император.

Вскоре после этого один из придворных подслушал разговор, в котором Учитель Лу со своими друзьями чернил императора, и маги сразу же лишились его милости. Они бежали, но император приказал казнить четыреста шестьдесят ученых, заподозренных в связях с магами. То, что это ужасающее деяние на самом деле имело место, вызывает сомнения, поскольку выдающиеся исторические личности всегда окружены апокрифическими историями. Другая подобная история рассказывает о том, что в одном из своих путешествий император пришел в ярость после того, как его кортеж остановили в горах неистовые порывы ветра, и счел ветер злой насмешкой бога горы. Разгневанный император приказал трем осужденных преступникам срубить на горе все деревья и покрасить ее в красный цвет — цвет одежды каторжников.

Однако достоверно известно, что в 210 году до н. э., вернувшись из путешествия на восток, Ши-хуанди внезапно заболел и умер. Ему было сорок девять лет и тридцать семь из них он правил как князь и царь. Несмотря на то что лишь последние двенадцать лет он правил в качестве императора, следы его правления сохранялись в китайском государстве последующие два с лишним тысячелетия.

Тело Первого императора было погребено в гигантском мавзолее, строительство которого велось с того момента, когда в самом начале его правления в горе Ли, в тридцати милях к востоку от столицы, начали прокладывать туннель. Это было грандиозное сооружение, подобающее Первому императору, наполненное предметами роскоши и драгоценными камнями, окруженное подземными реками из ртути, текущими в море, облицованное бронзой. На его сводчатых потолках были изображены небесные созвездия, пол размечен в соответствии с очертаниями всей империи, с дворцами, горами и реками, смоделированными в зыбучем песке, в то время как механические арбалеты были настроены таким образом, чтобы сразить на месте каждого, кто посмеет проникнуть внутрь. Подсчитано, что свечи

из моржового жира могли поддерживать свет очень долгое время. Бесчисленное количество наложниц принесли в жертву, а еще похоронили всех рабочих, строивших гробницу, чтобы никто не смог узнать о ее секретах. Такое описание усыпальницы Ши-хуанди оставил первый великий китайский историк Сыма Цянь, но в 1974 году стало ясно, что это грандиозное захоронение имеет еще более поразительный размах.

В результате случайных раскопок лессовой почвы поблизости от гробницы на глубине около двадцати футов и на площади более трех акров было обнаружено целое воинское подразделение циньской армии, выполненное из терракоты.

Оказалось, что ведущие к гробнице проходы охраняют около 7500 реалистично раскрашенных солдат в натуральную величину. У сегодняшних посетителей создается впечатление, что эти фигуры вылеплены с живых воинов, поскольку каждое лицо имеет свои индивидуальные черты, свое выражение, и, кроме того, существуют различия в том, как причесаны их волосы и выбриты виски. Их шапки, пояса, туфли, доспехи и оружие, судя по всему, воспроизведены с максимальной скрупулезностью. Некоторые солдаты стоят по стойке смирно, другие опустились на одно ко-

лено, чтобы выстрелить из арбалета; с флангов их прикрывают кавалерия и боевые колесницы, запряженные глиняными лошадьми. Поскольку эта армия охраняет лишь одну из четырех сторон гробницы, вполне возможно, что дальнейшие раскопки обнаружат схожую картину с остальных сторон и численность терракотовой армии увеличится в четыре раза. Но независимо от того, произойдет это или нет, сегодня известно, что на завершение строительства комплекса ушло тридцать шесть лет, и среди многих тысяч человек, трудившихся над его созданием, были не только ремесленники и рабочие, но также философы, гадатели, маги и целая армия чиновников, координировавших работы. В итоге получилось то, что, несомненно, имеет полное право занять достойное место в одном ряду с семью чудесами древнего мира, известными на Западе.

Когда Первый император умер, его старший сын Фу Су находился на северной границе вместе с великим полководцем Мэн Тянем. Свидетелями смерти императора стали его любимый сын Ху Хай, советник Ли Сы, а также первый из долгой череды евнухов, которым было суждено оставить черный след в китайской истории. Его звали Чжао Гао, и, в соответствии со своими служебны-

ми обязанностями, он следил за уничтожением императорских писем и запечатанных приказов. Он убедил престарелого Ли Сы под держать Ху Хая в притязаниях на трон, и с этой целью они скрыли письмо покойного императора, в котором тот провозглашал наследником своего старшего сына. Они заменили это письмо фальшивым декретом, где наследником объявлялся Ху Хай, а Фу Су и Мэн Тяню предписывалось совершить самоубийство, что те и сделали. Так, в двадцать один год Ху Хай взошел на трон под титулом Эр Ши-хуанди, или «Второй император».

Самой характерной чертой Второго императора была доверчивость, которая и сделала его легкой добычей для Чжао Гао. В 209 году до н. э. последний убедил императора еще больше ужесточить законы и казнить некоторых из своих младших братьев. Позднее, в тот же год, рядовой офицер, которому было приказано сопроводить девятьсот преступников в ссылку, не смог выехать вовремя из-за сильного дождя. Зная, что по существующим драконовским законам его в любом случае ожидает смертная казнь, он предпочел поднять мятеж. Из этого мятежа разгорелось народное восстание, охватившее всю страну, и уже через несколько месяцев были убиты многие губерна-

торы областей. Еще целый ряд лидеров боролся за то, чтобы взять под свой контроль постоянно растущие отряды мятежников, и среди них был бывший деревенский староста по имени Лю Бан, чье имя оказалось отмеченным судьбой.

Все это время коварный Чжао Гао стремился к тому, чтобы обрести полную власть при дворе, и убедил молодого императора арестовать Ли Сы. Блестящая карьера великого государственного деятеля завершилась тем, что ему постепенно отсекали различные части тела, а конец его мучениям был положен на рыночной площади столицы, где он был разрублен пополам в талии; его близкие родственники также были убиты. Беспорядки в стране нарастали, а Чжао Гао подарил императору оленя, назвав того лошадью; когда собравшиеся придворные подтвердили это описание, император, сомневаясь в своем здравомыслии, удалился от мира. Вскоре после этого дальнейшие махинации Чжао Гао вынудили его совершить самоубийство. Евнух заменил его одним из внуков Первого императора, которого звали Цзы-ин. Это шаг оказался для Чжао Гао роковым, поскольку новый правитель, хорошо понимавший, насколько опасен евнух, сразу же вызвал его на аудиенцию в свои покои, где тот

и был убит.

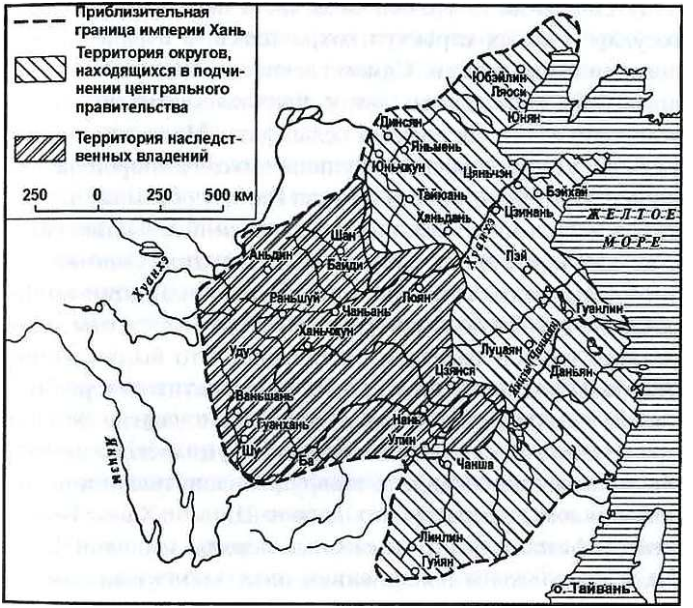
Несколькими месяцами позже повстанческая армия под командованием бывшего старосты Лю Бана прорвалась через южный перевал и вплотную приблизилась к столице. Цзы-ин сдался без боя, но в начале 206 года до н. э. другой лидер мятежников по имени Сян Юй опустошил столицу — вероятно, уничтожив при этом больше древних текстов, чем пострадало во время пресловутого «сожжения книг» — и казнил несчастного Цзы-ина. От былого могущества империи Цинь не осталось и следа.

Глава 9. Ранняя Хань (206–141 гг. до н. э.)

Три года мятежей, в результате которых пала династия Цинь, вылились в жестокую гражданскую войну, длившуюся почти пять лет. Война закончилась в 202 году, когда армия под командованием бывшего старосты Лю Бана окружила войска его главного соперника, который покончил жизнь самоубийством. Лю Бан был провозглашен императором и стал родоначальником династии, получившей имя Хань. Это имя на протяжении четырех столетий было синонимом невиданного могущества и выдающихся достижений империи и в конечном счете превратилось в самоназвание этнических китайцев. Династия прерывалась периодом междуцарствия, и предшествовавшая ему эпоха получила название Ранняя, или Западная, Хань, а последующая — Поздняя, или Восточная, Хань.

Император взял имя Гао-цзу. Он сделал своей столицей Чаньань, где располагался императорский дворец Цинь, рядом с разрушенной циньской столицей Сяньян, к северо-востоку

от современного города Сиань. По плодородной равнине, защищенной горами, неподалеку от столицы протекали реки Хуанхэ, Вэй и Цзин. Началось строительство величественных дворцов и городских стен. Отец Гао-цзу отказался жить в роскоши нового императорского дворца, и поэтому император построил точную копию родной деревни, куда переселил не только отца, но и его друзей — а также скот и птицу, которые жили точно в таких же загонах, как и прежде.



Империя Хань в II–I вв. до н. э.

Несмотря на то что основная часть циньских законов и государственных структур сохранилась, в стране появилось много новшеств. Самое главное — был усвоен урок последних неспокойных лет, и стальная хватка школы законников стала постепенно ослабевать. Медленно, но неуклонно

утверждалось конфуцианство с его опорой на этическое поведение; первый же указ Гао-цзу обязывал чиновников использовать закон для объяснений и наставлений, а не как инструмент наказания. Император смягчил некоторые законы легистов, а после демобилизации армии объявил всеобщую амнистию. Он облегчил тяготы разоренного войной населения и объявил, что вынужденные бежать из родных мест люди могут возвратиться к родным очагам и вернуть потерянные земельные наделы. Мудрецов из когда-то существовавшего конфуцианского царства Лю пригласили соединить конфуцианские традиции с церемониалом императорских дворов Цинь и Хань. Тем не менее официальные религиозные обряды империи Цинь были продолжены поклонением пяти элементам, или силам, причем к первоэлементу воде и черному цвету вернулось былое уважение.

Главными советниками Гао-цзу были имперский канцлер — а иногда два канцлера, правой руки и левой руки, — имперский секретарь и верховный военачальник. На ступень ниже так называемых «трех владык» располагались девять министров, отвечавших за различные государственные функции, а именно:

• Начальник обрядового приказа *(тайчан)* — ритуалы, медицина, школы.

• Начальник посольского приказа *(да хунлу*) — отношения с царями (см. ниже) и варварами.

• Дворцовый советник *(гуанлу)* — полиция и тюрьмы.

• Великий управитель сельским хозяйством *(дасынун)* — натуральные налоги и государственные финансы.

• Смотритель императорских кладовых (*шаофу*) — налоги для личной казны императора, дворцовый персонал, библиотека и архивы; дворцовые секретари и евнухи.

• Начальник охранной стражи дворца *(вэйвэй)* — дворцовая стража.

• Начальник судебного приказа *(тинвэй).*

• Главный конюший *(тайпу)* — конные заводы, арсеналы, дворцовые лошади и экипажи.

• Старший чиновник, ведающий делами императорского рода (*цзунчжэн*) — выбирался из правящего дома Лю — обслуживание императорской недви-

жимости.

Этим министрам во II веке до н. э. подчинялся целый сонм чиновников различных рангов, обладавших разными полномочиями. Несмотря на то что возможность занятия государственной должности по-прежнему определялась семейными связями, высоким покровительством и богатством, влияние конфуцианства привело к тому, что все большее значение стали приобретать моральные качества и способности человека. За год до смерти Гао-цзу приказал чиновникам из провинции присылать всех достойных и талантливых людей к канцлеру, чтобы они могли получить должности, на которых их способности использовались бы в полной мере.

Административные уезды эпохи Цинь были заменены на супрефектуры, но в западной части страны сохранилась система объединения уездов в области, управляемые центральным правительством. Теперь областью управлял не триумвират, а губернатор, а во главе супрефектур стояли префекты. Губернаторы управляли вверенной им территорией, следили за состоянием сельского хозяйства, выносили судебные решения, собирали налоги, в том числе в центральную

казну, исполняли необходимые религиозные церемонии, как того требовала государственная религия, формировали войска и возглавляли командование, а также руководили школами, находившимися на содержании самых крупных городов. Супрефектуры были поделены на районы примерно по пять тысяч семей в каждом; они были обязаны содержать почтовые станции и полицейские посты вдоль главных дорог империи. Районы, в свою очередь, состояли из деревень, или общин, численностью от пятидесяти до ста семей. Представитель местных землевладельцев отвечал за сбор подушного и земельного налога в общине, за набор в армию, перепись населения, распределение земельных наделов, регистрацию всех сделок и общественный порядок. Старейшина следил за нравственностью и обращал внимание начальства на благочестивых сыновей, добродетельных жен и щедрых граждан. Еще один представитель знати исполнял обязанности почтмейстера, отвечая за состояние и безопасность своего участка дороги и обеспечивая беспрепятственную доставку почты и пассажиров; кроме того, в его обязанности входило заботиться о конюшнях, лошадях для повозок и постоялых дворах для путников. Со временем в

правительстве была сформирована специальная инспекция из двенадцати человек, каждый из которых в восьмом месяце года должен был посетить группу областей империи, чтобы проверить бюджет, работу местной администрации и судов, и в первый день нового года отчет о проверке представлялся в столицу. Жалованье всем чиновникам, начиная с «трех владык», частично выдавалось зерном, а частично деньгами.

В восточной части страны картина была несколько иной — даже несмотря на формальное существование областей. В некоторых бывших провинциях во время гражданской войны губернаторы, а также остатки старой аристократии объявили о создании княжеств. Эти правители — сначала их насчитывалось десять — формально признавали Гао-цзу в качестве сюзерена: они должны были перечислять в имперскую казну часть налогов, собираемых на их территории, и ежегодно приносить присягу верности императору. Чтобы исключить опасность возврата к эпохе Борющихся Царств, когда княжества воевали друг с другом, центральное правительство распорядилось переселить в окрестности столицы около 100 тысяч членов влиятельных семей, а также предпринимало различные меры по кон-

тролю над царствами. Так, например, при первой же возможности — будь то смерть либо другие обстоятельства, например мятеж, — правителем становился один из родственников императора. В каждом из княжеств был полноценный государственный аппарат, но глава его назначался центральным правительством. Более того, из двух аристократических рангов, «князей» и «маркизов» (стоящих над восемнадцатью сословиями, установленными в эпоху Шан), возвышенные императором за заслуги «маркизы» получали во владение часть земель княжеств. Со временем княжества все больше и больше дробились или переходили в прямое подчинение центральной власти, превращаясь в области империи.

Гражданская война, а затем процесс объединения ослабили страну и сделали ее уязвимой перед никогда не исчезавшей угрозой агрессии со стоны северных варваров. Племена гуннов, которых китайцы называли *сюнну* и которые кочевали в соседних с мелкими княжествами землях, объединились в мощный племенной союз. Орды всадников, отлично стрелявших из лука на полном скаку, совершали жестокие набеги на приграничные районы. В 200 году до н. э. предводитель сюнну, имевший в своем распоря-

жении отборную кавалерию численностью 400 тысяч воинов, сумел заманить в ловушку Гао-цзу и отрезать его 300-тысячную армию, лишив провианта и резервов; выбраться из западни императору удалось лишь через семь дней. Не имея средств, чтобы поддерживать в должном состоянии Великую Китайскую стену и ее оборонительные сооружения, император пришел к выводу, что у него недостаточно сил и для наступления, поскольку он испытывал недостаток в лошадях для конницы, главной боевой силой которой считались колесницы. Поэтому Гао-цзу начал проводить политику умиротворения. Он выдал одну из принцесс замуж за вождя сюн-ну и согласился ежегодно преподносить зятю богатые дары. Но мир не был прочным, и военные действия периодически вспыхивали с новой силой. Гао-цзу лично участвовал в сражениях, и в 195 году до н. э. был смертельно ранен вражеской стрелой.

Именно в этот период на исторической сцене появилась первая из череды женщин, игравших видную роль в китайской истории. Еще в молодости Гао-цзу женился на женщине из рода Люй, происходившей из провинции, которая теперь называется Шаньдун. Императрица Люй родила

императору сына, и хотя любимцем Гао-цзу был один из семи сыновей от других жен, Люй добилась того, чтобы трон унаследовал именно ее сын. Документы этого периода обычно рисуют ее развратной и жестокой женщиной: она приказала отравить любимого сына императора и убить его мать, не поверив в страшное предзнаменование относительно судьбы собственного сына, а затем по ее приказу умертвили трех других сыновей Гао-цзу, которые пытались ей помешать.

Нового императора, которому было всего пятнадцать лет, звали Хуэй-ди. Он умер через восемь лет пребывания на троне. Его правление запомнилось, во-первых, установкой по всей стране алтарей в честь Гао-цзу, а во-вторых, укреплением столицы Чаньани и возведением вокруг города мощной стены. Трудовую повинность на строительстве этого сооружения отбывали тысячи мужчин и женщин. В конечном счете город опоясался стеной, ширина которой у основания составляла пятьдесят футов, а на высоте двадцати шести футов — сорок, а длина доходила до трех с половиной миль. Кроме того, его правление отмечено дальнейшим смягчением драконовских легистских законов и снятием запрета на книги, которые входили в циньский список литературы,

предназначенной для сожжения.

После смерти Хуэй-ди трон занимали два малолетних императора-марионетки — один сменил другого через три года, — что позволило Люй стать регентом империи. Она издавала указы и скрепляла их императорской печатью, нефритовым символом верховной власти с выгравированным девизом императора, и энергично отстаивала интересы своей семьи. Четыре родственника Люй стали «князьями», шесть — «маркизами», а остальные получили «генеральские» звания. Тем не менее ей не удалось остановить разорительные набеги сюнну, которые только в одном рейде увели до двух тысяч пленных.

Люй умерла в 180 году до н. э., успев перед смертью назначить одного из своих родственников канцлером, а другого — верховным военачальником. Семья Люй отважилась на попытку уничтожения императорского дома Лю, но сама пала под ударами союза князей, которые были потомками Гао-цзу. Старший из его оставшихся в живых сыновей был избран императором и взял себе имя Вэнь-ди. Выбор определили такие качества нового правителя, как обостренное чувство долга и благородство характера, унаследованное от матери, — последняя никак не могла превра-

титься во вторую императрицу Люй.

Правление Вэнь-ди отмечено экономностью, что резко контрастировало с расточительностью его предшественника. После смерти Вэнь-ди в 157 году до н. э. трон унаследовал его сын Цзин-ди (157–141 гг. до н. э), который тоже жестко ограничивал расходы. Это был период стабильности, когда соблюдение этических и гуманистических принципов конфуцианства сочеталось с почти даосским минимальным вмешательством империи в управление. Этот баланс стал возможным благодаря двум выдающимся министрам, Чи Ай и Чжао Цзы.

Легенды сделали из Чи Ая образец государственного деятеля, недооцененного современниками. Его стихи и проза, в том числе знаменитый трактат, в котором неудачи легистов объяснялись отступлением от принципов конфуцианства, получили широкое признание. Однако, сумев подняться лишь до должности старшего советника при дворе, он считал себя неудачником и в возрасте тридцати трех лет покончил жизнь самоубийством. Жизнь Чжао Цзы, который стал одним из «трех владык» и занял должность имперского секретаря, закончилась не менее печально — его казнили по доносу завистливых

соперников.

Оба государственных мужа давали императору схожие советы. Так, например, они выступали противниками чрезмерного гнета со стороны государства. Поэтому при двух императорах были проведены восемь амнистий для осужденных за различные преступления граждан, а также запрещены связанные с увечьями наказания, такие как кастрация или отрубание ног. Учредили также шесть орденов, которыми отмечали заслуги перед империей. Земельный налог был уменьшен вдвое, а в некоторые годы отменялся совсем — и тем не менее императоры Вэнь-ди и Цзин-ди оставили после себя полные закрома зерна и богатую казну. Монеты представляли собой кружок стандартного размера с отверстием посередине, весом чуть больше пяти граммов, и изготавливались из сплава меди и олова; связка состояла из тысячи таких монет, а десять связок по своей стоимости были эквивалентны золотому слитку весом 244 грамма. Государственная монополия на чеканку монет, введенная при империи Цинь, была отменена, и это привело к появлению ряда проблем, таких как изготовление фальшивых монет, а также переплавка с целью продажи металла, применявшегося для чеканки.

Сосредоточение огромных богатств в руках императора проходило незаметно, чего нельзя было сказать о многих торговцах, хотя еще со времен династии Цинь, когда зародился этот класс общества, торговцы не пользовались особой любовью. Это были лавочники, владельцы рудников, где добывали железо и киноварь, торговцы солью, скотоводы, землевладельцы и ростовщики. Они торговали бамбуком, лесом, зерном, драгоценными камнями и металлами, кожей, скотом, гвоздикой, шелком и множеством других товаров. Некоторые их них были необычайно богаты и владели тысячами рабов. Законы, призванные ограничить их влияние посредством повышения налогов или запрета их детям занимать государственные должности, были гораздо эффективнее, чем запрет носить одежду из шелка или ездить верхом; тем не менее в докладе императору Чжао Цзы отмечал, что торговцы покупают земли, одеваются в шелка, едят только мясо и отборный рис, владеют лучшими лошадьми и экипажами, вступают в брак с отпрысками аристократических родов. Они представляли угрозу для мелкого землевладельца, которого обманывали, когда тот продавал свою продукцию, и заставляли переплачивать за товары первой необходимо-

сти, такие как железо и соль. Во время засухи или наводнения крестьянин попадал в кабалу и нередко был вынужден продавать свой надел за полцены, превращаясь в арендатора, а иногда даже отдавал в рабство детей и внуков. Однако все меры, предпринимаемые для обуздания класса торговцев, по-прежнему не давали результата.

Железный плуг, в который впрягали животных, значительно повысил производительность сельского хозяйства еще в эпоху Борющихся Царств. Более того, масштабные работы по ирригации и защите от наводнений, в том числе первые попытки регулировать разлив Хуанхэ, привели к существенному увеличению площади возделываемой земли. Однако несмотря на появление тысяч и тысяч акров новых, пригодных к обработке земель большая их часть попадала в руки богатых торговцев, и жизнь крестьян, составлявших подавляющее большинство населения, нисколько не улучшалась. Они обрабатывали свои небольшие наделы (как правило, среднюю семью кормил участок площадью от пяти до одиннадцати акров), и, как указывал в своей записке Чжао Цзы,

весной они страдают от обжигающего

ветра и пыли, летом их нещадно палит жаркое солнце, осенью они коченеют от дождей, а зимой дрожат от льда и холода. За весь год у них не бывает ни дня отдыха.

Крестьяне страдали не только от грабивших их торговцев и частых стихийных бедствий, таких как засухи и наводнения, но и от обязательной государственной службы. Все мужчины в возрасте от двадцати трех до пятидесяти шести лет были обязаны два года отслужить в армии, а в случае военной опасности подлежали повторному призыву; кроме того, один месяц в году им предписывалось провести на общественных работах, на которые направляли местные власти. Они могли перевозить урожай с полей в государственные зернохранилища, а затем с зернохранилищ на центральные склады, где хранились запасы на случай засухи, строить дороги и мосты или ремонтировать каналы, а также обслуживать императорские дворцы и усыпальницы. В некоторых случаях — не для рядового крестьянина — можно было избежать барщины либо заплатив другим членам общины, либо воспользовавшись преимуществом высокого ранга. Ранг человека

имел огромное значение, причем не только гарантировал уважение и почет, но и помогал во многих других случаях; так, например, хитросплетения законодательства позволяли смягчить наказание представителям высших слоев общества. Выходец из высших классов, обвиненный в серьезном преступлении, мог отделаться лишь увольнением и лишением должности, а в некоторых случаях ссылкой, куда за ним должны были последовать родственники и друзья; иногда и этого наказания можно было избежать, уплатив выкуп в казну. Однако для большинства людей нарушение закона имело куда более серьезные последствия.

В 200 году до н. э. циньский свод законов был дополнен новым уголовным кодексом. Некоторые преступления карались смертью — убийство близкого родственника, инцест, мятеж, неповиновение императору, клевета на императора или использование против него магии, а также обман при подсчете захваченных в сражении врагов. Для гармонизации с природными циклами, которым, как считалось, подчиняется и человек, смертные приговоры должны были приводиться в исполнение осенью и зимой, в сезоны угасания и смерти, поскольку казнь, совершенная весной

или летом — в сезоны прощения и милосердия, — могла стать причиной природной катастрофы. Приговоренному к смерти преступнику либо отрубали голову, либо его разрубали пополам на уровне талии при помощи установленного на шарнирах лезвия; казнь обычно проводилась на рыночной площади или у городских ворот, а тело казненного выставлялось на всеобщее обозрение. Самое суровое наказание предусматривало уничтожение всей семьи преступника — родителей, родителей отца, жены, детей и внуков, — но иногда смерть заменялась продажей в рабство, вторым по строгости наказанием после смертной казни.

В большинстве случаев такое наказание, как увечье, заменялось палочными ударами. Нередко палочные удары сочетались с принудительными работами, которые были самым распространенным наказанием, — его мог заменить значительный штраф, но западная идея содержания преступников в непродуктивных и дорогостоящих тюрьмах здесь была неизвестна, и под замком держали только обвиняемых в ожидании суда. Срок принудительных работ мог составлять до пяти лет, и все это время осужденный был обязан брить голову, а в некоторых случаях —

носить ножные кандалы и железный ошейник. Осужденные женщины мололи и просеивали зерно, тогда как мужчины строили укрепления или плотины на реке Хуанхэ, а также служили в армии. Вместе с рабами они составляли основную часть рабочей силы, использовавшейся для реализации крупных государственных проектов, и поэтому играли важную роль в экономике империи Хань.

Правосудие отправлялось на местах супрефектом и его чиновниками. Обвиненного в преступлении человека арестовывали, сажали в тюрьму (нередко заковывая в цепи) и допрашивали с применением пыток — обычно это были удары по пяткам, ягодицам или бедрам. Свидетелей тоже арестовывали. Все вопросы и ответы заносились в официальный протокол, который затем зачитывался обвиняемому. Сложные с юридической точки зрения случаи направлялись на рассмотрение в столицу, в цензорат, и в это же ведомство поступали ежегодные доклады инспекторов обо всех беспорядках в областях империи. Обвиняемый практически не мог подать апелляцию, а все его надежды на освобождение или смягчение наказания связывались с рангом или с объявленной императором амнистией.

Классовая структура общества оставалась неизменной, разве что границы между сословиями стали более подвижными. На самом верху располагался правящий класс, к которому относились ученые и деятели искусства, затем шло крестьянское сословие, потом торговцы, ремесленники и рабы. Многие ремесленники на деле приравнивались к рабам, и в любом случае они не пользовались уважением в обществе. Тем не менее именно они являлись хранителями традиций искусства, которое началось с бронзовых изделий эпохи Шан и во все времена служило блестящим проявлением китайского гения. Нефрит, поделочный камень, бронза, лаковые миниатюры и текстиль украшали дворцы и мавзолеи правителей. Ремесленники также достигли необычайных высот в искусстве изготовления железных инструментов, оружия и предметов домашнего обихода.

Последние лучше всего представлены находками, сделанными в трех гробницах представителей знати, обнаруженных в 1970-х годах в районе города Чанша к югу от Янцзы. Могилы, располагавшиеся на дне колодцев на глубине пятидесяти футов под курганами до двухсот футов высотой, позволили познакомиться с раз-

личными аспектами жизни Китая во II веке до Рождества Христова.

В одном из склепов обнаружили более тысячи предметов домашнего обихода. В те времена люди верили, что после смерти одна из их душ, которую называли *хунь*, начинает опасное путешествие в обитель бессмертных на горе Куньлунь на северо-западе Китая, тогда как другая душа, *по*, спускается в недра земли; для того, чтобы она оставалась с телом как можно дольше и не пугала потомков усопшего, являясь им в образе привидения, ее нужно ублажать при помощи жертвоприношений и погребальных предметов. Считалось, что после смерти человеку требуется все, чем он пользовался при жизни, и поэтому в могилу клали огромное количество вещей.

Среди этих предметов была одежда и глиняные копии монет, бронзовые, лаковые и фаянсовые вазы и корзины, золото и драгоценные камни, покрытые лаком шкатулки с гребнями, заколками для волос, головными украшениями, зеркалами, настольными играми и оружием, фигурки музыкантов и настоящие музыкальные инструменты, такие как бамбуковые губные гармоники длиной более двух метров и семиструнные цитры. Разнообразные ткани дали представление о технике

ткачества и крашения в эпоху империи Хань — шелковая тафта, украшенный вышивкой шелк и газ всех цветов и оттенков, яркие рисунки с криволинейными геометрическими узорами, драконами или птицами. Принадлежности для письма и книги на шелке или дереве рассказали о библиотеке образованного человека того времени — классические произведения китайской литературы, философские труды, работы по медицине, астрономии и даже таким предметам, как физиогномика лошадей, юриспруденция, метеорология и картография (с топографическими и военными картами, а также планами городов). Самым ценным украшением каждой могилы являлось шелковое знамя — его несли во время похоронной процессии, а затем накрывали им гроб. Традиция изготовления знамени с именем усопшего сохранилась до наших дней, но знамена, извлеченные из могил, представляют собой непревзойденные образцы древней китайской живописи и являются настоящими шедеврами. Их сюжеты имеют религиозную тематику — путешествие усопшего в следующий мир, достижение бессмертия и так далее.

Не забывали древние жители Поднебесной и о мебели. В гробницах имелись циновки, помо-

сты, подлокотники, сундуки, столы и ширмы. Китайцы не пользовались стульями, а просто садились на циновки — эта манера впоследствии через Корею добралась до Японии, — хотя в домах представителей высшего класса имелись передвижные деревянные кушетки, которые могли играть роль сиденья или кровати. Кроватью же для большинства населения служило земляное возвышение, облицованное кирпичом и покрытое циновками, одеялами или шкурами животных и подогреваемое при помощи труб, проложенных от очага, горевшего либо в доме, либо на улице. Низкие ширмы из раскрашенного дерева защищали от сквозняков и обеспечивали некоторое уединение. В богатых домах стены были украшены гобеленами и картинами на шелке. Столы были маленькие, круглой или прямоугольной формы, и во время трапезы их обычно приносили из кухни уже с тарелками, палочками для еды, ложкой, чашкой для крепких напитков, у которой имелась ручка, и кубком для воды.

Столовая посуда у состоятельных людей обычно была деревянной, черной изнутри, красной снаружи, и украшенной разнообразными рисунками. Такими же были и подносы — только для князей они изготавливались из позолоченной

бронзы, серебра или золота. Большие кувшины для вина были бронзовыми, а для приготовления пищи и хранения продуктов — глиняными или фаянсовыми. Люди меньшего достатка удовлетворялись деревянными, бамбуковыми и глиняными тарелками, а лакированные изделия ценились выше бронзы.

Разнообразие формы и материалов у сосудов для хранения продуктов свидетельствует о богатстве меню в эпоху Хань, и в захоронениях действительно найдены остатки многих блюд. Продукты консервировали при помощи соли, а также вялили на солнце, коптили и мариновали в уксусе. Блюда жарили, бланшировали, варили, тушили и готовили на пару — то есть использовали те же способы обработки, что и мы с вами в XXI веке, за исключением микроволновой печи. В письменных источниках той эпохи перечисляются основные ингредиенты, доступные ханьскому повару:

- Зерновые: рис, пшеница, ячмень, просо.
- Овощи: семя конопли, соя, фасоль, горчичное семя, рапс, побеги бамбука, корни лотоса, таро, лук, имбирь, дыни, тыква,

мальва, шалот, чеснок, спорыш, осот.

• Фрукты: груши, юююба, сливы, персики, плоды земляничного дерева, апельсины, хурма, водяной орех.

• Мясо: говядина, баранина, свинина, поросятина, мясо собак, конина, зайчатина, оленина, мясо кабана, куры, фазаны, дикие гуси, утки, перепела, воробьи.

• Рыба: различные виды карпа, лещ, окунь.

• Приправы и специи: соль, сахар, мед, соевый соус, дрожжи, уксус, корица, галанговый корень, имбирь.

• Напитки: спиртные напитки из риса, пшеницы и проса, фруктовые соки.

Обычно к столу подавали традиционные блюда, самым распространенным из которых было нечто вроде азу из зерновых, мяса и овощей. В северных районах предпочитали разные виды риса, а на юге отдавали предпочтение просу. Лепешки обычно делали из рисовой муки, и только позже, когда стали использовать пшеничную муку, появились лапша и хлеб. Сушеные продукты составляли основу рациона путешественников и солдат.

Таким образом, захоронения из Чанша познакомили нас с культурой китайцев той эпохи — по крайней мере, состоятельных слоев населения в районах, находившихся под властью Вэнь-ди и Цзин-ди (180–141 гг. до н. э.). Эти люди были не менее цивилизованными, чем их современники в других частях света, в том числе в Греции и Риме. Они жили в государстве, в котором были заложены основы эффективного правительства, сформировались принципы управления страной и определились прецеденты действий чиновников по отношению к гражданам. Внутри империи воцарился мир — несмотря на периодические мятежи в карликовых княжествах, что в конечном счете вело к дальнейшему раздроблению, — но угроза со стороны северных варваров сохранялась, поскольку на пространстве от северной Монголии до Кавказа существовала огромная империя кочевников, граничившая с северными областями Китая. Политика умиротворения, проводившаяся первым императором из династии Хань, оказалась успешной лишь отчасти: опустошительные набеги повторялись каждые несколько лет, и во времена правления Вэнь-ди 100 тысяч конников преодолели восточные перевалы и спустились в долину реки Вэй, меньше чем

в ста милях от столицы империи Чаньани. Для того чтобы остановить кочевников, императору потребовалась мощная армия, в состав которой вошли более тысячи боевых колесниц. Заключенный мир постоянно нарушался — несмотря на то, что император отсылал кочевникам богатые дары из шелка, спиртных напитков и продуктов, а также выдал замуж за вождя кочевников одну из принцесс. Некоторое облегчение принесла система оповещения со сторожевыми постами и наблюдательными пунктами.

За девять лет до смерти император Цзин-ди назначил официальным наследником своего шестилетнего сына. Таким образом, У-ди вступил на престол в пятнадцатилетием возрасте и правил пятьдесят четыре года, став одним из самых знаменитых китайских императоров.

Глава 10. Ранняя Хань. Продолжение: У-ди (141-87 гг. до н. э.)

Когда в 141 году до н. э. императором стал У-ди, его столица Чаньань была одним из крупнейших городов мира. У-ди превратил город в символ величия императорского дома. Столица была обнесена стеной почти квадратной формы с длиной сторон около четырех миль и таким же рвом; с каждой стороны стены имелось трое ворот с тремя дорогами шириной двадцать шесть футов, позволявшими шеренге из двенадцати колесниц въезжать на прямые улицы города, движение по которым тоже осуществлялось в три ряда (средний ряд предназначался исключительно для императора).

Большую часть площади города занимали пять огромных дворцовых комплексов. Один из них состоял из сорока зданий, соединенных крытыми галереями, и имел огромный зал для аудиенций длиной около пятисот футов, расположенный почти на такой же высоте, — его построили на террасе, и попасть туда можно было либо по лестнице, либо по пандусу для императорского

экипажа. В этом дворцовом комплексе имелись покои для императора и императрицы, дома для придворных дам, библиотека, арсенал и храмы, посвященные предкам. Другие дворцы предназначались для вдовствующей императрицы и различных государственных учреждений. У входа в главные дворцы были установлены гигантские статуи и колокола. Сами здания были построены из кирпича, заполнявшего пространство между деревянными балками, и нередко имели три этажа с центральной частью и двумя симметричными крыльями, черепичной крышей и карнизами; они располагались на утрамбованных земляных насыпях. Дворцы были украшены многочисленными пирамидальными башенками, одна из которых достигала трехсот пятидесяти футов в высоту. Деревянные балки и колонны внутри дворцов источали приятный аромат и были расписными; основания колонн изготавливались из нефрита, полы блестели полированным камнем, а стены были облицованы деревом, а также украшены живописью на шелке или шелковыми гобеленами. Грандиозные фрески дворца и зала предков изобиловали мифическими сюжетами и пейзажами, которые казались еще более живыми после открытия

принципа воздушной перспективы, разрешившего проблему, над которой западные художники бились несколько веков спустя.

В северо-западной части Чаньани, недалеко от одной из рек, располагались два огромных рынка. Здесь продавали и покупали абсолютно все, здесь выступали уличные артисты, искали работу писцы, просто гуляли люди и назначали встречи друзья. За пределами дворцовых комплексов город был поделен на два обнесенных стенами района, в каждом из которых насчитывалось около сотни домов; к домам вели дороги, расходящиеся от единственных ворот, которые запирались на ночь или в случае опасности. Параллельно дорогам была проложена сеть глиняных сточных труб, по которым отбросы стекали в каналы, соединенные с реками.

Жилые и торговые кварталы простирались далеко за пределы городских стен, и там жили богатые торговцы и аристократы, желавшие отдохнуть от столичного шума и скученности. Однако самым поразительным сооружением вне стен города был парк Шанлинь с его протянувшимися на сотню километров охотничьими угодьями. Здесь на необрабатываемых землях и природных охраняемых территориях обитали

все виды растений и животных, известных китайцам[4]. У озер этого парка и в его поросших лесом горах располагались домики, в которых отдыхал и развлекался император. Обширный пруд позволял разыгрывать морские баталии, а в воде размещалось огромное каменное чудовище, механические крылья которого приводились в движение ветром. В парке хватало места для военных парадов, а также развлечений аристократии, которые устраивались под видом охоты и запомнились кровавыми побоищами и жестокостью, запечатленными в произведениях поэтов и художников той эпохи. Парк существовал еще в эпоху Цинь, но У-ди реконструировал его и расширил. Но когда он предложил еще больше увеличить площадь парка, этому воспротивился один из советников. Этот район был богат нефритом, золотом, медью, железом, камфарой, редкими породами дерева и другими ценными материалами, служившими сырьем для ремесленников. Здесь росли такие культуры,

[4] Примечания: 4

Среди них стоит отметить редкого оленя, которого китайцы называли *милу*. У него были коровьи копыта, шея верблюда и ветвистые оленьи рога. Этих оленей оставалось менее тридцати особей, когда многонациональные силы, отправленные на подавление так называемого боксерского восстания в 1900 году, уничтожили всех животных, чтобы подать оленину к обеду.

как просо, груши, каштаны, шелковица, конопля и бамбук; земля была плодородной, а реки и озера изобиловали рыбой. Обездолить людей, чья жизнь зависела от этих природных богатств, разрушить их дома и могилы предков — равноценно уничтожению государственных ресурсов, нанесению вреда сельскому хозяйству и производству шелка. И все лишь для того, чтобы расплодились олени, расширились угодья для лис и зайцев, появились новые логова тигров и волков!

У-ди отмахнулся от возражений, а противоречить ему никто не решался. Император был окружен ореолом таинственности и святости и жил в своих дворцах, отгородившись от мира и появляясь лишь на важных аудиенциях, советах и церемониях, а также во время жертвоприношений богам. Произносить его имя было запрещено; лишь он один мог носить определенную одежду и драгоценности, ездить в определенных экипажах — все это изготавливалось специально для него. Он пребывал «в блеске величественности, которая ограничивала его связи с людьми», окруженный наложницами, евнухами и узким кругом «преданных» — родственников императрицы, нескольких фаворитов, личных друзей и катамитов; императоры династии Хань были

бисексуалами, а многие из них, подобно римским императорам, и гомосексуалистами.

Однако правительство императора У-ди проявляло необычайную активность по сравнению с даосской политикой невмешательства его предшественников, особенно в сферах экономического развития и расширения территории. Последний аспект был связан с деятельностью одного из величайших путешественников древности, Чжан Цяня. Он занимал должность министра в центральном правительстве, и в 138 году до н. э. его отправили на северо-восток во главе миссии из ста человек с заданием добраться до Бактрии и заключить союз с тамошним могущественным племенем, чтобы единым фронтом выступить против сюнну, которые за несколько лет до этого устремились в западном направлении.

Однако по пути он был захвачен сюнну и провел в плену десять лет, прежде чем смог убежать, а затем отважно продолжил свое путешествие. В конце концов он добрался до Ферганы, расположенной севернее современного Афганистана — в 2500 милях от Чаньани. Это расстояние по прямой, но Чжан Цяню пришлось пересекать пустыни и горы, долины и реки. В итоге он очутился на восточной окраине Парфянской империи (на-

следницы Персии), и, согласно преданию, именно отсюда он привез в Китай грецкий орех, а также виноградную лозу, после чего в стране стало развиваться виноделие. Наконец он добрался до Бактрии, всего за несколько десятилетий до этого освободившейся от греческого влияния, навязанного Александром Македонским. Однако все усилия и лишения Чжан Цяня пропали даром — его предложение о союзе было отвергнуто. По дороге домой он вновь попал в плен к сюнну, но через год, во время беспорядков, вызванных выборами нового хана, бежал и в 126 году до н. э. вернулся в Чаньань. Его миссия закончилась неудачей, но он познакомил Китай с другим миром, и его доклады относительно торговых и политических возможностей, открывающихся в Центральной Азии, значительно расширили географический кругозор китайцев.

В то время уже ощущалось стремление китайцев утвердиться в регионе: политика умиротворения ханов, проводившаяся династией Хань, сменилась агрессией. Четыре полководца, каждый из которых командовал армией в десять тысяч воинов, на протяжении восьми лет сражались с сюнну и вытеснили кочевников из северных и северо-восточных приграничных

районов, в том числе с плато Ордос в большой излучине Хуанхэ, куда впоследствии переселились 100 тысяч ханьских колонистов. Сюнну были вынуждены перенести свою ставку далеко на север, и некоторые из племенных вождей перешли на сторону империи Хань. Великая Китайская стена была не только отремонтирована, но и продолжена на запад, охватывая новые земли, ставшие областями империи. Регулярные инспекции, система условных сигналов и паролей, а также тщательная синхронизация всех военных операций обеспечивали профессиональное использование новых фортификационных сооружений, которые заканчивались так называемыми Нефритовыми воротами неподалеку от Тунхуана.

Стена не только защищала от набегов варваров, но и служила препятствием для лиц, скрывающихся от правосудия, уплаты налогов или службы в армии. Кроме того, укрепления защищали купцов и их караваны до пустыни Такла-Макан, которая вместе с котловиной Тарим находилась в самом сердце Центральной Азии, на краю греческого и римского миров.

Дороги на запад, проходившие по северной и южной границе пустыни Такла-Макан, являлись частью Великого Шелкового пути, проложенно-

го во времена империи Хань для бесстрашных торговцев и путешественников. Еще в 200 году до н. э. они бросали вызов естественным преградам и воинственным варварам, договариваясь с посредниками и доставляя ценные товары в далекий Константинополь. Среди этих товаров были специи, драгоценные камни и — самое главное — шелк, секрет производства которого китайцы скрывали от Запада на протяжении многих веков.

Продление защитных сооружений и победы над сюнну позволили обеспечить защиту караванов до западных границ страны, но купцы по-прежнему были уязвимы перед нападениями многочисленных мелких племен, которые населяли города-государства в оазисах вокруг пустыни. В период между 122 и 115 годами до н. э. неутомимый Чжан Цянь вновь отправился в путешествие — на сей раз с целью заключить союз с царствами, которые казались потенциальными противниками сюнну. Его усилия помогли установить регулярные связи с тридцатью шестью небольшими государствами, и за заслуги перед империей ему был пожалован титул «маркиза». Легенда приписывает ему поиски истоков Желтой реки и плавание по Млечному Пути, но на

самом деле главной его заботой было укрепление сложной системы отношений с местными правителями, которые частью перешли в подчинение императору, а частью остались независимыми, но их удавалось держать под контролем с помощью таких мер, как обмен заложниками.

Продвижение империи Хань на запад завершилось трехгодичной военной кампанией, причем китайцы забрались столь же далеко от своей столицы, как за два века до них Александр Великий, который двигался из Афин в противоположном направлении и захватил далекую Фергану, славившуюся своими ослами и исполинскими боевыми конями, быстрыми и выносливыми. Огромные потери — погибло пятьдесят из шестидесяти тысяч воинов, выступивших в поход, — не погасили военных амбиций империи Хань. Императорские армии маршировали на юг, покоряя племена, жившие на таких далеких землях, как территория современного Вьетнама, а также на северо-восток, в Маньчжурию и Корею, откуда китайское влияние распространилось и на Японию. Своими успехами китайская армия была обязана применению железного и стального оружия, в первую очередь длинных мечей конницы, для пополнения которой были опустошены все

конезаводы страны, и железных кольчуг, а также необыкновенной точности луков с бронзовым механизмом и таланту военачальников.

В 87 году до н. э., в конце эпохи правления императора У-ди, государство Хань занимало почти всю территорию современного Китая. Император правил землями площадью более миллиона с четвертью квадратных миль, которые были поделены на области и карликовые княжества. Население, численность которого достигла пятидесяти миллионов человек, было разбросано на этой огромной территории, отличалось необыкновенной пестротой этнического состава и говорило на разных языках, но после принятия китайской культуры эти люди считались уже не варварами, а китайцами. Теперь страну с полным правом можно было назвать империей, и по размерам она была сравнима со своей современницей, Римской империей.

Такое расширение территории требовало соответствующего увеличения числа чиновников для управления империей. Вскоре после восшествия на престол У-ди издал указ об учреждении государственных должностей для ученых мужей, *знатоков пяти канонов*. Изучение пяти классических произведений стало основой обу-

чения чиновников и занятия государственных должностей; этот процесс интенсифицировался после введения квоты из пятидесяти учеников, которые должны были получать образование под началом ученых мужей, что стало предвестником последующей экзаменационной системы.

Принадлежности чиновника состояли из кисти для письма, раскатной красочной плиты, ножа и печати. Отчеты, статистические и прочие данные, копии указов императора и другие документы записывались на узких пластинках дерева, скрепленных конопляными лентами; для определенных литературных произведений и карт использовался шелк. Нож служил для исправления ошибок и очистки дощечек при их повторном использовании. Для завершения документа и заверения его подлинности чиновник вдавливал печать в небольшую глиняную табличку, которой скреплялся свиток из деревянных пластинок. Некоторые документы представляли собой «паспорта», или удостоверения личности, которые следовало предъявлять на постах. Значительную долю документов составляли календари, особенно после того как в I веке до н. э. изменилась система летосчисления: раньше отсчет начинался с первого полного года,

когда трон занимал очередной император (У-ди I, У-ди II и так далее), а теперь каждому периоду из нескольких лет правления императора присваивалось новое имя. Эти названия, начиная с Великого Начала, отражали характерные особенности или цели династии, а также увековечивали те или иные события. Так, например, находка древнего бронзового треножника, считавшаяся благоприятным знаком, дала название периоду Самого Первого Треножника. Таким образом, мерой времени становилось событие или идея — как если бы расстояния измерялись не столбами с указанием миль, а названиями мест. (В Римской империи, которая была современницей Ханьской державы, каждый следующий год получал название по имени консула.) И наконец, все чиновники находились под пристальным вниманием инспекции, состав которой увеличился до тринадцати человек, а область ответственности каждого из инспекторов расширилась.

Военные кампании и последующее увеличение чиновничьего аппарата обходились недешево. Отказ У-ди от расчетливой политики своих предшественников тоже не способствовал экономии: к украшению столицы он добавил пышную церемонию приема почетных гостей, причем многие

из тех, кого он желал поразить могуществом и богатством империи Хань, были князьями и вождями, с которыми он искал союза или которых хотел подчинить. Поэтому огромные запасы зерна и денежные резервы, доставшиеся ему в наследство, вскоре иссякли. Правительство озаботилось получением дополнительных доходов.

Были введены новые налоги на любые сделки на рынке — прообраз налога с продаж или налога на добавленную стоимость, — на транспортные средства и на недвижимость. Государство также увеличило подушный налог для детей от трех до четырнадцати лет. Законным платежным средством стала — и оставалась на протяжении нескольких столетий — новая медная монета весом 3,2 грамма, а в 103 году до н. э. была запрещена чеканка монет частными лицами, и эта функция перешла к вновь созданным государственным монетным дворам. После жарких споров (подобных тем, что имели место в XX веке) между сторонниками национализации и теми, кто предлагал приватизацию, правительство предприняло шаги по национализации не только железных рудников, но также производства и продажи изделий из железа. Национализация коснулась и производства соли, независимо от

метода добычи — из морской воды или из глубоких подземных шахт. Торговля солью тоже была поставлена под жесткий контроль государства. Чтобы эти меры дали желаемый эффект, было назначено не менее восьмидесяти двух уполномоченных, в число которых вошли известный фабрикант железных изделий и соляной магнат.

Однако процесс на этом не остановился. Специальным уполномоченным вменялось в обязанность следить за состоянием сельского хозяйства и облагать налогом продукцию этой отрасли. Государство объявило о монополии на производство алкоголя и создало специальные органы для стабилизации цен на товары и для управления транспортной системой. С целью развития транспорта и ирригации были развернуты широкомасштабные работы по возведению плотин и прокладке каналов. Новые уполномоченные назначались для наблюдения за сельскохозяйственными поселениями на недавно присоединенных западных территориях, куда в период правления У-ди переселились до трех миллионов колонистов. По приказу правительства для торговли с Западом из Чаньани ежегодно отправлялись десять огромных караванов, каждый из которых обслуживали несколько

сотен человек.

Помимо активной военной, административной и экономической деятельности, правление У-ди ознаменовалось выдающимися достижениями в таких областях, как поэзия, историческая наука, ремесла и философия.

Среди выдающихся поэтов эпохи самым приближенным к императору считался Сыма Цюань-цзы, родившийся в 179 году до н. э. в обеспеченной семье на территории современной провинции Сычуань. Сначала он пользовался покровительством одного из удельных князей, который собрал вокруг себя группу блестящих ученых и поэтов, но после смерти патрона и разорения отца Сыма Цюань-цзы был вынужден вернуться на родину. Там он влюбился в дочь местного богача, который не одобрял ее увлечения бедным поэтом, и молодые люди были вынуждены бежать. Чтобы заработать себе на жизнь, они держали на рынке винную лавку. К счастью, богатый отец смягчился и отдал дочери причитающееся приданое, что позволило Сыме Цюань-цзы возобновить литературную деятельность. Он работал в жанре классической оды *фу*, которая появилась еще в эпоху Борющихся Царств, но именно в творчестве Сымы Цюань-цзы

этот жанр достиг новых высот. Принадлежащие его перу оды привлекли внимание У-ди, и последние двадцать один год своей жизни поэт провел при императорском дворе. Оды *фу* представляли собой длинные произведения разнообразной тематики, привлекавшие богатством языка и красотой стиля; они могли включать критику (в основе которой лежали ораторские приемы) и монологи, например жалобы на жестокую судьбу или жестокое общество. Часто встречалась и сатира, а перенасыщенность словами была особенно характерна для фантастических описаний небесных путешествий. Жанр *фу* не выходил из моды не только при жизни Сымы Цюань-цзы, но и на протяжении многих столетий после его смерти.

С 140 по 110 год до н. э. должность главного астролога при императоре занимал еще один Сыма — Сыма Тань. В его обязанности входило составление календарей и наблюдение за звездами, по рангу он следовал сразу за предсказателями, и к нему благоволил император, ценивший его таланты певца и актера. Именно он заложил основы первого великого труда по китайской истории, «Исторических записок». Сыма Тань начал собирать материал для книги и завещал

написать ее своему сыну Сыме Цяню, завершившему составление этого труда, который считается классическим уже на протяжении двух тысяч лет. Сыма Цянь много путешествовал и выполнял разнообразные поручения правительства, пока в 99 году до н. э. не случилась трагедия. В том году полководец по имени Ли Лин сдался превосходящим силам сюн-ну и решил не возвращаться, потому что потерпевшие поражение военачальники приговаривались к смертной казни — им отрубали голову. Смерть ждала также семью военачальника, попавшего в плен, и, несмотря на просьбы Сымы Цяня, мать, жену и сына Ли Лина казнили. Заступничество Сымы Цяня было расценено как клевета на императора, и его осудили и приговорили к кастрации. Ученый не обладал ни богатством, ни влиянием, которые позволили бы ему избежать наказания. Однако, несмотря на увечье, он продолжил работу над историческим трудом; причины своего упорства он изложил в письме, написанном перед завершением «Исторических записок», за четыре года до смерти. (Сыма Цянь умер 86 году до н. э. в возрасте сорока одного года.)

И я, слабый человек, захотел обратиться к людям со своей правдой. Но не успел я завершить

свою работу, когда случилась со мною эта беда. Из жалости к неоконченному своему труду я стал терпеть без возражений свою ужасную судьбу. Теперь я завершил свои записки, читал их достойным людям и поместил на хранение для потомства.

Я охватил весь мир Китая с его старинными преданиями, описал события от древнейших времен до наших дней. Показал, как возникали и гибли общества и государства, как они процветали и переживали упадок, подверг их рассмотрению и свел концы с концами. Рассказал о выдающихся людях разных эпох, исследовал, что было средь неба и земли, проник в сущность перемен, происходящих сейчас и имевших место в древности… И работой своей искупил позор и не стал бы сожалеть, если бы и тысячу раз был казнен[5].

Его великий труд охватывал почти три тысячелетия китайской истории и состоял из полумиллиона слов, записанных палочкой на бамбуковых дощечках. Слог его никак нельзя назвать напыщенным, а во многих случаях повествование становится живым и образным — например, когда автор вспоминает о человеке,

[5] Примечания: 5

Здесь и далее цитаты из «Исторических записок» в переводе Р. В. Вяткина и В. С. Таскина.

жившем за триста лет до него:

> Я читал книги Конфуция, и захотелось мне узнать, каким он был человеком. Поехал в Лу, увидел храм Конфуция, его жилье, повозку, платье и предметы ритуала; ученые в положенное время обучались ритуалу в его доме; я задержался там в раздумье, не в силах был уйти. Царей, как и людей достойных, в Поднебесной было много, они при жизни процветали, а умерли, и канули. Конфуций же, простолюдин, уж более чем десять поколений на устах. Ученые его считают своим родоначальником. Все, кто в Срединном государстве, начиная с сына Неба и князей, толкуют о шести искусствах, обращаются за истиной к Учителю. Могу назвать его самым великим из людей, достигших высшей мудрости.

Что касается философов, то величайшим мыслителем эпохи считается Дун Чжун-шу (179–104 гг. до н. э.). Именно по его предложению конфуцианство было провозглашено официальной религией ханьской династии. Кроме того, он первым выдвинул идею экзаменов, которые

одновременно проводились правительством по всей стране и посредством которых люди любого ранга получали возможность поступить на государственную службу. Эта система, впоследствии дополненная и модернизированная, просуществовала до 1905 года.

На основе конфуцианства Дун Чжун-шу стремился объединить идею инь-ян с теорией пяти первоэлементов, чтобы обосновать политический и общественный порядок своей эпохи и объяснить устройство мира. Говорят, что он так был увлечен своими исследованиями, что три года не выходил за порог сада; результатом напряженной работы стал труд «Обильные росы „Весны и Осени“», в основу которого были положена летопись «Весны и Осени», приписывавшаяся — как и все пять классических канонов — Конфуцию. По свидетельству современников во время преподавания в академии (Высшей школе) он излагал свои взгляды, спрятавшись за занавеской, а ученики передавали его слова друг другу, располагаясь на почтительном расстоянии.

Важное место в его воззрениях занимала концепция Неба. Ее не так-то легко понять, потому что иногда под Небом подразумевалась природа,

добрая, но властная сила, а иногда — божество, главенствующее над природой. Это первая из десяти составляющих бытия, к которым также относятся Земля, инь и ян, пять первоэлементов (дерево, огонь, почва, металл и вода) и, наконец, человек. Человек является отражением Неба, а оба эти элемента пронизаны инь и ян. Небо, Земля и человек являются основой всех вещей: Небо рождает все вещи, Земля вскармливает их, а человек доводит до совершенства. Этим совершенством являются культура и цивилизация, для расцвета которых правительство должно создать необходимые институты — в соответствии с замыслом Неба, стремящимся усовершенствовать человека.

Сущность человека, настаивал Дун Чжун-шу, — не зло, как утверждали представители некоторых философских школ, и не добро, как считал последователь Конфуция Мэн-цзы, а способность к добру. Для достижения этого состояния человек должен практиковать пять конфуцианских качеств — гуманность, добродетельность, *ли* (соблюдение ритуалов и достойное поведение), мудрость и честность. Каждое из этих качеств, подобно направлениям компаса, связано с пятью первоэлементами (например, мудрость находи-

лась в связи с водой, которая, в свою очередь, была связана с почвой). Тем же законам подчиняются пять видов человеческих взаимоотношений — властелина и подданного, отца и сына, мужа и жены, старшего и младшего брата, друзей, — и этика общества заключается в их обязанностях по отношению друг к другу.

Ориентируя людей на добро, правители должны руководствоваться легистским принципом поощрения и наказания. Если правительство ведет себя неправильно, то в результате взаимозависимости между Небом и человеком это искусственное явление приведет к природным катастрофам — землетрясениям, затмениям, засухе, наводнениям. Следует помнить, что властитель управляет подданными по мандату Неба (здесь Дун Чжун-шу несколько переусердствовал, заявляя, что когда Небо отобрало мандат на управление у Чжоу, то передало его Конфуцию). Как бы то ни было, в основе его сложных теорий, связывающих времена года, направления, цвета, вкус, звуки, числа, планеты, династии, правительства и моральные качества человека, лежало древнее китайское представление о единстве человека и природы, о силах, чье взаимодействие — если властитель и подданные должным обра-

зом исполняют свои обязанности — способствует благоденствию и гармонии во вселенной.

Таково было мировоззрение образованных людей, но подавляющее большинство населения страны продолжало поклоняться умершим предкам, а также множеству других духов. Несмотря на то что У-ди следил за современными философскими доктринами и сохранял верность духам предков, он чувствовал необходимость поддерживать веру в связь императора с божественными силами, которые защищали народ. Это достигалось поддержкой — какую мог оказать только сам император — существующих государственных культов и учреждением новых. Так, например, он унаследовал обязанность совершать обряды поклонения в часовне пяти первоэлементов и основал культы Царицы Земли и Высшей Гармонии, учредил Палату музыки, которая отвечала за музыкальное сопровождение религиозных служб.

Одна из самых впечатляющих церемоний, введенных императором, — пышная процессия к священной горе Тай, где он праздновал победы своей династии, принося жертвы Небу и Земле.

Однако истинный мотив его действий — это поиск бессмертия. У-ди овладела та же навязчи-

вая идея, что и римским императором Августом, жившим за сто лет до него. Императорский двор вновь заполнили толпы магов и волшебников всех мастей. Они предлагали призвать бессмертных с Островов Блаженных, найти дорогу к раю на востоке, предсказать благоприятные и неблагоприятные часы, превратить киноварь в золото, воскресить одну из жен императора, обуздать реку Хуанхэ и, самое главное, найти эликсир жизни. Многие шарлатаны поплатились головой, когда их обман раскрылся, но У-ди продолжал верить в бессмертие и желать оного.

Увлечение оккультными науками при дворе императора способствовало распространению черной магии. Однажды одну из придворных дам обвинили в использовании злых чар с целью вернуть расположение императора к отвергнутой императрице; женщину приговорили к смертной казни — а с нею и еще триста человек, обвиненных в коллективном преступлении. До конца правления У-ди многие аристократы пали жертвой увлечения колдовством.

Эпоха правления У-ди завершилась усиливающимся кризисом экономики, истощением ресурсов, вызванным значительным расширением империи и ожесточенной борьбой за

власть между семьями жен императора. В 88 году до н. э. покушение на императора провалилось, но то, что не удалось убийцам, через год сделала болезнь, и беспримерное правление У-ди завершилось. За три дня до смерти вышел императорский указ, объявлявший законным наследником его семилетнего сына и назначавший триумвират регентов. После смерти отца мальчик взошел на трон под именем Чжао-ди.

Глава 11. Ранняя Хань. Окончание (87 г. до н. э. — 9 г. н. э.)

Чжао-ди не исполнилось и восьми лет, когда в 87 году до н. э. он унаследовал трон отца; ему досталась страна, испытывавшая экономические трудности, уставшая и жаждущая мира после всех жертв, которые людям пришлось принести в период правления У-ди. Именно эти обстоятельства определяли действия правительства в конце тысячелетия, а вокруг самого трона нескончаемая сеть интриг, заговоров и убийств целые сто лет испытывала терпение Неба.

В 86 году до н. э. страну объехала специальная комиссия, которая должна была оценить тяготы жизни простых людей. Вслед за этим самые обездоленные слои получили помощь государства. В 81 году до н. э. восемьдесят видных ученых-конфуцианцев, назначенных провинциями, собрались в столице, чтобы доложить о нуждах страны и предложить средства исправления ситуации. Жаркие споры, разгоревшиеся на этом собрании, были увековечены в трактате, составленном несколько лет спустя и озаглавленном «Спор о

соли и железе».

Название это отнюдь не исчерпывает содержания дискуссии, поскольку словесные баталии развернулись по гораздо более широкому кругу вопросов, затронув не только проблему государственной монополии на производство соли и железа, но и философию, действия правительства, а также экономическую и международную политику. Спор шел между сторонниками двух точек зрения, так называемыми реформистами и модернистами. Обе стороны часто обращались, как это было принято в Китае, к историческим прецедентам: тени Чжоу-гуна и Шан Яна незримо присутствовали в дискуссиях. Если на Западе говорят, что все доказательства можно найти в Библии, то в Китае эту функцию выполняет история (или мифология).

Обе стороны рассматривали мир как место действия извечного ритма пяти сил (первоэлементов, или фаз), но если реформисты считали, что каждая последующая сила, приходящая на смену предыдущей, вырастает из нее, то модернисты были убеждены, что каждая сила побеждает предшественницу. Более жесткий и свободный от идеализма модернистский подход нашел отражение в приверженности к легистским принципам

управления, опирающимся на силу закона, на поощрение и наказание, а также к идее государственного управления экономикой, сочетавшего национализацию с поощрением торговли, производства и развития транспорта; в международной политике упор делался на активные действия против сюнну. Таковы были взгляды правящих кругов, подвергавшиеся жестокой критике со стороны реформистов.

Реформисты утверждали, что моральные уроки и моральный пример важнее наказания и что законы несправедливы по отношению к людям и лишь способствуют росту преступности. Государственные монополии и государственное регулирование, которые, по утверждению модернистов, перераспределяли прибыль в пользу государства и способствовали стабилизации цен, на самом деле лишь ведут к появлению некачественных товаров и усиливают расслоение между богатыми и бедными — расточительство и роскошь одних соседствовали с нуждой других, причем это наблюдалось не только в столице. Реформисты сожалели об использовании трудовой повинности в промышленном производстве, поскольку, как и их предшественник Шан Ян, верили, что процветание Китая связано с сельским

хозяйством, а не с промышленностью; схожего мнения придерживался Цицерон во времена Римской республики, а также Джефферсон в первые годы существования США, восемнадцать столетий спустя. Что касается международной политики, то реформисты утверждали, что расширение империи ослабило страну, не гарантировав безопасности. Реформисты и модернисты также спорили по поводу подготовки министров и государственных чиновников — модернисты во главу угла ставили практические потребности правительства, а не теорию, тогда как реформисты настаивали на повсеместном применении системы экзаменов с упором на моральные качества, поскольку чиновничий аппарат непомерно раздут и коррумпирован.

Жаркие споры не привели к немедленным результатам, но указывали на перемены в политическом мышлении. Последующие годы были отмечены императорскими указами, реформистскими по своему характеру. Новое мышление находило опору и в неблагоприятных природных явлениях, посредством которых Небо реагировало на земные события. В 74 году до н. э., после подозрительной смерти императора Чжао-ди в возрасте двадцати двух лет и двадцатисеми-

дневного правления внука одной из жен У-ди, который был низложен за незнание этикета, новый император Сюань-ди дал объяснения этим явлениям. Не все они были неблагоприятными: к благословению небес были причислены гнезда прекрасных птиц в царском дворце, медвяная роса и видения в виде золотых драконов, все увековечены в названиях периодов царствования императора. С другой стороны, такие знамения, как неурожай, землетрясения и резкая перемена климата интерпретировались в императорских указах как признак недовольства Неба жесткой политикой правительства. В этом случае снижались расходы двора, цены на соль и налоги.

В международной политике новое мышление привело к отказу от агрессии по отношению к варварам. Вместо этого возобладала идея расширения сельскохозяйственных колоний в западных районах, а также налаживания дружеских отношений с окружавшими Китай мелкими княжествами, чтобы те не искали союза с ордами сюнну. В процессе этого перехода сформировался институт дани, в котором выразилось отношение китайцев к иностранцам, сохранившееся до наших дней.

Считалось, что Сын Неба имеет дело с низшими

по рангу, то есть вассалами. Их правители или послы знатного рода должны были являться к императорскому двору в день новогодней аудиенции, принося дары и в свою очередь получая подарки от императора. Вассалы также обязаны были присылать императору одного из юных князей в качестве заложника, который содержался при дворе за счет государства и воспитывался в духе уважения к китайской культуре. Вассальные царства должны были поддерживать мир, за что им полагалась денежная субсидия, а в случае начала военных действий предоставлять Ханьской империи войско и провиант. Если Сын Неба отправлял распоряжение вассалу, оно удостоверялось правой половиной бронзовой эмблемы, на которой обычно изображался тигр; левая половина эмблемы хранилась у вассала. Однако такие распоряжения были редкостью, потому что Китай не вмешивался во внутренние дела подчиненных государств, хотя китайские дипломаты постоянно посещали вассалов, чтобы информировать двор о положении дел — в первую очередь о возможностях для торговли.

Китай получил выгоду от многолетнего мира и расцвета торговли, но империи пришлось заплатить за это немалую цену. Стоимость собираемой

ежегодно дани была гораздо меньше стоимости подарков императора, в число которых входили колесницы, лошади, золото, шелк и зерно. Вассалы нередко получали экономическую помощь, а также прибыль от экспорта товаров в Ханьскую империю. Другими словами, система дани, утверждавшая культурное и моральное превосходство китайцев, просто прикрывала грандиозные подачки варварам, призванные их умиротворить. По оценкам современников, на это тратилось до семи процентов доходов казны, но кто знает, сколько человеческих жизней и материальных ценностей помогла сохранить такая политика.

Правление Сюань-ди знаменательно и вторым большим собранием *ученых.* После указа императора У-ди от 136 года до н. э. о создании академии для изучения пяти классических произведений, когда пять канонов стали основой экзаменов на государственные должности, споры и дискуссии по поводу этих текстов не прекращались. Не существовало авторизованных версий и общепризнанных интерпретаций сочинений, превратившихся в каноны китайской культуры, и периодически появлялись их новые варианты. Этот вопрос представлял не просто академический интерес, но имел важное практическое

значение: в посланиях из прошлого содержались не только нормы и правила, определяющие поведение человека в быту, но и наставления правителям. Многочисленные дебаты завершились собранием, на которое по приглашению императора прибыли лучшие ученые со всей страны и которое состоялось в 51 году до н. э. в Павильоне каменного канала главного дворца. Больше двух лет ученые вели дискуссии и работали над различными вариантами текстов, прежде чем опубликовали официальные версии и интерпретации, которые с тех пор изучались в Высшей школе и знание которых было обязательным для кандидатов на государственные должности, хотя альтернативные интерпретации не подверглись запрету.

Преобладающей идеологией стали взгляды Дун Чжун-шу (см. предыдущую главу), а мистические и космологические аспекты его учения привели к появлению так называемой апокрифической литературы. Эти работы, пользовавшиеся большой популярностью, отличал особый подход к классическим произведениям, особенно к «Книге перемен». Смесь старых неконфуцианских представлений, истории, мифологии, а также манипуляций с приметами и числами использо-

валась для объяснения мира. В центре внимания оккультизма также находилось понятие времени, а взаимозависимость между Небом, Землей и человеком требовала пристальных наблюдений за звездами, движением планет и их расположением по отношению к двадцати восьми созвездиям, за солнечными и лунными коронами, затмениями, кометами и метеоритами. Так появилась наука о катастрофах, предмет которой охватывал и небесные явления и земные бедствия, такие как наводнения, засухи и нашествия саранчи. Соперничающие школы предлагали прямо противоположные интерпретации, используемые политическими фракциями для борьбы друг с другом или для маскировки критики в адрес императора:

> *С тех пор, как Ваше Величество взошло на трон,*
>
> *солнце и луна утратили свой блеск;*
>
> *звезды изменили своим обычным путям;*
>
> *горы рушатся, реки выходят из берегов;*
>
> *земля сотрясается, скалы крошатся.*
>
> *Летом холодно, зимой гремит гром;*

весной все сохнет, а осенью сгорает.
Что Ваше Величество думает —
процветает империя или нет?

Эти необычные рассуждения их автор завершал предположением, что виновных следует искать среди министров, и этот вывод привел сановников в такую ярость, что сочинителю отрубили голову. Тем не менее эта интерпретация примет оказала влияние на императора, который, как и его современники в древнем Риме, верил в приметы и предзнаменования.

В 49 году до н. э., когда на трон взошел император Юань-ди, реформистские тенденции усилились. Сторонники этих взглядов утверждали, что виной роста преступности стали такие факторы, как суровость наказания, непомерные налоги и коррупция. Поэтому на протяжении следующих сорока лет было объявлено восемнадцать всеобщих амнистий, а жесткая легистская политика несколько смягчилась: число судебных процессов сократилось, а наказания стали более мягкими. Император ввел эти послабления тремя указами, объявив, что прислушался к предостережениям Неба и намерен восстановить равновесие, нарушенное прежней неверной

политикой.

Реформистам удалось значительно сократить государственные расходы, объявив о начале эры скромности. Были упразднены специальные ведомства, занимавшиеся предоставлением повозок и лошадей, принадлежащих государству, а также охраной некоторых парков и озер. Численность дворцовой стражи была сокращена, а чиновникам предписали уменьшить свои расходы. Экономия коснулась государственных приемов и транспорта, а игры, устраивавшиеся для развлечения знати, были отменены. Закрылись охотничьи домики, а также фабрики, снабжавшие дворцы шелковыми одеждами. Постепенное сокращение персонала Палаты музыки в 7 году до н. э. завершилось ее упразднением, и 829 певцов и музыкантов остались без работы. Было прекращено выращивание овощей в зимний период — на это уходило слишком много дорогостоящего топлива. Однако из-за резкого снижения доходов казны через три года пришлось восстановить отмененную монополию на добычу соли и железа.

Еще большие возможности для экономии представляли религиозные обряды. В период правления Юань-ди в столице и провинциях на-

считывалось 343 храма для поклонения предкам императора, что требовало 25 тысяч жертвоприношений ежегодно, а на обслуживании этих храмов были заняты более 60 тысяч человек — стражников, жрецов, поваров, музыкантов, работников, ухаживающих за жертвенными животными, и так далее. Императорский указ предписывал закрыть более двухсот храмов. В период болезни императора Юань-ди службы возобновились в надежде заручиться помощью божественных сил, но после того, как император умер, храмы вновь закрылись. Второй раз они временно открывались для того, чтобы помочь — тоже тщетно — Чэн-ди, который в 33 году до н. э. сменил на троне Юань-ди, обзавестись наследником, но в целом экономия средств оказалось значительной. Через год или два после восшествия Чэн-ди на престол была пересмотрена еще одна большая статья расходов. Традиционные места религиозных церемоний, совершаемых императором, находились на некотором удалении от Чаньани, что требовало дорогостоящих императорских процессий, а также использования нефритовых сосудов и богато украшенных алтарей. Большую часть расходов по этой статье удалось сократить, построив новые храмы Неба

и Земли в самой столице, с фаянсовыми сосудами вместо нефритовых и простыми алтарями. Кроме того, были предприняты меры по уменьшению стоимости императорских гробниц — ритуал погребения требовал не только драгоценностей, богатого убранства и значительных запасов продовольствия, но и больших расходов на обслуживание, а иногда и на перемещение огромного числа рабочих.

С другой стороны, проводить политику экономии мешали два неблагоприятных фактора. Первый из них — череда стихийных бедствий, таких как разлив Хуанхэ в 30 году до н. э., вызвавший панику в столице и потребовавший пяти сотен лодок для эвакуации жителей из тех районов, которым угрожало затопление. С ситуацией удалось справиться при помощи принудительных работ, когда за тридцать шесть дней был построен комплекс дамб, направлявших лишнюю воду во вспомогательные каналы. Завершение грандиозного строительства было увековечено в названии периода правления императора — Усмирение Реки.

Другим неблагоприятным экономическим фактором стали все возраставшие трудности сбора налогов. Воспитанные в духе конфуциан-

ства чиновники нарушали принципы, заставляя крестьян платить налоги вместо них. Более того, высшие сановники и министры становились крупными землевладельцами — в неурожайные годы они по дешевке скупали земельные наделы — и использовали любую возможность, чтобы скрыть новые приобретения от сборщиков налогов.

Знать, чиновники и богатые торговцы сосредоточивали в своих руках все больше земли, обеспечивая себе экономические преимущества по отношению к крестьянству, что приносило вред правящей династии. Попытки справедливого распределения сводились на нет заинтересованными кругами. Землю обрабатывали наемные работники, которыми руководил либо собственник, живущий на доходы от своего поместья, либо — если владельцем был чиновник, занимающий государственный пост, — арендатор, деливший прибыль с владельцем.

Рабы редко использовались для возделывания земли, поскольку в рабочих руках недостатка не ощущалось. Те из них, кто находился в частном владении, исполняли обязанности прислуги, а в больших семьях из них формировались охрана, вооруженное ополчение, конные конвои. Рабы

были акробатами и певцами, а красивые молодые девушки, обученные актерскому искусству, часто удовлетворяли сексуальные аппетиты своих хозяев или даже становились наложницами. Государственные рабы трудились на государственных предприятиях, в лесах, на конных заводах, в арсеналах и имперских мастерских; их использовали на гражданской службе на должностях писцов, счетоводов, посыльных и носильщиков, а также как дворцовую прислугу. Всего в стране насчитывалось несколько сот тысяч рабов, находившихся в государственном и частном владении, или менее одного процента населения. Государственные рабы были преступниками, отбывавшими наказание по приговору суда, а частные лица приобретали рабов двумя способами: либо крали, либо покупали в периоды бедствий, когда впавшие в нужду семьи продавали женщин и детей. Кроме того, рабы поступали из Центральной Азии или из варварских племен на далеком юге. Обращались со всеми рабами, как правило, хорошо.

Владение землей и рабами являлось одним из аспектов роскошного образа жизни богачей. Они хвастались своим богатством — ездили в двухколесных колясках, носили дорогие халаты с

длинными обшлагами и разноцветные тюрбаны, прогуливались по дорожкам парков и берегам озер в своих поместьях, где устраивались бега, соревнования лучников, игры в мяч и пикники. Гостей на роскошных пирах развлекали певцы, музыканты и танцоры, бродячие артисты из Центральной Азии, борцы, акробаты и фокусники.

Заболевших пользовали врачи, руководством для которых служили стандартные конфуцианские учебники по медицине. К ним относились такие труды, как «Внутренний канон Желтого Владыки» и «Лекарства Божественного Землепашца» (считалось, что оба этих трактата содержат знания легендарных мудрецов и поэтому священны), а также «Трудные вопросы» и «Трактат о лихорадке» (эти работы рассматривались как собрание человеческих знаний, накопленных опытным путем). Традиционная китайская медицина почти не изменилась с тех времен, когда были написаны эти книги. Кроме врачей, исповедующих принципы конфуцианства, были еще и так называемые потомственные лекари, которые работали помощниками у своих отцов и иногда выполняли обязанности семейных врачей, получающих предварительные годовые гонорары. Помимо них врачеванием занимались

многочисленные знахари, шаманы, жрецы и просто пожилые женщины, которых считали невежественными и недобросовестными, но все же часто приглашали в дома знати в качестве нянек и акушерок.

В доханьские времена молва объясняла болезни воздействием злых духов, но теперь — по крайней мере, обеспеченные люди — относили их причины к сфере социального или сверхъестественного, например к каре за оскорбление чьих-то предков. Что касается профессиональных лекарей, то они искали дисгармонию внутри организма, а также в отношениях между организмом, окружающей средой и вселенной — то есть нарушение баланса между жизненной энергией тела, инь-ян и пятью первоэлементами. Таким образом, медицинская наука опиралась на философские и космогонические представления своего времени. Она отличалась необычайно глубоким знанием анатомии, и подход китайского врача при выявлении конкретного заболевания у пациента мало чем отличался от подхода его современных коллег: он изучал историю болезни, окружающую среду и прощупывал пульс. Затем врач прописывал порошок или пилюли — их готовил он сам или фармацевт — с комбинаци-

ей сильнодействующего «главного» препарата, разжижающего загустевшую кровь, «ведущего» препарата, позволяющего добраться до пораженной системы, и вспомогательных веществ, дополняющих действия первых двух и предотвращающих побочные эффекты. Выбор лекарств — растительного и минерального происхождения — был огромен.

В качестве альтернативы или дополнения применялась акупунктура, а также *моксибустион,* методика сжигания сушеной полыни в определенных точках на коже. Акупунктура, завоевавшая признание во всем мире, тоже представляет собой воздействие на определенные точки кожи, расположенные вдоль четырнадцати невидимых линий, или меридианов, проходящих вдоль всего тела. Считается, что введение в эти точки тонких металлических игл длиной от половины дюйма до нескольких дюймов восстанавливает равновесие энергетического потока, нарушение которого вызывает боль или болезнь. Вдоль меридианов располагаются несколько сотен точек, каждая из которых отвечает за определенное состояние, и все они приводятся в руководствах по акупунктуре.

Не приходится сомневаться, что медицинское

сообщество процветало благодаря заболеваниям, вызванным распутным образом жизни богачей, часто выливавшимся в пьянство и чревоугодие. Падение нравов, знакомое нам как феномен «конца века», отмечалось и в самом сердце империи, при дворе императора Чэн-ди, которому было всего девять лет, когда он сменил на троне своего предшественника Юань-ди. Возмужав, он превратился в любителя вина, женщин и пения; нередко император инкогнито бродил по столице в поисках таких развлечений, как петушиные бои.

Возможно, неспособность императрицы родить сына стала одной из причин того, что император Чэн-ди увлекся девушкой незнатного рода по имени Чжао, которая своим искусством пения и танца заслужила прозвище Летящая Ласточка. Вместе с ее сестрой, которая тоже пользовалась особой благосклонностью императора, Чжао удалось добиться отставки императрицы по обвинению в применении черной магии. Тем не менее две сестры тоже не смогли родить императору наследника, а мальчики, рожденные рабыней, были убиты матерью по их приказу, поскольку представляли угрозу сестрам, каждая из которых в свое время становилась императрицей.

Еще со времен У-ди управление империей по-

степенно переходило к группе пользовавшихся благосклонностью императора гражданских и военных лиц, получившей название «внутреннего двора» — в отличие от «внешнего двора» чиновников-конфуцианцев, выполнявших административные функции. В эпоху династии Ранняя Хань евнухи не имели особого влияния на правительство и числились в дворцовом секретариате; исключение составляли два человека при непосредственных предшественниках Чэн-ди. Когда первый Министр воспротивился их влиянию, то подвергся такому давлению, что был вынужден покончить жизнь самоубийством. Это произошло в 46 году до н. э. — в том самом году, когда Юлий Цезарь вместе с Клеопатрой отправился в путешествие по Нилу. Больше ни одному евнуху не удалось приобрести подобного влияния, и в первые годы своего правления император Чэн-ди отказался от услуг евнухов в должности канцеляристов.

«Внутренний двор» возглавлял высший сановник империи, должность которого называлась *да сыма.* Чэн-ди было всего девять лет, когда он взошел на трон, и поэтому главную роль в управлении империей играла вдова императора Юань-ди. Вдовствующая императрица, происхо-

дившая из влиятельного рода Ван, была властной дамой. Она добилась, чтобы на должность первого *да сы ма* был назначен ее брат, а затем на этом посту сменились еще четыре ее родственника. Последний из них, однако, был отправлен в отставку в 7 году до н. э., вскоре после смерти Чэн-ди, когда на трон под именем Ай-ди взошел один из внуков императора Юань-ди; новому императору еще не исполнилось восемнадцати лет.

Потеря власти — как потом оказалось, временная — семьей Ван привела к беспрецедентному соперничеству между влиятельными кланами, добивавшимися благосклонности императора. К их ужасу, император, имевший двух жен, приблизил к себе катамита Дун Сяня, который был еще моложе него. Во 2 году до н. э. Ай-ди назначил своего любовника на должность *да сы ма* и даже поговаривал о том, что собирается отречься от власти в его пользу. Но в 1 году до н. э. Ай-ди умер, не оставив наследника, и на следующий день Дун был с позором изгнан — согласно традиции такая серьезная «потеря лица» требовала самоубийства.

隨朝窈窕呈傾國之芳容

Прекрасный облик повергающих царство красавиц равных династий. XII век. Ксилография. Из коллекции академика В. М. Алексеева

Эти события привели к тому, что семья Ван вернула утраченную власть. Старшинство вдовствующей императрицы, которая теперь носила титул Великой Вдовствующей Императрицы, позволило ей издавать императорские указы, и она немедленно сделала *да сы ма* своего племянника Ван Мана. Жены Ай-ди были лишены императорского статуса, их могилы осквернены. На трон под именем Пин-ди взошел восьмилетний мальчик, сын одного из единокровных братьев императора Чэн-ди.

При императоре-ребенке власть сосредоточилась в руках императрицы Ван и ее выдвиженца Ван Мана. Первым делом они решили опровергнуть пророчества, которые еще со времен императора Чэн-ди — на основе разнообразных знамений и природных катастроф — предрекали закат династии Хань. Указ, изданный в 5 году до н. э., провозглашал эру Начала Великих Свершений и объявлял всеобщую амнистию. Но из этого ничего не вышло, потому что вскоре Пин-ди, женившийся на младшей дочери Ван Мана,

неожиданно умер, что привело к кризису власти. Его советник покончил жизнь самоубийством. Наследником престола был объявлен дальний родственник императора, которому исполнился всего один год, а регентом при малолетнем императоре и фактическим правителем страны стал Ван Ман. Это вызвало гнев некоторых аристократов, которые даже обвинили Ван Мана — совершенно необоснованно — в убийстве Пин-ди. Ван Ману удалось довольно быстро подавить мятеж; убедившись, что большая часть чиновников его приняла, он пришел к выводу, что императорский дом лишился поддержки масс. На протяжении нескольких лет он проводил умелую кампанию, добиваясь популярности в стране. Особую роль в этой кампании играли слухи, что он является потомком легендарного Желтого императора и что имённо ему суждено основать следующую династию — это предположение якобы подтверждалось разнообразными знамениями и пророчествами, в том числе появлением фениксов и драконов. В начале 9 года н. э. Ван Ман перешел к решительным действиям. Он объявил об окончании династии Хань и сам занял императорский трон, основав династию Синь — Новую.

Однако на этом история династии Хань не закончилась. Двухсотлетняя эпоха правления бывшего старосты Лю Вана и его потомков — период, впоследствии получивший название Ранняя Хань — оказалась всего лишь на время прервана знаменитым периодом междуцарствия Ван Мана.

Глава 12. Междуцарствие (9-25 гг.) и реставрация династии Хань

Семья Ван Мана вознеслась к вершинам власти только при жизни его тетки, Великой Вдовствующей Императрицы. Последняя была правнучкой провинциального землевладельца, внучкой и дочерью мелких чиновников. В возрасте семнадцати лет она попала в гарем императора Сюань-ди, а затем стала женой его преемника, императора Юань-ди, и родила ему сына, унаследовавшего трон отца и взявшего себе храмовое имя Чэн-ди. Именно в период правления Чэн-ди его мать назначила пять своих родственников на должность *да сы ма* последним из них был Ван Ман.

Благодаря влиянию семьи он к тому моменту уже занимал ряд высоких официальных должностей, в том числе военных — например, был «начальником лучников, которые стреляют на звук», — а также неофициальных постов в качестве советника императора, в частности носил титул «господина Желтых врат». В двадцать девять лет он получил титул «маркиза», а

семнадцать лет спустя, в 1 году н. э. был удостоен нового высокопарного титула — Князь, дарующий спокойствие Хань.

Однако империю Хань ждали неспокойные времена, когда еще через десять лет Ван Ман взошел на трон в качестве нового императора и стал править страной с населением более шестидесяти миллионов человек. Ван Ману было пятьдесят четыре года. Все попытки описать эту личность разбиваются об особенности китайской историографии. Авторы официальных династических хроник — начиная с Хань и далее, всех последующих двадцати трех династий вплоть до XX века, — руководствовались теорией мандата Неба. Император получал этот мандат за свои добродетели, но если у человека, занимающего трон, добродетели отсутствовали, то Небо могло отозвать свой мандат. Поскольку Ван Ман был низложен после относительно непродолжительного пребывания на престоле, утрата им мандата Неба трактовалась историографами как следствие отсутствия добродетелей. Таким образом, из Сына Неба он превращался в узурпатора и потому изображался недалеким, лицемерным и страдающим манией величия. В Китае большое значение придавалось лицу человека, которое

считалось отражением его личности (истинный Сын Неба должен был иметь большой нос и крутой лоб), и поэтому историки находили удовлетворение в том, что приписывали Ван Ману большой рот, скошенный подбородок, глаза навыкате и громкий, хриплый голос. Неизвестно, какой в действительности была его внешность, но о характере Ван Мана можно судить по его делам.

Совершенно очевидно, что он получил хорошее образование и в молодости много учился, сделавшись убежденным сторонником конфуцианства. Нет никаких сомнений и в том, что он заботился о своей семье и помогал ей, старательно соблюдал предписываемые нормы поведения и делился своим богатством с другими. Необычная широта его интересов проявилась в краткий период, когда императорский трон занимал несовершеннолетний Пин-ди: Ван Ман провел реформу провинциальных школ, расширил академию, проложил новую стратегическую дорогу через горы к югу от Хуанхэ, построил множество величественных зданий и храмов.

В 5 году Ван Ман созвал представительное совещание, чтобы обсудить разнообразные вопросы, от камертонов и астрономии с астрологией до

ворожбы и классических текстов.

Последний вопрос стал предметом тщательного изучения, потому что так называемые «современные тексты», одобренные совещанием 51 года до н. э. в Павильоне каменного канала, подвергались критике со стороны представителей школы «древних текстов», желавших восстановить старинные комментарии относящиеся к эпохе Чжоу. Руководил обсуждением известный ученый Лу Синь, продолжавший работу отца по составлению каталога императорской библиотеки. Особую неприязнь у него вызывали разнообразные мистические учения и манипуляции классическими произведениями для гаданий и пророчеств.

Однако сам Ван Ман, будучи покровителем Лу Синя и убежденным последователем конфуцианства, после смерти Пин-ди прокладывал себе дорогу к трону при помощи гаданий и пророчеств. Многие, в том числе Лу Синь, считали, что первоэлементом династии Хань являлся огонь, с которым ассоциировался красный цвет. После смерти Пин-ди стали поговаривать, что огонь вытеснен следующим элементом цикла, землей, которой соответствовал желтый цвет. Отсюда утверждения Ван Мана, что он является

потомком легендарного Желтого императора, имевшие целью узаконить его претензии на власть. На протяжении трех лет после смерти Пин-ди он добивался поддержки у общества и ученых — по большей части при помощи сотен якобы появлявшихся знамений, указывающих на начало новой династии и предвещавших удачу. В действительности это были ложные пророчества, призванные помочь Ван Ману захватить власть, и многие знаки и предзнаменования на поверку оказывались выдумкой авантюристов и шарлатанов.

Не подозревая, что Небо не простит ему ложь, Ван Ман начал свое правление жесткими законодательными мерами.

Он четыре раза проводил денежную реформу, вводя в обращение более легкие монеты и деноминируя старые, а фальшивомонетчики, наживавшиеся в результате обмена денег, наказывались ссылкой или смертью. Основную массу населения — то есть крестьян, работавших в поле в своих похожих на пижамы одеждах, — эти реформы почти не коснулись, поскольку они редко пользовались деньгами. Торговцы и мелкопоместное дворянство могли сохранить капиталы, вложив их в покупку земли, тогда

как аристократия понесла ощутимые потери — ее заставили обменять золото на ножи из позолоченной бронзы, служившие в качестве платежного средства. В результате многократно увеличились запасы золота в императорской казне; часть золота Китай получал из Сибири, но большая часть поступала из Европы в обмен на шелк. Через несколько лет обращение золота было восстановлено и знати повелели снова обменять бронзовые ножи на золото — по весу. Самые знатные ханьские роды лишились значительной части своего состояния, а вскоре после этого у них отобрали феодальные поместья. Так были посеяны семена недовольства.

Ван Ман провел реорганизацию чиновничьего аппарата и ввел новые титулы, а также активно переименовывал области и уезды. Он укрепил государственную монополию на производство и торговлю алкоголем, солью, изделиями из железа, на чеканку монет и на доходы от горных и болотистых местностей. Он стабилизировал цены на зерно, ткани и шелк — эти товары покупались в период низких цен, хранились на специальных складах, устроенных в пяти главных городах страны, а затем продавались, когда цены начинали расти. Он обложил десятипроцентным

налогом охотников, рыбаков, шелководов, ремесленников, торговцев и всех, кто имел какую-либо профессию. В неурожайные годы жалованье чиновникам уменьшалось пропорционально падению урожая — вне всякого сомнения, чиновники относились к этому принципу точно так же, как современные государственные служащие отнесутся к предложению понизить им зарплату пропорционально уменьшению валового национального продукта.

Все эти меры, усиливавшие недовольство разных слоев населения, тем не менее имели прецеденты в период правления династии Ранняя Хань. То же самое относится и к попытке хотя и более масштабной — возрождения земельной реформы, поскольку скандальному сосредоточению огромных земельных владений в частных руках все еще не был поставлен заслон. Каждому трудоспособному мужчине полагался свой земельный надел, а семьи с излишками земли были обязаны распределить эти излишки между более бедными родственниками и соседями. Однако схема оказалась нереализуемой, и вскоре от нее пришлось отказаться. Беспрецедентной следует считать попытку Ван Мана ограничить рабство путем запрета на продажу и покупку

рабов, однако этот запрет легко обходился, и его тоже пришлось отменить.

Все эти попытки реформ, с необходимостью которых Западу еще только предстояло столкнуться, указывают на человека широких и благородных взглядов. Ван Ман предпочитал управлять сам, не делясь ни с кем полномочиями, и тщательно следил за работой чиновников. Блюдя моральную чистоту правящей династии, он заставил покончить жизнь самоубийством трех сыновей, внука и племянника, нарушивших закон. Его неуемная любознательность подтверждается ученой «конференцией», которую он созвал в 5 году. Несколько лет спустя он пригласил к себе на службу людей, обладавших необычными талантами, которые могли пригодиться в военном деле. До нас дошли записи о том, что один из этих умельцев сделал два больших крыла и с их помощью смог пролететь несколько сот шагов — вероятно, с верхушки башни, — прежде чем упал на землю; однако информация слишком скудная и не позволяет со всей определенностью вписать новую страницу в историю авиации. В 16 году Ван Ман приказал своему главному лекарю произвести вскрытие казненного преступника, чтобы исследовать его внутренние органы и

артерии с целью поиска средств от различных болезней. В Европе первое официальное вскрытие трупа было выполнено только в 1315 году Мондино да Луц-ци из Болоньи, а до того знание анатомии базировалось на сведениях, сообщенных великим римским врачом Галеном, который анатомировал животных.

В международных делах Ван Ман проявил себя изобретательным и искусным политиком. С помощью силы или дипломатии, опиравшейся на угрозу применения силы, он добился мира — с небольшими перерывами — на всех границах страны. Однажды, столкнувшись с угрозой новых набегов сюнну, он казнил одного из князей, который находился у него в заложниках — в полном соответствии с законами того времени.

Семена недовольства, посеянные законодательной деятельностью Ван Мана, до поры до времени не прорастали, и императору удавалось контролировать ситуацию. Большая часть чиновников его поддерживала, и очень важно отметить то обстоятельство, что на жизнь Ван Мана не было ни одного покушения, хотя даже сам великий император У-ди становился мишенью наемного убийцы. Его падение стало делом рук природы — вероятно, Небо не забыло, какие средства он

использовал для захвата власти.

Усмирение реки, которое в 30 году до н. э. было увековечено в названии периода правления императора Юань-ди, обернулось насмешкой в 4 году, когда случилось сильнейшее наводнение. Русло Хуанхэ в нижнем течении разделилось на два широких рукава, и вода затопила южную половину Великой равнины на востоке. Ранее река впадала в море к северу от современного полуострова Шаньдун, а теперь проложила новое русло к южной части полуострова. Через семь лет случились новые наводнения, и река опять изменила русло. На протяжении многих веков Хуанхэ заиливалась желтым лессом (отсюда ее название — Желтая река), постепенно поднимавшим дно, пока то не оказалось выше уровня окружавшей реку равнины. Поэтому выход из берегов, случившийся, несмотря на ежегодный ремонт и восстановление дамб, вызвал невиданное по своим масштабам наводнение. С двумя стихийными бедствиями — вторая катастрофа завершила то, что не удалось первой, — Ван Ман справиться уже не мог.

Те, кому удалось спастись, бежали в соседние районы, где сразу же оказалось в дефиците продовольствие. Начался голод, и сотни и тысячи

крестьян покидали Великую равнину к западу от Шаньдуна и медленно двигались на юг, по дороге объединяясь в банды, которые грабили местных жителей. Сам Шаньдун, переполненный беженцами, был практически отрезан от остальной страны двумя рукавами реки. Банды крестьян превратились в огромную неорганизованную армию, которая грабила, убивала и похищала людей на всей территории полуострова. На ее усмирение Ван Ман отправил сильное войско, но оно потерпело поражение. Через четыре года, в 22 году, повстанцы наголову разбили еще большую по численности армию императора Чтобы узнавать друг друга в бою, крестьяне красили брови в красный цвет, и отряды повстанцев получили название армии Красных бровей.

Именно в этот период стали прорастать семена недовольства, посеянные реформами Ван Мана. Семьи землевладельцев из южных районов современной провинции Хэнань, среди которых выделялся род Лю, основавший династию Ранняя Хань, объединились с бандами крестьян, шедших с нижнего течения Янцзы, и подняли мятеж против Ван Мана, чья армия в 23 году дважды терпела поражение.

Многочисленные вожди повстанцев договори-

лись избрать нового императора. Они остановили свой выбор на одном из отпрысков царского рода Лю, потомке Цзин-ди в шестом поколении. Под именем Гэн-ши — Император Нового Начала — он стал первым правителем династии Поздняя Хань, но, как показали дальнейшие события, отнюдь не основателем этой династии. Его правление было кратким, и этот признак недовольства Неба заставил историков пренебрежительно отзываться о Гэн-ши как о безмозглом пьянице, каковым он, конечно, не был. Мятежные аристократы и крестьянские вожди объединились вокруг него, в результате чего сформировалась новая армия Хань и началась настоящая гражданская война.

Ван Ман спешно собрал огромное войско, которое выступило из Лояна, древней столицы страны, но после первых успехов было наголову разбито; это случилось в июле 23 года. Армия потомков ханьских императоров наступала на Чаньань. Ее поддержали другие вожди повстанцев, которые вели своих сторонников к столице в расчете на богатую добычу. Они прорвались через ворота в крепостной стене и вместе с горожанами окружили главный дворец. Ожесточенное сражение — в ходе боев загорелся императорский гарем и другие здания — длилось целый

день. На рассвете следующего дня обессиленного, находящегося в полубессознательном состоянии императора верные слуги перенесли на Террасу, Омываемую Водой, где к вечеру все они погибли в бою; Ван Ману отрубили голову.

Все высшие сановники Ван Мана были убиты — погибли в битве или покончили жизнь самоубийством. Император Гэн-ши захватил город Лоян и сделал его своей столицей; теперь под его контролем находилась половина страны, охваченной массовыми волнениями; миллионы крестьян мигрировали с затопленного севера, особенно с Великой равнины, в южные районы.

Гэн-ши совершил три значимых ошибки. Во-первых, он отправил Лю Сю, старшего отпрыска царского рода Лю, восстанавливать порядок в северной части Великой равнины и позволил ему действовать самостоятельно. Во-вторых, он враждебно принял послов «краснобровых», армия которых двинулась на запад, разбив лагерь в окрестностях Лояна. И, наконец, Гэн-ши вернул столицу в Чаньань, уязвимость которой доказала трагическая судьба Ван Мана.

Примерно через год Лю Сю, осознав недальновидность действий императора, изменил ему и собрал армию, которая начала наступление

с востока. «Краснобровые» осадили Чаньань. Когда они ворвались в город, император Гэн-ши вскочил на лошадь и пытался бежать, но был схвачен. Отречение не спасло — его отправили пасти лошадей в открытой степи, а впоследствии задушили. «Краснобровые» грабили город и терроризировали жителей.

Лю Сю, к тому времени контролировавший значительную часть страны, объявил себя Сыном Неба. Он взошел на трон в 25 году под именем Гуан У-ди и стал основателем династии Поздняя Хань. Пока Гэн-ши пас лошадей в окрестностях Чаньани, новый император захватил Лоян и объявил город своей столицей.

Гражданская война длилась одиннадцать лет. В конечном счете силы «краснобровых» истощились, и они были разгромлены армией императора. Затем Гуан У-ди по очереди подавил восстания на Великой равнине и в Шаньдуне, в районе Янцзы и в коридоре Ганьсу на северо-западе. Самый сильный из его противников контролировал обширные территории в районе узкого ущелья, через которое протекала река Янцзы. Ниже ущелья был построен плавучий мост, соединявший укрепления на обоих берегах реки. Армия Гуан У-ди использовала лодки, чтобы с

попутным ветром подняться вверх по течению, и при помощи факелов подожгла мост. Ворвавшись на вражескую территорию, солдаты императора захватили столицу мятежников и убили их лидера. Так Гуан У-ди стал повелителем всего Китая, и династия Поздняя Хань утвердилась на троне.

Гуан У-ди сделал Лоян своей столицей — через тысячу лет после того, как Чжоу-гун покорил империю Шан и основал город. Лоян, занимавший площадь около четырех квадратных миль, не мог похвастаться такой роскошью, как Чаньань. Он располагался по берегам двух рукавов одного из притоков Желтой реки и был окружен высокими стенами, в которых имелись двенадцать ворот. Улицы города были ориентированы с севера на юг и образовывали регулярную сеть. Северный дворцовый комплекс в одном конце Лояна и южный дворец на другом занимали площадь около 125 акров и соединялись приподнятой мощеной улицей с трехрядным движением; средний ряд предназначался для императора. В городе имелись правительственные здания, храмы, арсенал, два парка, тридцать два постоялых двора, которые также использовались как полицейские посты, рынок, дома чиновников и знати. Один ров служил для доставки грузов по воде, а

из другого набирали воду при помощи насосов и *нории* — своего рода транспортера из ведер, которые поднимались и опускались при помощи цепи. Вне городских стен располагались величественные здания обсерватории, или Террасы Духов, космологического храма, получившего название Светлый алтарь, и академии, «кампус» которой в конечном счете разросся до 240 зданий с 1840 комнатами, в которых жили до 30 тысяч студентов. Здесь же был установлен алтарь для поклонения Небу и ряду других божеств, в том числе пяти планетам и двадцати восьми стадиям луны; неподалеку также располагался алтарь Земли, многочисленные алтари и часовни для объявления о смене времен года, императорские парки и охотничьи угодья, императорские усыпальницы и похоронные службы, два рынка и дома богатых граждан. Большой Лоян по площади более чем в два раза превосходил обнесенную стеной центральную часть; население города составляло около полумиллиона человек, и его можно было по праву считать самым крупным городом на Земле.

Из всех служб и подразделений императорского дворца особенно выделялось одно, оказывавшее наиболее сильное влияние на ход событий и в то

же время самое необычное. Это так называемые «боковые покои» — гарем, который содержали все без исключения императоры, даже малолетние. В течение следующего столетия число живущих в гареме женщин достигло почти шести тысяч. Раньше все они были поделены на четырнадцать рангов, но Гуан У-ди сократил количество рангов до трех — «достопочтенная госпожа», «прекрасная госпожа» и «избранная госпожа». Отбор девушек для гарема проводился в восьмом месяце каждого года. Претендентки должны были быть девственницами из безупречных семей в возрасте от тринадцати до двадцати лет — по китайским меркам, когда новорожденному приписывается один год, а затем в первый день каждого нового года человек становится на год старше. Старший советник императора, помощник главного евнуха гарема и физиономист оценивали девушек по таким качествам, как красота лица, фигура, волосы, осанка, элегантность, манеры и умение держать себя. Девушку, удовлетворяющую установленным требованиям, брали в гарем, где после дальнейших оценок либо оставляли, либо отвергали. В действительности отбор девушек обычно сопровождался сложными политическими маневрами, потому что импе-

ратрицей всегда становилась «достопочтенная госпожа».

Любовь крайне редко вмешивалась в политику, о чем свидетельствует тот факт, что восемь из одиннадцати императриц династии Поздняя Хань были бездетными. Ставкой в этой игре была власть. Императрица обладала огромным влиянием, особенно когда после смерти мужа становилась вдовствующей императрицей, поскольку члены ее семьи обычно занимали высшие гражданские и военные должности. Они контролировали правительство и определяли порядок наследования трона, причем нередко наследником становился ребенок, что позволяло семье сохранить свое влияние.

По этой причине политическую историю династии Поздняя Хань часто называют историей соперничавших группировок. За власть боролись четыре или пять влиятельных семей из разных регионов страны, каждая из которых имела своих сторонников. На вершину власти возносилась то одна, то другая семья, в зависимости от того, кто становился официальной супругой императора. Однако высокое положение и власть были неразрывно связаны с опасностью. Отставка императрицы имела катастрофические последствия

для членов ее семьи — казни, ссылка, самоубийства, понижение ранга, а также утрата влияния — временно или навсегда. Все это можно проиллюстрировать хроникой событий последующего века и половинчатой политикой, преобладавшей после восшествия на трон Гуан У-ди.

После развода с первой императрицей Гуан У-ди сделал для нее исключение, и ей было позволено жить в мире и покое. После его смерти императором под именем Мин-ди (57–75 гг.) стал сын от второй жены, назначивший своим наследником сына от одной из наложниц. Он взошел на трон, взяв храмовое имя Чжан-ди (75–88 гг.), и когда императрица тоже не смогла родить ему сына, наследником стал сын одной из наложниц. Однако эта наложница — как и ее сестра, которая тоже была в гареме, — принадлежала к клану, соперничавшему с семьей императрицы, и императрица устроила так, что мальчика лишили права наследства, а двух сестер заточили в тюрьму, где они покончили жизнь самоубийством, приняв яд. Впоследствии старшая из двух других сестер из гарема императора родила нового наследника престола, и вновь в результате борьбы кланов сестры и их отец были казнены, а родственники отправлены

в ссылку. После смерти Чжан-ди на трон взошел Хо-ди (88-106 гг.), который в тот момент был еще ребенком. На протяжении следующего столетия императорами несколько раз становись дети, и при них сменилось не менее семи регентов. Первый из них, удачливый военачальник, вместе с тремя своими братьями покончил жизнь самоубийством после того, как главный евнух ложно обвинил его в заговоре с целью цареубийства. Та же судьба постигла первую супругу Хо-ди — ее обвинили в колдовстве. После смерти Хо-ди его наследником стал трехмесячный Шан-ди, который прожил лишь несколько месяцев; его сменил еще один ребенок, Ань-ди (106–125 гг.). Когда император стал взрослым и женился, супруга тоже не смогла родить ему сына, и наследником был назначен единственный сын от «достопочтенной госпожи»; императрица заставила «достопочтенную госпожу» выпить яд, а ее сын был лишен наследства и заточен в северном дворце Лояна. После смерти Ань-ди вдовствующая императрица добилась того, чтобы трон занял маленький внук Чжан-ди, но ребенок умер, не прожив и года. Пока императрица пребывала в нерешительности, выбирая нового наследника, в дело вмешались евнухи. Они дали друг другу

клятву поддержать лишенного наследства и удерживаемого в заточении сына Ань-ди. Однажды ночью, преодолев сопротивление евнухов из враждебного клана, они освободили сына Ань-ди и провозгласили его императором под именем Шунь-ди. Вдовствующую императрицу лишили титула, а большое количество ее сторонников казнили или отправили в ссылку во Вьетнам. У Шунь-ди был всего один сын от «достопочтенной госпожи», и хотя после смерти отца мальчик стал императором, он прожил лишь несколько месяцев. После него трон занял еще один потомок Чжан-ди — семилетний мальчик, взявший себе храмовое имя Чи-ди, — но и его правление было недолгим. По всей видимости, в 145 году он был убит регентом, родственником вдовы Шунь-ди. Победившая группировка посадила на трон правнука Чжан-ди. Новый император, которому до совершеннолетия (оно наступало в шестнадцатилетнем возрасте) оставалось два года, взял себе храмовое имя Хуань-ди (147–167 гг.). В семнадцать лет он женился на младшей сестре вдовствующей императрицы. Через десять лет, когда обе сестры умерли, император получил возможность сбросить с себя оковы их семьи, которую теперь возглавлял регент. Заключив

тайный союз с верными ему евнухами — остальные находились на содержании у регента — и поручив им защищать дворец, он приказал отряду из тысячи воинов окружить дом регента. Побежденный и униженный, регент убил жену и покончил жизнь самоубийством; влиятельные родственники были публично казнены, и его семья больше никогда не поднималась к вершинам власти. Хуань-ди женился во второй раз, но через шесть лет императрицу обвинили в увлечении черной магией и пьянстве, заключили в тюрьму и приказали покончить с собой; ее родственников отправили в ссылку и лишили привилегий. Так был отстранен от власти еще один влиятельный клан. Третья супруга Хуань-ди после его смерти стала вдовствующей императрицей и назначила регентом своего отца. У Хуань-ди не было сыновей, и поэтому наследником стал праправнук Чжан-ди. Он правил под именем Лин-ди (168–189 гг.). Через год трон под ним зашатался, и причиной тому был серьезный кризис.

Глава 13. Реставрация династии Хань (25-220 гг.)

Число евнухов, призванных присматривать за императорским гаремом, росло пропорционально самому гарему. Близость к трону неизбежно выливалась в деятельность, выходившую далеко за рамки заботы о «достопочтенных», «прекрасных» и «избранных госпожах» из императорского гарема. В предыдущей главе упоминалось об участии евнухов в свержении регента Хо-ди в 92 году, в возведении на трон императора Шунь-ди в 128 году, а также в освобождении императора Хуань-ди от влияния семьи вдовствующей императрицы в 158 году. Можно привести массу других примеров вмешательства евнухов в государственные дела. Им жаловались пышные титулы и поместья с правом передачи приемным сыновьям. Многих евнухов кастрировали в детстве, преподнося мальчиков в качестве подарка императору, другие же решались на операцию — гениталии полностью отрезались одним взмахом острого ножа — во взрослом возрасте, чтобы устроиться на легкую работу во дворце.

Безволосые евнухи — как правило, надменные, подозрительные, капризные, жадные до роскоши и склонные к обжорству — часто обладали огромной властью и влиянием.

Они делись на несколько рангов во главе с главным евнухом и объединялись во всевозможные группировки, соперничавшие в борьбе за расположение императора, императрицы или вдовствующей императрицы. Предшественник Лин-ди император Хуань-ди предпочитал в своей политике опираться на советы евнухов, чем вызвал недовольство сановников, которые всегда ненавидели евнухов. После того как в 168 году императором стал Лин-ди, ситуация с евнухами обострилась до крайности.

У регента по имени Доу У, отца вдовствующей императрицы, был могущественный союзник, Великий Наставник императора Чэнь Фань. Они обсуждали, как бороться с растущим влиянием евнухов, и Чэнь Фань не смог предложить ничего лучше поголовного истребления; его уговоры стали еще более настойчивыми после солнечного затмения, которое было истолковано как дурной знак. Петиции, призывавшие двор к действиям против евнухов — их обвиняли в различных грехах, от предательства до выдви-

жения своих ставленников на государственные посты по всей империи, — были отвергнуты вдовствующей императрицей, которая видела в евнухах важнейшую опору в борьбе с бюрократией, военачальниками и влиятельными кланами, такими как семья Доу У.

В течение нескольких месяцев ситуация все больше обострялась, пока не разразился настоящий кризис. Доу У и Чэнь Фань избрали новую тактику после того, как известный предсказатель, специалист по небесным знамениям, сообщил, что поведение планеты Венера «неблагоприятно для советников», то есть для евнухов. Они решили, что если евнухов обвинить в конкретных преступлениях, то вдовствующей императрице не удастся во второй раз их защитить. Под пыткой один из евнухов дал показания на своих товарищей. Вечером во дворец была доставлена записка с именами евнухов, которых утром следовало подвергнуть аресту. Однако евнухи тайно вскрыли пакет и, потрясенные количеством названных имен, поклялись убить Доу У. Всего заговорщиков было семнадцать.

Они разбудили юного императора и отвели в безопасную часть дворца, вручив ему меч и приставив к нему бывшую кормилицу, которая

стала его доверенным лицом. Захватив врасплох вдовствующую императрицу, они заперли ее в темнице на территории Южного дворца и завладели императорскими печатями. Это дало возможность, во-первых, отправить солдат на охрану дворцов и, во-вторых, издать указ об аресте Доу У.

Доу У — его ночью не было в городе, и он ничего не знал о событиях во дворце, пока не увидел указ о собственном аресте — бежал к племяннику, который командовал одним из воинских подразделений, размещенных в столице. Тем временем Чэнь Фань, тоже с запозданием узнавший о том, что произошло, вместе со своими подчиненными поспешил во дворец. Охранявшие дворец солдаты окружили его, заставили сдаться и отвели в тюрьму, где ближе к вечеру он был убит. Судьба Доу У была не менее печальной: когда солдаты из подразделения его племянника начали в массовом порядке переходить на сторону противника, он покончил жизнь самоубийством. Остальные члены его семьи были убиты — вместе со многими другими представителями влиятельных кланов. Репрессии и убийства продолжались несколько дней, и судя по дошедшим до нас сведениям, с жизнью расстались несколько сотен

человек.

В результате этих событий власти и влияния лишилась еще она могущественная семья. На протяжении следующих двадцати лет никто не мог соперничать с евнухами. Они по-прежнему получали титулы и должности, и с 175 года во главе всех дворцовых служб стояли евнухи, один из которых даже был назначен главнокомандующим. В период так называемой Великой Опалы (169–184 гг.) все противники евнухов были уничтожены. Возникавшие время от время заговоры, которые ставили целью ограничить влияние евнухов, заканчивались провалом. Ставленники евнухов, их отцы и братья назначались на высшие посты в столице и в провинции.

Коррупция, а не деловые качества определяла того, кто займет ту или иную должность на государственной службе. Место можно было купить за деньги. Сделки совершались в Западном саду, в здании, получившем название Западного Квартала, причем сумма «подношения» доходила до миллиона. Процесс разложения охватил все верхние эшелоны власти, тогда как низшие слои страдали от Великой Опалы и ограничений, запрещавших занимать должности в своей родной области и в области проживания супруги.

Студенты имели репутацию неблагонадежных — в 172 году, после массовых демонстраций, более тысячи студентов подвергли аресту по приказу евнухов, — и поэтому был основан новый университет, Школа у ворот Великой столицы, выпускникам которой практически гарантировались должности на государственной службе.

Помимо деградации государственной службы и доминирования евнухов, правление Лин-ди было отмечено многочисленными восстаниями и приграничными конфликтами. Последние стали продолжением событий, случившихся в эпоху основателя династии Поздняя Хань императора Гуан У-ди. Постоянные набеги сюнну на северные провинции вынудили построить дополнительные укрепления, но кочевники продолжали бесчинствовать по всему северо-западу страны. Затем племенной союз сюнну раскололся на два, северный и южный, и последнему — как данникам — было разрешено занять территории внутри Великой Китайской стены (район плато Ордос и примыкающие земли Шэнси и Ганьсу).

Сын вождя южного союза сюнну удерживался в качестве заложника при дворе императора. Каждый год на юг отправлялся новый заложник, по пути встречая предыдущего, который возвра-

щался к отцу. Послы сюнну присутствовали на новогодних церемониях в Лояне, возвращаясь с шелком, парчой, золотом и продовольствием — подарками императора вождю сюнну, его матери, главным женам и сыновьям, а также высшим сановникам. Однако по мере обострения противоречий внутри племенного союза сюнну, а также между сюнну и китайцами эта система утратила свою эффективность. Ситуация ухудшилась при императоре Лин-ди, когда отряды сюнну вторглись в южные районы Шэнси.

Тем временем китайский протекторат в Центральной Азии, состоявший из городов-государств в оазисах вдоль Великого Шелкового пути, получал лишь нерегулярную поддержку в борьбе против северных сюнну и других племен и незадолго до восшествия на трон Лин-ди освободился от опеки империи. Однако еще со времен Ван Мана самая серьезная угроза исходила с запада и северо-запада от предков тибетцев, которые называли себя *цян.* Они постоянно вторгались в долину Вэй и дважды угрожали старой столице Чаньань.

В результате всех этих конфликтов крестьяне покидали северные и западные приграничные районы Китая и мигрировали на юг. Вместе с «ис-

ходом», вызванным сильными наводнениями, которые привели к падению Ван Мана, миграция с севера на юг в эпоху династии Поздняя Хань затронула около восемнадцати миллионов человек. Такое масштабное переселение оказало огромное влияние на демографию Китая. До этого южная часть страны была заселена немногочисленными местными племенами, которые назывались *ман.* По мере того как китайцы с севера расселялись среди этих племен, проникая в глубь территории вдоль речных долин с плодородной аллювиальной почвой и основывая новые поселения, местные жители должны были либо ассимилироваться, либо уходить в горы, развязывая партизанскую войну. Конфликты возникали часто, и императорский двор причислял непокорные племена к мятежникам: в эпоху династии Поздняя Хань в этом регионе было отмечено пятьдесят три таких мятежа. Все они были подавлены, но колонизация юга приостановилось и возобновилась лишь через несколько столетий.

Самым мощным из многочисленных восстаний в период правления Лин-ди было движение, впоследствии получившее название восстания «желтых повязок». Многочисленные предзнаме-

нования — землетрясения, засухи, наводнения, нашествия саранчи и гусениц, эпидемии и свирепые бури — не предвещали ничего хорошего правящей династии, однако в 183 году приметы были благоприятными, и за сообщениями о появлении волшебных грибов и фениксов последовал богатый урожай. Тем не менее в следующем году «желтые повязки», получившие такое прозвище из-за своих головных уборов, подняли восстание против правительства в шести областях к югу, востоку и северо-востоку от столицы.

Движение «желтых повязок» зародилось за десять лет до этого на северо-востоке страны как секта, которую возглавляли Чжан Цзюэ и два его брата, удивлявшие местных жителей чудесными исцелениями. В какой-то момент Чжан Цзюэ убедил себя, что ему суждено сменить правящую династию. Он проповедовал свое учение, основанное на даосизме, теории инь-ян и концепции пяти первоэлементов, и именно из этой теории был сделан вывод, что желтый цвет, ассоциировавшийся с элементом земли, должен сменить элемент огня, считавшийся символом династии Хань. Из конфуцианства Чжан Цзюэ позаимствовал принцип возможной смены мандата Неба, а также идеи мира и равенства, которые вдохно-

вили его назвать свою секту «Путь к великому равенству».

Успех Чжан Цзюэ был так велик, что к 184 году у него насчитывалось несколько сотен тысяч сторонников, среди которых были состоятельные люди, бедные крестьяне и даже значительная часть местных чиновников и провинциальной элиты. Восстание планировалось на 3 апреля того же года, но когда предатель сообщил о планах мятежников правительству, Чжан Цзюэ нанес удар в марте. Его сторонники бесчинствовали в течение десяти месяцев, громя правительственные отряды, захватывая города и похищая местных правителей. Для подавления мятежа потребовалась огромная армия, оставившая после себя полмиллиона убитых, в том числе трех братьев, возглавлявших движение «желтых повязок».

Мятежи возникали и в других районах страны, и их лидеры иногда называли себя Сынами Неба. Для того чтобы взять ситуацию под контроль, двор назначил специальных уполномоченных в каждую из областей империи. Эти военачальники имели ранг министра и обладали относительной самостоятельностью. Один из них, по имени Дун Чжо, вел наступление на мятежников с запада и зашел гораздо дальше, чем ему было

приказано, остановившись лишь в восьмидесяти милях от Лояна.

Такова была обстановка в стране в день смерти — 13 мая 189 года — императора Лин-ди. Вместе с ним пришла к концу и династия Хань, хотя поначалу ничто не предвещало ее заката. Трон занял старший сын умершего императора Лю Вянь, которому было всего тринадцать лет. Мать нового правителя стала вдовствующей императрицей и регентом. Вместе со своим сводным братом Хэ Цзинем, главой знатного клана Юань, который был командующим армией и наставником императора, она вошла в состав правящего триумвирата. У Лю Бяня был восьмилетний единокровный брат Лю Се, который носил титул принца, пользовался поддержкой бабушки и находился на попечении главного евнуха Цзянь Ши. Именно эти люди стали главными участниками драмы, разыгравшейся в 189 году.

«Беседка Феникса». Иллюстрация к роману «Троецарствие». Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Слева — Дун Чжо, справа его приемный сын военачальник Люй Бу, в центре наложница Дун Чжо певичка Дяочань, в которую влюблен Люй Бу

Цзянь Ши попытался объединить евнухов против Хэ Цзиня и организовать заговор с целью замены императора Лю Бяня его сводным братом Лю Се. Заговор был раскрыт, в результате чего Цзянь Ши казнили, а его союзницу, бабушку императора, изгнали из дворца; она умерла

несколько месяцев спустя — как говорят, от горя и страха.

На сцене появилось еще одно действующее лицо — военачальник Юань Шао, тоже принадлежавший к знатному роду Юань. Он убеждал Хэ Цзиня уничтожить евнухов, но вдовствующая императрица не решилась на такой шаг.

Тогда Юань Шао заставил нескольких военачальников, в том числе своенравного Дун Чжо, расположившегося в восьмидесяти милях от Лояна, направить императорскому двору доклады с обвинениями против евнухов.

В один из сентябрьских дней Хэ Цзинь неожиданно появился на утреннем приеме у вдовствующей императрицы. Это взволновало евнухов, поскольку раньше полководец объявил о своей болезни. Они видели, как он беседовал с императрицей, а затем с ужасом узнали от своего информатора, подслушавшего разговор, что Хэ Цзинь просил у императрицы разрешения уничтожить их всех. Евнухи действовали без промедления. Когда Хэ Цзинь покинул дворец, его позвали назад — под тем предлогом, что императрица хочет ему что-то сообщить. Одновременно евнухи собрали вооруженных людей рядом с прихожей императрицы. Когда Хэ Цзинь усел-

ся на полу, ожидая, когда его пригласят войти, главный евнух встал прямо перед ним и отвлек внимание напыщенной речью; в это время удар, нанесенный сзади, снес Хэ Цзиню голову.

Узнав об ужасной новости, Юань Шао повел свое войско к Северному дворцу, а его единокровный брат двинулся к Южному дворцу. Ворота Южного дворца были освещены, и из него по мощеной улице в Северный дворец шла процессия евнухов с императором, принцем и вдовствующей императрицей, которой, однако, в суматохе удалось ускользнуть. Через несколько дней войска Юань Шао ворвались в Северный дворец и убили всех евнухов, которых только смогли найти — более двух тысяч человек. Главный евнух сумел бежать; вместе с императором и принцем он двигался по направлению к Хуанхэ, но здесь его настигли; он прыгнул в воду и утонул. Возмездие настигло евнухов.

Наблюдавший издалека за пылающей столицей Дун Чжо повел свою армию на город, чтобы не опоздать к разделу добычи. Затем он пустился на поиски императора. После того как главный евнух утонул в реке, юный правитель и его сводный брат долго брели среди ночи, пока не нашли открытую повозку; в этой повозке их и обнару-

жил Дун Чжо. Полководец сопроводил братьев в Лоян, где довольно быстро упрочил свое положение. Первым делом он угрозами вынудил Юань Шао покинуть столицу и оправиться на восток страны, а затем заставил вдовствующую императрицу сменить императора, к которому он испытывал неприязнь, малолетним принцем Лю Се. После этого по его приказу была убита сама вдовствующая императрица.

Разгневанные этими действиями Дун Чжо, Юань Шао, его единокровный брат и еще один полководец (и превосходный поэт) по имени Цао Цао образовали коалицию на востоке страны, чтобы противостоять Дун Чжо. Готовясь к отражению их атаки, Дун Чжо отправил нового императора и его двор в бывшую столицу Чаньань. Многотысячные толпы последовали за ним, разоряя сельскую местность, а вслед двигались войска Дун Чжо. В 191 году атаки войск восточной коалиции вынудили самого Дун Чжо покинуть Лоян, причем перед уходом он сжег город. Дун Чжо также отправился в Чаньань, где через год был убит.

Теперь правление Лю Се стало откровенно номинальным. Империя погрузилась в хаос. Почти везде местные военачальники, мятежники и

чиновники соперничали в борьбе за власть, и ни в одном регионе спокойствие не сохранялось дольше нескольких месяцев. Постепенно в стране сформировалось несколько центров власти.

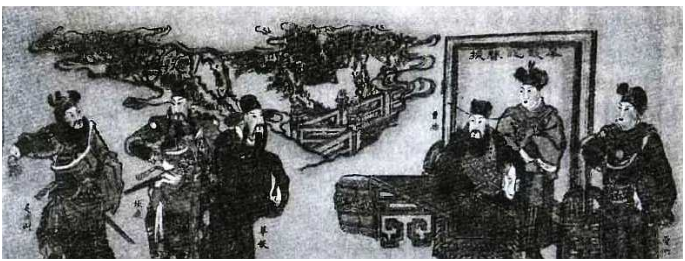
Самым необычным из них некоторое время оставался небольшой анклав к юго-западу от Чаньани. Им управляла религиозная секта, сходная с движением «желтых повязок». Основой идеологии секты, как и ее предшественницы, был даосизм; ее члены называли себя Небесными наставниками или Школой пяти ковшей риса и мечтали о всеобщем мире. Последователи учения должны были отдавать пять ковшей риса в качестве вступительного взноса и якобы могли излечиться от любой болезни, публично признавшись в своих грехах. Политическая идеология движения основывалась на общинной собственности, а внутри анклава существовала эффективная система управления. Движение было разгромлено в 215 году, но еще на протяжении двух веков продолжало привлекать немногочисленных сторонников.

Этот анклав усмирил Цао Цао, один из руководителей восточной коалиции, противостоящей Дун Чжо. В самой коалиции произошел раскол, и Цао Цао довольно быстро добился главенству-

ющего положения. В 196 году император, за год до этого женившийся, решил покинуть Чаньань, где ему было трудно поддерживать видимость существования двора, и после тяжелого и опасного путешествия добрался до Лояна. Уговорами и угрозами Цао Цао вынудил Лю Се переселиться в город, служивший ему опорным пунктом. Распространяя свое влияние на северо-восток, Цао Цао в 200 году разгромил армию Юань Шао, расправа которого над евнухами положила начало многолетним беспорядкам. Затем Цао Цао подчинил себе и северо-запад, и теперь под его влиянием оказался весь северный Китай, за исключением небольшого региона на западе. Там правил прославленный воин Лю Бэй, состоявший в дальнем родстве с правящей династией Хань. Тем временем области к югу от Янцзы оказались под контролем сначала талантливого двадцатипятилетнего полководца, а затем (после его смерти) его брата по имени Сюнь Цюань.

Цао Цао продемонстрировал свою власть над несчастным императором, добившись отставки императрицы и убив двух ее сыновей — так он расчищал путь собственной дочери. Если его смерть в 220 году и принесла облегчение императору Лю Се, то ненадолго. Сын Цао Цао по имени

Цао Пэй унаследовал многочисленные титулы и звания, которыми наградил себя отец, а затем — под влиянием предсказателей, которые пророчили неизбежную смену мандата Неба, — стал оказывать давление на императора, дабы тот отрекся от престола.



Хуа Синь беседует с Цао Цао. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

11 декабря 220 года Лю Се отрекся в пользу Цао Пэя, который провозгласил себя первым императором династии Вэй. Четырехсотлетняя эпоха династии Хань закончилась. Ханьская империя раскололась на три части — север во главе с Цао Пэем, юго-запад во главе с Лю Бэем, который претендовал на наследие Хань, и юг под контролем Сюнь Цюа-ня. Так начался шестидесятилетний

период в истории Китая, получивший название Троецарствия; иногда его еще именуют китайским средневековьем.

Могущество династии Хань, поставившей Китай в один ряд с Римской империей, не подлежит сомнению. Два великих изобретения, сделанных в эту эпоху, превосходят все достижения римлян. Это компас и бумага.

Компас явился побочным продуктом геомантии. Из всех многочисленных видов гадания, на которые опирались китайцы в своих делах, геомантия имела самые древние корни. В ее основе лежала идея космического дыхания, видимого и невидимого, которое в форме ветра и воды пронизывает вселенную. Среди порожденных ею теорий наиболее известной является фэн-шуй — учение о правильном размещении зданий и предметов в жизненном пространстве человека для гармонизации с инь-ян и другими силами природы, а также для защиты от неблагоприятных воздействий. Именно этим объясняется пристальное внимание, уделявшееся в китайской живописи ландшафту и топографическим объектам.

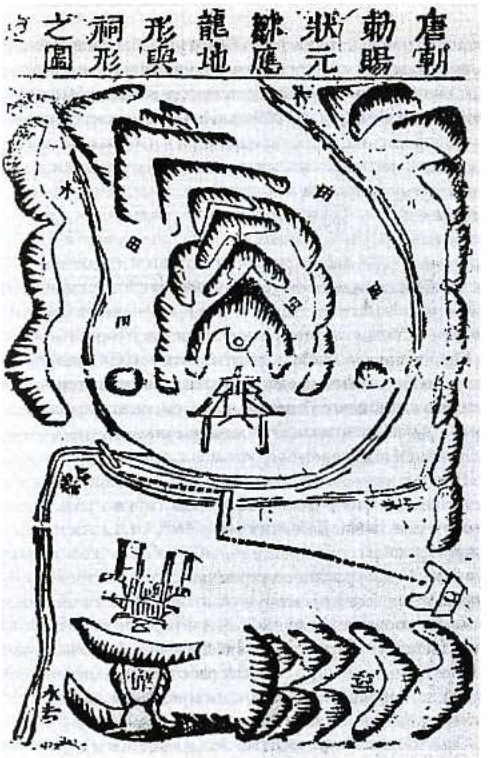
Компас был изобретен как средство для ориентировки зданий, а также использовался вместе с

гадальными досками, игравшими важную роль в искусстве предсказаний эпохи Хань, особенно в годы войны. Гадальная доска состояла из диска, вращавшегося на квадратном поле с астрологическими и другими символами; в центре располагался магнит. Магнит имел форму ковша с ручкой — повторяя очертания созвездия Большой Медведицы — и балансировал на чаше ковша. Таким образом, гадальная доска и магнитный ковш стали прообразом всех приборов с лимбом и стрелкой. Научившись намагничивать железо трением, китайцы заменили ковш на намагниченную иголку в форме рыбы или головастика, которая плавала в воде или подвешивалась на шелковой нити. Европа познакомилась с этим прибором лишь через тысячу лет. Правда, несмотря на то что китайцы научились определять направление на страны света еще в эпоху династии Хань, в мореплавании этот прибор стал применяться только несколько веков спустя. Возможно, причина заключается в отсутствии у китайцев интереса к дальним морским путешествиям — китайские моряки стали пользоваться компасом всего на сто лет раньше, чем их европейские и арабские коллеги.

Применение бумаги прошло такой же долгий

эволюционный путь. Бумага состоит из растительных волокон, которые смешивали, толкли, варили, разливали в формы, промывали водой на сетке, напоминающей сито, а затем высушивали для получения конечного продукта. По всей вероятности, основой этого изобретения послужила древняя китайская традиция вымачивать циновки в воде, чтобы их поверхность стала мягче. Бумагу изобрели в 105 году в императорских мастерских, и объявил об этом их начальник, евнух по имени Цай Лунь, который ранее был личным секретарем императора Хо-ди. Поначалу бумагу применяли не для письма, а для украшения и в изобразительном искусстве, а также во время церемоний и праздников, для кредитовых операций в торговле, в гигиенических и медицинских целях, для изготовления одежды и предметов мебели, для игр и т. д. Далеко не сразу бумага вытеснила бамбуковые и деревянные дощечки, из которых состояли книги. Однако со временем ее применение для письма стало в Китае повсеместным, хотя секрет производства бумаги открылся остальному миру лишь через полторы тысячи лет (в Европе начали изготавливать бумагу в XII веке). Бумага стала необходимым предвестником другого великого изобретения китайцев и бла-

годаря ему сыграла такую важную роль в делах человека. Это книгопечатание, изобретенное пять или шесть столетий спустя.



Благоприятная местность. Гравюра из древнего руководства по фэн-шуй

В эпоху династии Поздняя Хань появились и другие замечательные изобретения, такие как сейсмограф, водяная мельница и тачка. Больших успехов достигла астрономия, были заложены основы систематики в ботанике и зоологии; появилась глазурованная керамика и предшественник фарфора, а технология производства тканей в Китае на несколько веков опережала европейскую и персидскую. В этот период началось составление библиографий, когда в одном списке приводилось до семисот работ специалистов в таких областях, как магия, медицина, военная наука, история, философия, гадания и астрономия.

Подобные работы, а также поэзия составляли литературу того времени. Легкий жанр существовал лишь в форме рассказов, притч или шуток, многие из которых были известны с незапамятных времен. Роман в Китае появится лишь много веков спустя; подобно драме, получившей такое развитие в Европе, этот вид искусства был неизвестен в Китае в эпоху песен и танцев. Поэтому круг чтения образованного человека составляли поэзия и специальная литература; первый сло-

варь китайского языка «Шо Вэнь» появился во II веке н. э.

Многочисленные достижения китайцев вносили свой вклад в величие династии Хань, однако одна из инноваций представляется удивительно негуманной. Это практика бинтования ног у женщин. Традиция, зародившаяся в аристократических семьях в самом конце эпохи Хань, получила широкое распространение и просуществовала до XIX века. В четырехлетием возрасте девочке ломали пальцы ног и загибали их вниз, к подошве стопы, которую затем перевязывали несколькими метрами бинта, чтобы остановить кровообращение. В течение нескольких месяцев девочка не могла ходить, а по прошествии года передвигалась лишь в портшезе. Когда она начинала передвигаться самостоятельно, сдавливание и атрофия пальцев ног усиливались, и к пятнадцати годам процесс завершался, в результате чего получалась ступня длиной всего лишь несколько дюймов. Такая ступня называлась золотой или ароматной лилией, и один из живших в ту эпоху писателей описывал ее как «высшее проявление китайского чувственного воображения». Маленькая ступня, размеренный шаг и неуверенная, раскачивающаяся походка счи-

тались необходимыми условиями для удачного замужества и ассоциировались с защищенностью и высоким положением.

С этим жестоким и примитивным обычаем резко контрастируют высочайшие художественные достижения эпохи Хань. В каждой из областей империи имелись мастерские по производству и украшению ритуальных сосудов, халатов, изделий из лакированного дерева и нефрита, а также оружия и доспехов для армии. Больших высот достигло искусство ландшафтной архитектуры, о чем свидетельствует парк с искусственными озерами и холмами, разбитый позади императорского дворца в Лояне. Общественные здания той эпохи почти не сохранились, потому что дворцы, дома и часовни для поклонения предкам строились в основном из дерева (хотя и с черепичными крышами). О великолепии дворцов дают представление письменные источники, в том числе многочисленные оды *фу* ханьского периода.

Однако до наших дней сохранились гробницы — китайцы эпохи Хань были искусными строителями мавзолеев для императоров и аристократов. Они использовали камень, кирпич и плитку для сооружения куполов, цилиндрических сводов, колонн, камер и ходов под землей, а также ча-

совен и башен перед высокими могильными курганами. Гробницы, достигавшие семидесяти футов в длину, были облицованы камнем и кирпичом, украшены барельефами и резьбой. На них изображались различные сцены, например большой деревенский дом с двумя внутренними двориками, двустворчатыми дверьми с ручками в форме масок и двумя цилиндрическими бункерами для хранения зерна, или двухэтажный дом, где в кухнях на первом этаже готовится еда для многочисленных гостей, обедающих в комнате наверху.

Скульптурные изображения, особенно изображения человека, которыми славилась греко-римская цивилизация, не получили широкого распространения в Китае — за исключением жанра миниатюры. Их место заняли барельефы, сюжеты которых отличались необыкновенным разнообразием — исторические события, легенды, мифы и сцены из повседневной жизни. Кроме того, на барельефах изображался сбор урожая, молотьба; мы видим также соляные копи среди поросших лесом холмов с копрами и бамбуковыми трубами, по которым рассол течет к испарительным чанам, трехмерные ландшафты, изображенные с применением законов воздуш-

ной перспективы.

Еще более яркими и живыми выглядели огромные фрески, украшавшие залы и стены дворцов. На росписях изображались все живые существа, живущие на земле и в морских водах, боги и души умерших людей.

Однако наивысшее достижение живописи эпохи Хань — свитки шелка, где рисунки чередовались с текстом. До наших дней не сохранился ни один свиток, и исследователи по крупицам собирают информацию о том, как они могли выглядеть. Среди их сюжетов были иллюстрации к классическим произведениям, а пейзажи включали оды в жанре *фу* с описанием императорских дворцов, охотничьих угодий и чудес столицы. Кроме того, на свитки наносились живописные карты огромных размеров, использовавшиеся в военных целях и для управления весенними паводками.

Больших успехов достигло также искусство лаковой миниатюры, которая пользовалась таким спросом, что автор трактата «Спор о соли и железе» возмущался тем, что богачи ежегодно тратят на их приобретение огромные суммы. Изображения получались необыкновенно яркими и живыми — например, девяносто четыре фигуры

в богатых одеждах всего на одной шкатулке, извлеченной из гробницы. Сыновья, добродетельные и несправедливые правители, древние герои — все сидят, повернувшись в разные стороны, жестикулируя и оживленно беседуя. Другие сохранившиеся до наших дней предметы, например чаши и подносы, тоже являют образцы высокого искусства: вьющиеся ленты взрываются языками пламени, превращающегося в летящих фениксов, которые трансформируются в облака, и все это окружено тиграми, оленями и охотниками, исчезающими среди холмов. Их непрестанное движение отражает ритмы самой природы.

Бронзовые изделия времен династии Хань обычно гораздо проще, чем изумительная бронза эпохи Шан, но многие из них необыкновенно изящны, а инкрустация украшает даже предметы прикладного назначения, такие как спусковой механизм лука. Исключение составляют пышные украшения на обратной стороне зеркал. Там нередко изображались небесные и другие символы, а также надписи с описанием изделий и добрыми пожеланиями:

Императорское зеркало из император-

ских мастерских безупречной работы… Дракон слева и тигр справа отгоняют зло; Красная птица и Черный воин соответствуют силам инь и ян. Да будут твои сыновья и внуки здоровы и благополучны. Да будет дарована долгая жизнь твоим родителям, да посетят тебя счастье и богатство, а жизнь твоя будет дольше, чем у металла и камня; и станешь ты как князь или царь.

Изобретение сверл и железных режущих дисков дало импульс развитию резьбы по нефриту. Ученый муж той эпохи наслаждался единством эстетической и этической красоты трехмерных фигурок и изображений животных, шкатулок для туалетных принадлежностей и маленьких чашечек, кулонов и крючков для одежды, печатей и безделушек на его столе.

Сочетание этих двух качеств отражало доминирование в китайском искусстве конфуцианства и даосизма. Класс образованных людей, из которых состояла администрация империи, составляли одновременно чиновники, занимавшиеся практической деятельностью, и затворники, сидевшие в своих тихих садах и беседовавшие

с друзьями или практиковавшиеся в таких искусствах, как каллиграфия, музыка, поэзия и литература, и поднявшие живопись от ремесла до высокого искусства. Нередко, пребывая под влиянием императора, который сам сочинял стихи, они отличались глубоким уважением к воспитанию интеллекта и духа, и о них говорят как о самом многочисленном классе покровителей искусства за всю историю человеческой цивилизации.

Гражданский чиновник — дух дверей. Собрание Г. Лю-Кандарели

Сдержанность китайского искусства, и особенно живописи, объясняется конфуцианской концепцией *ли*, то есть хороших манер, благоразумия и соответствия принятым нормам поведения. Так, например, сильные эмоции изображались крайне редко, а чувственность допускалась лишь при передаче природных объектов, таких как цветы и птицы, но никогда в человеческой жизни; очевидное избегалось, и художник всегда оставался сдержанным. Тем не менее даосизм, который во многих отношениях был несовместим с конфуцианством, тоже оказывал сильное влияние на искусство. Его тенденция к затворничеству и слиянию с природой лежала в основе великих школ пейзажной живописи.

В эпоху династии Хань проявился еще один мощный фактор, который оказывал на искусство не меньшее влияние, чем религия. Несмотря на то, что купцы уже открыли юго-западный путь в Индию через территорию Бирмы, основные дороги, связывавшие Китай с внешним миром, пролегали вдоль «шелковых путей», протянувшихся через Центральную Азию на восток к

Персии и на юг к Индии. По ним изделия из Китая попадали на обширные территории от Сибири до Афганистана, а шелк отправлялся еще дальше — через Крым в бассейн Средиземного моря, в Египет и Рим, где на него был большой спрос. В обратном направлении по этим путям в Китай шел самый известный — если не считать опия, который принесет столько бед много столетий спустя, — индийский продукт. Это был буддизм.

По всей вероятности, буддийские монахи посещали Китай и раньше, но начало массового проникновения в страну этого учения в I веке н. э. было обусловлено распространением даосизма, в котором многое перекликалось с практикой буддизма. Существует легенда — возможно, недостоверная — о том, что император Мин-ди видел вещий сон, после которого отправил послов в Центральную Азию, чтобы они получили подробные сведения о буддизме. Миссия вернулась с двумя монахами-индусами, которые на спине белой лошади привезли священные буддийские тексты, — этот факт был увековечен основанием монастыря Белой Лошади. В следующем столетии два парфянина перевели буддийские тексты на китайский язык, а постоянный рост числа приверженцев этой религии последовал

после жертвоприношения, которое совершил император Хуань-ди в своем дворце в Лояне в честь основателя даосизма Лао-цзы, которого отождествляли с Буддой. За этой церемонией последовало официальное представление культа Будды при дворе и в столице. К концу периода правления династии Хань на востоке страны был построен огромный буддийский храм: многоэтажный, со шпилем, украшенным девятью дисками, и бронзовой позолоченной статуей Будды, вмещавший более трех тысяч верующих.

Постепенно под влияние буддизма попала китайская архитектура — монастыри, храмы и пагоды. Он проник также в китайскую философию, литературу, язык и изобразительное искусство. Следует, однако, отметить, что, несмотря на взаимное влияние буддизма и даосизма, между ними существовали и фундаментальные различия. Буддизм видел достижение блаженства в освобождении от телесного существования, тогда как практика даосизма была направлена на продление земной жизни. Не менее глубокими были противоречия между буддизмом и конфуцианством. Буддисты верили, что совершенствование человека и спасение души достигаются без взаимодействия с другими людьми, а приверженцы

даосизма настаивали, что ценность личности определяется ее взаимоотношениями с семьей и обществом. Эта концепция, доказавшая свою эффективность в ханьскую эпоху, сохраняла влияние на протяжении всей последующей истории Китая.

И действительно, к концу правления династии Хань характерные особенности Китая — культура, политические и духовные идеалы, традиции, уровень цивилизации, территориальные границы и сама нация — укоренились настолько, что в почти неизменном виде сохранились до наших дней. Если Макиавелли был прав, и история всегда повторяется, но каждый раз по-новому, то всю последующую историю Китая можно считать повторением прошлого — только с новыми элементами.

Глава 14. Раздел империи (220–589 гг.)

После падения династии Хань в 220 году раздел Китая на три царства определялся в значительной степени системами водоснабжения и ирригации регионов, в результате чего каждое царство стало самостоятельным в сельскохозяйственном отношении — а значит, и экономически. Так, например, царство Вэй на севере и северо-востоке располагалось в основном в долине Хуанхэ, царство У на юге и юго-востоке занимало бассейн Янцзы, а царство Шу на юго-западе включало в себя котловину Сычуань.

Царства постоянно воевали друг с другом и плели интриги. Этот период, получивший название Троецарствия, чем-то напоминает эпоху Борющихся Царств, но если прежде существовало — по крайней мере, номинально — центральное правительство Чжоу, то теперь все три царства заявляли о своей абсолютной самостоятельности. Самым могущественным правителем был Цао Пэй из царства Вэй. Получив царские печати из рук последнего императора династии Хань,

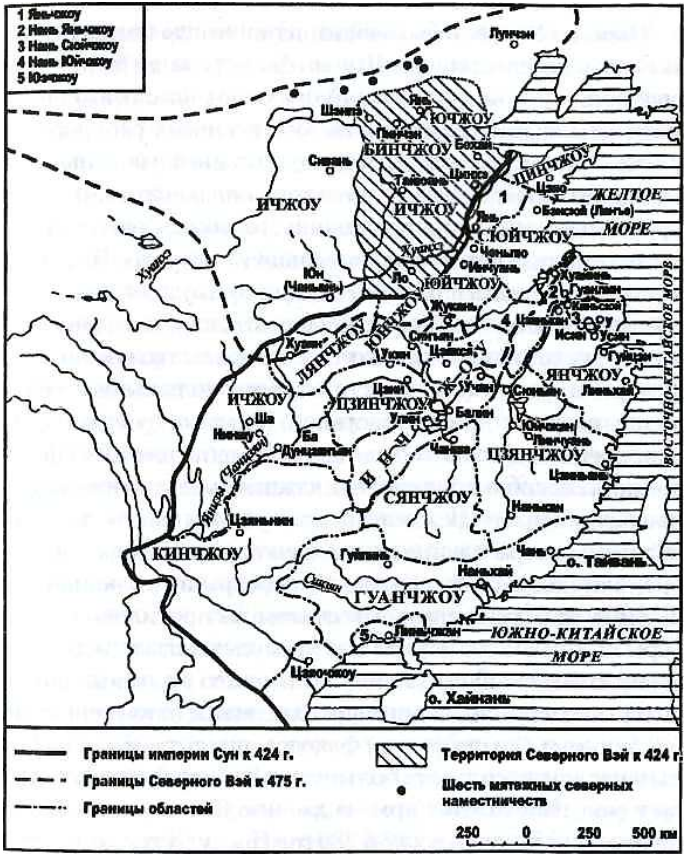
он объявил себя наследником мандата Неба на управление всем Китаем. Он взял себе храмовое имя Вэнь-ди и содержал пышный двор в Лояне. Его царство было самым богатым, и в нем жили около тридцати миллионов человек — в полтора раза больше, чем в двух других царствах вместе взятых.

Интересный аспект истории царства Вэй — его отношения с Японией, которая в ту пору была раздробленной на отдельные княжества и только расставалась с каменным веком. В результате контактов с царством Вэй в 30-х годах III века в Японию проникли многие элементы китайской цивилизации. Эти элементы, а также переселенцы из Китая изменили древнюю японскую культуру.

Расширялись и горизонты самого Китая. Крепнущие связи с Ближним Востоком и южной Азией, а также постоянный приток буддийских идей привели к осознанию того, что Китай, возможно, не единственная цивилизованная страна на планете и что не все другие народы являются варварами. Нельзя сказать, что варвары перестали беспокоить северные районы страны — девятнадцать племен сюнну периодически совершали набеги на приграничные территории,

а часть орд двинулись на запад, где объединились с другими кочевниками и в конечном счете появились в Азии и Европе как внушавшие ужас гунны. Кроме того, новые силы, оказавшие существенное влияние на историю Китая, пришли из мест, которые впоследствии получили название Маньчжурии. Племенной союз янь из южной Маньчжурии грозил присоединиться к южному сопернику царства Вэй, царству У, и взять в «клещи» армию Вэй. Поэтому в 237 году войско Вэй напало на янь и уничтожило этот союз.

В юго-западном царстве Шу плодородные поля пшеницы, а также деятельность купцов, поставлявших зерно горным племенам, торговавших товарами с Тибета и эксплуатировавших торговые пути через современную провинцию Юньнань в Индию, обеспечили экономическое благополучие, но небольшая численность населения затрудняла оборону царства от врагов. Агрессивно настроенные тибетские племена, занимавшие горное плато к востоку от Шу, совершали жестокие набеги, и усмирить их удалось только в 263 году.


1 Янь-чжоу
2 Нань Янь-чжоу
3 Нань Сюй-чжоу
4 Нань Юй-чжоу
5 Юэ-чжоу
Лунчан
Янь-чжоу
Шанъэ
Тяньчан
Бинчжоу
Бохай
Сиань
Цинъ-чжоу
Цзинь
Тайюань
Цзинь
Желтое море
Бэйсюй (Ляньо)
Ичжоу
Ичжоу
Сюй-чжоу
Хуанхэ
Хуанхэ
Юн (Чаньань)
Ю-чжоу
Юй-чжоу
Жунань
Гуанлин
Цзинсян
Цзинсян
Цзинчжао
Исин
Усин
Гуйцзи
Хуайнань
Лянчжоу
Лянчжоу
Сычуань
Цзянся
Ухань
Цзянся
Янчжоу
Линьхай
Ичжоу
Цзинчжоу
Цзинчжоу
Балин
Улин
Ша
Нэйсян
Ба
Дунцзинчжэн
Чанша
Юйчжан
Лиучжоу
Цзянся (Чанша)
Цзянся
Цзянся
Цзянся

Китай в V–VI вв.

Царство У на юге бывшей империи имело большую численность населения, чем Шу, но было гораздо беднее. Народность тай, которую вытеснили или подчинили китайские мигранты, выращивала рис на заболоченных равнинах и в узких долинах рек, а также разводила свиней и водяных буйволов. Этими навыками пришлось овладевать китайцам, привыкшим выращивать пшеницу, разводить овец и коров. В столицу царства У, расположившуюся в устье Янцзы, на месте современного города Нанкин, приходили известия о растущей военной мощи Вэй. Подготовка к нападению заняла семь лет и включала в себя строительство военных поселений в сельской местности, которые должны были обеспечивать армию продовольствием. Были построены гигантские военные джонки — многопалубные, до шестисот футов длиной, способные перевозить каждая две тысячи человек с лошадьми. Предупрежденные плывущими вниз по течению обломками корабельных лесов, военачальники царства У соорудили подводные преграды и перекрыли узкие протоки цепями, прикрепленными к скалам на противоположных берегах.

План полководцев Вэй предусматривал следующий ответ: сначала спустить вниз по течению огромные плоты, которые сметут подводные препятствия, а затем при помощи длинных (до ста футов) факелов, пропитанных кунжутным маслом, расплавить большую часть цепей, чтобы те упали в реку. После этого армада джонок Вэй спустилась вниз по течению Янцзы и весной 280 года вынудила капитулировать царство У.

Однако еще до этих событий была свергнута династия Вэй, основанная Цао Пэем. После нескольких лет внутренних распрей с интригами и убийствами в 265 году на трон царства Вэй взошел представитель одного из влиятельных семейств, Сыма Янь, основавший новую династию Цзинь.

После подчинения двух других царств династия Цзинь из своей столицы Лоян номинально правила всем Китаем, но это была лишь иллюзия. Во-первых, центральное правительство почти не контролировало даже бывшее царство Вэй. Император издал указ о всеобщем разоружении, чтобы восстановить экономику, пострадавшую в результате многолетних войн, — металл из переплавленного оружия предполагалось пустить на чеканку монет. Однако даже в имперской

армии было собрано очень мало оружия, а многие местные князья не обеспечили исполнение императорского указа — их отряды в массовом порядке поставляли оружие сюнну в обмен на земли для себя и своих семей; нехватка металлических денег ощущалась на протяжении шести столетий, и товарообмен велся на основе бартера. Сюнну поощряли приток крестьян на свои земли, потому что те обеспечивали армию продовольствием, а также с готовностью покупали оружие.

Окрепнув в экономическом и военном отношении, сюнну были готовы к новым завоеваниям. И действительно, на протяжении двух следующих веков история северных районов Китая — это история приграничных кочевых племен, а не китайцев. Эти так называемые варвары объединялись в разнообразные племенные союзы пестрого этнического состава. Кроме союзов сюнну, или гуннов, на обширной территории от северного Китая до Центральной Азии возникали конфедерации монгольских, тюркских и тибетских народов.

Князья царства Вэй соперничали друг с другом, нередко заключая союзы с варварами, и это привело к быстрому крушению власти Цзинь. В период с 300 по 306 год были убиты шесть пре-

тендентов на трон. Беспорядки в столице и ее окрестностях вызвали новую волну миграции. Некоторые крестьяне бежали на северо-восток, в современную провинцию Ганьсу, где дееспособное правительство проводило взвешенную экономическую и административную политику, добившись независимости как княжество Лян. Другие крестьяне и многие мелкопоместные дворяне двинулись на юг, в бывшее царство У. Здесь в 317 году беглый князь из дома Цзинь, обосновавшийся в Нанкине, основал первую династию южного Китая, получившую название Восточная Цзинь. Третий поток крестьян и ремесленников двигался на север, объединившись с мелкопоместным дворянством, которое утратило влияние и страдало от непрерывных войн.

Эти мелкопоместные дворяне находили особенно радушный прием у гуннов, вождь которых Лю Юань, подобно многим вождям гуннов, получил образование в Китае. Он ввел при своем дворе китайский церемониал и рассчитывал, что кочевники начнут по примеру китайцев возделывать землю. Совпадение названия его рода с фамилией правителей из династии Хань, а также многочисленные браки вождей сюн-ну с китайскими принцессами дали ему право объ-

явить себя законным наследником Ханьской династии и «восстановить» империю Хань; его честолюбивые планы простирались еще дальше — стать императором всего Китая.

Лю Юань напал на ослабленное царство Цзинь, а уже после его смерти гунны захватили Лоян и Чаньань, свергнув императора Цзинь. Это произошло в 316 году, через четыре года после того, как римский император Константин принял христианство, что оказало огромное влияние на весь западный мир. Сюннская династия Хань затем была переименована в династию Младшая Чжао, и ее власть распространялась на западную часть северного Китая, за исключением анклава Ганьсу (княжество Лян). Восточная часть страны оказалась под властью бывшего сторонника Лю Юаня, некоего Ши Лэ, который бежал из Китая, спасаясь от рабства. Этот человек, возглавивший гуннов, которые придерживались традиционного образа жизни воинов-кочевников, возглавил поход на юг и уничтожил около ста тысяч китайцев, в том числе сорок восемь китайских князей. В 329 году он захватил всю территорию Младшей Чжао, основал собственную династию Старшая Чжао и подчинил себе весь север Китая за исключением княжества Лян в Ганьсу, которое сохраняло неза-

висимость еще пятьдесят лет.

Теперь Китай состоял из северной империи, расположенной к северу от Хуанхэ и управлявшейся династией Старшая Чжао, а также южной империи в бассейне реки Янцзы и южнее, находившейся под властью династии Восточная Цзинь. Режим Ши Лэ в северной империи был нестабилен. Пытаясь утвердить свою власть, он уничтожил всю семью Лю, но бывший раб не мог завоевать уважение в жестком иерархическом обществе гуннов, а также среди тюркских союзников. Многие уходили в небольшое царство Тоба, населенное тюркскими и монгольскими племенами, мигрировавшими с северо-востока, с земель, расположенных между современной Монголией и Маньчжурией. Тоба находилась к северу от современной провинции Шанси, и о ней было хорошо известно. Другие подданные Ши Лэ продолжали кочевать вместе со стадами вдали от двора, который при наследнике Ши Лэ, Ши Ху, сохранял свою пышность. При дворе было полно иностранцев, особенно буддийских монахов, которые играли важную роль в управлении государством. Однако после смерти Ши Ху его сыновья перессорились друг с другом, и в 352 году династия Старшая Чжао была свергнута

монголами.

Монголы возродили государство Янь на севере Маньчжурии (покоренное царством Вэй за сто лет до того) и завоевали Корею, разбогатевшую на торговле с Японией. Однако в центральных и западных районах северного Китая их власть была непрочной. Им угрожали постоянные вторжения тибетских племен, которые в конечном счете вытеснили монголов и основали свою династию, получившую название Младшая Цинь.

Власть лидера тибетцев Фу Цзяня основывалась не на племенных, а на военных союзах. Он собрал не только конницу, но и огромную армию пехотинцев, в которую рекрутировал большое количество китайцев, имевших опыт в осаде городов на равнине. Он завоевал государство Янь, затем тюркское царство Тоба и наконец западное китайское царство Ранняя Лян, подчинив себе весь северный Китай, в том числе древние столицы Лоян и Чаньань. Получивший образование в Китае, Фу Цзянь пригласил ко двору многих китайцев и стремился сделать китайскую культуру доминирующей во всей стране. Подобно гунну Лю Юаню, за полвека до него он мечтал сделать свою династию Младшая Цинь властительницей всего Китая и в 383 году отправил миллионную

армию на завоевание южной империи. Получив отпор, он в панике бежал. По возвращении сам Фу Цзянь и большинство членов его семьи были убиты.

После смерти Фу Цзяня северная империя быстро распалась на несколько мелких государств, и этот период китайские историки называют эпохой шестнадцати царств. За небольшим исключением все они просуществовали недолго и не оставили заметного следа в истории. Некоторые из них, особенно на востоке, жили войной, тогда как западные царства специализировались на торговле с Центральной Азией. Гунны, монголы и тибетцы под предводительством многочисленных вождей грабили северные равнины. Они объединялись в пестрые по своему составу племенные союзы, которые так же быстро распадались; тибетцы как этническая группа исчезли совсем, а гунны деградировали в не имевших своей государственности пастухов, населяющих район плато Ордос. И наоборот, повинуясь приливам и отливам в исторической судьбе народов, маленькое тюркско-монгольское царство Тоба возродилось после поражения, нанесенного ему тибетцем Фу Цзянем, и постепенно начало расширять свою территорию.

Китай переживал период «темного средневековья», когда его северная часть стонала под пятой сменявших друг друга иноземных захватчиков, а исповедовавшая конфуцианские принципы аристократия, а также поэты, художники и ремесленники находились в опале. Некоторые служили при том или ином иноземном правителе, но большинство сторонилось государственной службы. Торговцы, известные своим умением приспосабливаться к обстоятельствам, изо всех сил боролись с обрушившимися на них трудностями, а крестьяне — те, кто смог избежать рабства и принудительной военной службы, — продолжали дело своих предков, терпеливо возделывая землю. В северной империи этот период не отмечен особыми достижениями китайской культуры и цивилизации, но для него характерно широкое наступление буддизма.

Для представителей высших классов китайского общества, в большинстве своем исповедовавших конфуцианство, буддизм был непривлекателен. Он имел явную антисемейную направленность — в том смысле, что истинным буддистом считался монах, который покинул семью ради жизни в монастыре, что противоречило традиции сыновнего послушания. Истинный

буддист должен был отказаться от плотской любви, которая служила основой продолжения рода. Изображения Будды, сделанные по индусским канонам красоты, изложенным в священных текстах, считались противоестественными и уродливыми, а одежда буддистов, оставлявшая оголенным одно плечо, нескромной. Что касается буддийских концепций, то самым странным считалось представление о том, что мир — порождение нашего воображения, и также понятия греха и наказания за грехи.

Тем не менее для большинства простых людей буддизм имел много привлекательных черт. Так, например, из буддийского учения следовало, что притеснявшие бедняка начальники в будущей жизни займут низшее положение, а сам терпевший несправедливость человек в своей следующей инкарнации будет иметь высокий ранг и насладится благодействием. Торговцы тоже благоволили буддизму — получив разрешение использовать буддийские монастыри в качестве банков и складов, они дарили монахам деньги и земли, а от них узнавали о разнообразных финансовых инструментах, практиковавшихся в Индии, таких как ссуда под обеспечение, аккумулирование капитала при помощи акционерных

обществ, аукционы и даже лотереи.

Отказ аристократии от государственной службы привел к тому, что ко двору стали приглашать других образованных людей, буддистов из Индии и Центральной Азии. Они использовали свое влияние для религиозной пропаганды и перевели многие буддийские тексты на китайский язык. Для передачи новых индийских понятий была использована знакомая терминология даосизма, что делало эти две религии похожими для непосвященных и способствовало лучшему усвоению буддизма. По странному совпадению именно в тот период, когда буддизм проникал во все уголки Китая, христианство завоевывало Европу.

Вернемся, однако, к царству Тоба — больше тюркскому, чем монгольскому, — продолжавшему расширять свои владения от большой излучины Хуанхэ, которая несла свои воды на юг, а затем резко сворачивала на восток. К нему присоединились многие племена гуннов и еще больше монгольских племен, и к 409 году возникла необходимость в покорении Поздней Янь, чтобы захватить плодородные равнины на востоке. На протяжении следующих трех десятилетий царство Тоба укреплялось, завоевывая государства на севере и западе, а также захватив часть

южных провинций и разрушив древнюю столицу Лоян. К 440 году под властью кочевников из Тобы находился весь северный Китай, и это была самая мощная держава на всем Дальнем Востоке. Что касается самого царства Тоба, оно просуществовало еще сто лет под именем Северная Вэй, став предшественницей Оттоманской империи, которую основали ее далекие потомки много столетий спустя. Этот же век стал свидетелем крушения Римской империи, когда гунн Аттила — до него вестготы разграбили Рим — обрушился на Балканы, Галлию и Италию.

Поначалу наибольшим влиянием в Тобе пользовались буддисты — чужеземные монахи при дворе императора Тобы относились к правителю как к воплощению Будды, что приравнивало его к китайским императорам, почитавшимся как Сыны Неба. Он назначал одного из буддийских монахов главой официальной церкви, которой делались богатые пожертвования. Кроме того, правитель выделял государственных рабов — преступников и членов их семей — для работы в храмах и на монастырских землях, что еще больше укрепляло экономические позиции буддистов.

У всех тюркских народов есть миф о том, что

их предки пришли в этот мир из священной пещеры. При помощи полученных от императора денег буддисты решили воспользоваться этим мифом и приступили к осуществлению грандиозного проекта — созданию гигантского комплекса храмов в трех местах неподалеку от столицы Тобы Пинченга на севере провинции Шаньси. В этих местах плоская равнина сменяется зеленой долиной реки, по берегам которой вздымаются крутые утесы из песчаника. Монахи вырезали в мягком камне маленькие кельи и молились Будде — с течением времени здесь накопились десятки тысяч его изображений в виде каменных бюстов и барельефов, а также росписей на потолках келий. Одни изображения не превышали нескольких дюймов в длину, а у других только размер ушей достигал девяти футов.

Тем не менее буддизм не смог прочно закрепиться при дворе императора Тобы. Китайское влияние постепенно стало преобладающим. Стычки на южных границах практически не прекращались, но окончание военных кампаний, обеспечивших гегемонию Тобы, привело к прекращению потока военной добычи, обеспечивавшего роскошную жизнь правящему классу. Более того, в Тобе сократилось поголовье

скота — так, например, в военных действиях против южных соседей почти не использовалась конница. Многие племенные вожди и знатные семьи погибли во время войн. По мере того как редел и беднел высший класс Тобы, китайская аристократия из сельских поместий богатела и приобретала все большее влияние при дворе и даже в военном деле, поскольку они были специалистами по строительству укреплений и по использованию пехоты. Знать Тобы, постепенно терявшая могущество и ассимилировавшаяся в результате браков с наследниками богатых китайских семей, окончательно утратила влияние после того, как китайцы при дворе императора уговорили правителя перенести столицу на юг, в древний Лоян. Ради защиты Лояна был предпринят военный поход против империи Восточная Цзинь, в результате чего южная граница Тобы отодвинулась до реки Янцзы. В итоге стада Тобы утратили свое значение, поскольку находились слишком далеко от рынков сбыта, а племенная знать, переселившаяся в Лоян, оказалась ненужной, так как все главные посты в государстве были заняты китайцами.

И действительно, после 490 года на севере Китая запретили использовать кочевые языки,

одежду и обычаи. Китайский язык стал государственным, а император Вэй-ди (467–499 гг.) считал себя китайцем. Он объявил себя императором всего Китая, а южную империю Восточная Цзинь рассматривал как мятежную провинцию, против которой сражалась его армия — правда, без особого успеха.

Переезд в Лоян явился свидетельством заката аристократии Тобы и возрождения китайской знати, вместе с которой вернулось конфуцианство, сменившее буддизм в качестве официальной религии. Восстановление города стало самой яркой страницей в столетней истории Тобы. За девять лет столица поднялась из руин и засияла во всем великолепии.

На площади в пятьдесят квадратных миль были выстроены многочисленные государственные учреждения, гостиницы, монастыри, зернохранилища, рынки и мастерские, дворцы, жилые дома и другие здания для жителей столицы, численность которых превышала шестьсот тысяч человек. Беспрецедентная планировка города привела к появлению регулярной сети улиц как внутри древних городских стен — отстроенные заново, они поднимались на высоту двадцати футов, а их толщина достигала ста футов, — так

и снаружи. Весь город был поделен на двести обнесенных стенами районов. Многие из этих районов населяли люди определенной профессии, например мясники, торговцы, музыканты, певцы, пивовары, гробовщики (они утверждали, что из потустороннего мира пришел призрак знатного рода и предупредил о незавидной судьбе тех, кого похоронят в дешевом деревянном гробу). Питьевую воду добывали из колодцев, но в императорских парках и озерах были проложены подземные каналы, облицованные каменной плиткой и подводившие воду к дворцам. Разнообразные продукты поступали из окрестных деревень, причем зерно мололи на водяных мельницах. Город процветал. Многие из его дворцов отличались необыкновенной роскошью, и в них жили очень богатые люди — так, например, один из принцев царского рода имел шесть тысяч рабов, а в его гареме жили пятьсот наложниц. Самым впечатляющим сооружением в городе была пагода — вклад буддизма в китайскую архитектуру. Пагода Юн-мин достигала почти четырехсот футов в высоту и была увенчана девяностофутовым шпилем. Самую широкую улицу города с двух сторон обрамляли каналы с водой, и она носила название Улицы бронзовых

страусов, потому что на всем протяжении ее украшали бронзовые фигурки страусов и других животных. По любым меркам превращение руин в огромный цветущий город в течение одного десятилетия — поразительное достижение.

Заслуживают внимания еще два достижения китайской культуры за столетний период правления тюркской династии. Во-первых, это введение уравнительной системы распределения земли: формально вся земля принадлежала государству, но каждый мужчина и каждая женщина имели право на пожизненное пользование определенным наделом, а после смерти хозяев земля перераспределялась; исключение составляла лишь земля, предназначенная для посадки тутовых деревьев, необходимых в производстве шелка. Этот закон просуществовал — чаще нарушаясь, чем соблюдаясь — целых три столетия и явился воплощением непрекращающихся попыток справедливого раздела земли между крестьянами, характерных для всей китайской истории.

Второе достижение империи Тоба — формальное признание традиционного разделения общества на два класса, свободных граждан (знать и свободные крестьяне) и простолюдинов.

Класс простолюдинов состоял в первую очередь из семей, фамилии которых отражали род их занятий — могильщики, пастухи, почтальоны, гончары, прорицатели, лекари, музыканты и так далее. Во-вторых, к простолюдинам причислялись семьи крепостных, которые по наследству переходили к представителям аристократии, слуги, которые обычно были потомками рабов и три месяца в году работали на государство, и, наконец, государственные и частные рабы, считавшиеся собственностью и принуждаемые вступать в брак для получения потомства. Жизнь всех этих категорий простолюдинов регулировалась специальными законами, и они не имели права вступать в брак между собой или усыновлять детей. Что касается высшего класса, то каждая семья принадлежала к определенному рангу, в соответствии с которым ее члены могли занимать государственные должности, также разделенные на девять рангов, — непрекращающиеся войны давно разрушили систему экзаменов, и считалось, что чем выше ранг человека, тем лучше его образование. Представители высшего класса старательно записывали свою генеалогию, чтобы надежно обосновать претензии на высокие посты, и предпочитали вступать

в брак с представителями — по меньшей мере — того же ранга. (Эта система рангов была позаимствована у империи Тоба японцами.)

Приблизительно с 20-х годов VI века империя Тоба начала рушиться. Обедневшие остатки кочевых племен поднимали восстания в районе плато Ордос и Шаньси, причем во время одного из мятежей они захватили столицу, убив несколько тысяч китайцев и их сторонников из числа кочевников, а затем отступили. Группировки внутри племен, военные клики и военачальники вели кровавые битвы между собой, многие императоры были убиты, а величественный Лоян постепенно превращался в руины. Перед последним набегом тысяча солдат не смогла потушить охваченную огнем пагоду Юн-мин, и за ее гибелью со слезами наблюдало все население города. Два монаха не вынесли этого зрелища и бросились в огонь, пожертвовав жизнью.

К 550 году империя раскололась на два враждующих государства, восточное и западное, известные под названием Северная Ци и Северная Чжоу. Император Северной Чжоу запретил и буддизм, и даосизм, закрыв все храмы этих религий. Около сорока лет царства сражались друг с другом, а также с кочевавшими в степях

гуннами, монголами и тюрками. В конечном счете Северная Чжоу не только победила Северную Ци, но и при помощи интриг подчинила себе южную империю, завладев большей частью ее территории. Несмотря на то что Чжоу являлась наследницей империи Тоба, в 581 году представитель китайской знати Ян Цзянь уничтожил всю царскую семью и объявил себя императором, став первым правителем династии Суй. После этого он обратил свой взор на юг, к тому, что осталось от южного царства.

Прошло больше двух с половиной веков после того, как в 317 году на юг бежал принц из гибнущей династии Цинь, которая сменила династию Вэй в период Троецарствия, наступивший после эпохи Хань. Все это время на севере Китая владычествовали чужаки — или варвары, как выразились бы китайцы, — но юг продолжал ханьские традиции и сыграл важную роль в сохранении китайской цивилизации. Именно здесь сформировалась самая утонченная на Дальнем Востоке культура.

Беглый принц объявил себя императором Юань-ди, первым из династии Восточная Цинь. Многочисленные аристократы и чиновники, бежавшие вместе с принцем, быстро завладели

землей и, как все иммигранты до них, богатели благодаря плодородию долины Янцзы и развитию торговли в столице империи Нанкине, куда стали стекаться купцы и посланники со всего мира. На рисовых полях в громадных поместьях работали китайские иммигранты и ассимилировавшиеся местные жители. Здесь были громадные фруктовые сады и роскошные здания; жилища знати нередко оборудовались водяным охлаждением и были окружены искусственными прудами для развлечений и разведения рыбы, искусственными каналами и горами, бамбуковыми рощами и парками, изобиловавшими попугаями, утками и разнообразными животными.

Во дворцах и при дворе императора собирались ученые, художники и поэты. В элитных «салонах» отшлифовывалось искусство утонченной беседы — в традициях даосизма отточенная мысль должна была выражаться совершенным языком в наиболее лаконичной форме, — получившей название «чистой беседы». Многие аристократы владели большими коллекциями произведений искусства, и огромное внимание уделялось ландшафтной архитектуре. В культурной жизни господствовала эстетика.

Направление развития указывала каллигра-

фия. Официальный угловатый шрифт, просуществовавший до конца династии Хань, сменился округлым стилем, что пышно расцвел за очень короткое время, породив технические приемы и стандарты, которые оказывали влияние на живопись на протяжении многих столетий. Этот стиль был подсказан даосизмом, предлагавшим уход от превалирующей в мире нестабильности при помощи понятия вечности. В изобразительном искусстве и литературе строгие конфуцианские понятия морали уступили место реализации эстетического воображения. Появились книги о загадочном поэтическом вдохновении, пропагандировавшие не связанные с моралью принципы, по которым следует оценивать живопись. Одна из самых известных работ, излагавших подобные взгляды, носит название «Шесть принципов» и предлагает критерии оценки живописных произведений: отражение художником космической энергии, визуализирующей все вещи, изящество мазка, точность передачи формы, цвета и соотношения частей, уважение традиций. Новых высот достигла пейзажная живопись — впервые в мире — на свитках и ширмах, а также портрет. Почти все эти произведения не сохранились, но лежащие в их основе идеи, и особенно первый из

шести принципов, вдохновляют и современных китайских художников.

Военный чиновник — дух дверей. Собрание Г. Лю-Кандарели

В литературе наибольшего уважения последующих поколений добился Тао Юань-мин. Он происходил из мелкопоместного дворянства и занимал различные должности на государственной службе, а в свободное время занимался своими садами и полями, куда в конечном счете и удалился, уволившись со службы. К этому решению он постоянно возвращается в своих поэмах, пытаясь оправдаться, рассказывая, какое удовлетворение принес ему этот шаг, и восхваляя аристократов прежних дней, которые поступали точно так же. Он славил частную жизнь, противопоставляя ее требованиям общества. Его работы служат образцом простоты — пример тому стихотворение «Возвратился к садам и полям», где он рассказывает:

С самой юности чужды мне созвучия шумного мира,

От рожденья люблю я этих гор и холмов простоту.

Я попал по ошибке в пылью жизни покрытые сети,

В суету их мирскую —

мне исполнилось тридцать тогда.

Даже птица в неволе затоскует по старому лесу,

Даже рыба в запруде не забудет родного ручья[6].

Его перу также приписывают сборник рассказов о чудесных или необычных явлениях. Такие сборники получили широкое распространение. Многие из них имели буддийскую окраску, поскольку буддийские монахи привезли рассказы о животных из Индии. Со временем из них исчезли сцены, где животные разговаривают друг с другом, потому что китайцы полагали, что животные не владеют речью, а детей обманывать нельзя — исключение составляют лишь случаи обращения животных к человеку, причем это животное является духом, который, по убеждению китайцев, может говорить на человеческом языке.

Знать исповедовала конфуцианство, но была очарована буддизмом, который получил широкое распространение. Особой популярностью пользовались школы медитации, по своей

---

[6] Примечания: 6
Перевод Л. Эйдлина.

идеологии близкие к даосизму и впоследствии названные японцами *дзэн*. Активно переводились священные тексты из Индии и Центральной Азии, которые привозили монахи, с начала V века отправлявшиеся в паломничество по святым местам. В некоторых трактатах излагались индийские системы логики и филологии; переводились также книги по математике, астрологии, астрономии и медицине.

Тем не менее высочайшие достижения южного Китая в интеллектуальной и художественной сферах в период с IV по VI век н. э. резко контрастируют с событиями политической истории, которая представляла собой непрерывную борьбу за власть среди высших слоев общества. В политике сталкивались семьи аристократов, заключавшие между собой союзы посредством браков. Враждующие партии стремились захватить власть в государстве, вводя в состав правительства как можно больше сыновей, двоюродных братьев, племянников и приемных детей, а также отдавая в гарем императора дочь — а в отсутствии дочери девушку незнатного рода, полностью зависимую от них. Эти девушки приводили во дворец своих слуг, которые играли роль шпионов, а также пытались повлиять на

императора. Незнатные члены той или иной партии, к которым относились крепостные, советники и учителя, объединялись с людьми аналогичного статуса из других семей партии и выполняли тайные поручения — подкупали чиновников, а иногда и убивали врагов. Чем многочисленнее была партия, тем лучше она была защищена, поскольку при неудаче в политике удавалось сохранить жизнь и собственность большей части ее членов. В те времена — да и сегодня тоже — в политике имела значение не идеология, а персональный состав той или иной партии, а также близость к руководству.

Можно привести мрачный список интриг, убийств и военных кампаний в борьбе между партиями и с внешними врагами, тогда как императоры, которых сажали на трон, свергали или убивали, не являлись самостоятельными политическими фигурами. Часто императорами становились дети, а взрослые больше интересовались вином и женщинами, а не государственными делами. За сто лет после Юань-ди, основателя династии Восточная Цинь, на троне Нанкина сменились не менее десяти императоров. Этот период отмечен вторжением миллионной армии тибетского правителя северной империи, а так-

же несколькими мощными восстаниями, среди которых выделяется мятеж 400 года, когда крестьяне южного побережья и внутренних районов восстали против угнетения и эксплуатации. Их протест привел к образованию тайного общества, похожего на движение «желтых повязок» двумя веками раньше.

В 420 году военачальник по имени Ю Люй убил императора-марионетку и — поскольку сам принадлежал к царскому роду — объявил себя первым императором династии Сун, которую обычно называют династией Люй-Сун, чтобы отличить от последующей династии Сун. Война между северной и южной империями практически не прекращалась, и самым серьезным можно считать обострение 450 года, когда империя Тоба, чтобы защитить новую столицу Лоян, захватила большой кусок южных территорий. Несколько десятилетий спустя восстание местных князей привело к провозглашению императором полководца Сяо Дао-Чэна, который сначала убил правящего императора, а затем и его юного наследника.

После его восшествия на трон династия Люй-Сун сменилась династией Южная Ци, и многие из недовольных или лишившихся собственности

аристократов бежали — как это бывало после всех дворцовых переворотов — на север, что привело к новым атакам со стороны империи Тоба Закат династии Южная Ци начался в 494 году, когда власть захватил один из принцев, сначала убивший императора, а затем уничтоживший всю свою семью, чтобы никто не смог претендовать на трон. После его смерти в результате конфликта между дальними родственниками трон занял один из них, Сяо Янь (502 г.). Он взял себе имя У-ди и основал династию Лян.

Любитель литературы и буддизма, У-ди продержался на троне необычно долго, целых сорок семь лет, пока не пал от руки вождя из рода Тоба, возглавившего один из мятежей, обычных для эпохи заката империи Тоба. Этот человек впоследствии сам занял трон в Нанкине, но ненадолго — китайская армия разгромила его и восстановила династию Лян. Новый император и его сторонники пришли из верховьев Янцзы и считали, что Нанкин расположен слишком далеко от их поместий. Поэтому столицу перенесли в Ханькоу, в трехстах милях к западу, но венное командование осталось в Нанкине, в результате чего южный Китай разделился на две части, восточную и западную.

В 555 году армия Северной Чжоу, государства, образовавшегося после распада империи Тоба, вторглась на юг, поддерживаемая одной из соперничающих партий. Ханькоу был захвачен, и вассальным императором стал принц из рода Чжоу; его династия получила название Поздняя Лян. На востоке через год или два императором был провозглашен один из нанкинских военачальников; его династия называлась Чэнь. Обе династии, Поздняя Лян и Чэнь, просуществовали не более двух десятилетий. В 589 году они были уничтожены тем же самым Ян Цзянем, который покорил север Китая и основал династию Суй. Через триста шестьдесят лет страна вновь объединилась: династия Суй правила всем Китаем, от Вьетнама и Тайваня на юге до Ташкента в Центральной Азии. Дальнейшая история — это повесть о жизни отца и сына.

Глава 15. Суй (581–618 гг.)

Ян Цзянь, ставший владыкой всего Китая, происходил из аристократической семьи, владения которой располагались между Лояном и Чаньанью. Он сделал карьеру на военном поприще, занимая различные командные посты в Северном Чжоу. Коротконогий, с непропорционально широкой талией, суровый и резкий в обращении, скупой, лишенный обаяния и привлекательности, подверженный припадкам ярости, он оказался удивительно искусным правителем — несмотря на то, что занял трон в результате жестокой борьбы за власть и многочисленных убийств. Ян Цзянь взял себе тронное имя Вэйди. Он был необыкновенно счастлив в браке, и жена, ассимилировавшаяся сюнну, разделяла его буддийскую веру, пуританские взгляды и приверженность моногамии. В их уникальный союз — брачный и государственный — она привнесла рассудительность и здравый смысл, хотя иногда и проявляла упрямство, характерное для женского пола. Императрица плакала каждый раз, когда слышала о казни, но когда муж захотел

помиловать одного из ее родственников, совершивших преступление, наказуемое смертью, она сказала: «Это чисто государственное дело. Зачем примешивать к нему личные мотивы?» И преступник был казнен.

Вскоре Вэй-ди основал новую столицу. После обязательного обращения к прорицателям было выбрано место к юго-востоку от Чаньани, и в полном соответствии с имперскими традициями там построили город, ставший одной из архитектурных жемчужин той эпохи. Столица была названа Да-син («Великое возрождение») и занимала более тридцати квадратных миль; в центре города располагался обнесенный стеной дворцовый комплекс с огромным залом приемов.

Вэй-ди отменил закон Северной Чжоу, запрещавший буддизм и даосизм. Он основал множество буддийских храмов и поддерживал образованных и дисциплинированных монахов, которые занимались благотворительной деятельностью, проводили религиозные церемонии во славу империи, молились о дожде или его прекращении, просили благословения у предков императора. Тем не менее он не осуждал даосизм, буддийская форма которого формировалась на протяжении столетия, в результате чего Лао-цзы

превратился в главное божество и появились храмы, монашеские ордена, святые места и священные тексты. Но в том, что касалось управления страной, Вэй-ди твердо придерживался конфуцианских принципов с их проповедью послушания, что так импонировало солдатскому мышлению императора. Именно конфуцианство лежало в основе масштабной политической реформы, проведенной в эпоху династии Суй и принесшей спокойствие, единообразие и стабильность на территорию огромной империи, терзаемой бесконечными войнами, соперничеством провинциальных кланов, коррупцией и даже разнообразием диалектов.

Прежде всего требовалось создать дееспособное центральное правительство. Оно имело следующую структуру: верхний эшелон власти состоял из трех «наставников» и трех «герцогов», у них в подчинении находились три министерства, в которых была сосредоточена вся реальная власть, управление имперских дел, канцелярия и дворцовый секретариат. Управление имперских дел состояло из нескольких управлений: чинов, налогов, обрядов, военных дел, наказаний и общественных работ; к другим важным подразделениям относились цензурное управление,

главная инспекция водоснабжения и девять «дворов» — двор императорских жертвоприношений, двор императорских пиров, двор императорского рода и так далее. Глава каждого подразделения, как и любой государственный служащий, имел определенный ранг, форму одежды, жалованье и привилегии. Ядро правительства составляли жесткие и безжалостные люди, многие из которых были чужеземцами из остатков северных империй, где когда-то правили уроженцы степей. Кандидатов на высшие должности рекомендовал императору совет из высокопоставленных сановников, а государственных служащих низшего ранга отбирало управление чинов.

Это управление совершило настоящую революцию в провинциальных органах власти, которые до того оставались вотчиной местной знати. Гражданское управление было восстановлено в тех областях, которые ранее находились на военном положении. Все чиновники были поделены на девять рангов (в соответствии с численностью населения префектуры или провинции), которые определяли размер жалованья — его выплачивали ковшами зерна два раза в год, — а расходы оплачивались из дохода от принадлежавших государству полей. Срок пребывания в долж-

ности ограничивался тремя годами; повторное назначение не допускалось, и чиновник не мог принимать на службу близкого родственника, дабы исключить неуместное влияние. Цензурное управление и инспекторы из столицы тщательно проверяли деятельность властей на местах, став глазами и ушами императора, который позволял своим тайным агентам искушать чиновников взятками и приговаривал к смерти всякого, кто не устоял перед искушением. Сам император, отказавшись назначать канцлера и лично выполняя большую часть его обязанностей, внес существенный вклад в достижения империи, уделял много внимания наведению порядка на местах. Более того, три раза в год три представителя каждой из ста девяноста префектур, на которые была поделена страна, должны были являться в столицу для проверки действий местных властей, за чем следовала раздача наград или наказаний. Кроме того, они удостаивались аудиенции у императора, который напоминал им о честности и других обязательных принципах конфуцианства.

Неутомимое стремление императора Вэй-ди к реформированию государства имело два основных направления. Во-первых, это стремление

сформировать класс компетентных государственных служащих, которые набирались из всех слоев населения, независимо от национальности, региональных или классовых различий — за исключением торговцев и ремесленников. Возродилась практика экзаменов, в основе которых лежало знание классических канонов; поддержка оказывалась людям с высокими моральными качествами, а не тем, кто мог похвастаться знатным происхождением. Другое направление деятельности Вэй-ди — новый свод законов, состоявший из 1735 статей и вышедший в свет через пятьдесят лет после появления свода законов византийского императора Юстиниана, заложившего основы западной юриспруденции. Несмотря на то что в новом законодательстве запрещались такие наказания, как публичная демонстрация отрубленных голов, расчленение тела и порка, в нем все же чувствовалась приверженность букве закона, характерная для мышления императора. Так, например, вор, укравший незначительную сумму, мог быть приговорен к смертной казни — как и чиновник, совершивший мелкий проступок, не донесший о преступлении или принявший небольшое подношение. Вэй-ди признавал конфуцианскую

идею о ненужности законов при наличии добродетельного правителя: «Возможно, недалеко то время, когда оно [уголовное право] будет провозглашаться, но не применяться. Пусть тысяча провинций и несметное число князей узнают об этих наших намерениях». Разумеется, такие времена никогда не наступили, и основы свода законов Суй просуществовали многие века. Кроме того, был разработан подробный табель о рангах, куда были занесены чиновники всех без исключения государственных учреждений — земельных, налоговых и т. д., — чтобы все точно представляли, что от них требует закон.

В области военного строительства Вэй-ди также ввел жесткий контроль центральных властей. Все оружие, за исключением того, что находилось в армии, было объявлено незаконным, а его частное производство запрещено. Военные зоны были демилитаризованы, а местные отряды напрямую управлялись из штаб-квартиры в столице. Привилегии аристократов в военной карьере уступили место таланту и заслугам, а полномочия гражданской администрации были четко очерчены законом, что исключало какое-либо вмешательство со стороны армии. Значительная часть необыкновенно эффектив-

ной военной машины империи Суй требовалась для сдерживания непрекращающихся набегов варваров на севере страны, где под защитой Великой Китайской стены были основаны колонии, которые поставляли продовольствие для армии, а сама Великая Китайская стена была отремонтирована и продлена — результат принудительного труда миллионов человек из числа местного населения. Карательные экспедиции далеко на восток, в современную Маньчжурию, а также на юг, во Вьетнам, не всегда приносили успех, но в целом спокойствие в империи удавалось поддерживать умелым сочетанием военных и дипломатических мер, в число которых входило и восстановление системы уплаты дани.

Все это способствовало процветанию империи Суй. Система распределения земли, аналогичная существовавшей в империи Тоба, обеспечивала обилие сельскохозяйственной продукции, а также приток налогов в виде зерна и текстиля. Система продовольственных запасов включала в себя пять главных зернохранилищ, в которых скопилось до пяти миллионов бушелей зерна, собранных государством в виде налогов.

Со временем Вэй-ди и его супруга поддались паранойе — совершенно необоснованной — от-

носительно готовившихся против них заговоров. В число подозреваемых вошли и их дети, и император нашел поводы, чтобы лишить наследства, казнить или каким-либо другим способом отстранить от власти пятерых сыновей. Исключение составлял лишь второй сын, любимец императора Ян Гуан. Именно он в 604 году после смерти отца — мать умерла на два года раньше — стал вторым императором династии Суй, взяв себе тронное имя Ян-ди.

На посту наместника Юга, который пожаловал ему отец, он уже многое сделал, чтобы искоренить враждебность южных провинций по отношению к северным, которая накопилась в результате многовекового конфликта, а также умерить презрительное отношение южан к северным «варварам». Снижение налогов, казнь притеснявших простой народ чиновников, великодушие к потерпевшим поражение полководцам, поддержка и буддизма, и даосизма — все это приносило плоды. Кроме того, он женился на южанке, образованной и тонко чувствующей девушке, обладавшей литературным талантом; уважение и любовь к ней он пронес через всю жизнь.

Тем не менее женитьба не спасла его — если

верить китайским историкам — от распутства. Поскольку мандат Неба был отобран у Ян-ди и за ним закрепилось унизительное прозвище «губитель династии», историки не брезговали подлогом и подтасовкой фактов, чтобы его очернить. Что бы ни говорили о похотливости императора, он был тонким поэтом и прозаиком, ценителем прекрасного и поклонником эстетики, характерной для старой южной империи. Однако обвинения в расточительстве, резко контрастировавшем с экономностью его отца, вполне обоснованы. Он любил пышность и показуху. Выбрав цвета и наряды для своего двора, Ян-ди приказал восстановить Лоян, лежавший в развалинах после длительных войн. Город был отстроен с необыкновенной роскошью и стал третьей столицей страны — наряду с Дасином его отца и Нанкином, где располагался двор. Пышные императорские процессии постоянно курсировали между этими городами, а также добирались до самых дальних уголков страны, в том числе до новых храмов и нескольких святых мест, где император совершал торжественные жертвоприношения и молился о благополучии страны.

Эти постоянные переезды в сопровождении

сотен чиновников и помощников обходились невероятно дорого. В сочетании с ненавистью к повседневным делам они расшатывали структуры централизованного управления, созданные его отцом, и после казни трех видных государственных мужей Ян-ди стал окружать себя льстецами и лизоблюдами, которые изолировали его от реальности. Тем не менее правление императора Ян-ди отмечено серьезным достижением — широкомасштабными работами по прокладке сети каналов, начатыми еще при его отце. Это позволило значительно улучшить систему транспорта и связи в центральных районах Китая.

Новый канал соединял восстановленные старые каналы и реки, протянувшись на несколько сот миль на северо-запад от современного Гуанчжоу до реки Янцзы; следующий отрезок, длиной более семисот миль, выходил к Хуанхэ в окрестностях Лояна, а последний пятисотмильный участок шел на северо-восток, заканчиваясь неподалеку от Пекина. На строительство Великого Императорского канала, продолжавшееся шесть лет, были мобилизованы более пяти миллионов человек, и при нехватке мужчин власти впервые в истории Китая привлекали к принудительным работам женщин. Уклонявшимся от мобилиза-

ции отрубали голову, а нерадивых работников ждали суровые наказания. Такие грандиозные проекты, как прокладка Великого Императорского канала и строительство Великой Китайской стены, не имеют себе равных в человеческой истории. Вдоль берегов канала были проложены дороги, обрамленные вязами и ивами, а между почтовыми станциями появились императорские домики — на участке, соединяющем Янцзы с Хуанхэ, их насчитывалось сорок. Именно по этой ветке канала по завершении строительства проплыла пышная императорская процессия: сам Ян-ди располагался на четырехпалубной джонке в форме дракона, длиной двести пятнадцать футов, с двумя просторными залами для приемов, его сопровождало несметное число судов, вытянувшихся непрерывной цепочкой на шестьдесят миль. Вдоль всего маршрута чиновники были обязаны снабжать караван судов продовольствием, и один из историков так описывает ситуацию: «Те, кто устраивал обильные подношения, награждались должностью или титулом, скупых же ждало наказание — вплоть до смертной казни».

Связи с Японией, поддерживавшиеся (в основном через Корею) на протяжении четырех столетий, еще со времен царства Вэй, увенчались

прибытием первого полноценного посольства. Гораздо большую тревогу вызывали тюрки, основавшие могущественную империю, протянувшуюся от северного Китая до границ Византии и впоследствии распавшуюся на восточную и западную. Западная империя тюрков располагалась на северо-восточной границе Китая, и мир в этом районе удавалось поддерживать лишь с помощью искусной дипломатии. Более серьезную опасность представляли восточные тюрки, оккупировавшие территорию современной Монголии, и именно для защиты от них отец Ян-ди приказал продолжить Великую Китайскую стену. Однако этих мер оказалось недостаточно, и пришлось прибегнуть к традиционным средствам — подкупу, династическим бракам, заложникам, дани и демонстрации силы. Так, например, во время одного из церемониальных путешествий на север страны Ян-ди принимал в своем роскошном передвижном дворце вождя восточных тюрков, великого хана; они обменялись подарками — три тысячи лошадей от хана и тринадцать тысяч локтей шелка от императора.

Однако в отношениях с одним из соседей не помогали ни дипломатия, ни угрозы. На территории современной Маньчжурии и на севере

Корейского полуострова окрепло царство Когурё. Отец Ян-ди уже предпринимал неудачную попытку его подчинить, а сам Ян-ди, империя которого простиралась на три тысячи миль с востока на запад и на пять тысяч миль с севера на юг, считал это маленькое царство частью империи Хань; кроме того, он хотел помешать возможному союзу Когурё с тюрками. В период с 612 по 614 год были предприняты три дорогостоящих военных похода, и все они закончились поражением. Ян-ди не отступил и приказал готовиться к четвертой кампании, но его планам помешали бунты, охватившие всю страну. Это была расплата за огромные людские и финансовые потери, связанные с прокладкой канала и войнами против Когурё, с расточительством императора, а также слабостью центрального правительства, обусловленной постоянными переездами. За два года число восстаний достигло двух сотен, и аристократия стала отворачиваться от императора, выдвигая своих претендентов на трон. Льстецы, окружавшие Ян-ди, продолжали скрывать от него истинное положение дел — один человек, попытавшийся рассказать правду, был забит до смерти прямо в зале для приемов. Когда приближающуюся катастрофу скрывать

стало уже невозможно, император бежал в южную столицу.

Еще в 615 году прорицатель предупреждал Ян-ди, что вскоре императором станет человек по имени Ли. О том же рассказывала популярная народная баллада. Ян-ди казнил одного из видных полководцев по фамилии Ли — вместе с тридцатью двумя членами его семьи, — а дальние родственники были отправлены в ссылку. Однако один Ли, известный своей преданностью императору, избежал подозрений. Это был Ли Юань, князь Тан, в котором текла кровь нескольких царских родов древних северных империй. Храбрый воин, умелый руководитель и хитрый стратег, он быстро продвигался по службе и зарекомендовал себя решительными действиями против мятежников и бандитов.

Однако в 617 году, наблюдая за бессилием правительства и, возможно, не без влияния баллады о неизбежном воцарении Ли, он уступил уговорам своих сторонников и сам стал главным мятежником. Опираясь на помощь великого хана тюрков, он собрал 200-тысячную армию и захватил столицу империи Суй Дасин. После этого он низложил Ян-ди, предававшегося унынию в южной столице, и объявил императором его

шестилетнего внука. Однако бедный ребенок недолго продержался на троне — в 618 году Ли Юань захватил Лоян и объявил себя императором. Со смертью Ян-ди, убитого в домике для купаний собственной стражей, с исторической сцены исчезла и династия Суй.

Несмотря на краткий сорокалетний период правления, эта династия, состоявшая из отца и сына, не только вновь объединила Китай, но и путем культурной унификации, а также через созданные ею политические, военные, юридические и экономические институты проложила дорогу «китайскому средневековью» и стала одной из самых известных династий этого периода. За три десятилетия были заложены основы следующей династии, просуществовавшей три столетия.

Глава 16. Тан (618–907 гг.)

Китайская история постоянно повторяется, будто подчиняясь величественному ритму времени. Из хаоса и руин возникает талантливый правитель, который основывает династию, возрождающую страну. Государство процветает. Затем начинается период упадка. Страна погружается в хаос, и вновь становится слышен ритм барабанов истории. Так происходило и с династией Тан.

Именно такое имя дал династии Ли Юань, основавший ее в 618 году. Он взял себе тронное имя У-ди, но в истории остался под своим посмертным храмовым именем Гао-цзун. Ему исполнилось пятьдесят три года, и он был искусным наездником и лучником, любителем охоты и пышных музыкальных представлений. Рассказывали, что он выиграл свою прекрасную жену, состязаясь в стрельбе из лука; мишень была изготовлена в виде павлина, и его стрелы поразили оба глаза нарисованной птицы.

Он объявил столицей империи Дасин и переименовал город в Чаньань — в честь располо-

женной неподалеку древней столицы страны. Главной своей задачей он считал достижение мира, и на это у него ушло десять лет. Он добился своей цели не только с помощью силы, выиграв несколько крупных сражений, но и умелой политикой. Гао-цзун отдавал префектуры под управление добровольно сложивших оружие лидеров мятежников и амнистировал их войска, включал разбитые отряды противника в состав своей армии, казня их полководцев, восстанавливал на должностях местных чиновников, сохранивших верность Ян-ди, и сумел уговорить многих мятежников перейти на свою сторону. Постепенно он восстановил жесткий контроль центрального правительства над местными властями, гражданскими и военными, причем последние были заменены местным ополчением, призываемым на службу на короткие периоды времени.

Он сохранил систему распределения земли, установленную империями Тоба и Суй, ввел подушный налог в размере двухсот мер зерна, двадцатифутового рулона шелка и двадцати рабочих дней трудовой повинности, а также начал чеканить унифицированные монеты (при династии Суй было восстановлено денежное

обращение). Он жестко контролировал торговлю, назначая управляющих каждого рынка в столице и провинции, которые должны были поддерживать порядок, регистрировать все лавки, проверять гири и весы, следить за ценами и качеством товара. Он продолжил восстановление системы экзаменов, начатое в период правления династии Суй, — сначала в ограниченных масштабах и при сохранении привилегий знати. И наконец он назначил комиссию для разработки нового единого свода административных и уголовных законов.

В этом знаменитом своде законов Тан количество статей уменьшилось с 1735 (свод законов Суй) до 502-х. Древние верования настолько прочно укоренились в китайском мышлении, что новые законы основывались на классическом принципе инь-ян, а также представляли собой компромисс между философией конфуцианства и представлениями легистов. В соответствии с принципом инь-ян и теорией пяти первоэлементов законы были направлены на достижение гармонии с природой, частью которой является человеческое общество; этой гармонии угрожали преступления, разрушавшие общество, и если преступления оставались ненаказанными, это

вызывало природные катастрофы — наводнения и засухи. Поэтому в части наказаний новый кодекс был очень жестоким, причем наказания предусматривались за широкий круг проступков, от невнимательной проверки документов чиновником до предупреждения врага о готовящемся нападении или занятий магией.

ВОСТОЧНЫЕ ТЮРКИ
КИДАНЕ
БОХАЙ
ТУЮЙХУНЬ
ГУАНЬНЭЙ
ЧАНЬАНЬ
ШАНЬНАНЬ
ЦЗЯННАНЬ
ЦЗЯНЬЧЖУН
НАНЬЧЖАО
ЛИННАНЬ
ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
о. Тайвань
о. Хайнань
Границы государственные
провинций
Столица государства
Центры провинций
Прочие населенные пункты
225 0 225 450 км

Танская империя в VIII в.

Иногда преступление наказывалось штрафом или увольнением с должности, но в общем случае кодекс предусматривал пять видов наказаний: от десяти до пятнадцати ударов легкой палкой, от шестидесяти до ста ударов тяжелой палкой, каторжные работы сроком до трех лет, пожизненная ссылка и смертная казнь путем отсечения головы или удушения. Смертью карался мятеж, а также осквернение часовен предков, гробниц и императорских дворцов. Эти два вида преступлений предусматривали удушение отца и сыновей преступника, обращение в рабство нескольких поколений его семьи, конфискацию имущества. Они возглавляли список так называемых «десяти мерзостей», в число которых входило и неуважение к родителям: избиение родителей или родителей отца или покушение на их убийство карались смертью, а если человек должным образом не оплакивал их смерть, его могли приговорить к пожизненной ссылке. Жена, ударившая мужа, наказывалась годом исправительных работ, а наложница — полутора годами. Подобные наказания предусматривались за оскорбление персон, стоящих на более высокой ступени слож-

ной китайской табели о рангах.

Суровость наказания усиливалась по мере снижения ранга преступника — за исключением высших должностных лиц, которые были обязаны строго соблюдать законы и поэтому лишались привилегий своего класса. Сложность системы наказаний можно оценить по количеству ступеней административной и социальной лестницы, для каждой из которых предусматривалась своя кара за то или иное преступление. Общество состояло из трех классов: знати и чиновников, простолюдинов и низшего класса, к которому относились крепостные и рабы. Родовая знать делилась на пять рангов, а чиновничество — на девять рангов с тридцатью степенями. Наказание смягчалось в зависимости от ранга и степени, и такие же послабления делались несовершеннолетним, старикам, женщинам, инвалидам и умственно неполноценным. Добровольное признание — прежде чем дело дошло до суда — могло стать основанием для помилования, тогда как ложное обвинение наказывалось так же, как и преступление, в котором доносчик обвинял жертву. В целом свод законов Тан оказался таким всеобъемлющим и точным, что просуществовал вплоть до XIV века и стал образцом для законода-

тельных систем Японии, Вьетнама и Кореи.

В международных делах никак не удавалось устранить угрозу с севера, со стороны восточного тюркского каганата. Щедрые подношения императора Гао-цзуна не смогли остановить регулярные набеги, однако новые фортификационные сооружения помогли ослабить их силу. Эти достижения, а также успех в подавлении восстаний внутри страны были во многом заслугой умелых действий сына императора по имени Ли Ши-минь. Однако законным наследником трона был назначен не он, а его старший брат, что привело к соперничеству между ними, причем в этом конфликте третий брат принял сторону наследника. В 626 году после бесконечных интриг и маневров наступила развязка. Ли Ши-минь, знавший о том, что братьям удалось настроить против него отца, и получивший сообщение шпиона, что соперники собираются его убить, был вынужден перейти к решительным действиям.

Ли Ши-минь обвинил братьев в незаконной связи с женщинами из отцовского гарема. Предупрежденные одной из наложниц, они отправились во дворец, чтобы заявить о своей невиновности. Им нужно было пройти через ворота, охраняемые императорской стражей, но Ли

Ши-минь подкупил командира и с двенадцатью своими сторонниками занял позицию у ворот. Когда браться приблизились, Ли Ши-минь стрелой из лука пронзил наследника престола, а его люди убили другого брата.

Один из военачальников Ли Ши-миня вошел во дворец в полном вооружении и с копьем — это считалось серьезным правонарушением — и объявил пораженному ужасом императору о смерти братьев. Через три дня Ли Ши-минь был провозглашен законным наследником и возглавил правительство. Несколько недель спустя Гао-цзун отрекся в пользу Ли Ши-миня и оставшиеся девять лет своей жизни провел в сельской глуши.

Так в 626 году Ли Ши-минь, которому исполнилось двадцать шесть лет, стал вторым императором династии Тан. Он остался в истории под своим посмертным именем Тай-цзун и почитался как блестящий образец государя всеми последующими правителями китайской империи. Об этом вряд ли можно было догадаться по его первым действиям, когда он, дабы избавиться от возможных соперников, приказал казнить десятерых детей убитых им братьев, что противоречило конфуцианскому воспитанию, которое он

получил как член чужого, но могущественного клана Шэнси. Он был не только отважным, энергичным и искусным военачальником, но также прекрасно разбирался в поэзии и истории и в совершенстве владел искусством каллиграфии.

Благодаря трудностям военных походов, в которых император участвовал с юношеских лет, он обладал могучим телосложением и величественной фигурой, внушавшей страх придворным. Эмоциональный и легко теряющий самообладание, он багровел от ярости — к ужасу окружающих. Тем не менее первые годы его правления, получившего название Чжень Гуань (Подлинное Видение), отмечены уважением к министрам и чиновникам.

Император искренне стремился улучшить управление страной и поэтому поощрял критику: он объявил, что всякий может без страха высказывать свое мнение. Он установил близкие личные отношения с высшими чиновниками, дабы те чувствовали себя полноправными участниками процесса управления государством. Он строго придерживался конфуцианского принципа назначения на должности ученых людей, отличался бережливостью, с подозрением относился к всевозможным гаданиям и эликсирам

и вплотную приблизился к реализации идеи императора-мудреца, которую за тысячу лет до него провозгласил учитель Кун-цзы (Конфуций).

Министры его правительства отбирались из семей чиновников всех рангов и имели большой опыт государственной службы. Они были в высшей степени компетентными, некоррумпированными и разделяли заботу императора о благе народа. «Угнетение народа с целью заставить его служить правителю, — наставлял император чиновников, — подобно отрезанию собственной плоти с целью насытить желудок». С этими людьми в первые годы своего правления он принялся совершенствовать институты центральной и местной власти, которые его не удовлетворяли. Он трудился без устали, ожидая такой же преданности делу от высших сановников, которые спали посменно, чтобы быть в распоряжении императора в любое время дня и ночи. Доклады императору от чиновников всех рангов стали столь многочисленными, что он развешивал их на стенах своей спальни и читал по ночам, а на ширмах были записаны послужные списки провинциальных чиновников, которых он собирался повысить или понизить в должности.

Он продолжил реформу власти на местах,

начатую еще при его отце, назначал наместников-губернаторов провинций, рационализируя и улучшая систему управления; самая беспощадная борьба велась с коррупцией. Тай-цзун дважды отправлял комиссии для проверки деятельности местных властей, наказал тысячи чиновников и казнил семерых за ненадлежащее исполнение обязанностей. В области военного строительства он тоже старался усовершенствовать уже имевшиеся структуры; особое внимание обращалось на поддержку отрядов ополчения, которые должны были сами обеспечивать себя провиантом и большей частью вооружения, что значительно уменьшало нагрузку на государственную казну.

Бережливость занимала центральное место в экономической политике Тай-цзуна. В сочетании с миром на внешних границах, разумным управлением, улучшенной благодаря Великому каналу системе транспорта и связи, а также хорошим урожаям эта политика принесла процветание всей нации. Процесс ускорялся развитием торговли: по мере расширения владений империи Тан купцы из Центральной Азии, Персии и Византии привозили в страну многочисленные зарубежные товары, знакомили китайцев с иностранными развлечениями и традициями. Дань

поступала даже из таких далеких земель, как Сибирь и Урал. Чаньань превратилась в многонациональный город, дала приют многочисленным национальным общинам, а в ее монастырях и школах получала образование аристократия соседних стран. Среди государственных школ столицы, созданных для подготовки студентов к сдаче экзаменов, была школа каллиграфии и школа юриспруденции. В них обучались несколько тысяч студентов, а еще многие тысячи молодых людей из провинции слушали лекции по классическим произведениям и истории в других школах, разбросанных по всему городу. В то же время составление официальной истории династий — важная особенность китайской культуры — было поставлено на прочную бюрократическую основу.

Среди гостей столицы наибольшим энтузиазмом отличались японцы, которые жили в Чаньани десятилетиями, а затем возвращались на родину, чтобы сформировать государственные институты по образцу империи Тан, в результате чего китайская культура оставила неизгладимый след в культуре японской. В столицу также приезжали многочисленные посольства из зарубежных стран, ближних и дальних. Смерть

Мухаммада в 632 году положила начало арабской экспансии, и когда эта экспансия достигла Персии, последний правитель династии Сасанидов обратился с призывом о помощи к Тай-цзуну, но получил отказ, и Персия пала. Китайский император даже принимал посольство из византийской провинции Сирия, отправленное, по некоторым данным, императором Восточной Римской империи Константином И.

Появились в городе и чужие религии; в частности, первое знакомство с христианством произошло через монаха-несторианца. Он прибыл в столицу империи Тан в 635 году и был благосклонно принят Тай-цзуном, который попросил его перевести книги несторианцев на китайский язык. Буддизм, уже прочно укоренившийся в Китае, переживал новый подъем после возвращения из Индии величайшего из паломников Сюань Цзана, который провел в путешествиях пятнадцать лет. Сам Тай-цзун был приверженцем даосизма и даже объявил себя потомком мудреца Лао-цзы, а свое отношение к буддизму наиболее полно сформулировал к концу жизни, назвав тот вульгарной и несерьезной религией. Тем не менее император восхищался уникальными познаниями Сюань Цзана в географии Индии и

Центральной Азии, а также в обычаях, товарах и политике и тщетно пытался уговорить мудреца отказаться от монашеского обета и занять должность при дворе.

Именно на Центральной Азии сосредоточилась военная политика Тай-цзуна. Это произошло после того, как стотысячная китайская армия наголову разбила войска восточного тюркского каганата в сражении на юге Гоби (630 г.). Тюрки, ослабленные внутренними противоречиями, признали Тай-цзуна великим ханом, и на территории каганата обосновались многочисленные китайские поселенцы. Западный тюркский каганат, под властью которого находились земли от Великой Китайской стены на востоке до Персии на западе и от Кашмира на юге до Алтайских гор на севере, тоже раздирали внутренние противоречия, и Тай-цзун умело подпитывал эти раздоры, поддерживая то одну партию, то другую. Таким образом, опасность со стороны тюрков была устранена, но государства в оазисах котловины Тарим, где смешались индийская, афганская и персидская культуры, продолжали угрожать Великому Шелковому пути, по которому шли караваны из Центральной Азии, Персии и Византии. Тай-цзун покорял их по одному;

его войска удалились от столицы на расстояние пять тысяч миль, оставляя в каждом государстве китайские гарнизоны под управлением наместников. Военными и дипломатическими мерами поддерживался мир с уйгурами на северо-востоке современной провинции Синцзян, а также с тибетцами, воинственные племена которых в конце концов объединились в союз. Однако в 644 году Тай-цзун повторил ошибку Ян-ди, которая привела к падению династии Суй: он поддался искушению покорить корейское царство Когурё.

Большинство министров пытались переубедить Тай-цзуна, но он больше не был императором-мудрецом, как в первые годы своего правления. Он стал высокомерным и своевольным и был полон решимости вернуть себе земли, когда-то принадлежавшие империи Хань. Для китайской истории характерно фанатичное стремление вернуть утраченные территории, которые ранее были отобраны у других. Дважды император направлял многочисленные армии — одну из них он возглавил сам — и армады судов против Когурё и даже одержал несколько побед, но не добился желаемого результата. В 648 году он объявил, что через год соберет 300-тысячное войско, но его планам не суждено было сбыться.

Ученые поднимаются на гору-остров Инчжоу. Из коллекции академика В. М. Алексеева.

По повелению императора Тай-цзуна была учреждена Литературная палата, куда пригласили 18 прославленных ученых; придворный живописец нарисовал портреты этих ученых, о которых восхищенно говорили, что они «поднялись на гору-остров Инчжоу» (обитель бессмертных в Восточном океане)

Император, которому еще не исполнилось пятидесяти лет, заболел неизвестной болезнью, вызывавшей головокружение, нарушение зрения и упадок сил. В отчаянии он обратился к

индийскому магу, но никакие средства не помогали, и в пятом месяце 649 года Тай-цзун умер. Он оставил после себя могущественную империю с эффективной государственной властью, процветающей экономикой и сильной армией, спокойную и уверенную в себе страну. Более того, для последующих поколений Тай-цзун стал ярким примером конфуцианского идеала правителя — мудрого и честного, обладающего непререкаемым авторитетом, основанном на чутком отношении к тщательно подобранным ученым советникам, а также искренней заботе о благополучии своего народа.

Наследником Тай-цзуна в последние шесть лет правления считался его девятый сын, который взошел на трон — согласно традиции, перед гробом отца — в 649 году и взял себе имя Гао-цзун. Он был исполнен благих побуждений, но обладал слабым характером и слабым здоровьем (император страдал от повышенного кровяного давления). Гао-цзун правил тридцать четыре года, но настоящим властителем страны была его жена, самая необычная из череды выдающихся женщин, которые наводили страх на Китай.

Ее звали У-хоу. Говорят, что она была служанкой наложницы императора Тай-цзуна, и

Гао-цзун, впоследствии унаследовавший трон отца, был сражен красотой девушки, когда увидел ее в одном из женских монастырей. Вернувшись во дворец, она безжалостно использовала свои незаурядный ум, знание людей и твердость характера, чтобы занять место жены Гао-цзуна и стать императрицей. Через месяц она распорядилась убить бывшую жену и любимую наложницу императора: женщинам отрубили руки и ноги и оставили умирать в бочке из-под вина.

У-хоу полностью подчинила себе и мужа, и правительство. Она избавилась от министров, служивших императору Тай-цзуну. Увлечение императрицы религией и магией привело к тому, что ее обвинили в колдовстве — одной из «десяти мерзостей», — но эта попытка окончилась казнью противников императрицы, а сама она не пострадала. Притязания ее не знали границ. Она превратила Лоян во вторую столицу империи, наравне с Чаньанью, что привело к огромным затратам на ремонт зданий и постоянные переезды органов управления из одного города в другой. Два первых императора из династии Тан удовлетворялись одним тронным титулом, тогда как у Гао-цзуна таких титулов было тринадцать, и его супруга настояла на жертвоприношениях

фэн и *гианьь*. Обряды были совершены на главной священной горе китайцев Тайшань и представляли собой сообщения Небу и Земле о том, что император успешно осуществил задуманное. Большинство императоров опасались, что подобные заявления могут быть необоснованными и вызовут серьезную дисгармонию в природе, и всего шестеро из них осмелились провести такие церемонии — последний раз за шестьсот лет до Гао-цзуна. Император Гао-цзун не только совершил эти обряды, начиная с первого дня нового 666 года, но в них, нарушив традицию, принимала участие и императрица У-хоу. В 674 году правящая чета приняла титулы Небесного императора и Небесной императрицы.

В начале правления Гао-цзун собрал группу ученых, которые должны были составить историю династии, а затем финансировал выпуск серии новых антологий китайской литературы; одновременно буддийские монахи переводили с санскрита священные тексты. Впоследствии инициативу взяла на себя императрица — по ее распоряжению была сформирована группа ученых, из-под пера которых выходили работы на разные темы, в том числе биографии знаменитых женщин. Эта группа, однако, была известна

и своей неблаговидной деятельностью — она превратилась в тайную канцелярию, известную под названием «Ученые Северных ворот». Эта канцелярия определяла политику государства и присвоила себе другие функции шести министерств, находившихся в ведении Государственного совета.

У-хоу не останавливалась ни перед чем, чтобы сохранить власть. Когда умер престолонаследник, она быстро добилась ссылки двух других подававших надежды сыновей императора, а когда новый наследник престола стал проявлять способности к управлению, императрица при помощи интриг заставила его покончить жизнь самоубийством. Законным наследником был объявлен ее третий сын от императора, четырнадцатилетний принц Инь, пока не представлявший угрозы для матери. Три года спустя, в двенадцатом месяце 683 года продолжительная болезнь императора закончилась его смертью.

Тем временем страна переживала финансовый кризис: к огромным тратам на Лоян прибавились наводнения, неурожаи, засухи и нашествия саранчи. Цены на зерно взлетели, и массы крестьян бежали в необжитые районы, чтобы не платить налоги. Однако административная система была

настолько устойчивой, что продолжала работать без сбоев, несмотря на стихийные бедствия и разорительную деятельность У-хоу. Так, например, в свод законов регулярно вносились изменения, а экзаменационная система была реорганизована, чтобы увеличить набор на государственную службу — даже несмотря на то, что большинство новичков по-прежнему были из семей знати или высокопоставленного чиновничества, поскольку получали преимущество при сдаче экзаменов. Правило, что имена кандидатов на должность не должны раскрываться, чтобы их происхождение и социальное положение не повлияли на результаты экзаменов, продержалось недолго. Основу курса обучения по-прежнему составляло конфуцианство, но к нему добавились классические тексты даосизма. Помимо специальных школ юриспруденции и каллиграфии появились школы математики.

На северных границах империи от поражения оправился западный каганат тюрков, вернув себе утраченные территории, и только после нескольких лет военных действий китайский экспедиционный корпус наголову разбил противника. К 660 году владения империи Тан протянулись от Китайского моря до границ Пер-

сии — самая большая территория за всю историю Китая. Однако для удержания такой территории стране не хватило ресурсов, и через несколько лет тюрки вернули себе независимость.

Через десять лет после смерти Тай-цзуна царство Когурё все еще оставалось непокоренным, и Китай вновь обратил свой взор на это государство на севере Корейского полуострова, приняв предложение о союзе с более крупным и китаизированным царством на юге Кореи. Восьмилетняя война закончилась полной победой: 200 тысяч пленников из Когурё были отправлены в Китай, а само северокорейское царство превратилось в протекторат. В ходе войны против Китая сражалось и самое маленькое из южнокорейских государств. Ему на помощь выступил японский флот, но был разбит, потеряв при этом четыре сотни судов — одна из величайших катастроф на море. Однако победа над Когурё — как и над тюрками в Центральной Азии — оказалась недолговечной. Сопротивление захватчикам было настолько сильным, что от протектората пришлось отказаться. В то время как волнения охватили весь Корейский полуостров, китайская армия вела военные действия в Тибете.

Десятью годами раньше объединенное ти-

бетское царство начало проводить политику экспансии. Тибетцы атаковали на всех направлениях, включая котловину Тарим, и в конце концов им удалось вовлечь китайцев в военные действия и нарушить спокойствие на западной границе империи. Кроме того, к концу правления Тай-цзуна объединившиеся остатки восточных тюрков — теперь их называли северными — возобновили набеги из-за Великой Китайской стены, что привело к постоянным стычкам на северной границе.

Все эти приграничные войны, а также финансовый кризис стали главными заботами наследника Гао-цзуна, принца Иня, известного под своим храмовым именем Чжоу-цзун. Но самым опасным «наследством» императора стала его мать У-хоу, которая отреагировала на первые признаки самостоятельности сына тем, что лишила его трона и выслала из столицы. Императрица правила от лица его более сговорчивого брата, двадцатидвухлетнего Жуй-цзуна. Через год вспыхнул бунт в крупном торговом центре, располагавшемся в месте соединения Янцзы с Великим каналом. Восстание быстро подавили, но паранойя императрицы усилилась. Началась ужасная эпоха террора.

Некоторые историки рассматривают действия У-хоу как попытку ограничить власть аристократии — репрессии были направлены на высших сановников государства, одновременно императрица поощряла набор на государственные должности простолюдинов через систему экзаменов. Она заставила цензурное управление и управление наказаний создать сеть шпионов и информаторов, жертвы которых, обвиненные в подстрекательстве к мятежу, помещались в специально построенную тюрьму, где под пытками у них выбивали признания, а затем казнили или подвергали другим жестоким истязаниям, например бросали в котел с кипящей водой. В городе была установлена бронзовая урна, в которую люди могли опускать доносы, нередко ложные. Многие неграмотные информаторы со всех концов империи за государственный счет доставлялась в столицу для дачи показаний, а также получали награды и должности. От жестоких репрессий пострадали сотни аристократических семей — многих казнили, их родственников отправили в ссылку или продали в рабство, а имущество конфисковали. Никто из министров не отваживался противоречить императрице, боясь, что его арестует тайная полиция.

В такой обстановке У-хоу без стеснения предавалась разврату; одним из наиболее скандальных ее увлечений был продавец косметики, которого она посвятила в духовный сан и назначила настоятелем самого известного монастыря.

Но императрица стремилась завоевать популярность среди народных масс, и этой цели служили несколько так называемых «актов милосердия», которые предусматривали, несмотря на спад экономики, серьезные налоговые льготы и другие послабления, а также налагали ограничения на непопулярный в народе класс торговцев. Кроме того, императрица ратовала за справедливое применение закона.

В то же время У-хоу умело поддерживала культ собственного величия. Императрица часто появлялась на публике, проводила грандиозные церемонии и возродила ритуалы золотого века империи Чжоу — она считала себя потомком великого Чжоу-гуна. В 688 году в реке был «обнаружен» белый камень с надписью: «Мудрая Мать будет править людьми, и ее правление принесет вечное благоденствие». Неизвестно, знала ли У-хоу, что это подделка, но императрица с присущим ей пылом восприняла пророчество. Вместе со всем двором она отправилась к алтарю Неба,

объявила реку священной, запретив ловить в ней рыбу, и взяла себе титул Мудрой Матери Божественного Властелина. Еще она планировала провести самую пышную церемонию в истории Китая, чтобы благословить находку и изменить название периода правления на Вечное Благоденствие.

Императрица объявила, что все видные люди империи обязаны присутствовать на церемонии в Лояне. Члены царского рода Ли и другие аристократы подозревали, что их заманивают в ловушку. Вспыхнувшие во многих местах мятежи были быстро подавлены. Последовавшие казни, самоубийства и наказания посеяли хаос среди знати, а род Ли был почти полностью истреблен.

В этом успехе У-хоу увидела покровительство Неба, что еще больше подогрело ее тайные желания. Ее любовник-монах раздобыл буддийский текст, предсказывающий скорую реинкарнацию некоей богини, которая принесет «безграничную радость» народу, и настойчиво внушал императрице мысль, что она и есть эта реинкарнация. У-хоу позаботилась о том, чтобы эти идеи получили широкое распространение, и подняла авторитет буддийского духовенства, основав и финансируя храмы в каждой префектуре, а также

удостоив некоторых монахов титула «герцога» и посвятив в духовный сан более тысячи человек.

Подготовив грандиозную церемонию, У-хоу наконец дала волю своему честолюбию. Скромно отвергнув три петиции с просьбой занять трон, она затем изменила решение — после сообщений о том, что над дворцом видели птицу феникс, которая считалась символом императрицы, а над тронной залой порхала стайка птиц с алым оперением, что было истолковано как знаки Небес. Жуй-цзун отрекся от престола, У-хоу объявила себя властительницей Поднебесной, став первой и единственной женщиной-императором, и переименовала династию, назвав ее Чжоу.

Глава 17. Тан (618–907 гг.). Продолжение

Склонность китайских правителей перемещать огромные массы людей из одного района в другой была еще раз продемонстрирована императрицей, сорвавшей с насиженных мест в районе Чаньани сто тысяч семей и переселившей их в Лоян, который стал новой столицей и по замыслу У-хоу должен был иметь соответствующее его статусу население (это совсем немного по сравнению с четырьмя миллионами человек, переселенными в 1999 году из-за строительства плотины на реке Янцзы). Правительница без колебаний казнила двух любимых наложниц Жуй-цзуна — теперь тот получил титул «Будущего императора» и некоторое время находился фактически под арестом в своем дворце, — осужденных по сфабрикованному обвинению. Тем не менее У-хоу в целом ослабила масштаб репрессий и организовала убийство начальника своей тайной полиции, а затем отдала под суд восемьсот пятьдесят его подчиненных.

Более конструктивное ее начинание — доступ-

ность экзаменационной системы, что позволило значительно увеличить прием на государственную службу представителей низших классов. Резкое увеличение численности чиновников привело к дополнительным расходам, но высшие должностные лица находились под жестким контролем У-хоу, которая постоянно тасовала и меняла своих министров — восемьдесят процентов из них были отправлены в ссылку, казнены или понижены в должности. Тем не менее в большинстве своем это были в высшей степени компетентные люди, помогавшие управлять государством.

У-хоу проводила жесткую внешнюю политику. Поначалу это было нетрудно, поскольку междоусобные конфликты устранили угрозу со стороны приграничных племен. Однако для отпора северным тюркам и тибетцам, набеги которых не прекращались, требовались умелые военные действия. Кроме того, с западной части современной Маньчжурии повела наступление новая сила в лице монгольского племени киданей; им удалось захватить обширные территории до самого Пекина, прежде чем имперские войска отбросили их назад.

Последние годы правления У-хоу отмечены

широкомасштабной коррупцией и протекционизмом, которые до этого были крайне редким явлением, а также любовными связями императрицы. Превосходное знание косметики и неугасающая страсть к плотским наслаждениям позволяли ей скрывать семидесятилетний возраст. Когда императрице надоел монах, она заманила его во дворец и убила, а затем вступила в связь со своим врачом. Его сменили братья Чжан — два прекрасных юноши, «накрашенных и напудренных, в богато расшитых халатах». Братья так вскружили голову правительнице, что она не предпринимала никаких усилий для обуздания их многочисленных пороков. Когда придворные, желавшие избавить У-хоу от влияния братьев, выдвигали против них обвинения, императрица пресекала все попытки. Во время довольно частых недомоганий она допускала к себе лишь братьев Чжан, грубо прогоняя министров.

Наконец в начале 705 года группа высших сановников уговорила свергнутого императора Чжун-цзуна, которому было разрешено вернуться из ссылки, покинуть дом и с пятью сотнями солдат дворцовой стражи направиться во дворец. Здесь они схватили и убили братьев Чжан. Внезапно появилась неряшливо одетая и разгне-

ванная У-хоу; она осыпала оскорблениями своего сына и других заговорщиков, а затем вернулась в постель, где и умерла несколько месяцев спустя в возрасте восьмидесяти двух лет. С ее смертью закончились семнадцать лет пребывания на троне так называемой династии Чжоу и пятидесятилетнее правление У-хоу. На смертном одре она великодушно простила врагов и сложила с себя титул императрицы. Посмертное имя, которого она удостоилась, должно было понравиться ее духу — Подражатель Небу.

Правда, после нее правительство пребывало в состоянии больше напоминавшем преисподнюю. Это был рассадник коррупции, кумовства и безответственности. Министры соперничали между собой, добиваясь расположения вернувшегося на трон императора Чжун-цзуна и его супруги Вэй, не брезгуя в этой борьбе никакими средствами. И вновь к вершинам власти поднялась женщина — на сей раз в лице распутной и безнравственной императрицы, к которой присоединилась ее дочь, принцесса Ан-ло. Первая не успевала менять любовников, а вторая коррупцией сколотила себе огромное состояние. Класс чиновничества раздулся до невероятных размеров — за счет тысяч евнухов, а также людей,

которые либо купили себе должность, либо прошли через деградировавшую систему экзаменов. С ростом экономических трудностей ширилось недовольство масс.

В 710 году умер Чжун-цзун — полагают, что его отравила императрица Вэй, пытаясь занять место У-хоу. Она подделала завещание императора, объявив наследником своего пятнадцатилетнего сына. Но через две недели ее владычеству положил конец двадцатипятилетний Ли Лун-цзи, сын свергнутого императора Жуй-цзуна от одной из наложниц.

Однажды ночью он вместе со своими сторонниками и примкнувшей к ним дворцовой стражей обезглавил приближенных императрицы Вэй, а затем ворвался во дворец и убил саму императрицу, которая пыталась спастись бегством, и накладывавшую грим принцессу Ан-ло. Сестра Ли Лун-цзи, принцесса Тай-пин, лично стащила юного ставленника императрицы с трона и объявила, что императором вновь становится Жуй-цзун.

Реальная власть перешла в руки этой принцессы, потому что Жуй-цзун был начисто лишен энергии и честолюбия. Однако усиливающийся хаос в управлении и проблемы на границах им-

перии заставили его занервничать, а знамение в виде яркой кометы побудило отречься от престола в пользу сына. В 712 году Ли Лун-цзи стал императором — в анналах истории он остался под именем Сюань-цзун. Отношения между ним и честолюбивой принцессой Тай-пин быстро испортились. Она пыталась отравить брата, а потерпев неудачу, замыслила военный переворот, но Сюань-цзун был предупрежден о заговоре. Он приказал казнить сторонников принцессы прямо перед залом приемов, а ей позволили совершить самоубийство. Так закончилась необычная для Китая эра правления женщин.

Сюань-цзуну было двадцать восемь лет, когда началось его долгое и блистательнее правление, прославившее династию Тан. В эпоху правления У-хоу он вместе со своей семьей пережил домашний арест, а его мать была одной из двух наложниц, казненных по приказу императрицы. Эти переживания, а также три года жестокой борьбы за власть перед восшествием на трон не только оставили глубокие раны в его душе, но и помогли сформировать сильный характер. Он славился мягкостью манер, любовью к братьям и родственникам, прямотой, вспыльчивостью, привязанностью к советникам, а также твердым

и в то же время разумным применением власти. На Западе его назвали бы «человеком эпохи Возрождения» — он был талантливым музыкантом, поэтом и каллиграфом, глубоко разбирался в философии даосизма, любил как театральные представления, так и спортивные состязания, нечто вроде современного поло.

Он избавился от насквозь прогнившей предыдущей администрации и окружил себя тремя или четырьмя выдающимися людьми, которые не принадлежали к высшей знати, но преодолели жесточайший экзаменационный отбор императрицы У-хоу. Эти советники долго оставались на своих постах, что резко контрастировало с постоянной сменой чиновников в эпоху У-хоу. Лучшие из них согласились занять свои должности только после того, как Сюань-цзун объявил о конкретной программе реформ. Эта программа заложила основы имперской политики на долгие годы и включала в себя следующие элементы: гуманное управление, не опирающееся на жестокость законов, отказ от военных кампаний, равенство всех перед законом, включая друзей императора, устранение политического влияния евнухов, снижение налогов, выведение из центрального правительства родственников

императора, возможность министрам открыто и без опаски высказывать свое мнение. Движущей силой всех этих мер было стремление к возрождению морали в обществе.

На восстановление дееспособности правительства ушло почти десять лет: к составлению указов привлекались ученые, все некомпетентные чиновники лишились должностей, знающие люди были назначены в провинцию, где теперь все государственные служащие должны были иметь опыт работы, возродилась деятельность инспекционных комиссий, выезжавших на места, а также были пересмотрены законы и уложения, что позволило обеспечить единство правил и практики государственной службы по всей империи. Последняя мера сыграла важную роль в регистрации налогоплательщиков, небрежность проведения которой значительно снижала доходы казны. Основная проблема, с которой сталкивались власти, — огромное число бродяг, которые покинули свои дома, чтобы избежать уплаты налогов или трудовой повинности, или были согнаны с земель в результате формирования обширных поместий чиновников и знати. Установив шестилетний период освобождения от налогов для зарегистрировавшихся жителей

империи, правительство увеличило число налогоплательщиков на восемьсот тысяч семей.

Экономика, долгое время не выходившая из кризиса, нуждалась в доходах; особенно остро стоял вопрос о реконструкции системы зернохранилищ в стране, постоянно страдавшей от стихийных бедствий — наводнений, засух, землетрясений и нашествий саранчи. Не менее серьезная проблема чеканки монет — дошло до того, что законным средством платежа считались даже фальшивые деньги — оказалась неразрешимой из-за огромного числа фальшивомонетчиков. Другие шаги правительства были более успешными — регулярный ввод в действие новых соляных шахт и сокращение численности войск в приграничных районах после подавления восстания тюрков и тибетцев на плато Ордос.

Император стремился показывать пример бережливости: при дворе запретили парчу и одежду, украшенную вышивкой, жемчуг и нефрит, а количество наложниц в гареме значительно сократилось. Следует, однако, отметить, что при бездетной императрице у императора было пятьдесят девять детей, многие из которых унаследовали необыкновенную плодовитость отца — так, например, у одного из сыновей импера-

ра было пятьдесят пять детей, у другого пятьдесят восемь, а у третьего — тридцать шесть. Всем им полагались дорогостоящие дома и поместья, и на это уходили налоги от четверти миллиона семей. Когда император узнал о том, что императрица пригласила монаха, который намеревался провести магический обряд и дать ей амулет, излечивающий от бесплодия, он пришел в ярость. В своей нелюбви к магии он зашел так далеко, что запретил всем чиновникам принимать у себя предсказателей, а один из чиновников, обвиненный в том, что прислушивался к советам прорицателей, был запорот до смерти. Еще он лишил императрицу всех привилегий и титулов, приравняв ее к простолюдинке, и больше никогда официально не женился, удовлетворяя свои желания с любимыми наложницами.

При Сюань-цзуне была также проведена масштабная военная реформа. Набор в ополчение постепенно сокращался, а приграничные армии становились все более профессиональными. Солдат поощряли брать с собой семьи и основывать сельскохозяйственные колонии. Войска численностью от четырехсот до шестисот тысяч человек подчинялись военным губернаторам — нередко происходившим из числа варваров, — что по

замыслу центрального правительства должно было обеспечить их лучшую управляемость.

Как и обещал Сюань-цзун своему первому министру, основной задачей армии стала оборона, а не расширение империи. На протяжении почти четырех десятилетий удавалось успешно сдерживать как непокорных тибетцев, так и племена восточных тюрков в Центральной Азии, куда уже добрались щупальца арабской экспансии; сильный китайский гарнизон был размещен, помимо всего прочего, в районе Кашгара к северу от Кашмира. Постоянной угрозой оставались кидани, и сдерживать их стоило большого труда. С другой стороны, тюркско-монгольские племена уйгуров в конце концов вытеснили северных тюрков из своей столицы, располагавшейся далеко на север от плато Ордос, установили дружеские дипломатические отношения, а также активные торговые связи с Китаем. На севере Маньчжурии образовалось могущественное корейское государство Пэкчэ, дружественное Китаю; как Япония и южнокорейское царство Сила, оно имело сильные связи с китайской культурой, и все они в той или иной степени были копиями империи Тан.

Многочисленные государства и племена на границах империи, от северо-востока до дальнего

запада, были тесно связаны с Китаем посредством военных союзов, династических браков или раздачи китайских титулов. Их послы, согласно традиции приезжавшие с данью и увозившие с собой подарки, наводнили столицу Сюань-цзуна. С 736 года столица, периодически переносившаяся в Лоян, окончательно осталась в Чаньани после масштабной рекультивации земли и реконструкции водных транспортных путей, что позволило снабжать город продовольствием, которое не всегда могли поставлять не очень плодородные окрестные земли. В город съезжались не только послы, но и купцы со всех концов империи, а также из дальних стран. Императорский двор буквально кишел членами всевозможных академий: к услугам императора всегда были писатели, поэты, буддийские и даосские священнослужители, артисты, художники, каллиграфы, искусные игроки в шахматы и специалисты в различных областях знаний. Чаньань в период правления Сюань-цзуна можно сравнить с Флоренцией эпохи Лоренцо Медичи — в 40-х годах VIII века империя Тан достигла своего расцвета и императорский двор в Чаньани поражал блеском и величием.

Источником этого великолепия была возрожда-

ющаяся экономика, что можно считать заслугой необыкновенно эффективной бюрократической машины, в которой чиновники отдыхали лишь каждый десятый день. После 736 года тщательной ревизии подверглась финансовая система, включавшая в себя налоги, трудовые повинности и бюджеты уездов, и при этом значительно сократилось число документов, необходимых для ее функционирования (ранее доходившее до полумиллиона). В страну, несмотря на непрекращающиеся природные катастрофы, вернулось благоденствие. С двадцати одного года до двадцати трех лет повысился возраст, с которого мужчины были обязаны платить налоги и исполнять трудовую повинность.

Тем не менее со временем начали проявляться разногласия между министрами центрального правительства. Так, например, конфликт между сторонниками конфуцианства и легистами разгорелся с новой силой после случая, когда два брата убили цензора, которого они считали виновником несправедливой казни их отца. Те, кто исповедовал принципы конфуцианства, настаивали на освобождении братьев, поскольку те придерживались традиционных норм сыновнего поведения, а легисты требовали для них

смертной казни за нарушение закона. Император распорядился казнить преступников. Следствием усиливающихся интриг и раскола на фракции стали обвинения в предательстве и несколько казней высших сановников. Вновь подняли голову коррупция и кумовство. Так, например, известный своим невежеством сын первого министра получил высшие отметки на экзаменах, но, когда узнавший об этом император лично провел повторный экзамен среди кандидатов на государственные должности, юноша не смог ответить ни на один вопрос.

Позиции первого министра были слишком прочны, чтобы он позволил себе обидеться. Это был Ли Лин-фу, человек благородного происхождения, долгие годы руководивший правительством, в котором древние аристократические роды пользовались все большим влиянием. Были официально опубликованы и регулярно обновлялись генеалогии самых известных семей. Эти семьи, члены которых редко вступали в брак с чужаками, добились политического влияния через многочисленные родственные связи с императором и его наложницами. Постепенно они занимали высшие государственные должности, вытесняя обладателей ученых степеней, прошед-

ших строгую систему экзаменов.

Усиление власти Ли Лин-фу и его титулованных союзников совпало с усиливающейся склонностью Сюань-цзуна устраняться от государственных дел. Отчасти это было связано с пылкими чувствами к любимой наложнице императора Ян Гуй-фэй, которую называли Драгоценной Супругой или Любимой Супругой императора и которой поэт посвятил такие строки:

> *Ты в одеянии воздушном сравнишься чудною красой*
>
> *С пионом, что под небом южным хрустальной окроплен росой.*
>
> *И, чтоб еще тебя увидеть, я этот мир забыть готов,*
>
> *Поднявшись по отвесным кручам в обитель райскую богов*[7].

Неизвестно, что стало причиной падения интереса императора к государственным делам — увлечение красивой женщиной или просто усталость от почти четырех десятилетий энергичного правления (хотя почти до самой кончины он поддерживал традицию утренних аудиенций), —

---

[7] Примечания: 7

Ли Бо. Из цикла «Стихи на мелодию Цинь Хэ». Перевод Б. Мещерякова.

но Сюань-цзун все больше увлекался восточной разновидностью буддизма с его тантрической практикой. При императорском дворе жили знаменитый астроном и не менее знаменитый математик, которые были приверженцами этого культа, обращавшегося к магическим заклинаниям и мистике, что сближало его с даосизмом. В распоряжении императора имелись адепты обеих религий, владевшие искусством вызывать дождь и т. п. Как бы то ни было, Сюань-цзун остался верен своей давней любви к даосизму. Он распорядился, чтобы в каждом доме имелась копия главного текста даосизма (к которому он собственноручно составил комментарий), основал специальные школы для изучения даосизма и включил священные тексты в перечень знаний, необходимых для успешной сдачи экзаменов. Даже название, которое он выбрал для эпохи своего правления, носило даосский оттенок — Небесное Сокровище.

Опьяневшая Ян Гуй-фэй. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

Совсем по-другому император относился к буддизму. Когда Сюань-цзун взошел на трон, буддийское духовенство пользовалось огромным влиянием и накопило несметные богатства. Император конфисковал все буддийские земли и водяные мельницы как незаконно приобретенные, запретил строить храмы богатым людям, которые таким способом уклонялись от уплаты налогов, положил конец практике злоупотреблений посвящением в духовный сан — что тоже служило средством уклонения от налогов — и вернул более тридцати тысяч монахов к мир-

ской жизни, а также ограничил деятельность духовенства храмами и запретил публичные проповеди, которые постепенно приобретали политическую окраску. Все больше склоняясь к даосизму, император Сюань-цзун усиливал нажим на буддийскую церковь. Он приказал всем монахам зарегистрироваться, чтобы пресечь мошенничества с посвящением в духовный сан, сократил число деревенских часовен, ограничил размер церковной собственности и, поручив надзор за буддийской церковью министерству иностранных дел, явно причислил буддизм к иноземным религиям.

Тем не менее именно буддийскому монаху (или монахам) Китай обязан одним из самых выдающихся изобретений человечества. Примерно в то время (50-е годы VIII века) появилось изобретение, сыгравшее огромную роль в сохранении, распространении и развитии знаний, — книгопечатание. Необходимым условием для его появления была бумага, которая с ханьской эпохи получила широкое распространение и использовалась весьма разнообразно; из бумаги изготавливали игральные карты, цветы, ширмы, обои и даже одежду, бумажные фигурки сжигались во время религиозных обрядов, а художники

и каллиграфы пользовались бумажными листами всевозможных оттенков. Скорее всего, идею печати на обычных листах бумаги подсказало искусство изготовления печатей и резьбы по камню, возникшее еще в эпоху Шан.

На первом этапе процесс, который на Западе впоследствии назвали книгопечатанием, представлял собой ксилографию: на гладкой поверхности куска дерева (обычно фруктовых пород) вырезали зеркальное изображение, покрывали чернилами, а затем делали отпечаток на бумаге. Потребовалось еще три столетия, прежде чем изобрели наборный шрифт, хотя в Европу ксилография попала еще позже — в XIII веке через Персию и Польшу в результате вторжения монгольских племен. К тому времени игральные карты, ткани с печатным рисунком и другие изделия пользовались большой популярностью в Европе, и говорят, что именно жена Гуттенберга, которая была турчанкой и в своей родной Венеции видела китайскую ксилографию, вдохновила его на создание первого на Западе печатного станка с наборным шрифтом. Это произошло в 1458 году, через семьсот с лишним лет после изобретения китайцев.

Последствий этого изобретения не мог преду-

гадать никто. Для людей того времени основную славу эпохи Тан составляло искусство. В дополнение к многочисленным оркестрам и школам, где обучали театральному искусству и музыке, Сюань-цзун основал высшее собрание ученых, так называемую академию Ханьлинь — наследницу академии «Ворот Ци», существовавшей в 318 году до н. э., — на тысячу лет опередившую аналогичные институты Европы и составленную из любимых ученых, поэтов и художников императора.

Искусство эпохи Тан отличают роскошь и утонченность. Художники создавали превосходные скульптуры, в том числе из мрамора, а также великолепные фрески и картины. Самым известным из них был У Дао-цзы, грандиозные творения и неуемная энергия которого ставят его, по словам художественных критиков, «в один ряд с Микеланджело». В его работах, которые были типичными для своего времени, индийская метафизика соединяется с традиционными китайскими мотивами. Портреты и жанровые сцены, например события дворцовой жизни, изображались живо и красочно, и на многих полотнах присутствовали лошади из западных районов империи — приземистые, но мощные

животные. Появились две новые школы ландшафтной живописи, одна из которых развивала технику точных линий, а другая использовала монохромную графику.

Расцвело искусство ювелиров, работавших с золотом и серебром. Мебель, музыкальные инструменты и игральные доски расписывались и покрывались лаком, а также украшались инкрустацией из перламутра, панциря черепахи и драгоценных металлов, причем в орнаменте преобладали животные и растительные мотивы. Обратную сторону зеркал покрывали слоем золота или серебра и украшали пышным орнаментом, сменившим абстрактные и магические узоры древности. Великолепными достижениями было отмечено искусство изготовления керамики — появилась цветная глазурь, был создан более совершенный фарфор. Среди глиняных изделий важное место занимали фигурки, которые клали в могилу вместе с усопшими, — игрушки, лошади, двугорбые верблюды, чиновники, слуги, танцовщицы и музыканты, но чаще всего женщины, которые изображались верхом на лошади и даже играющими в поло.

Наивысшего расцвета достигла поэзия. Этот вид искусства не только пользовался покро-

вительством при дворе и привлекался для разнообразных церемоний, но также занимал важное место в системе экзаменов на государственные должности. Прошедшие отборочные тур в провинции приглашались на экзамен в столицу, в ходе которого они должны были сочинить стихотворение, и изящный слог становился для кандидата не только художественным, но и социальным достижением. Стихи сочиняли на приемах, вечеринках, во время массовых гуляний, в гостях у друзей и у порога запертой двери, говорящей об отсутствии хозяина. Поэзия служила также средством продвижения по службе — стихи преподносились влиятельным покровителям или помогали проникнуть в закрытое общество. Государственные чиновники, выезжавшие по делам службы или к месту нового назначения, записывали поэтические строчки на беленых стенах постоялых дворов, и к этим строкам нередко добавлялись стихи следующих постояльцев. Для распространения своих творений поэты использовали свитки, а лучшие произведения передавались из уст в уста или перекладывались на музыку и становились песнями (в частности, их исполняли проститутки Чаньани, с которыми любила проводить время

«золотая молодежь»).

В основе поэтического размера лежало количество слогов в строке — чаще всего пять или семь, — а также тональная структура и ритм. Время глаголов, местоимения, предлоги, единственное и множественное число, определенный или неопределенный артикль — все это по большей части отсутствует в китайском языке и передается смыслом, что открывает возможность для разнообразных интерпретаций.

Поэты рассказывали о своих чувствах, обращались к даосским мотивам, описывали исторические или легендарные события, природу, а также вымышленные места и происшествия минувших дней, пользуясь многочисленными энциклопедиями, содержавшими сведения о животных и растениях, а также сочиняли короткие сценки, ставшие предшественницами драматических произведений. На взгляд современного читателя их произведения по-прежнему полны неотразимого очарования и поражают яркостью воображения:

Облака отразились в водах
И колышут город пустынный,
Роса, как зерна жемчужин,

Под осенней луной сверкает[8].

Это строки из стихотворения Ли Бо, который вместе с Ван Вэем заслужил славу выдающегося поэта эпохи. Но пальма первенства все же принадлежит Ду Фу, которого все следующие поколения чтили, как на Западе чтят Шекспира.

Поэтический дар Ду Фу достиг зрелости, когда он стал свидетелем крушения блестящей эпохи правления императора Сюань-цзуна; значительная часть творчества поэта посвящена этим трагическим событиям. В 751 году китайская армия, отправленная на крайний запад империи, чтобы остановить продвижение арабов, была разбита у реки Талас, в результате чего этот регион оказался открытым для проникновения ислама. (В сражении были захвачены в плен мастера, владеющие секретами изготовления бумаги; их привезли в Самарканд, где они открыли мастерские, и оттуда это ремесло попало в Багдад, религиозный и культурный центр мусульманского мира, а затем и в Европу, куда его привези захватившие Испанию мавры, через тысячу лет после изобретения, сделанного во времена империи Хань.) В следующем году умер всесильный

---

[8] Примечания: 8
Перевод А. Ахматовой.

первый министр Ли Лин-фу, продержавшийся на вершине целых девятнадцать лет. После смерти он был обвинен в предательстве своим преемником Ян Го-чжуном и лишен всех званий; пятьдесят его родственников были отправлены в ссылку или подверглись другим наказаниям, имущество бывшего министра конфисковали, а его самого похоронили как простолюдина, вытащив из саркофага все ценные погребальные принадлежности. Однако сменивший его Ян Го-чжун, двоюродный брат Драгоценной Супруги, не мог сравниться с ним в компетентности, и это обстоятельство, вкупе с устранением императора от государственных дел, открыло дорогу к катастрофе.

За разгромом у реки Талас последовали новые неудачи и поражения на западной границе страны, но наибольшую опасность представляли войска самой империи, расквартированные на северной и северо-восточной границах. Ими командовал честолюбивый наместник, в жилах которого текла согдийская и тюркская кровь; он начинал с должности толмача в маленьком городке и быстро поднялся по служебной лестнице. Его звали Ань Лу-шань — согласно преданию этот высокий и крепкий человек был сыном ведьмы,

и при его рождении вокруг дома появилось яркое сияние, от которого завыли дикие звери, — и он жестоко враждовал с Ян Го-чжуном. Когда министр заподозрил Ань Лу-шаня в мятеже (из-за просьбы набрать стражу из людей некитайского происхождения), император, следуя привычке использовать евнухов в качестве личных представителей, отправил одного из них выяснить намерения Ань Лу-шаня. Но Ань Лу-шань подкупил посланника, чтобы тот сообщил о его абсолютной преданности императору. Отношения между Ян Го-чжуном и Анем продолжали ухудшаться — особенно после того, как подкуп евнуха был раскрыт и несчастного казнили. В декабре 755 года Ань Лу-шань, опасаясь отставки и опалы, поднял мятеж. Страна на семь лет погрузилась в кровопролитную гражданскую войну.

Ли Бо, пьяный, пишет ответ варварам. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

Боевые действия начались с броска Аня на юг, такого стремительного, что уже через несколько недель он достиг Великого канала в ста пятидесяти милях от Лояна, второй столицы империи. Когда до него дошла весть, что император казнил его сына, а жену заставил покончить жизнь самоубийством, Ань Лу-шань вырезал весь гарнизон близлежащей крепости. Сломив слабое сопротивление поспешно набранных рекрутов, он занял

Лоян. Однако наступление на Чань-ань было остановлено имперской армией у неприступного перевала Дун-гуань.

Затем наступил период шаткого равновесия, когда мятежники сражались с верными императору войсками на севере и востоке страны. Ань Лу-шань объявил себя императором новой династии, и тогда Сюань-цзун был вынужден призвать на помощь войска, расквартированные на западе империи, и оставить Восточный Туркестан беззащитным перед тибетцами и уйгурами, так что китайцы на многие столетия утратили контроль над этим регионом. Он также назначил военных наместников по всей империи, которые забирали себе полномочия центра, и плачевные последствия этого проявились достаточно быстро.

Войска Ань Лу-шаня терпели поражение повсюду, и он был вынужден ослабить свою армию, стоявшую у перевала Дун-гуань, который охранял Чаньань. Ян Го-чжун посчитал момент подходящим для контрнаступления. Его настойчивость помогла преодолеть сомнения императора Сюань-цзуна, который приказал своим нерешительным военачальникам перейти в наступление у перевала. В результате армия императора попала в засаду в ущелье между Хуанхэ и горами и была

безжалостно уничтожена.

Когда весть о разгроме достигла Сюань-цзуна, он посреди ночи бежал из Чаньани. В сопровождении Драгоценной Супруги, Ян Го-чжуна, нескольких евнухов и небольшого кавалерийского эскорта он направился на юго-запад, в сторону современной провинции Сычуань. Трудное путешествие по горам превратилось в настоящий кошмар, когда взбунтовался эскорт императора. Сначала мятежники убили Ян Го-чжуна, обвинив его в поражении на перевале Дун-гуань, а затем потребовали от Сюань-цзуна, чтобы тот убил Драгоценную Госпожу, которую они ненавидели за ее влияние на императора; беспомощный Сюань-цзун приказал главному евнуху ее задушить.

По пути в Сычуань император оставил престолонаследника, третьего из тридцати его сыновей, у излучины Хуанхэ, чтобы организовать сопротивление. Наследник справился с поручением весьма успешно, обратившись за помощью к данникам империи, но сначала поддался на уговоры своих военачальников и узурпировал власть. Узнав об этом, старый, измученный и оплакивающий потерю любимой женщины Сюань-цзун тут же отправил все царские регалии новому императору, который остался в истории под своим

посмертным именем Су-цзун. Так закончилось самое длинное и славное царствование в эпоху империи Тан.

В следующем году армия Су-цзуна, ядро которой составляли наемники-уйгуры, вернула Лоян и Чаньань. Император предложил отцу возвратиться в столицу, где четыре года спустя Сюань-цзун умер в возрасте семидесяти семи лет. Он пережил мятежника и самозваного императора Ань Лушаня, который был убит в 757 году. На смену Ань Лу-шаню пришел его сын, первый из пяти лидеров мятежников, убитых своими преемниками. Они пытались раздуть пожар восстания вплоть до 763 года, но так и не сумели добиться массовой поддержки населения. В конечном счете огромные ресурсы империи Тан позволили подавить мятеж, но ущерб от него оказался серьезным и долговременным.

Глава 18. Тан (618–907 гг.). Окончание

В последний год восстания Ань Лу-шаня произошли серьезные беспорядки в Сычуани и в бассейне реки Янцзы. Правительственные войска, посланные на усмирение бунта в городах, расположенных неподалеку от современного Шанхая, проявили невиданную жестокость, ограбив и убив тысячи иностранных торговцев. Однако эти события не имели отношения к восстанию Ань Лу-шаня, самым главным результатом которого стало катастрофическое падение престижа династии. Военные наместники региона Хубэй, где начался мятеж, подчинили себе гражданское население и сделали свои провинции практически независимыми от империи. Другие наместники провинций к востоку и юго-востоку от столицы последовали их примеру и даже объявили о передаче власти по наследству.

В 762 году умер император Су-цзун — в один год с отцом. Императрица намеревалась убить законного наследника престола, который был сыном императора от другой женщины, и поса-

дить на трон собственного сына, но ее заговор был раскрыт одним из влиятельных евнухов, и супруга умершего императора поплатилась за это жизнью. Престолонаследник стал императором, взяв себе имя Дай-цзун.

Его первейшей заботой стала угроза со стороны Тибета. Племена тибетцев все чаще нарушали западную границу империи, а однажды даже захватили Чаньань, успев разграбить и сжечь город, прежде чем их отбросили назад, к границе. Спорадические рейды и набеги на территорию империи вылились в пятидесятилетнюю войну. В результате китайцы лишились земель, с которых прежде получали лошадей, и с тех пор были вынуждены покупать лошадей у уйгуров, на что ежегодно уходили тысячи рулонов шелка. Отношения с самой империей уйгуров были неровными — однажды уйгурская армия даже захватила Лоян.

Восстания и приграничные войны стали причиной экономических трудностей. Чтобы возместить снижение доходов казны из-за небрежной регистрации налогоплательщиков, была усилена соляная монополия: поставщиков соли обязали покупать лицензии, а также продавать свой продукт только представителям государства,

которые облагали его огромным налогом, прежде чем передать торговцам. (Через десять лет точно такая же ситуация сложилась и в чайной отрасли. За сотни лет тибетский способ заваривания чая распространился по всему Китаю — сначала его смешивали с мукой, солью и имбирем, а затем стали употреблять в чистом виде, без добавок. Сычуань и юго-восток страны стали основными поставщиками чайного листа; торговцы закупали его у крестьян и накапливали на складах, прежде чем пустить в продажу. Попытка правительства ввести государственную монополию на чай провалилась, и тогда была создана комиссия, в обязанности которой входило закупать чай у производителей и продавать его торговцам, но коррумпированность членов комиссии привела к сговору с крупными оптовиками и вытеснению с рынка мелких торговцев.) Финансы империи также улучшились благодаря действиям новой волны специалистов со штатом бухгалтеров и клерков, которые эффективно противостояли старой бюрократии, а иногда даже поднимались по карьерной лестнице и попадали в правительство.

Характерной чертой эпохи, наступившей за восстанием Ань Лу-шаня — ее часто называют

Поздняя Тан, — явилось возрождение евнухов как влиятельной политической силы. В былые годы их набирали из военнопленных, а также детей с крайнего юга страны, и теперь численность евнухов достигала нескольких тысяч. Коварные, коррумпированные, но нередко очень талантливые, евнухи являлись единственным связующим звеном между императором и правительством и постепенно распространили свое влияние с Внутреннего дворца на правительство, заседавшее во Внешнем дворце. С течением времени их стали удостаивать почетных титулов, а также назначать на высокие военные должности. Некоторые евнухи усыновляли мальчиков и брали себе «жен», чтобы иметь официальную «семью». Их ненавидели и презирали чиновники, в том числе и те, что управляли финансами, но им приходилось вести дела с евнухами, которые заведовали Императорской казной, которая в тяжелые годы заменила государственную казну.

В последние годы своего правления Дай-цзун — по примеру Сюань-цзуна — все больше увлекался буддизмом, который переживал возрождение благодаря притоку духовенства, строительству новых храмов и усилению влияния. Однако в 779 году этот процесс приостановился — после

смерти императора на престол взошел старший из его двадцати сыновей, Дэ-цзун, который отказался от политики государственной поддержки буддизма.

Новый правитель был реформатором. Он настаивал на экономии, на восстановлении государственной казны и на отмене порочной практики, когда наместники вместо регулярного сбора налогов присылали из провинций «дань». При его правлении была пересмотрена вся налоговая система. Было бы преувеличением назвать налогообложение чрезвычайно интересной темой, но доходы казны — источник жизненной силы любого государства. Введенная в 780 году система заменила разнообразные налоги двумя простыми сборами, из-за чего получила название системы двух налогов. Один налог взимался со всех семей, в зависимости от их размера и имущества, а второй — со всех возделываемых земель. Эти налоги, размер которых варьировался от провинции к провинции, собирались префектурами двумя долями, летом и осенью. Часть их поступала в распоряжение центрального правительства, а часть оставалась в распоряжении провинций, причем соотношение этих частей строго выдерживалось.

Еще до того, как налоговая реформа стала приносить плоды, Дэ-цзун попытался покончить с сепаратизмом, который охватил уже и крайний юг, в результате чего большая часть страны перестала подчиняться Чаньани, а многие наместники вели себя как князья и даже императоры. Однако его усилия, направленные в первую очередь против провинции Хубэй, ни к чему не привели. Когда мятежники перекрыли канал, по которому снабжалась продовольствием столица, попытка собрать налоги в Чаньани привела к восстанию, и император был вынужден бежать из города. Целый год он не мог вернуться в столицу, и к концу 80-х годов VIII века ему пришлось смириться с децентрализацией империи.

Он умер в 805 году, и страна вступила в судьбоносный IX век под управлением его старшего сына, взявшего себе имя Шин-цзун. К сожалению, в результате удара (инсульта?), случившегося за несколько лет до этого, новый император был практически немым, и после месяца затворничества с любимой наложницей и евнухом он отрекся от престола в пользу старшего из своих двадцати трех сыновей, который под именем Сянь-цзуна остался в истории как самый могущественный император династии Поздняя Тан.

Более десяти лет его войска вели кровопролитные сражения, чтобы усмирить непокорные провинции, и им удалось добиться почти полной победы. На какой-то период Китай вновь стал единым государством. Примерно в то же время система двух налогов и энергичные действия в экономической сфере помогли восстановить финансовую и политическую стабильность. В указе об амнистии, выпущенном через год после восшествия на престол, Сянь-цзун присвоил своему правлению девиз Изначальная Гармония и, стремясь воплотить его в жизнь, стал раздавать звания и награды чиновникам и военачальникам. Он обуздал евнухов, и несколько лет бюрократическая машина государства работала эффективно и без сбоев.

Однако так продолжалось недолго. Возобновилась борьба за влияние среди чиновничества, вновь начали плести интриги евнухи. В 820 году Сянь-цзун неожиданно умер — ходили слухи, что его убил один из дворцовых евнухов, но, скорее всего, увлекавшийся алхимией император отравился эликсирами долголетия, которые он постоянно принимал. После его смерти борьба за власть вспыхнула с новой силой, и евнухам удалось посадить на трон своего ставленника. Это

был сын последнего императора Му-цзун. Лишенный энергии и талантов отца, он быстро утратил контроль над северо-восточными провинциями, установленный с таким трудом. Му-цзун правил недолго. В 823 году после несчастного случая во время игры в поло он стал инвалидом, переложил большую часть своих обязанностей на евнухов, а через год умер.

Новым императором стал — опять-таки стараниями евнухов — сын Му-цзуна, взявший себе тронное имя Цзин-цзун. Ему едва исполнилось пятнадцать лет, но он оказался безответственным и распутным человеком. В этих условиях обострилось соперничество между министрами. Враждующие группировки разбились на три лагеря: во-первых, евнухи, во-вторых, ученые, обычно выдержавшие экзамены высшей ступени и назначенные по рекомендации академии Ханьлинь, и в-третьих, представители борющихся за власть кланов, самыми известными из которых были Ниу и Ли. Каждая группировка имела свои цели, но деление на партии коснулось практически всех высших сановников.

Различные партии пытались влиять на результаты экзаменов, которые имели огромное значение для государственных служащих, караб-

кающихся вверх по служебной лестнице. Очень важными в этом смысле были пятый и четвертый ранги — не только из-за привилегий, таких как право присутствовать на различных церемониях при дворе императора, и финансовых льгот (больше всего ценилось право приема сына чиновника на государственную службу без необходимости преодолевать жесткий отбор экзаменационной системы). Но самое главное, они открывали возможность подняться до третьего ранга, из числа обладателей которого выбирались министры.

Евнухи, посадившие Цзин-цзуна на трон, через три года устали от него. Они убили императора, когда тот пьяным возвращался после ночных похождений. В очередной раз определив наследника престола, они сделали императором серьезного и трудолюбивого Вэн-цзуна, единокровного брата предыдущего правителя.

Новый император начал с того, что отправил домой многих дворцовых дам, запретил роскошь и возродил традицию аудиенций, которые не проводились уже много лет. Влияние евнухов принимало все более агрессивные формы, и Вэн-цзун решил положить этому конец. Первая попытка, предпринятая в 830 году, провалилась, поскольку евнухи были заранее предупреждены,

но в 835 году был разработан более хитрый план. Подразделениями имперской армии, охранявшими столицу, командовали евнухи, и поэтому заговорщики, выступавшие на стороне императора, тайно собирали силы к западу от Чаньани. При помощи лидера одной из враждующих групп евнухов они заточили в тюрьму, а затем убили лидера другой группы. После этого на утренней аудиенции у императора было объявлено о благоприятном знамении — на гранатовом дереве во дворе Внешнего дворца выступила сладкая роса. Император отправил присутствовавших на аудиенции евнухов исследовать это чудо. Заговорщики ждали в шатре, установленном во внутреннем дворике, но порыв ветра откинул полог шатра, и прибывшие евнухи услышали лязг оружия. Они в панике бросились бежать, причем большинству удалось ускользнуть, и успели предупредить императорскую армию, которая вошла в город раньше отрядов мятежников. Министров — а вместе с ними членов их семей и многих ни в чем не повинных жителей города — схватили и под пытками заставили признаться. Были убиты тысячи чиновников, в том числе все основные министры вместе с семьями — их публично казнили на одном из рынков.

Неудача «Заговора сладкой росы» сильно повлияла на Вэн-цзуна. Император сделался мрачным и нелюдимым, стал много пить. Евнухи, которое плели интриги вокруг вопроса о престолонаследии, заставили его казнить единственно сына и наследника. Терзаемый угрызениями совести, Вэн-цзун не прожил и года после смерти сына. При поддержке одной из групп евнухов трон унаследовал его брат У-цзун, и в 840 году, после провозглашения того императором, евнухи организовали уничтожение всех его соперников, которых поддерживали другие группы. Однако, несмотря на все могущество евнухов, главной политической фигурой в период шестилетнего правления У-цзуна являлся первый министр Ли Ду-ю, член академии Ханьлинь и опытный чиновник. Его назначение ознаменовало победу партии Ли, к которой он принадлежал, над партией Ниу. Это был приятный в общении, бойкий на язык, образованный, расчетливый, скрытный и надменный человек, превосходный поэт и эссеист, любивший уединение своего огромного поместья, где он выращивал редкие растения. Пользуясь доверием дерзкого, вспыльчивого и упрямого императора, он значительно улучшил работу правительства и обуздал евнухов.

Едва он успел занять свой пост, как со стороны Гоби в страну хлынули полчища уйгуров, теснимых южносибирскими киргизами. Ли Ду-ю предпринял энергичные меры для защиты границ, а затем посланная им армия неожиданно напала на главную ставку уйгуров, убив десять тысяч воинов и столько же взяв в плен. Это произошло в 843 году, и место сражения в Гоби впоследствии получило название «Горы убийства гуннов» (Ша-ху-шан). Важным следствием этой победы стало изгнание из страны религии уйгуров — манихейства (ее основал персидский мудрец III века н. э., соединивший элементы зороастризма, буддизма и христианства, и эта вера распространилась на огромной территории от Испании до Китая).

Ли Ду-ю подавил опасное восстание на востоке страны, на территории современной провинции Шанси, но главным достижением его правительства считаются гонения на буддистов. Оправившись от прежних репрессий, они достигли такого богатства и могущества, что бросили вызов государству. Величественные буддийские храмы были заполнены изделиями из золота и серебра, обширные владения включали в себя плодородные поля и богатые дичью леса, а

многочисленное духовенство не платило налогов. Император, будучи твердым сторонником даосизма и испытывая финансовые трудности, не смог удержаться от искушения и нанес удар по буддизму. Согласно программе репрессий, составленной Ли Ду-ю, разграблению подверглись тысячи буддийских храмов и часовен, а вместе с ними погибли великие произведения буддийской архитектуры, живописи и скульптуры, создававшиеся на протяжении двух веков. Бронзовые изваяния, колокола, гонги и храмовые принадлежности переплавили, чтобы из полученного металла чеканить монету, хронический недостаток которой объяснялся сокращением добычи металлов. Четверть миллиона монахов и монахинь заставили вернуться к мирской жизни. После окончания репрессий буддизм не исчез как интеллектуальное и художественное направление, но буддийская «церковь» уже больше не могла соперничать с государством.

Император У-цзун умер в 846 году — вполне возможно, он стал очередной жертвой алхимических эликсиров. Решающее слово в вопросах наследования престола вновь принадлежало евнухам. Новым правителем Китая стал Сюань-цзун, дядя двух предыдущих императоров. Он

был тринадцатым сыном Сянь-цзуна, помнил мудрое правление отца, считал его смерть убийством и безжалостно преследовал всех, кто имел к ней хоть какое-то отношение. Император также очень любил своих ближайших родственников и однажды простил сестру, которая в его присутствии сломала палочки для еды и суповую ложку, протестуя против того, что ей навязывали жениха. Его сдержанность в этом эпизоде тем более удивительна, что он настаивал на строгом соблюдении этикета даже в мельчайших деталях. Преисполненный решимости добиться абсолютного подчинения придворных, он безжалостно третировал министров, так что после бесед с императором те выходили мокрыми от пота. Он уволил Ли Ду-ю, позволив партии Ниу вернуть часть утраченных позиций, но длительной и жестокой вражде между кланами Ли и Ниу был положен конец. Практически исчезла угроза со стороны тибетцев, государство которых уже несколько десятилетий раздирали противоречия между группировками, племенами и династиями. Не требовали постоянного внимания и уйгуры — после того, как их победили киргизы, установившие дружественные отношения с Китаем; однажды китайцам даже

удалось купить у уйгуров лошадей, уплатив меньше полумиллиона рулонов шелка. В стране установилось относительное спокойствии, если не принимать во внимание мелкие восстания и длившиеся несколько лет военные операции, призванные положить конец набегам нового врага, появившегося на плато Ордос. Это были племена тангутов, выходцев из Тибета. Несмотря на сохранявшуюся децентрализацию власти, номинально император обладал мандатом Неба на управление большей частью империи.

Неспокойные времена не могли помешать развитию искусства и культуры в целом. Художники и скульпторы преуспевали, а ремесленники продолжали создавать уникальные изделия из нефрита, золота и серебра. Поэзия не утратила своей популярности, но уровень ее снизился по сравнению с первыми годами правления династии Тан. Тем не менее китайская литература этого периода обогатилась таким жанром, как рассказ, сделав значительный шаг вперед в своем развитии. Примечательно, что вклад в этот процесс внесло административное устройство Чаньани. Деление города на районы, ворота которых под барабанный бой запирались с заходом солнца и отпирались на заре, вело к тому, что

гость, оставшийся в чужом районе, был вынужден провести там ночь, и именно этот сюжет лег в основу многих романтических и эротических рассказов того периода. Встречались и другие сюжеты — предательство, героизм, отношения между людьми и сверхъестественными существами. В некоторых произведениях даже романтизировались разбойники, превращавшиеся в серьезную проблему для страны.

Настоящим бедствием стали речные пираты, для борьбы с которыми еще в 30-х годах IX века были созданы специальные подразделения. Тем не менее бандитизм становился все более распространенным явлением. Контрабандисты, занимавшиеся перевозкой соли, объединялись в шайки численностью до ста человек. Чиновники, доставлявшие в столицу деньги, зерно и шелк, собранные в качестве налогов, были беззащитны перед разбойниками; не меньшей опасности подвергались купцы, благосостояние которых зиждилось на торговле чаем и другими товарами, а также процветающая международная торговля в южных портах. Некоторые торговцы перестали возить с собой деньги и пользовались векселями — прообразами бумажных денег, — которые выпускали ювелиры, бравшие на себя функции

примитивного банка. Однако разбой на дорогах приносил значительные убытки.

Членами банд становились крестьяне, разоренные непомерным грузом налогов или согнанные с земли в процессе создания крупных поместий. К концу 50-х годов IX века эти преступные банды спровоцировали серьезные восстания, в том числе мятежи военных гарнизонов вдоль Великого канала и в нижнем течении Янцзы, а на юге, прежде считавшимся оплотом спокойствия и стабильности, вспыхивал один бунт за другим. Лидер разбойников по имени Ши Фу, действовавший в прибрежной провинции к югу от современного Шанхая, сумел собрать тридцатитысячную армию — это были «разбойники с гор и морей, банды преступников и беженцев из других провинций; они стекались отовсюду, словно тучи». Одолеть эту армию удалось лишь с огромным трудом, пришлось привлечь значительные силы, в том числе кавалерию иностранных наемников.

На юго-западе страны появилась новая угроза. Тибетские и бирманские племена, населявшие практически неприступное горное плато в провинции Наныпао, уже довольно давно вели агрессивную политику. Захватив север Бирмы,

они напали на Сычуань, но, получив отпор, повернули на юг и двинулись к побережью с богатыми портовыми городами, такими как Кантон. Столкновения с ними продолжались до конца 60-х годов.

Затраты на военные кампании тяжелым бременем легли на всю страну, особенно на восточные и юго-восточные провинции, пострадавшие от сильных стихийных бедствий. Наводнения на Великой равнине, погубившие десятки тысяч семей, сменились засухой, а затем нашествием саранчи. На юге, вплоть до нижнего течения Янцзы, начался голод, а сбор продовольствия для армии вызывал растущее недовольство.

Вновь начались мятежи в гарнизонах, наиболее серьезные на юге. Командир по имени Бан Сюань повел свой восьмитысячный отряд на север, сначала по суше, а затем морем, форсировал Янцзы и высадился к востоку от Лояна: к нему присоединились банды разбойников и тысячи крестьян. На протяжении целого года эта армия терроризировала десять префектур, прежде чем правительственные войска — опять-таки с помощью кавалерии наемников — смогли ее разгромить.

В 859 году, в разгар этих событий, умер импера-

тор Сюань-цзун. Перед смертью он долго болел, став очередной жертвой ядовитых эликсиров из минералов, к которым испытывали пристрастие приверженцы даосизма. Он не назвал имени своего преемника, и это дало возможность разным группировкам евнухов возобновить интриги — как при выборе пяти предыдущих наследников. Трое евнухов заявили, что умерший император втайне сообщил им о решении передать трон своему третьему сыну. Они боялись противодействия со стороны чиновников, а также знаменитого полководца — тоже евнуха, — поддерживавших старшего сына Сюань-цзуна, и поэтому, скрыв смерть императора, вышли из дворца с поддельным указом о назначении этого полководца в одну из отдаленных провинций. Но не доверявший никому военачальник тайно проник во дворец и узнал правду. Троих евнухов казнили, и на трон взошел старший сын Сюань-цзуна.

Новый император Ю-цзинь был расточительным, жестоким и капризным человеком. Рассказывают, что однажды он произвел в военачальники своего любимого музыканта. В другом случае он казнил министра, который предупредил его о заговоре, которым руково-

дил брат любимой наложницы императора. Правительство Ю-цзиня состояло из евнухов и мелкопоместных дворян, что вызвало недовольство среди самых известных кланов и ученых из академии Ханьлинь, и их сдерживала лишь угроза бунта в провинциях.

Император горячо поддерживал буддизм, ведущая роль которого в китайском обществе начала восстанавливаться еще при его отце. Первый министр был фанатичным приверженцем этой религии — живя в миру, он не пил вина, не ел мяса **pi сочинял книги** религиозного содержания. Именно при его жизни был опубликован самый старый из сохранившихся священных буддийских текстов, «Алмазная сутра». После выхода книги в 868 году Ю-цзинь устроил в своем дворце грандиозный праздник, пригласив на него несколько тысяч монахов. Два года спустя он решил возродить церемонию поклонения мощам Будды, которая проводилась с необычайной пышностью. Вне всякого сомнения, на этот поступок императора толкнуло холодное дыхание смерти — через несколько месяцев он умер.

Решение вопроса о наследнике опять оказалось в руках евнухов, и новым императором стал пятый сын Ю-цзиня, которому исполнилось

всего двенадцать лет и который правил с 873 года под именем Ци-цзинь. Он по-мальчишески увлекался разными видами спорта, такими как стрельба из лука, скачки и фехтование, и особенно гордился успехами в любимом развлечении эпохи Тан — футболе; он любил математику и музыку, но самой большой его страстью были азартные игры — гусиные и петушиные бои, а также игра в кости. Повзрослев, он стал интересоваться государственными делами, но жестокость и непоследовательность не позволили ему стать истинным правителем самого многочисленного народа на Земле, численность которого приближалась к ста миллионам человек. Он во всем полагался на своего главного евнуха, внушавшего страх Тянь Лин-ци, который отвлекал императора незначительными делами и сосредоточивал власть в своих руках.

Однако четыре главных министра, сменившие своих ничем не примечательных предшественников во Внешнем дворце, принадлежали к высшей аристократии и были более значительными фигурами. Они покончили с коррупцией, которая при Ю-цзине достигла масштабов эпидемии, и улучшили работу правительства. Но ситуация, с которой они столкнулись, была про-

сто ужасна. Волнения в стране усилились после засухи, грозившей массовым голодом в некоторых районах, где люди уже питались ягодами и листьями. Тяжелая экономическая ситуация не позволяла снижать налоги, и многие крестьяне продавали бревна, из которых были построены их дома, отдавали детей в рабство, а жен отправляли на работу в качестве прислуги.

В такой обстановке бандитизм разросся до невиданных масштабов. Среди холмов на западе и юге Великой равнины преступники чувствовали себя совершенно свободно; в прибрежных областях, где была развита добыча соли, высокие налоги привели к всплеску нелегальной торговли; в долине Янцзы разбойники беспрепятственно грабили купцов. Некоторые банды разрослись до размеров небольших армий, способных даже нападать на укрепленные города, — для этого банды объединялись под началом самого сильного из главарей, который обычно давал свою фамилию преданным сторонникам, чтобы еще больше привязать их к себе.

На борьбу с бандитами у отрядов императорской армии ушло много лет. Дело в том, что центральная власть все больше слабела. Во многих районах взбунтовавшееся население

смещало или убивало ненавистных префектов. Не прекращались крестьянские бунты, и хотя они обычно заканчивались возвращением крестьян к своим наделам, именно измученные бедностью сельские жители объединялись в разбойничьи банды. К ним примыкали разного рода неудачники, преступники, бродяги, а также люди, согнанные с насиженных мест в результате восстания Ань Лу-шаня. Другими словами, банды разбойников были не исключительно крестьянским явлением, а следствием общего роста преступности, хотя они пополнялись за счет крестьян и время от времени рядились в мантию повстанцев, борющихся с правительством.

Первый из двух самых серьезных всплесков бандитизма, вылившихся в настоящие восстания, начался в 874 году. Лидер объединившихся банд Ван Сянь-чжи двинулся на запад из района современной провинции Шаньдун, и его армия усиливалась с каждым днем. Он почти дошел до Лояна, угрожая захватить город, а затем повернул на юг, грабя города и деревни на огромной территории в несколько тысяч квадратных миль, вплоть до среднего течения Янцзы. Наводнения, вызванные разливами Хуанхэ, а также нашествие саранчи способствовали пополнению

повстанческой армии разорившимися крестьянами. Ван Сянь-чжи объявил себя верховным главнокомандующим и издал декрет о смещении правительства, обвинив министров в нечестности и коррупции.

Четыре года правительство боролось с мятежом. Военные операции сочетались с посулами всеобщей амнистии и даже постов в правительстве, одновременно создавались отряды местного ополчения. Тому, кто захватит лидера бандитов и триста его сторонников, были обещаны чин и денежное вознаграждение. Попытки разрешить проблему бандитизма привели к спорам и разногласиям внутри правительства, однако в конечном счете оно приступило к решительным силовым действиям, закончившимся разгромом армии Ван Сянь-чжи и его смертью.

Какое-то время бандитизм проявлялся лишь в деятельности мелких групп, но затем на исторической сцене появился Хуан Чао, бывший союзник Ван Сянь-чжи, гораздо более опасный, чем его предшественник. Разорившийся торговец солью, он командовал многочисленным войском и называл себя Небесным полководцем. Поначалу энергичные действия правительства обратили его армию в бегство. Испугавшись сильного вой-

ска, которое охраняло Лоян, он повернул на юг, пересек Янцзы и совершил рейд через дельту реки. Затем он преодолел несколько сотен миль по диким безлюдным горам и разграбил расположенную на побережье столицу провинции. Преследуемый по пятам императорской армией, которая даже смогла захватить несколько сподвижников Хуан Чао, он продолжал двигаться на юг и в середине 879 года встал лагерем в окрестностях Кантона. Сначала он пытался договориться о сложении повстанцами оружия в обмен на его назначение военным наместником, но, получив отказ, решительно пошел на приступ и за один день захватил город. Хуан Чао взял в плен наместника и, когда тот мужественно отказался вести переговоры, казнил; богатый портовый город был безжалостно разграблен. Из двухсоттысячного населения Кантона в живых остались не более восьмидесяти тысяч человек, причем мятежники убивали в основном купцов из юго-восточной Азии, Индии, Персии и арабских стран.

После этой резни Хуан Чао повернул назад, на север. Вобрав в себя многочисленные разбойничьи банды, армия мятежников дала несколько сражений войскам императора Ци-цзиня; время от времени она терпела поражения, но все же

сумела избежать разгрома. Наступление облегчалось тем, что военачальники, призванные противостоять мятежникам, оказывались либо предателями, либо трусами, либо некомпетентными в военном деле людьми. Государственный аппарат империи полностью прогнил, и местное начальство, предвидя неминуемый конец династии, думало только о себе, а бандитизм процветал даже в провинциях, не затронутых операциями армии Хуан Чао.

Лидер мятежников во главе своей окрепшей армии переправился через Янцзы и двинулся к самой Чаньани. При его приближении правительственные войска, охранявшие подходы к столице, в панике бежали. В последний месяц 880 года Чаньань пала. После двухлетнего похода, преодолев три тысячи миль, Хуан Чао въехал в столицу в золоченом паланкине, в сопровождении нескольких тысяч сторонников, в одеждах из парчи, с повязкой из алого шелка на голове. Толпы наложниц из гарема и чиновников вышли на улицы приветствовать его, поскольку император в окружении евнухов и малочисленной свиты исчез во мраке ночи.

Затем началось разграбление самого богатого города в мире. К грабежам добавились массовые

убийства — говорят, погибли восемьдесят тысяч человек — и пожары на рынках. После разгрома огромный город уже не смог восстановить своего великолепия. Хуан Чао взошел на трон и объявил себя основателем новой династии Великая Ци (в честь древнего названия его родного Шаньдуна). Он заменил всех оставшихся в живых чиновников высшего ранга некомпетентными или не желающими исполнять свои обязанности людьми, и его краткое правление отличалось необыкновенной жестокостью. Однажды, прочитав памфлет на самого себя, написанный на воротах одного из министерств, он приказал убить всех чиновников этого министерства: у них вырвали глаза, а мертвые тела повесили на всеобщее обозрение; казнены были не только охранявшие ворота стражники, но и все жители города, способные сочинить такие стихи. В результате таких действий поддержка, которую оказывали Хуан Чао образованная элита и провинции, быстро испарилась.

Тем временем юный император Ци-цзинь проделал путь длиной в несколько сотен миль на юго-запад, перевалил через хребет Цинлинь, высота которого достигает девяти тысяч футов, и, преодолев еще четыреста миль, оказался у второй

горной гряды в провинции Сычуань. Здесь его двор оказался в трудном положении. Сам император фактически был пленником главного евнуха, Тянь Лин-ци. Несмотря на то что правительство было усилено за счет опытных чиновников, разделивших ссылку с императором, его постоянно раздирали противоречия — чиновники не находили общего языка с евнухами. Даже соседние провинции захлестнула волна мятежей и бандитизма. Это бедствие, поразившее весь Китай, стало причиной создания сильных ополчений, во главе которых нередко стояли хозяева крупных поместий. Именно эти люди, а также наместники провинций являлись истинными хозяевами страны.

Тем не менее для императора Ци-цзиня не все еще было потеряно. Бывший первый министр, командовавший верными императору войсками, сосредоточенными к востоку от Чаньани, написал Ци-цзиню письмо, поклявшись отбить столицу у мятежников. Армия Хуан Чао, посланная против войск бывшего министра, была разбита. По мере того как провинции одна за другой отказывали в поддержке Хуан Чао, верные императору войска постепенно приближались к Чаньани. Лишенные снабжения мятежники ока-

зались запертыми в опустевшем городе, причем многие опустились до каннибализма.

Правительство обратилось за помощью к тюркскому племени шато, вождем которого был Ли Го-юнь — царская фамилия Ли была дарована его отцу за помощь в подавлении одного из прошлых восстаний. Победы правительственных войск вынудили Хуан Чао дать решительный бой силам Ли Го-юня, но 150-тысячная армия, собранная им для этой цели, была разбита. Это и последующие поражения заставили его в первой половине 883 года оставить столицу. После года сражений и осад городов, в большинстве своем проигранных, Хуан Чао бежал на восток, безжалостно преследуемый Ли Го-юнем. В конечном счете его отряд, уменьшившийся до тысячи человек, был загнан в долину Волков и Тигров в провинции Шаньдун. Хуан Чао отказался сдаться и покончил жизнь самоубийством, перерезав себе горло. Отрубленную голову мятежника отправили императору.

Усмирение бунта, сотрясавшего империю на протяжении десяти лет, не принесло мира на землю Китая и не стало условием для объединения страны. Когда в 885 году император вернулся в столицу — город был полностью разорен, улицы заросли боярышником и ежевикой, и по ним бе-

гали лисы и зайцы, — он столкнулся с непростой ситуацией. Тюрки-шато, уйгуры, тангуты и другие иноземные племена из-за Великой Китайской стены хлынули в страну, оккупировав значительную часть северных провинций, а остальные управлялись, как правило, наместниками некитайского происхождения. Власть императора распространялась лишь на три провинции в непосредственной близости от Чаньани, и если девять южных регионов номинально признавали его сюзереном, то все остальные тридцать провинций управлялись независимыми наместниками — по большей части бывшими военачальниками или главарями банд.

Положение Ци-цзиня ухудшилось после того, как в результате отчаянной попытки увеличить доходы казны он поссорился с вождем шато Ли Го-юнем, который в награду за военную помощь получил пост наместника одной из отдаленных северо-восточных провинций. Ли ответил походом на Чаньань, и все усилия остановить его оказались тщетными: шато захватили столицу и разграбили ее еще сильнее, чем прежде. Император вновь бежал на запад, перебравшись через хребет Цинлинь по Заоблачной дороге. Этот путь был опасен — почти пятьдесят миль дорога шла

по деревянной эстакаде, укрепленной на отвесных скалах, нависающих над ревущими горными потоками. Одни местные военачальники выступили против Ци-цзиня, но другие приняли его сторону — особенно после того, как ненавистный евнух Тянь Лин-ци покинул двор, а Ли Го-юнь снова помирился с императором. После двухлетнего изгнания Ци-цзинь смог вернуться в разрушенную Чаньань, но он был уже смертельно болен и вскоре, в 888 году, умер, прожив лишь двадцать лет, полных опасностей и невзгод.

Правление династии Тан подошло к концу. На трон взошел младший брат Ци-цзиня, способный и умный молодой человек, которому едва исполнился двадцать один год. Он остался в истории под именем Чао-цзиня и за четырнадцать лет своего правления два раза был вынужден бежать из столицы — в одном случае его спас Ли Го-юнь, получивший в награду самую красивую девушку из императорского гарема; некоторое время он фактически был пленником, лишенным какой бы то ни было власти. Военные наместники в провинциях вели бесконечные интриги и воевали друг с другом, стремясь утвердить свою независимость и расширить подконтрольные им территории. Казни и самоубийства придворных

случались все чаще, а между евнухами и высшими сановниками разгорелся жестокий конфликт, закончившийся в 903 году безжалостным уничтожением евнухов. Через год был убит и сам Чао-цзинь. На троне его сменил девятый сын по имени Ай-ди, которому было всего двенадцать лет, но и того свергли в 907 году. После трехсотлетнего правления — за это время Запад увидел возвышение викингов, образование Священной Римской империи и появление халифов — династия Тан лишилась мандата Неба.

Перед самым закатом империи Тан произошло событие, не предвещавшее ничего хорошего ни Востоку, ни Западу — в одном из даосских храмов был изобретен порох. Этот продукт алхимических опытов, представлявший собой смесь угля, серы и селитры, поначалу не оценили по достоинству и использовали лишь для разжигания огня и получения дыма, но время поставило его в один ряд с компасом, бумагой и книгопечатанием, которые считаются главным вкладом Китая в драму человеческой истории.

Глава 19. Пять династий, Десять царств и Сун

Человека, который в 903 году устроил резню евнухов, а год спустя организовал убийство предпоследнего императора династии Тан, звали Чжу Вэнь. Он происходил из семьи учителей и ученых, но предпочел военную службу, превратившись в жестокого, безжалостного и погрязшего в грехе военачальника, о котором ходили слухи, что он поддерживает кровосмесительные отношения со всеми восемью своими невестками. Он начинал карьеру у предводителя мятежников Хуан Чао, но затем переметнулся на сторону правительства и сражался в рядах императорских войск, пока не создал собственную армию. В 907 году, свергнув последнего императора династии Тан и контролируя значительные территории на севере и востоке страны, он объявил себя основателем новой династии. Так начался период в истории Китая, получивший название «эпохи пяти династий и десяти царств»: первые существовали в северной части страны, а вторые — в южной. Империя распалась в третий раз.

Пять династий быстро сменяли одна другую. Первая из них, Поздняя Лянь, название которой дал ее основатель Чжу Вэнь, уступила место сначала тюркской династии Поздняя Тан, а затем династии Поздняя Цзинь. Но вскоре после этого воспрянувшие кидани создали свою империю, простиравшуюся от Монголии и Маньчжурии, и основали династию Ляо, которая из столицы, расположенной вблизи современного Пекина, контролировала весь север Китая. К югу от империи киданей обширные земли находились под властью династий Поздняя Хань и Поздняя Чжоу. Нет смысла подробно описывать эти династии, просуществовавшие, за исключением Ляо, в общей сложности около полувека, и останавливаться на приобретениях и потерях территорий от Янцзы до Великой Китайской стены. Достаточно сказать, что в ту эпоху большая часть севера страны находилась в руках чужеземцев, и хотя китайские солдаты и знать, а также китайская культура продолжали играть решающую роль в жизни страны, бурные времена привели к обнищанию населения. На юге Китая ситуация была совсем другой.

Здесь образовались маленькие независимые государства, так называемые «десять царств», во

главе которых встали бывшие военные наместники — разного происхождения, от плотника до деревенского вора, — теперь называвшие себя князьями. Подвластные им территории процветали — в основном за счет торговли и добычи полезных ископаемых. Особенно благоприятная экономическая ситуация сложилась в провинции Сычуань, известной своими чайными плантациями и соляными копями. Ее правителем стал властный военачальник, начинавший службу простым солдатом и пользовавшийся покровительством печально известного евнуха Тянь Лин-ци. Он взял за образец режим Тянь Лин-ци и сумел привлечь к себе правящую элиту династии Тан, а также многих поэтов и художников. Именно в этом царстве печатались священные книги даосизма, и оттуда искусство книгопечатания стало распространяться на восток. В 932 году началась двадцатилетняя работа по составлению библиотеки классических произведений конфуцианства — всего на деревянных дощечках было вырезано сто тридцать томов, — и процесс распространения книг значительно ускорился.

Весенней ночью 960 года один китайский полководец спал в своей ставке поблизости от столицы северного царства, города Кайфын,

расположенного на берегу Великого канала неподалеку от Хуанхэ, в ста пятидесяти милях от Лояна. Он был выходцем из семьи потомственных военных, проживавших к югу от современного Пекина, и дослужился до поста главнокомандующего последней из пяти династий, Поздней Чжоу. На заре полководца разбудили солдаты. Они облачили его в желтую мантию, символ царской власти, и, невзирая на протесты, объявили императором. Последовавший за этими событиями государственный переворот положил конец династии Поздняя Чжоу, и полководец Чжао Гуань-инь стал основателем новой династии Сун, взяв себе тронное имя Тай-цзу.

Эта династия, просуществовавшая 319 лет, во многих отношениях стала одной из самых известных династий Китая. Прежде чем приступить к повествованию о ее достижениях, следует вкратце очертить историю этой династии.

Первый период, до 1126 года, когда столица государства находилась в Кайфыне, носит название Северная Сун. Укрепив свою власть в столице, Тай-цзу занялся воссоединением Китая. Он попытался победить врага на севере, но киданьская династия Ляо оказалась слишком сильна, и ему пришлось сосредоточиться на южном на-

правлении. Следующие двадцать лет ушли на подчинение десяти южных царств, которые одно за другим признавали власть Тай-цзу. Основная часть Китая объединилась под его властью, хотя независимыми еще оставались обширные территории на севере страны (Ляо), на северо-западе, где тангуты, объединившись, создали могущественное царство Ся, а также в юго-западных районах, находившихся под властью бирманских и тибетских племен.

В периодических стычках с «варварами», которые вторгались в страну с севера и запада, имперская армия действовала не очень успешно, и поэтому сдерживать врага приходилось при помощи внушительной дани. Так, например, с 1004 года империя ежегодно выплачивала империи киданей Ляо 100 тысяч унций серебра и 200 тысяч рулонов шелка, что составляло около двух процентов дохода государственной казны и оказалось гораздо дешевле и эффективнее военных действий.

Примерно в 1110 году, в период правления императора Хуэй-цзуна, который прославился как художник и коллекционер произведений искусства, события стали развиваться в благоприятном, на первый взгляд, для династии Сун

направлении. Племена тангутов из Маньчжурии заключили союз (они назвали себя чжурчжэнями), отказались признавать власть киданей и выступили против династии Лян. Однако вскоре события приняли неприятный оборот и для династии Сун. Чжурчжэни не только уничтожили киданьское царство Ляо, захватив в 1125 году его столицу, располагавшуюся в окрестностях современного Пекина. В следующем году они напали на Кайфын. Любитель искусства Хуэй-цзун отрекся от престола в пользу своего сына, и они оба попали в плен к чжурчжэням. Нового императора увезли на север, и поначалу ему воздавали императорские почести. Однако постепенно он лишился всего — власти, имущества, привилегий — и умер в жалкой хижине. Династия Северная Сун прекратила свое существование, и на ее развалинах чжурчжэни основали свою династию, которую назвали Цзинь («золото»).

Тем не менее после катастрофы 1126 года брат плененного императора сумел бежать на юг. Там он основал династию Южная Сун, столицей которой стал город Ханькоу. Несмотря на то что весь север страны находился в руках чужеземцев — правда, в областях, контролируемых династией Цзинь, численность этнических китайцев

достигла сорока миллионов человек, а китаизированная система управления и культура превратили их во «второй Китай», — империя продолжала существовать в усеченном виде. Имея пятьдесят миллионов человек населения и сохранив наиболее влиятельные кланы, она обладала огромной экономической мощью. Переход от Северной Сун к Южной Сун прошел практически безболезненно.

Стычки на северной и западной границах не прекращались, но войны с империей чжурчжэней Цзинь привели к подписанию мирных соглашений, согласно которым Южная Сун считалась вассалом Цзинь и была обязана ежегодно выплачивать дань. Однако в 1204 году группа чиновников из правительства Сун под руководством некого Хань До-вэя, которого поддерживали военные, захватила власть и начала военную кампанию против Цзинь. Война закончилась сокрушительным поражением. Империя Сун запросила мира — отрубленную голову Хань До-вэя покрыли лаком и в специальной шкатулке отправили чжурчжэням, которые выставили ее в часовне, посвященной императорским предкам. На смену старому мирному договору пришел новый.

Именно в этот период в степях на дальнем севере и северо-востоке появилось маленькое облачко, которое впоследствии разрослось до невиданных размеров тучи, накрывшей земли от Японского моря до самой Европы. В эпоху пяти династий тюркские племена шато покинули Китай и вернулись в Монголию, влившись в тюркско-монгольский союз, давший начало государственному образованию, которое впоследствии получит название «великой монгольской империи». В 1185 году к власти у монголов пришел Чингисхан. Он прошел всю Центральную Азию до самого Черного моря, а затем повернул назад и обрушился на тангутскую империю Ся у северо-западной границы Китая; в 1227 году после длительной осады его войска захватили столицу тангутов. Как раз в это время сам Чингисхан погиб, упав с лошади, в результате чего была вырезана большая часть населения города — как объясняли монголы, чтобы обеспечить умершему хану должное сопровождение в загробную жизнь.

Чингисхан уже совершал набеги на империю чжурчжэней Цзинь, и при его наследнике Угэдэе, взявшем себе титул каган («император»), война разгорелась в полную силу. Ее кульминацией

стала осада столицы чжурчжэней Кайфына. Осада города, среди защитников которого было много китайцев, длилась целый год и была примечательна тем, что обе воюющие стороны использовали порох. Гранаты, которые метали при помощи катапульт, наносили огромный урон живой силе и лошадям противника; кроме того, китайские ремесленники изготавливали похожие на ракеты «огненные копья». Они представляли собой трубки из нескольких склеенных между собой слоев бумаги, набитые древесным углем, железными опилками, размолотым фарфором, серой и селитрой и прикрепленные к копьям — при поджигании из них вырывался сноп огня на расстояние до десяти футов, и их можно было использовать повторно. После того как город наконец пал, империя Цзинь просуществовала всего шесть месяцев.

За смертью Угэдэя последовало два периода регентства и краткое правление его сына, после чего правителем монголов стал один из внуков Чингисхана, Мункэ (1251 г.). Он строил планы покорения империи Сун. Мункэ действовал очень осторожно, поручив это непростое дело своему брату, Хубилаю. Сначала были укреплены западные границы Сун и построен флот. В 1268 году

монгольские орды — в их составе помимо тюрков и монголов были китайцы, персы и уйгуры — тремя колоннами обрушились на Южную Сун. Первой крупной целью монголов был город на реке Хань, притоке Янцзы. Здесь стояла крепость с мощными оборонительными укреплениями, и ее защитники успешно отражали все атаки врага. Хубилай бросил на крепость сто тысяч человек и пять тысяч судов, а для управления осадными орудиями привез из Персии сведущих в инженерном деле мусульман. Активное использование метательных снарядов и огромных камней, запускаемых с катапульт, позволило монголам после пятилетней осады взять город. Затем они двинулись в глубь страны, выигрывая битву за битвой, а войска Сун отступали на юго-восток. Шесть лет упорно и отважно они сражались с врагом, но все их усилия оказались тщетными: монголы неуклонно продвигались вперед — их не могли остановить даже непроходимые джунгли, — пока не достигли юго-восточных районов империи. Здесь, недалеко от Кантона, в середине 1279 года утонул последний император династии Сун, малолетний Сян-син. Воды, сомкнувшиеся над его головой, погубили и саму династию.

Тем не менее достижения династии Сун заслу-

живают того, чтобы мы, прежде чем вернуться к победоносным монголам, подробнее рассказали об этой эпохе. Китай в период с XI по XIII век можно причислить, наряду с исламским миром, к одним из самых цивилизованных государств планеты, и именно тогда в стране совершился переход от средневековья к современности.

Во многих отношениях тон был задан основателем династии, императором Тай-цзу. Он проявлял благородство по отношению к побежденным врагам и в каждой войне запрещал излишнюю жестокость; кроме того, ни один смертный приговор не мог быть приведен в исполнение без его согласия. Он любил науку и тщательно отбирал чиновников из круга образованных людей. Своей бережливостью он подавал пример подданным. Его сердечность в отношениях с людьми может продемонстрировать глубокая преданность брату: подчиняясь воле матери, он, назначив сына престолонаследником, одновременно выпустил указ о том, что сначала трон должен унаследовать брат. Однажды, когда врачи назначили брату императора прижигание, Тай-цзу настоял, чтобы процедуру сделали и ему — он хотел разделить боль брата.

Успех династии в значительной степени

определялся стабильностью. Так, например, в династии Северная Сун насчитывается всего семь императоров, а средний срок правления составляет более двадцати лет, — и только последний император правил недолго, попав в плен к чжурчжэням. Двор не сотрясали никакие скандалы, хотя один из императоров династии сошел с ума, и некоторое время страной правила императрица, пока не подрос их сын Чжэнь-цзун (1022–1063), самый талантливый и гуманный император династии.

Такая же стабильность была характерна и для государственного аппарата: верхние эшелоны не разрушались массовыми самоубийствами и казнями, которые в прошлом становились следствием ожесточенной борьбы группировок, и только к концу правления династии в правительстве возникли разногласия. Принцип верховенства гражданских властей в государстве был заложен еще в самом начале правления Тайцзу. Через год с небольшим после восшествия на трон он устроил пир для высших военачальников. Когда, как повествует историческая хроника, они уже достаточно выпили и пребывали в приподнятом настроении, император обратился к ним с речью.

«Я плохо спал ночью», — сообщил император, и полководцы поинтересовались причиной его бессонницы. «Об этом нетрудно догадаться, — ответил правитель Поднебесной. — Кто из вас не жаждет занять мой трон?» Полководцы склонились в глубоком поклоне и запротестовали: «Зачем Ваше Величество так говорит? Мандат Неба установлен. Разве кто-то замышляет государственный переворот?» «Я не сомневаюсь в вашей преданности, — ответил император. — Но если однажды утром кого-то из вас поднимут и облачат в желтую мантию, даже против его воли, сможет ли он уклониться от обязанности свергнуть Сун (как меня против моей воли обязали свергнуть Цзинь)?» Полководцы отвечали, что ни один из них не обладает достаточным талантом, чтобы даже подумать об этом, и попросили у императора совета. Император ответил: «Жизнь человека коротка. Повезло тому, кто богат, имеет возможность наслаждаться жизнью и оставить состояние своим потомкам. Если вы, мои военачальники, откажетесь от военной службы и удалитесь в провинцию, выбрав лучшие земли и лучшие дома, и проведете остаток жизни в покое и наслаждениях, пока не покинете этот мир в преклонном возрасте, не будет ли это лучше, чем

полная опасностей и неопределенностей жизнь? Чтобы на отношения между императорским домом и министрами больше не ложилась тень подозрений, мы свяжем наши семьи узами брака, и тогда правитель и подданные, соединенные любовью и дружбой, будут наслаждаться миром и покоем». На следующий день все военачальники подали в отставку под предлогом вымышленных болезней и удалились в сельскую местность, а император преподнес им богатые дары и назначил на высокие должности в провинциях.

С тех пор управление страной осуществляли гражданские власти без участия армии, как это было прежде, хотя чиновники набирались в том числе и из военных, имевших собственную систему подготовки и экзаменов. Этот порядок соответствовал конфуцианской идее правительства, состоящего из компетентных и добродетельных людей. Государственный совет, в котором насчитывалось от пяти до девяти членов, под председательством императора определял общее направление политики, а ученая палата составляла официальные документы. Решение принимались только после тщательного обсуждения, а император видел свою роль как человека, который утверждает принятое

решение или которому принадлежит решающий голос. Огромные усилия предпринимались для того, чтобы люди любого ранга по всей стране получили возможность высказывать свое мнение, не опасаясь репрессий, и чтобы их предложения были услышаны. Проведение в жизнь решений государственного совета возлагалось на одно из трех главных министерств — экономики и финансов, военного министерства и секретариата. Секретариат отвечал в том числе за правосудие и кадровую политику — набор чиновников, назначения на должности, продвижение по службе.

Центральному правительству подчинялись около трехсот префектур, на которые была поделена страна, и в каждой префектуре имелась администрация, подотчетная сначала Кайфыну, а затем Ханькоу. Префектуры, в свою очередь, были поделены на районы, в каждом из которых имелись по три государственных служащих, а также около сотни секретарей и тюремщиков. Им подчинялись старосты деревень, которые работали бесплатно и которым помогали избираемые на три года «главы семей». В их обязанности входил сбор налогов, и они отчитывались перед так называемыми старейшинами, которые отвечали за поддержание законности и порядка, ремонт

дорог и строительство мостов. Выбор этих должностных лиц определяла, как правило, местная аристократия.

С самого начала было признано, что для слаженной работы государственного аппарата и обеспечения спокойствия в стране, а также социального прогресса и экономического процветания жизненно необходим класс высокообразованных чиновников. В результате в империи Сун сформировалась беспрецедентная по своему охвату экзаменационная система. Судьба отдельных людей, семей и даже общин нередко зависела от результатов экзаменов. Общественное положение, власть и богатство были связаны с государственной службой, на которую можно было попасть двумя путями: по рекомендации высокопоставленных чиновников после сдачи экзамена для поступления на должность (таких претендентов называли «защищенными») или, что считалось более престижным, после сдачи экзаменов различных степеней, и особенно высшей ученой степени *цзиньши.*

Весь процесс сдачи экзаменов представлял собой строгий церемониал и, будучи чрезвычайно важен для карьеры и даже для возможности вступить в брак, вызывал массу эмоций. Так,

например, в 1002 году, когда 14 500 кандидатов собрались в столице для сдачи экзаменов и подавляющее большинство не прошло предварительный отбор, они направили свое негодование на директора экзаменационной комиссии: его критиковали в песенках, его портреты разрисовывались кровью, а вдоль дорог висели высмеивающие его плакаты. Через двести лет в одной из южных префектур кандидаты на должности взбунтовались, ворвались в экзаменационный зал и бамбуковыми и деревянными палками жестоко избили принимавших экзамены чиновников. Страсти накалялись до такой степени, что давка возникала даже тогда, когда претенденты входили в зал и пытались найти себе место, причем людей могли затоптать насмерть.

Развитие образования значительно ускорилось — если точнее, стало возможным — в результате развития книгопечатания. Оживленная книготорговля сделала книги менее дорогими и более доступными. Появилось большое количество типографий — при династии Южная Сун их насчитывалось 173. Росло число библиотек, а крупнейшая из них, основанная в 978 году в императорском дворце, содержала восемьдесят тысяч томов, часть которых была размещена

на огромных вращающихся стеллажах. Распространение книгопечатания в Европе четыре века спустя привело к появлению народной библии и к Реформации, а в Китае оно стало основой для внедрения классических произведений в экзаменационную систему. Курс обучения состоял из шести классических разделов — трудов Конфуция, истории, поэзии, ритуалов, «Книги перемен» и летописи «Весны и Осени», На заключительном экзамене кандидаты должны были составить реферат о принципах политики и философии, а также ответить на вопросы о специальных аспектах деятельности правительства. От них требовалось сочинять стихотворения и поэтические описания, строго придерживаясь канонов, и кроме ответов на вопросы по избранным классическим произведениям они должны были анализировать труды Конфуция и Мэн-цзы. Все это требовало глубокого знания текстов.

Детей начинали обучать в раннем возрасте — дома, в небольших семейных или общественных школах. Учебники знакомили ребенка с наиболее часто употреблявшимися при письме иероглифами, а также преподносили основы морали и политической философии, а поучительные рассказы учили хорошим манерам и правильному

поведению в семье. С восьми до пятнадцати лет ребенок мог учиться дома, посещать частную или чаще всего государственную школу. Всего в стране насчитывалось около 1100 государственных школ, в которых обучались 200 тысяч учеников, в том числе 3800 в Императорском университете. В школу принимали по результатам экзаменов, а успехи в учебе оценивались при помощи ежемесячных и ежегодных проверок. Школьника ждал тяжелый труд: при изучении классической литературы он был обязан выучить наизусть текст, состоявший в общей сложности из 431 386 иероглифов.

Окончание школы не означало завершения образования. Для получения желанной высшей степени *цзиньши* требовалось сдать так называемый дворцовый экзамен, к которому допускались выдержавшие ведомственный экзамен, также проводившийся в столице. Но еще раньше требовалось получить степень *цзюйжэнь.* В начале правления династии Сун предварительные экзамены одновременно принимались у нескольких десятков тысяч кандидатов как в столице, так и в провинции, но постепенно их число увеличилось до нескольких сот тысяч человек. Экзамены проводились один раз в три года осенью и зи-

мой, и каждый кандидат должен был доказать отсутствие преступников в роду (особенно обвиненных в одной из «десяти мерзостей») и представить поручительства, доказывающие, что он безгрешен, не запятнан преступлениями или непочтительным отношением к родителям. Кроме того, он не мог быть ремесленником или писцом, а также буддийским или даосским священнослужителем.

В ожидании предварительных экзаменов претендент мог посещать занятия в одной из множества академий, чтобы заручиться поддержкой покровителей из ученых кругов, преподавать в семьях богачей или помогать в управлении семейным поместьем. Если он сдавал предварительные экзамены и получал степень *цзюйжэнь*, в его честь местными чиновниками устраивался праздник, и он, получив помощь от общины или правительства, ехал в столицу, где проводил две или три ночи в специальном общежитии для экзаменующихся. Там ему выдавали чернильный камень, кисти, чернила, кувшин для воды, глиняный ночной горшок, еду, постель и ширму, и он присоединялся к тысячам других желающих попасть в экзаменационные классы. Отвечая на экзаменационные вопросы, претендент должен

был сдать только черновик, указав сначала имя и возраст. Тем не менее эта информация скрывалась от членов комиссии, чтобы они не могли определить принадлежность работ, и в экзаменационную комиссию попадала лишь сделанная писцом копия.

Эти попытки гарантировать беспристрастность оценок не могли предотвратить сговор между экзаменатором и экзаменуемым, которые заранее договаривались об условном шифре. Распространенным явлением был и обман, когда на экзамен приходил другой человек или когда кандидат пользовался шпаргалкой. Кроме того, в те времена, как и в наши дни, процветала торговля готовыми ответами на вопросы, которые кандидаты вызубривали перед экзаменом.

Успешная сдача экзамена в столице открывала дорогу к последнему тесту, так называемому дворцовому экзамену, введенному основателем династии Сун, который был страстным поклонником образования. Тот, кто не сумел преодолеть этот последний барьер, мог пытаться снова и снова, причем каждый раз нужно было преодолевать сито предварительных экзаменов. Поэтому неудивительно, что средний возраст кандидатов, добивавшихся высшей степени *цзиньши*,

составлял тридцать пять лет. Мужчины могли потратить целую жизнь на эти попытки, описывая свое занятие как *цзиньши.* Многие сдавались, превращаясь в опустившихся пьяниц, а другие, освободившись от смирительной рубашки конфуцианского учения, становились успешными торговцами, монахами или учителями. Пожилые кандидаты, много раз терпевшие неудачу, сдавали более легкий дворцовый экзамен и получали «облегченную» степень.

Существовали также специальные экзамены — например, по правоведению или для писцов с двадцатилетним стажем работы. Они были доступны не для всех, и по важности ни один из них не мог сравниться с *цзиньши.* Социальный статус удостоенных этой ученой степени — их количество варьировалось от всего нескольких до нескольких сотен человек — резко повышался. Они не только поступали на государственную службу с почти гарантированным продвижением до самых высоких должностей (всего насчитывалось девять рангов государственных чиновников), но и получали многочисленные права и привилегии. К внешним атрибутам относились знаки отличия на одежде и право строить дома, отличавшиеся от домов менее удачливых

соседей формой черепицы на крыше, узорами на дверях и воротах и даже размером комнаты для приема гостей, а также специальный флажок, свидетельствовавший об обладании степенью *цзиньши.* Вместе с остальными государственными служащими они работали девять дней из каждых десяти, и ежегодно им полагался месячный отпуск. К числу многочисленных привилегий обладателей степени *цзиньши* относились освобождение от воинской повинности и от уплаты налогов. Они уходили с государственной службы в семьдесят лет, и при династии Сун их пенсия была значительно повышена, превышая половину жалования (правда, ее не получали вдовы).

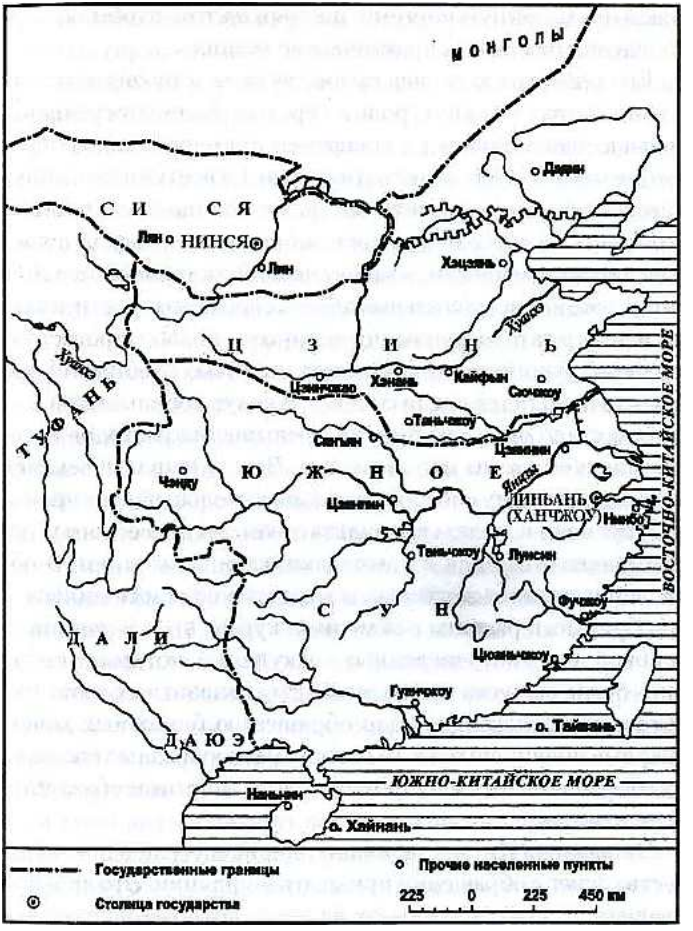
Глава 20. Сун (960-1279 гг.)

Империя Сун добилась значительных успехов в области социальной политики. В 1098 году было создано специальное управление, которое занималось приютами для стариков и бездомных; другое управление, сформированное в 1102 году, нанимало на работу врачей, лечивших бедняков на дому и в государственных больницах, масштабная реорганизация которых была проведена в 1143 году. С 1167 года крестьяне обрели возможность получать государственные кредиты под низкий процент; в 1247 году появились государственные приюты для детей-сирот, а еще через год бедняки стали бесплатно получать лекарства. Поддерживалась система государственных зернохранилищ, служившая для создания запасов зерна в урожайные годы и продажи их по сниженным ценам в годы неурожайные, хотя в некоторых регионах грамотное применение законов рынка приводило к тому, что цены на зерно из государственных запасов в тяжелые времена не снижались, а повышались, что вынуждало купцов увеличивать импорт — в

результате цены резко падали. В крупных городах были созданы противопожарные службы, и с 1141 года правительство принимало меры по предотвращению пожаров, в том числе путем открытия в столице двадцати трех домов гейш для солдат, расквартированных вдали от дома. Публичные бани, существовавшие и раньше, дополнились банями при буддийских храмах. Повсеместное распространение государственных школ и библиотек внесло свой вклад в формирование класса просвещенных чиновников.

Работой администрации, подчиненной Государственному совету, руководили способные и компетентные министры. Самым известным из них был Ван Ань-ши, возвышение которого началось примерно через сто лет после правления первого императора династии Сун. Коридоры власти были наводнены выходцами из ученых кругов и знати, представлявших самые влиятельные семьи купцов и землевладельцев, но Ван, происходивший из простой семьи, превзошел их всех. Признанный потомками одним из величайших реформаторов в истории Китая, он не пользовался уважением современников, поскольку носил грязную одежду и никогда не умывался — и был абсолютно уверен в своей правоте. Тем не

менее он использовал свое положение личного советника императора, обладавшего широкими полномочиями, для осуществления радикальных мер, которые, как он утверждал, были основаны на правильной интерпретации классических канонов — без их авторитета (или исторического прецедента) не могла быть принята ни одна реформа. Новые указы касались, в частности, распоряжения натуральным налогом — вместо того чтобы отправлять товары в столицу, где они зачастую реализовывались по сниженным ценам, их теперь продавали на местах, а деньги вносили в казну. Крестьяне получили возможность брать кредит под залог будущего урожая; значительное сокращение армии компенсировалось созданием ополчения, в которое каждая семья, имевшая больше двух сыновей, должна была направить одного сына; денежные выплаты можно было заменить принудительным трудом. Ван Ань-ши также усилил контроль центрального правительства за провинциями и внес изменения в экзаменационную систему, настояв на том, чтобы оценку определял не стиль, а практические знания.


МОНГОЛЫ
Дарин
С И С Я
Лян НИНСЯ
Лин
Хэцзянь
Хуанхэ
Ц З И Н Ь
Хуанхэ
ТУФАНЬ
Цзинчжоу
Хэнань
Кайфын
Сюйчжоу
Таньчжоу
Сянъян
Цзинань
Ю Ж Н О Е
Чэнду
Цзинань
ЯНЬЧЖОУ (ХАНЧЖОУ)
Нанкин
Таньчжоу
Лунсин
С У Н
Фучжоу
Д А Л И
Цюаньчжоу
Гуанчжоу
о. Тайвань
Д А Ю Э
ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
Наньнин
о. Хайнань
ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
Государственные границы
Прочие населенные пункты
Столица государства
225 0 225 450 км

Его реформы касались скорее духа, чем буквы законов, но они сыграли важную роль в переходе Китая от средневековья к современности. Своевременной мерой стало сокращение армии. Основатель династии Сун отменил принудительный набор в армию, которая стала наемной. Однако стоимость ее содержания постоянно росла — вместе с увеличением численности — за счет пенсий состарившимся солдатам, уже не способным выполнять свои обязанности, а также в результате выдвижения военными новых дорогостоящих требований, таких как оплата почтовых сообщений для тех, кто находился вдали от дома, и услуг носильщиков.

Это стало одной из причин превышения расходов государственной казны над доходами. Выход нашли в чеканке новых денег, чему способствовал значительный рост производства меди и железа в результате замены древесного угля, применявшегося для их выплавки, каменным углем. В обращении помимо железных и медных монет находились и серебряные, и разница в обменных курсах этих монет стала основой для многочисленных спекуляций, которые усили-

лись после выпуска государственных депозитных сертификатов, положивших начало обращению бумажных денег, впервые появившихся в 1024 году. Разнообразные средства платежа появились и в торговле — чеки, долговые обязательства, векселя.

Экономика Китая стала монетарной, и увеличение количества денег в обращении привело к инфляции. Это явление увеличило доходы казны от налогов, которые претерпели изменения и теперь взимались не подушно, а с земельных наделов. Основным источником доходов казны стала коммерция — налогами облагались лавки, товары и торговые операции. Кроме того, государство получало доход от денежных выплат, которыми можно было заменить барщину, а также от мастерских и коммерческих предприятий, находившихся в его управлении, от монополии на соль, чай, алкогольную продукцию и духи, от таможенных пошлин, собираемых в портах и на границе.

Тем не менее наибольшую выгоду от инфляции получили торговцы — даже несмотря на налоги, которыми облагались их товары. Они вкладывали полученную прибыль в покупку земли, создавая крупнейшие в истории Китая по-

местья. Некоторые поместья имели собственные мельницы и текстильные производства, вокруг которых вырастали целые деревни. Часть крупных поместий управлялась кланами, которые руководствовались принципами взаимопомощи и даже содержали школы — те считались благотворительными организациями и освобождались от налогов. Процветанию страны способствовало и развитие сельского хозяйства, в котором появились новые орудия труда и агротехнические приемы. Техника высаживания в грунт проросших семян и селекция дали импульс расширению производства риса в бассейне Янцзы и на юге Китая: высокие урожаи с рисовых полей были чрезвычайно важны для жизни людей и развития всего Дальнего Востока. Для династии Сун это означало обилие продовольствия, расцвет межрегиональной торговли и коммерциализацию сельскохозяйственного производства.

В эпоху империи Сун Китай, не знавший войн и переживший лишь два небольших восстания, не имевших долговременных последствий, под руководством стабильного и поощряющего коммерцию правительства постепенно превращался из аграрной страны в промышленную. Высокими темпами развивалось горное дело — благода-

ря замене древесного угля каменным, как уже упоминалось выше, а также применению гидравлических механизмов и взрывчатых веществ для разработки недр. Значительно увеличилась добыча железа, меди, свинца и олова; открылось большое количество новых шахт. Беспрецедентных масштабов достигло производство керамики, а технология получения фарфора, сначала белого, а затем бело-синего, достигла совершенства. Практически каждый регион страны славился каким-либо товаром — это могли быть рис, бумага, тростниковый сахар, книги и т. п., — и торговцы в полной мере использовали преимущества разветвленной сети рек и каналов, особенно в бассейне Янцзы. Протяженность этой сети достигала десяти тысяч миль, и на некоторых участках Янцзы движение было таким плотным, что появлялись целые плавучие деревни.

С одной стороны, увеличение количества крупных поместий приводило к росту числа арендаторов из бывших независимых хозяев, которые в большинстве своем не выдерживали жесткой конкуренции, даже диверсифицируя деятельность при помощи выращивания фруктов и рыболовства. С другой стороны, рост производительности труда в сельском хозяйстве

высвобождал рабочие руки. Однако развитие промышленности и торговли способствовало появлению огромного количества других способов добывать средства к существованию, особенно в городах, которые влекли к себе массы людей, — там постоянно увеличивался спрос на прислугу в лавках, трактирах, тавернах и чайных домах; также множились ряды торговцев вразнос и уличных артистов, не говоря уже карманниках, мошенниках, бродягах и проститутках обоих полов.

Экономическая «ось» империи теперь располагалась не вдоль Хуанхэ, а протянулась от Кайфына на юго-восток вдоль Великого канала и нижнего течения Янцзы. В сельской местности периодически устраивались большие ярмарки, но главными торговыми центрами империи Сун стали крупные города, особенно расположенные вдоль «оси». Как и в Европе того времени, рост городов стал характерной чертой эпохи. Раньше в них жили в основном аристократы и чиновники, державшие торговлю под жестким контролем, но теперь города, превратившиеся в крупнейших потребителей продукции, стали центрами коммерции и развлечений. Система обнесенных стенами районов была отброшена, и повсюду

возникали лавки, мастерские, трактиры, чайные домики и великолепные театры (говорят, что в Кайфыне насчитывалось около пятидесяти театров). Отмена комендантского часа давала свободу передвижения по городу, и увеселительные заведения оставались открытыми до самого утра. Названия теперь присваивались улицам, а не районам, что облегчало поиски нужного места, и именно улица стала средоточием и связующим звеном городской жизни.

Крупные города превратились в центры разного рода деятельности. На их окраинах в промышленных районах сосредоточилось основное производство шелка, а вокруг располагались — как правило, принадлежавшие крупным землевладельцам — посадки тутовых деревьев для разведения шелковичного червя, под которыми выращивали овощные культуры, затем поля зерновых, в основном риса и пшеницы, а еще дальше — крестьянские дворы, жившие натуральным хозяйством. Поток транспорта из городов и в города не останавливался ни на минуту — общество становилось все более мобильным. Экипажи стоили недорого, а нанять подводу не составляло никакого труда; в коммерческих перевозках были задействованы лодочники, извозчики,

моряки и купцы. Возможности и соблазны больших городов влекли к себе огромное количество обедневших крестьян и людей, стремившихся добиться успеха любыми средствами. Для новичка городская жизнь таила в себе угрозу изоляции и отсутствия привычной взаимопомощи, что привело к появлению общин выходцев из определенного региона, а также образованию многочисленных «гильдий» ремесленников и торговцев.

Заслуживает внимания и еще один аспект обширных торговых связей империи Сун. Большая часть международной торговли осуществлялась через портовые города на юго-восточном побережье страны. В главные порты правительство назначило уполномоченных по морской торговле, которые содержали штат переводчиков и поощряли купцов из Азии и Ближнего Востока торговать с Китаем. Китайские торговцы, социальный статус которых значительно повысился, вели дела в далеких землях — от Красного моря до Индии и от Южной Азии до Кореи и Японии. В их распоряжении были разнообразные суда, в том числе речные с гребными колесами и огромные джонки для плавания в открытом море, которые начали строить в устье Янцзы. Это были четы-

рех- или шестимачтовые корабли с двенадцатью парусами из парусины или жестких циновок и четырьмя палубами, способные вместить до тысячи человек. За изобретением ахтерштевня — за семьсот лет до его появления в Европе — последовали другие технические новинки, такие как водонепроницаемые переборки, поворотные паруса, кабестаны, не говоря уже о применении компаса. Все эти усовершенствования превратили Китай в величайшую морскую державу, и этот статус страна сохраняла вплоть до XV века.

Материальное благополучие эпохи в значительной степени строилось на успехах науки, как фундаментальной, так и прикладной. Что касается последней, то, помимо отмеченных выше достижений в области мореплавания, сельского хозяйства, горного и военного дела (применение взрывчатых веществ), нельзя не отметить изобретение новых геодезических инструментов, устройства для изменения пройденного расстояния, применение кессонов при строительстве зданий и мостов, а также изобретение шлюзовых ворот и водяных часов. Систематизация древних знаний в области фармакологии и акупунктуры способствовала появлению многих выдающихся врачей: они изучали органы

человека при помощи аутопсии, имели свод этических норм, использовали метод вариоляции, ставший предшественником вакцинации, а двенадцать самых известных лекарей эпохи составили многотомную «Императорскую медицинскую энциклопедию» (1111 г.). Выпуск книг по лекарственным травам достиг беспрецедентных масштабов, а бесчисленные работы по ботанике и зоологии охватывали весь спектр возможных тем — от выращивания цитрусовых (впервые в мире), бамбука, личи, ароматических трав и фруктовых деревьев до описания ракообразных, птиц и рыб.

Появился новый вид научной литературы, включавший в себя разнообразные заметки и наблюдения. Они нередко становились предметом дискуссий на собраниях ученых. Самым известным произведением этого жанра считаются «Заметки» Шен Куа, современника великого реформатора Ван Ань-ши. На государственной службе в должностях посла, военачальника, управляющего гидротехническими работами и директора академии Ханьлинь он много путешествовал, записывая все, что представляло интерес с точки зрения науки, техники и культуры. В небольшой книге он рассказал о том, как сделать

удобный экипаж для инспекционных поездок, чтобы путешественник мог свободно обозревать окрестности, а также о том, что следует брать с собой в дорогу — дождевик, аптечку, «ботинки для грязи», запасную одежду и расчески, чай и запас консервированных продуктов, бумагу, чернила, ножницы, словарь рифм и лютню, свечи, ножи, складную шахматную доску с шахматными фигурами, ларец для купленных по дороге книг и порошок для уничтожения книжного червя. Экипированный таким образом, Шен Куа совершил многочисленные путешествия, описанные в двадцати шести главах и четырех приложениях его «Заметок». В книге он касался таких предметов, как магнитный компас, астрономия и метеорология, математика, окаменелости, технологические процессы в металлургии, составление топографических карт, физика, геология, антропология, археология, философия, химия, биология и многих других.

Его интерес к математике был вызван работой одного из величайших математиков всех времен и народов, который вывел Китай на передовые позиции в этой науке, особенно в таком разделе, как алгебра. Его энциклопедический метод нашел отражение в работах других авторов,

например в энциклопедии цитат древних и средневековых авторов, тысяча глав которой была строго систематизирована, а также в энциклопедиях по географии и языкознанию.

Наряду с этими сборниками научных знаний выпускались и философские трактаты, развивавшие неоконфуцианство, которое наилучшим образом соответствовало мировоззрению правящей династии. Из всех выдающихся философов этого направления самым знаменитым был Чжу Си (1130–1200), которого называли Мастер Чжу и идеи которого доминировали на протяжении нескольких веков. Созданная им школа имела несколько направлений, и самое интересное из них было связано с концепцией, выражавшейся всеобъемлющим термином *ли.*

Это понятие обозначало мистическое единство мира, а также источник и неотъемлемую часть любой материальной вещи. Оно неподвластно времени, вечно и первозданно, и в нем заключен безупречный идеал, получивший название Великого Первоначала — вероятно, это определение наиболее близко к западной концепции Бога. *Ли* воплощается через синтезирующее понятие, или силу, получившую название *ци* — абстрактное становится осязаемым, проявляясь в форме всех

живых созданий, предметов и взаимосвязей. Небо и земля, человек и его разум, корабль, стол, травинка, взаимоотношения отца и сына, правителя и подданного — во всем содержится *ли,* но природа каждой вещи или явления определяется *ци.* Несовершенство *ци* может стать причиной появления зла. Человек, познавший *ли* внутри себя, достигает просветления через постоянное приумножение знаний и приверженность к другим конфуцианским добродетелям, таким как честность, соблюдение норм морали, исполнение гражданского долга и любовь к ближнему. Другими словами, человек должен стремиться стать мудрецом. Все эти усилия предпринимаются в материальном мире и направлены на него — в отличие от буддизма и даосизма, концепции которых тоже содержат элементы конфуцианства, но целями которых являются соответственно небытие и вечность. Однако нельзя утверждать, что интересы неоконфуцианства ограничивались лишь материальным миром — оно обращалось к таким вопросам, как эволюция космоса и гармония вселенной, а также вкладу сил инь и ян в их разрешение.

Философия была не единственным увлечением образованных людей, число которых неизмеримо

выросло. Многие занимались коллекционированием книг и древностей. Ярким примером такого коллекционера может служить живший в XII веке Чжао Мин-чэн, чей труд «Надписи на металле и камне» представляет собой грандиозное собрание древних надписей. Его жена, Ли Цин-чжао, оставила яркие воспоминания о страсти мужа к коллекционированию. Вот краткое изложение ее мемуаров:

> Когда мы поженились, мужу исполнился двадцать один год, и он был студентом Императорской академии. Мы происходили из небогатых семей и привыкли к скромности. В первый и пятнадцатый день месяца в занятиях академии устраивался перерыв. Муж закладывал что-то из одежды и с вырученными деньгами отправлялся на рынок, чтобы купить фруктов и новые копии надписей для своей коллекции. Когда он возвращался с покупками домой, мы садились на циновки лицом друг к другу, разворачивали листы и внимательно их изучали. Мы представляли себя персонажами мифической древней эпохи Совершенного

Согласия. Через несколько лет муж получил должность на государственной службе, но мы питались рисом и овощами и носили самые скромные одежды; муж ездил в отдаленные уголки страны, чтобы удовлетворить свой интерес к древнейшим в мире рукописям и редким книгам. Когда друзья или родственники назначались на должности в Императорских библиотеках, где хранились многие древние стихотворения, не включенные в «Книгу од», неофициальные версии истории и манускрипты, спрятанные в стенах (так поступали, например, в эпоху сожжения книг) или извлеченные из гробниц, мой муж много трудился, чтобы снять с них копии. Если ему попадался редкий рисунок, образец каллиграфии или древние вазы необычной формы, он по-прежнему закладывал одежду, чтобы их купить. Впоследствии, когда мой муж управлял двумя префектурами, он все свое жалование тратил на исследования. Купив книгу, он сравнивал ее с другими изданиями, вносил исправления, реставрировал, натирал листьями руты, чтобы

уберечь от насекомых, шелковыми лентами скреплял отдельные главы в целый том и изготавливал колофон. Когда к нему попадал образец каллиграфии, рисунок, кубок или треножник, то в свободное время мы внимательно его рассматривали, отмечая недостатки и дефекты, — на это занятие тратилась единственная свеча, которую мы позволяли себе сжигать за вечер. У меня превосходная память, и каждый вечер после ужина мы устраивались в зале, который называли «Домом возвращения», и заваривали чай. Выбирая том из горы книг и рукописей, мы угадывали, на какой странице и строке находится тот или иной отрывок, и выигравший состязание первым пил свой чай. Собрав коллекцию книг, мы устроили в «Доме возвращения» библиотеку с огромными шкафами, в которых книги были расставлены в строгом порядке. Но книг было так много, что их груды все равно лежали на всех столах, на подушках и постелях. Именно книги занимали все мысли мужа, и он получал от них больше удовольствия, чем иные получают от

танцовщиц, собак или лошадей.

Другие образованные люди предпочитали творчество, в том числе живопись, сочинение стихов и прозы, каллиграфию и занятия музыкой. Особой популярностью пользовались прозаические произведения. Они отличались необыкновенным разнообразием и часто использовали разговорный язык — в докладах императору, в личной корреспонденции и дипломатической переписке, в описаниях природы и людей, предисловиях, альманахах, погребальных плачах и речах. Нередко прозу комбинировали с поэтическими строками; самым известным из авторов, работавших в этом жанре, считается Су Ши, современник и оппонент великого реформатора Ван Ань-ши, писавший под псевдонимом Су Дун-по. Сама поэзия тоже переживала эпоху расцвета — перу известного поэта Лу Ю приписывали десять тысяч стихотворений, — причем стихи сочиняли как мужчины, так и женщины. Эти произведения не достигли вершин поэзии эпохи Тан, но один из жанров заслуживает особого внимания. Это лирические песни, появление которых связано с новыми мелодиями и исполнительскими приемами.

Лирические песни часто звучали в исполнении женщин, которых приглашали на праздники и которые пели в увеселительных заведениях. Нередко они не только развлекали посетителей пением, но и оказывали услуги сексуального характера — в надежде понравиться состоятельному мужчине, который купил бы их, сделав наложницами. В увеселительных кварталах крупных городов зрителям предлагались не только песни и танцы, но и художественная декламация. Кроме музыкальных композиций, сочетавших стихи и прозу, профессиональные рассказчики предлагали аудитории популяризированное и откорректированное описание исторических событий, рыцарские и любовные романы, рассказы о благородных разбойниках, а также детективные истории, в которых расследования вели верные конфуцианским принципам чиновники. Популярность таких представлений привела к тому, что печатники стали выпускать письменные версии рассказов, положив начало литературе на разговорном языке, высшим достижением которой стали романы.

Рассказчик обычно сопровождал свои баллады представлением театра теней или театра марионеток. Эти спектакли давались прямо на улице,

за ширмой, но богачи имели возможность насладиться спектаклями в настоящих театрах. В них также устраивались танцевальные представления — самыми популярными были танцы, где шаги танцовщицы повторяли узор на ковре.

Произведения скульпторов эпохи Сун, особенно тех, кто работал с деревом и гипсом, отмечены «учтивым и неизменным великолепием», имевшим много общего с европейским барокко, но наивысшие достижения художественного творчества мы находим в сфере живописи. Из многочисленных школ живописи нельзя не отметить одну, выделявшуюся реалистичностью изображения фигур; самым ярким ее представителем являлся Ли Гун-лин. В молодости он был известен рисунками лошадей, но один из даосов сказал художнику, что тот рискует сам превратиться в лошадь, и юноша сменил тематику. Художники-пейзажисты расписывали стены и ширмы непревзойденными по мастерству монументальными композициями.

В одном из аспектов взгляды художников того времени были близки к современному сюрреализму. Они задавали вопрос, почему, имея возможность изобразить все, что им известно о предмете, они должны ограничивать себя

взглядом из одной точки. Однако, в отличие от европейцев, они не рассматривали картину как композицию, ограниченную рамой. Они мыслили свое творение как мгновение восхищения красотой природы, как фрагмент вечности. Поэтому форма объекта интересовала их меньше, чем его суть, — изображая птицу на ветке, они видели ее в бесконечном пространстве, как символ аспекта вечности под названием «птица на ветке». Они избегали законченности, оставляя куски пустого пространства, заявляя, что мы не можем знать всего и что они лишь приоткрывают дверь в безграничную вселенную. Одним из главных покровителей художников — многие из которых если не занимали высокие государственные должности, то зарабатывали исполнением заказов для богатых клиентов — был императорский двор. Хуэй-цзун, последний император Северной Сун, сам был талантливым художником. Он любил предлагать придворным живописцам сюжеты, а однажды устроил конкурс на тему «Таверна в бамбуковой роще у моста», победа в котором досталась художнику, просто изобразившему указатель к таверне среди бамбуковых стеблей. Хуэй-цзун строго придерживался традиций в живописи, и наказанием за независимость

было отлучение от императорского двора. Он культивировал чисто декоративный стиль с тщательной проработкой деталей, который на несколько столетий стал законодателем мод в дворцовой живописи.

Несмотря на то что император способствовал появлению такого высокого жанра, как изображение цветов, художники продолжали обращаться к разнообразной тематике — они писали портреты, изображали недавно появившиеся остроконечные крыши зданий, а также рыб, диких и домашних животных (существовала целая школа, специализировавшаяся на водяных буйволах), овощи и фрукты. Большой популярностью пользовались драконы и драматические события космического масштаба. Одним из видных представителей этого жанра был высокопоставленный сановник; ходили слухи, что когда он напивался, то с громким криком хватал чашку, зачерпывал ею чернила и выплескивал на холст, после чего завершал получившуюся композицию при помощи кисти — похожим методом пользуются многие современные художники. Однако величайшими достижениями искусства, созданными самой утонченной социальной и интеллектуальной элитой во всей истории Китая,

считаются пейзажная живопись и фарфор.

Таким было общество империи Сун, на которую, как волки на овчарню, набросились монгольские завоеватели, окончательно покорившие Китай в 1279 году.

Глава 21. Монгольская династия Юань (1271–1368 гг.)

Рассказывают, что однажды Чингисхан, осаждавший одну из непокорных крепостей империи Ся, обещал пощадить город, если защитники передадут ему тысячу кошек и десять тысяч ласточек. Получив требуемый «выкуп», Чингисхан приказал своим воинам привязать пучки хлопка и шерсти к каждому из животных и птиц и поджечь волокна. Отпущенные на свободу кошки и ласточки вернулись в свои дома и гнезда, и город был мгновенно охвачен пламенем.

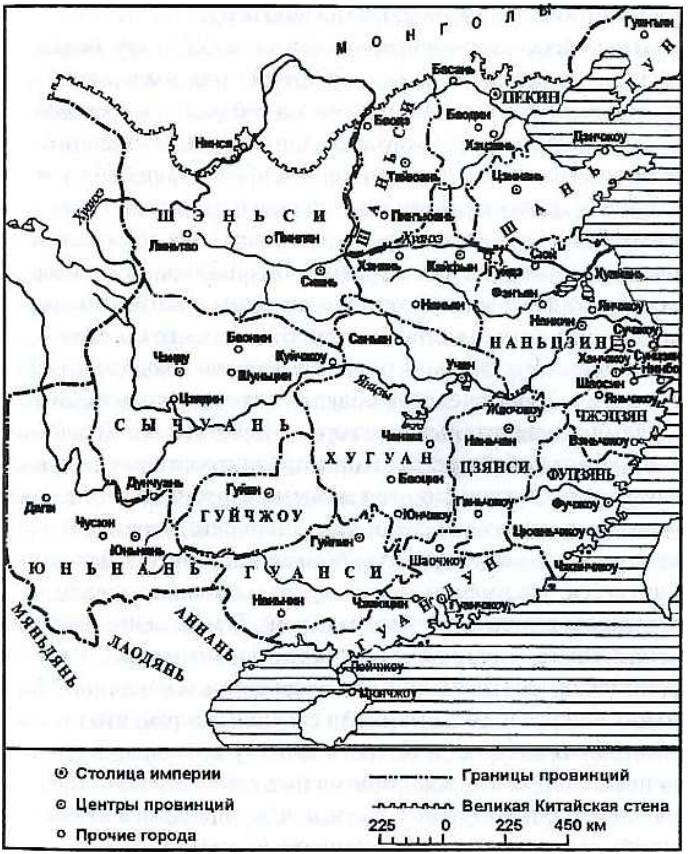
Неизвестно, правдива ли эта история, но она служит яркой иллюстрацией безжалостности, проявленной монголами при покорении Азии. Их империя была поделена на два каганата, один из которых, Золотая Орда, завоевал Персию и большую часть Руси, вплотную подойдя к границам Польши и Венгрии. А Китай, богатейшая и самая важная часть владения великого хана Хубилая, оказался частью огромного конгломерата, протянувшегося на север до самой Сибири и на запад до берегов Дуная. Жестокость

татар, как называли всадников на выносливых лохматых коньках, вошла в легенды. Известна и другая легенда, возникшая после покорения татарами исповедавших ислам народов, или «сарацин», — о том, что предводителем татар был пресвитер Иоанн, мифический царь-священник, призванный защитить христианский мир. После поражения крестоносцев надежды на появление такого спасителя вспыхнули с новой силой.

До того времени Китай, история которого насчитывала несколько тысяч лет, был изучен европейцами не лучше, чем обратная сторона Луны, — доказанным считался лишь сам факт существования небесного тела. Древние греки и римляне знали о существовании обширных земель на востоке, населенных многочисленным народом, — оттуда торговцы привозили шелк. Арабы, благодаря торговым связям и распространению ислама, получили более подробные сведения о Китае, но только монгольское нашествие познакомило Европу с этой великой цивилизацией, расположенной на восточной окраине азиатского континента.

Первые подробные сведения о Китае сообщил престарелый и тучный францисканский монах Иоанн Плано Карпини. В апреле 1245 года он

отплыл из Лиона с письмом к великому хану от папы Климента IV. После пятнадцати месяцев полного лишений и опасностей пути он прибыл в столицу монголов Каракорум, расположенную в горной местности к северу от Гоби. Хан ответил кратким и высокомерным посланием, но на протяжении нескольких следующих десятилетий в Китай прибывали новые гости. Среди них следует выделить двух итальянских купцов, братьев Поло. Хан Хубилай, перед которым они предстали в 1268 году, тепло принял их и подробно расспросил о христианской вере. Хан кое-что знал об этой религии, поскольку несториане, исповедовавшие еретическую теорию о том, что человеческое и божественное начала Христа соединились в одной телесной оболочке, уже давно основали множество церквей по всей Азии. Сам Хубилай придерживался языческой веры своих предков, но, подобно другим правителям монголов, проявлял терпимость ко всем религиям, а также отличался любознательностью. Ответы братьев Поло его вдохновили — рассчитывая привлечь образованных людей к управлению ханством, он попросил передать папе просьбу прислать в Китай сто миссионеров, чтобы те проповедовали свою веру.


М О Н Г О Л
Гуантын
Басань
ПЕКИН
Баодин
Баоцзи
Нинся
Ханчжоу
Цзинань
Тайюань
Ш Э Н Ь С И
Пиндзян
Ланьчжоу
Пинлян
Хуанхэ
Сиань
Хэнянь
Кайфын
Сюйчжоу
Нанькин
Янчжоу
Нанкин
Сучжоу
Бэнбан
Сяньян
Н А Н Ь Ц З И Н
Чанчжоу
Чэнду
Куйчжоу
Ухань
Шанхай
Ханчжоу
Нинбо
Цзинань
Яньчжоу
Цзянин
Ж Э Ц З Я Н
Чанша
Нанчан
Вэньчжоу
С Ы Ч У А Н Ь
Х У Г У А Н
Ц З Я Н С И
Ф У Ц З Я Н Ь
Басинь
Гуйян
Фучжоу
Гуанчжоу
Чусюн
Г У Й Ч Ж О У
Цюаньчжоу
Юньнань
Шаочжоу
Ю Н Ь Н А Н Ь
Г У А Н С И
Нанькин
Чжанчжоу
Гуанчжоу
М Я Н Ь Д Я Н Ь
Л А О Д Я Н Ь
А Н Н А Н Ь
Хайкоу
Цюнчжоу
Столица империи
Центры провинций
Прочие города
Границы провинций
Великая Китайская стена
225 0 225 450 км

Эта просьба осталась без ответа, но в 1275 году, незадолго до окончательной победы Хубилая над империей Сун, братья вернулись ко двору хана, на сей раз с сыном одного из них, двадцатилетним Марко. Он так понравился правителю монголов, что следующие двадцать лет провел у него на службе, занимая различные должности и путешествуя по всему Китаю как «глаза и уши» великого хана. Через год или два после возвращения в родную Венецию он поступил на службу во флот и в сражении с главным врагом венецианцев, Генуей, был захвачен в плен. В камере его соседом оказался некий Рустичиано, попавший в плен в ходе войны Генуи с Пизой. Этот человек обладал литературным талантом и, услышав удивительные истории Марко Поло о Китае времен Хубилая, убедил венецианца продиктовать ему свои воспоминания. Рустичиано вел записи на французском языке, но затем рукопись перевели на итальянский, и она приобрела огромную популярность, вызвав настоящую сенсацию. Считается, что именно это сочинение положило начало эпохе великих географических открытий. Тем не менее явно вымышленные

отрывки, отсутствие упоминаний о таких феноменах, как Великая Китайская стена, и незнание Марко китайского языка вызывали сомнения в том, что он действительно побывал в Китае, и потому все сведения, сообщенные в его книге, воспринимались с недоверием. Прошло еще почти четыреста лет, прежде чем европейцы стали получать достоверную информацию о Китае.

Тем не менее многое из того, о чем сообщал Марко Поло, согласуется с нашими знаниями о правлении монголов. От Поло мы, в частности, узнали, как выглядел великий хан Хубилай — пропорционально сложенный темноглазый мужчина среднего роста. Он имел четырех жен, у каждой из которых был собственный двор с приписанными к нему десятью тысячами человек; жены родили хану семерых сыновей. Кроме того, он тщательно выбирал себе наложниц — шесть девушек были в его распоряжении днем и ночью в течение трех суток, а затем уступали место другим. От наложниц у хана было еще двадцать пять сыновей.

Покинув столицу монголов Каракорум, Хубилай на целый год обосновался в новой столице, построенной неподалеку от Кайфына. В этом городе, названном Даду (уже на протяжении

многих столетий он известен как Пекин), Хубилай построил дворец, в котором было огромное количество покоев, а в пиршественной зале, по свидетельству Марко Поло, могли обедать одновременно шесть тысяч человек. «Диву даешься, сколько там покоев, просторных и прекрасно устроенных, и никому в свете не выстроить и не устроить покоев лучше этих, — писал венецианец. — Стены в больших и малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери… А крыша красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов, тонко да искусно вылощена, блестит, как кристальная, и светится издали кругом дворца»[9].

Другие здания города тоже поражали своей роскошью — Хубилай хотел, чтобы столица была достойна правителя, под властью которого находился не только Китай, но и Монголия, Маньчжурия, Корея, Тибет и обширные территории на северо-западе. Тем не менее хан желал, чтобы его имя связывали с Китаем. Поэтому он продолжил китайские династические традиции, объявив себя Сыном Неба, назвал новую династию Юань

[9] Примечания: 9
«Книга о разнообразии мира». Перевод И. Минаева.

и взял храмовое имя Ши-цзу. Приказав в 1266 году построить город Даду, он поручил эту работу архитектору-мусульманину, но план столицы остался типично китайским — прямоугольной формы, с широкими улицами, отходящими от одиннадцати ворот в высокой стене, возведенной из утрамбованной земли. Город был совсем не похож на летнюю столицу Хубилая Шан-ту, расположенную в двухстах милях севернее, в степях Внутренней Монголии, где сохранялись традиции шаманизма и другие древние обычаи монголов. Даже в Даду монголы не порвали окончательно со своим традиционным укладом — личные покои Хубилая изобиловали занавесями и ширмами из шкур животных, а в парках, засеянных травой из монгольских степей, были установлены монгольские юрты, в которых часто жили сыновья Хубилая, предпочитавшие юрты дворцам, и в которые отправлялись жены хана на последних месяцах беременности, чтобы рожать детей.

Любимой женой Хубилая была Чаби, которая страстно желала стать императрицей мощной страны, а не просто супругой племенного вождя, и всецело поддерживала усилия хана по эффективному управлению Китаем. Он раз-

делил страну на провинции, управлявшиеся наместниками и, в свою очередь, разбитые на сто восемьдесят округов. Хубилай и его преемники опирались на помощь двух канцлеров, правой и левой руки. В подчинении канцлеров находились многочисленные управления, в том числе управление этикета, в обязанности которого входило снабжение императорских кухонь, а также присутственное управление, которое подчинялось дворцовой страже и одно из подразделений которого занималось розыском пропавших вещей, животных и людей (обычно рабов из числа военнопленных, которых у монголов было великое множество). Для управления системой образования в дополнение к академии Ханьлинь был создан ученый совет, которому впоследствии поручили надзор за приверженцами даосизма — в противовес управлению по делам Тибета и буддизма.

В практическом отношении более важной была масштабная программа по реконструкции дорог и организации почтовой связи, которая значительно расширилась со времен ее создания в ханьскую эпоху. Почтовое ведомство имело 1400 почтовых станций, расположенных на расстоянии от пятнадцати до сорока миль друг

от друга, 50 тысяч лошадей, 1400 волов, 6200 мулов, 4000 повозок, 6000 лодок и 200 собак, а доставка срочных сообщений осуществлялась со скоростью до 250 миль в день. По мере роста населения столицы и увеличения числа гостей в резиденции правительства возникла проблема снабжения продовольствием, которая была разрешена удлинением Великого канала, что позволило доставлять товары и продукты из южных районов страны.

Вопреки природной жестокости Хубилая, которая проявлялась, например, в личном наблюдении за поркой провинившихся чиновников, введенная им система наказаний вдвое сократила число преступлений, каравшихся смертной казнью, и в целом была мягче китайской. Тем не менее, несмотря на относительную мягкость монгольского правления в Китае, страна находилась под властью чужеземцев. Все семьи подлежали обязательной регистрации, а ремесленные профессии были объявлены наследственными. Это положение являлось частью системы расовой классификации, согласно которой китайцы располагались на третьем месте, после монголов — тех было уже более миллиона человек — и чужестранцев, преимущественно мусульман.

Первые две категории населения пользовались многочисленными привилегиями, тогда как права китайцев ущемлялись. Например, им запрещалось носить оружие, а официальным языком был объявлен монгольский. Несмотря на то что многие государственные органы сохранились в неизменном виде, сами китайцы составляли меньшинство в стремительно разраставшемся классе чиновников. Все ключевые должности отдавались некитайцам, которые выполняли функции управляющих, сборщиков налогов и посредников во взаимоотношениях с населением. Для того, чтобы раз и навсегда перекрыть доступ китайской элите к государственной службе, монголы отменили систему экзаменов.

Практически не пострадали крупные землевладельцы из южных регионов, а также торговцы, которые успешно вели дела даже несмотря на предпочтение, которое отдавалось иностранцам. Эти чужаки, преимущественно мусульмане, поддерживали тесные и взаимовыгодные связи с высшими государственными чиновниками, используя средства казны для займов и финансирования морской торговли, а также операций в Западной Азии.

Из относительно скромных достижений науки

при династии Юань следует выделить успехи географии: свой знаменитый атлас выпустил самый известный ученый того времени Шу Сы-пен. Искусству по-прежнему оказывалась поддержка, но основные усилия монголы направили на развитие ремесел — огромное число ремесленников всегда сопровождало монголов в их завоевательных походах. Образованные китайцы и люди искусства, даже те, кому удавалось занять незначительные государственные должности, предпочитали не сближаться с монголами. Они организовывали частные академии и, как правило, жили в собственном замкнутом мирке. Один из таких людей, известный художник, на вопрос о том, почему он изобразил дерево без земли вокруг корней, ответил: «Потому что монголы украли землю». На самом деле китайцы, считавшиеся людьми третьего сорта, презирали своих правителей — их кухню, поведение за столом, простоту и грубость нравов при дворе. И если за простодушие, честность и благородство монголов иногда и называли «благородными дикарями», в целом к ним относились как к нецивилизованным варварам.

При монголах пышно расцвел один из жанров искусства, если точнее, индустрии развлечений

— театр. Театры заполонили пьесы, которые сегодня мы называем мюзиклами. В те дни драматические произведения были насыщены танцами и песнями на уже известные мелодии — это было нечто среднее между оперой и драмой. Отмена системы экзаменов имела одно весьма необычное следствие — многие лишившиеся работы ученые занялись литературной деятельностью. Их перу, а также перу профессиональных драматургов принадлежат более шестисот пьес, которые ставились в многочисленных театрах. Самым известным из драматургов той эпохи был Гуан Хань-цин (конец XIII века), пьесу которого «Спасение одной девушки» можно считать типичной для его пятидесяти восьми сочинений в жанре *цзацзюй.*

В пьесе он обращается к теме утраченной невинности в этом испорченном мире. В качестве антигероя в произведении выступает куртизанка, избавляющая свою подругу, тоже куртизанку, от несчастливого брака. Она убеждает жестокого мужа подруги подписать бумаги о разводе, пообещав, что сама выйдет за него замуж, хотя с горечью признается зрителям, какая это будет для нее мука:

Мне придется вести себя как порядочная женщина,
подчиняться мужу и быть хорошей женой;
но я все равно останусь собой,
лишь танцовщицей из дрянного театра,
ветреной, легкомысленной и всегда
говорящей не то, что думаю.
И чем все это закончится?

Поэтому она в конце концов отказывается от своего обещания выйти замуж, вынуждая обманутого и разъяренного мужчину обратиться в суд, но судьи — к огромному удовольствию зрителей — признают виновным именно мужа и приговаривают его к шестидесяти ударам плетью и лишению благородного звания.

Из всех слоев китайского населения больше других от монгольского ига страдали крестьяне, которых завоеватели заставляли работать на буддийские храмы, часто лишали собственности, прибирая к рукам обширные земельные угодья, привлекали к общественным работам и насильно рекрутировали для военных походов Хубилая. Все эти походы были успешными — за исклю-

чением попытки заставить японского сегуна выплачивать дань монголам.

Это произошло в 1274 году, в разгар военных действий против Южной Сун. После завоевания Кореи Хубилай направил к Японским островам десант в составе 23 тысяч монгольских, китайских и корейских воинов и около 700 корейских моряков. Они захватили два небольших острова, высадились на побережье Кюсю и вступили в бой с японской армией, но тут внезапно началась буря. Монгольское войско погрузилось на корабли, рассчитывая переждать бурю, но ветер, волны и острые скалы стали причиной гибели нескольких сотен судов и более 13 тысяч человек, положив конец экспедиции. На следующий год Хубилай отправил в Японию посольство, но окрыленные победой японцы казнили послов.

Семь лет спустя хан предпринял еще одну попытку покорить Японию. Сто тысяч солдат и 15 тысяч корейских моряков на 900 судах нанесли удар по двум направлениям. Однако и на сей раз планам Хубилая помешали силы природы: монголы два месяца вели бои на острове Кюсю, но затем тайфун уничтожил больше половины их армии. Для японцев это был священный ветер, посланный богами, которые поклялись защи-

щать их страну — как бы то ни было, вражеская нога не ступала на землю Японии еще семьсот лет, пока совсем другой, смертоносный ветер не обрушился на Хиросиму. Неудача второго похода в Японию лишила монголов ореола непобедимости, а огромные расходы на экспедицию вызвали острый финансовый кризис.

Из всех министров финансов, которые назначались Хубилаем и которых китайцы считали жуликами, самый сильный гнев в народе вызывал последний из них, тибетец по имени Сангха. Его обвиняли в коррупции, воровстве и разврате, но основными причинами недовольства стали его активная поддержка иностранцев в ущерб китайцам и денежная реформа, в результате которой китайцы, вынужденные обменивать старые деньги на новые, понесли большие потери. Более того, его подчиненный, буддийский монах по имени Янь, в ведении которого находились буддийские учреждения империи, в 1285 году оплатил восстановление и строительство буддийских храмов средствами, полученными посредством разграбления усыпальниц императоров династии Сун. Всего буддисты разорили 101 могилу, из которой извлекли 6800 унций серебра, а также огромное количество нефрита и жемчуга.

Пристрастные китайские историки обвиняют Яня в осквернении тел усопших императоров — рассказывают, что тело одного из последних правителей династии Сун подвесили на дереве, затем сожгли, а останки захоронили вместе с костями лошадей и коров.

Монголы отличались терпимостью к разным религиям, которая была особенно заметна в первые годы правления Хубилая, лично возглавившего дискуссию между буддистами и приверженцами даосизма. Но постепенно симпатии хана склонялись в сторону буддистов. Эта тенденция усилилась после случая с сожжением даосского храма — в преступлении обвинили буддийского монаха, однако в ходе судебного разбирательства выяснилось, что это была тщательно спланированная провокация даосов. В результате двое преступников были казнены, одному отрезали уши и нос, а еще двоих отправили в ссылку. С того времени буддистам позволили безудержно богатеть — к неудовольствию китайской знати.

Китайцев раздражала и ненасытная жажда монголов к расширению территории — несмотря на все усилия изменить кочевой образ жизни при помощи смешанных браков, их глубоко

засевший инстинкт к войнам и грабежу был неистребим. Вскоре после первой неудачной экспедиции в Японию Хубилай решил свести счеты с бирманским царством Паган, правитель которого за несколько лет до того казнил послов, предложивших ему признать власть великого хана. Этот царь хвастался, что командует тридцатишестимиллионной армией, что ежедневно за обедом съедает триста блюд, приправленных карри, и что у него три тысячи наложниц. Когда монголы вторглись в Паган, царь выставил против них стадо слонов, но монгольские стрелы обратили животных в бегство. Битва была проиграна бирманцами, однако страна оставалась непокоренной вплоть до 1287 года, когда монголы окончательно установили здесь свое господство.

В том же году, когда был предпринята вторая экспедиция в Японию, Хубилай отправил армию на завоевание враждебного государства, располагавшегося на юге современного Вьетнама. Жара, болезни и военные неудачи остановили монголов, но через год они вернулись, с боями дошли до Ханоя и подчинили себе весь Вьетнам.

Эти военные походы не удовлетворили страсть монголов к завоеваниям и не пополнили скудеющую казну империи, и следующей целью

Хубилая стала Ява, лежавшая в 2500 милях к югу. Он отправил посла с требованием, чтобы местный правитель признал власть великого хана, но тот, встревоженный угрозой торговле пряностями в юго-восточной Азии, приказал выжечь на лице посла клеймо. Тогда Хубилай направил против обидчика громадный флот. В 1293 году монголы высадились на острове Ява и повели успешное наступление, но затем большая часть войск попала в западню, и остатки монгольской армии бежали в Китай.

Это поражение усилило депрессию Хубилая, которая поразила хана после смерти сначала его любимой жены Чаби, а потом их сына, официального наследника престола. Не способствовали хорошему настроению и мятежи в подконтрольных землях — за восстанием в Тибете, которое удалось подавить с большим трудом, последовал бунт в Маньчжурии, куда хан лично повел войска и где руководил сражениями из паланкина, который несли на себе четыре слона. Это был его последний поход. Он все чаще находил утешение в еде и спиртных напитках, превратившись в тучного, измученного подагрой старика. В феврале 1294 года Хубилай умер в своем дворце; ему было семьдесят девять лет.

Потомки Хубилая, однако, не унаследовали его талантов. Наследником престола стал внук Тимур (император Чэн-цзун, 1294–1307 гг.), который был известен своим пристрастием к алкоголю, что противоречило полученному им конфуцианскому воспитанию. При нем до невиданных масштабов разрослись взяточничество и коррупция. Внутри империи царил мир, но другие каганаты признали главенство династии Юань над всеми монголами лишь после многолетнего конфликта. Военные кампании, коррумпированное чиновничество и богатые подарки монгольским ханам тяжелым бременем легли на истощенные финансы страны: резервы были исчерпаны, а стоимость бумажных денег упала, что стало причиной инфляции.

После смерти Тимура на престол взошел его племянник Хайсан (император У-цзун, 1307–1311 гг.) — после ожесточенной борьбы между двумя монгольскими ханами. Он опирался на привезенных из Монголии слуг; армия чиновников при нем выросла еще больше; он щедро раздавал титулы и звания и даже жаловал ремесленникам княжества. По мере углубления финансового кризиса повышались налоги (лицензии на добычу соли, например, подорожали на тридцать

пять процентов) и увеличился выпуск бумажных денег, что подстегнуло инфляцию.

Хайсана сменил младший брат Аурбавади (император Жэнь-цзун, 1311–1320 гг.), которого воспитывал ученый-конфуцианец. Новый император восстановил систему экзаменов и привлек в правительство приверженцев учения Конфуция — правда, позаботившись о более легких заданиях для кандидатов из числа монголов. На самом деле влияние и привилегии монгольских князей практически не скрывались, и они продолжали получать щедрые подарки от императора, что шло вразрез со стремлением правительства ограничить государственные расходы. Попытка обновить списки налогоплательщиков привела к восстанию землевладельцев, которые боялись новых налогов. В последние годы правления Аурбавади вмешательство в государственные дела матери императора, вдовствующей императрицы Тарги, привело к фракционной борьбе и практически парализовало деятельность правительства.

Следующим правителем стал сын Аурбавади, восемнадцатилетний Судхипала (император Ин-цзун, 1320–1323 гг.). Канцлер правой руки, некто Темудер, который был ставленником

вдовствующей императрицы, обратил свой гнев на политических противников, обвинявших его в коррупции, казнил многих из них и практически превратился в диктатора. Император, воспитанный в принципах конфуцианства, окружил себя чиновниками из среды ученых, придерживавшихся тех же взглядов, и внедрение конфуцианских идей привело к улучшению дисциплины среди государственных служащих и ослаблению бремени подневольного труда, от которого страдал народ. В то же время император увлекался буддизмом, и по его приказу несколько тысяч солдат за три года выстроили грандиозный буддийский храм к западу от Даду. Конец правлению Судхипалы положил указ об отмене практики ежегодных богатых даров монгольским князьям. Недовольные князья вместе со сторонниками Темудера ворвались в покои и убили императора.

Для продолжения династии Юань из Монголии привезли одного из племянников Тимура, Ясуна (император Тай-дин, 1323–1328 гг.). Он сразу же казнил или отправил в ссылку всех участников дворцового переворота. Ключевые посты в его правительстве занимали монголы, которые в большинстве своем были мусульманами и не

стеснялись использовать государственные средства для строительства мечетей.

После смерти Ясуна развернулась ожесточенная борьба за императорский трон. В ней победил один из сыновей Хай-сана по имени Тог, который отравил своего единокровного брата, тоже претендовавшего на верховную власть. Новый император (Вэнь-цзун, 1328–1332 гг.) обрушился с репрессиями на сторонников побежденного хана — последовали массовые казни, ссылки, конфискация собственности. В правительстве вновь доминировали мусульмане, однако, несмотря на богатые подарки родственникам императора, краткий период его правления отмечен как минимум восемью заговорами аристократии. Эти заговоры усугубили политическую нестабильность, вызванную восстаниями этнических меньшинств на огромной и разнородной территории империи (всего с начала эпохи Хубилая до конца правления Тога таких восстаний было не менее 130), а также наводнениями и засухами, в результате которых миллионы человек остались без крова. Император стремился укрепить постоянно слабеющие финансы страны отменой привилегий аристократов, уменьшением количества буддийских жертвоприношений в

Шан-ту (со 165 до 104) и сокращением дворцовой прислуги, численность которой достигала десяти тысяч человек. Сам он был страстным поклонником Конфуция и старался организовать свой двор по образцу китайского. Талантливый поэт, искусный каллиграф, собиратель китайской живописи, он уважал ученых, исповедовавших принципы конфуцианства, и ежегодно награждал мужчин и женщин, прославившихся своим благочестием и честностью. С целью пропаганды высокого духа конфуцианства он основал совет ученых. Результатом деятельности совета стал обширный свод документов и законов, получивший название «Великий закон управления миром».

После Тога династия Юань продолжилась самым кратким и самым долгим правлением за всю ее историю. Сын Тога Иринцибал, которому было всего шесть лет, умер через два месяца после восшествия на трон, уступив место тринадцатилетнему Тоган-Тимуру (император Шун-ди). Тот был провозглашен императором в 1333 году и правил страной тридцать три неспокойных года.

Через год или два была вновь отменена система экзаменов — восстановленная снова пять лет спустя. К 1336 году в результате финансового

кризиса окончательно обесценились бумажные деньги. Кризис не удалось ослабить попыткой создания финансовых резервов (только за один год в качестве дохода от соляных копей было получено тридцать миллионов унций серебра), поскольку колоссальные суммы тратились на поддержку нуждающихся. Огромное количество людей страдали от голода и эпидемий чумы, совпавших по времени с эпидемиями Черной смерти в Европе, и необычно суровых зим, которые повторялись практически через год и приносили в бассейн Хуанхэ засухи, наводнения и голод. Кроме того, очень дорого обходились постоянные переезды правительства между двумя столицами, а также стремление придворных обеспечить должностями всех монголов и пользовавшихся привилегиями иностранцев, что привело к непомерному раздуванию чиновничьего аппарата и росту коррупции. Тем временем родственники императора и чиновники богатели за счет сотен торговых и промышленных предприятий, находившихся в их владении.

Такое положение не могло сохраняться долго. В пятидесятые годы XIV века мятежи в провинциях начали приобретать все более масштабный характер. Усилился бандитизм. Неминуемое

падение династии стало очевидным после того, как бандиты и мятежники начали захватывать города, грабить зернохранилища и убивать чиновников. Энергичный канцлер по имени Тохто пытался сдержать волны недовольства. Чтобы положить конец хроническому уменьшению доходов казны, он распорядился выпустить новые бумажные деньги. Для защиты от пиратов, контролировавших все поставки зерна в столицу, в окрестностях города были засеяны рисовые поля, удовлетворявшие потребности Даду в зерне. Когда после очередного наводнения Хуанхэ снова изменила русло, канцлер направил 120 тысяч солдат и рабочих из числа гражданского населения, чтобы проложить канал и направить воды реки южнее полуострова Шаньдун.

В возрасте тридцати четырех лет Тоган-Тимур практически устранился от государственных дел. Не обращая внимания на усиливающиеся беспорядки в провинциях, где повстанцы, зачастую воевавшие друг с другом, создавали независимые от центральной власти районы, он развлекал себя и свое окружение танцевальными «ассамблеями» и оркестрами, состоявшими из женщин, а также тантро-буддийскими ритуалами сексуального характера. Он плавал по озеру в императорском

саду на огромной прогулочной лодке, помогал проектировать и строить водяные часы. Но самой серьезной его ошибкой стало неожиданное отстранение Тохто. После этого монголы довольно быстро выпустили из рук бразды правления, и государство распалось.

Один из самых успешных мятежей возник в провинции Хунань, и возглавил его сын странствующего предсказателя и слепой нищенки. Восстание выдвигало фундаменталистские лозунги возрождения нравственности и принципов конфуцианства. После смерти вождя в 1355 году его сменил крестьянин, оставшийся сиротой после того, как его родители умерли от чумы. Этого человека звали Чжу Юань-чжан. Мы еще вернемся к этой известной исторической личности, а пока скажем лишь, что он, собрав сотни и тысячи сторонников под знаменем мессианского культа «красных повязок» (впоследствии замененного на чистое конфуцианство), вел вооруженную борьбу более десяти лет, до самого падения династии Юань.

Чжу Юань-чжан был противником убийств и грабежей, и крестьяне сотнями стекались в его армию. Экономические трудности, а также физические страдания — например, муки тех,

кого согнали на принудительные работы по прокладке нового русла Хуанхэ — создавали благоприятную почву для восстания. К крестьянам присоединилось дворянство, жаждавшее избавиться от власти монголов. Поэтому большая часть населения Китая встала под знамена Чжу Юань-чжана — особенно после того, как он взял верх над всеми остальными вождями повстанцев. Он захватил Нанкин и форсировал Янцзы, а в 1368 году его талантливые военачальники впервые в мире применили пушки с металлическими стволами, без труда овладев Даду. Император верхом на лошади бежал в древнюю монгольскую столицу Каракорум.

Так закончилась оккупация Китая монголами, которую можно сравнить с попыткой пересадки чужого органа, отторгнутого иммунной системой пациента.

Глава 22. Мин (1368–1487 гг.)

Семья Чжу Юань-чжана, победителя монголов, жила в окрестностях Нанкина. Согласно монгольской «табели о рангах» она была причислена к старателям, которые мыли золото, и поэтому должна была ежегодно сдавать в казну определенное количество золотого песка. В отсутствии золота семья брала в аренду землю и занималась сельским хозяйством, чтобы обменять выращенные продукты на городской песок, но торговцы на рынке искусно манипулировали ценами, стремясь получить максимальную прибыль. До того как родители Чжу умерли от чумы, семья в поисках средств к существованию постоянно переезжала с места на место. Чжу Юань-чжан родился 21 октября 1328 года и после смерти родителей поступил послушником в буддийский монастырь, где выполнял работу прислужника. Это был высокий и крепкий юноша, рябое лицо и выступающий подбородок которого придавали ему необычный и немного пугающий вид. Он появился из пламени восстания против монголов как властолюбивый тиран, но исповедовавшие

конфуцианство советники, которыми он себя окружил, внушили ему идеи сострадательного правления.

Чжу Юань-чжан сделал Нанкин своей столицей, окружив город тридцатимильной стеной, а бывшая столица Даду была переименована в Бэйпин, а затем — в Пекин. По его приказу были восстановлены академия Ханьлинь и университет, а в Нанкине построены часовни в честь его предков, ориентированные на четверо городских ворот. В начале 1368 года, после жертвоприношений на недавно сооруженном круглом алтаре Неба и квадратном алтаре Земли — духи возвестили о восшествии на трон нового правителя, — а также после трех ритуальных отказов принять мандат Неба он занял китайский престол под именем императора Тай-цзу, назвал эпоху своего правления Хун-у и стал основателем династии Мин («свет», «огонь»).

Его тридцатилетнее правление было отмечено жестокостями и репрессиями. Поводом к суровому наказанию становился малейший намек на нелояльность или коррупцию. Типичным примером может служить история с предварительно проштампованными документами. Местные чиновники, отвечавшие за отправку налоговых

поступлений в Нанкин, должны были заполнять специальные бланки, в которых указывалось количество отправляемого товара, и скреплять их печатью. Однако они ставили печати на пустые бланки, которые заполнялись после прибытия груза, когда уже были известны потери при транспортировке. Узнав об этих злоупотреблениях, открывавших дорогу коррупции, император пришел в ярость: он приказал казнить всех чиновников, чье имя стояло на предварительно проштампованных бланках. Это случилось в 1376 году. Однако гнев императора, направленный на провинившихся чиновников, не идет ни в какое сравнение с его яростью, когда несколько лет спустя в измене был обвинен один из главных министров. Жертвами репрессий, продолжавшихся не один год, стали более сорока тысяч человек. Высокопоставленный сановник, обвиненный в измене, покончил жизнь самоубийством, и тогда казнили его жену, родственников и семнадцать слуг. В 1393 году началась новая волна репрессий — из-за предполагаемой измены некоего военачальника. В тот раз казнили более двадцати тысяч человек, в том числе многих аристократов.

Основатель династии Мин император Тай-цзу осматривает храм полководцев. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

Наказание за любой проступок было чрезвычайно суровым — например, император приказал казнить одного из университетских преподавателей за то, что тот якобы клеветал на своего начальника, а многие чиновники, обвиненные в злоупотреблениях при проведении экзаменов, лишились головы; сыновьям император приказал проводить в своих поместьях такую же жестокую политику. Тем не менее он не забывал о своем происхождении и старался защитить крестьян, больше остальных страдавших от высокомерия и недисциплинированности людей, которым они помогли основать новую династию. По новым законам, которые вырезались на металлических листах и вывешивались для публичного оглашения, чиновников, использовавших данную им власть для притеснения простого народа, ждала суровая кара: их клеймили, вырывали ноздри, их имущество подлежало конфискации, а жен и сыновей отправляли на каторгу. Знатные, уличенные в незаконном за-

хвате земли, домов или скота простых людей, лишались благородного звания, а те, кто неоднократно отбирал чужую собственность, например золотые копи, подлежали смертной казни.

Император ревностно чтил культ предков. В Доме поклонения предкам, который он построил на территории дворца, были установлены алтари в честь его четырех предков. Здесь ежедневно воскурялись благовония, а в полнолуние, новолуние и в дни рождения предков их душам приносили жертвы. Чтобы не забывать о посте во время жертвоприношений, он заказал металлическую статуэтку с бамбуковой дощечкой и надписью «пост».

Не менее серьезно император относился к своим духовным обязанностям Сына Неба. Однажды, во время сильной засухи, он три дня постился снаружи дворца, чтобы умилостивить духов дождя. Его усилия ни к чему не привели, и тогда на четвертый день перед восходом солнца он облачился в скромный халат и соломенные сандалии, сел на циновку у алтаря Гор и Рек рядом с дворцом и сидел под палящими лучами солнца, питаясь грубой крестьянской пищей, которую приносили ему императрица Ма — приемная дочь одного из его старых соратников — и наложницы. После

трехдневного ритуала император вернулся во дворец и возобновил пост. Еще через шесть дней хлынул ливень.

Он постоянно менял структуру правительства, перераспределяя полномочия, и иногда сам исполнял обязанности первого министра. Евнухи, которые выполняли канцелярскую работу в высших эшелонах власти, приобретали все большее влияние, хотя любая политическая деятельность им была запрещена. Одновременно проводилась политика привлечения ученых на государственную службу, особенно после 1370 года, когда император возродил традиционную систему экзаменов. К обязательной программе, состоящей из классических произведений, ораторского искусства и политического анализа, добавили экзамены по стрельбе из лука, верховой езде, каллиграфии, арифметике и юриспруденции. Последнее из перечисленных испытаний требовало знания кодекса законов, введенного столетием раньше и часто пересматривавшегося. Правда, через несколько лет император вновь отказался от системы экзаменов, и целое десятилетие набор на государственную службу проводился по рекомендациям — несмотря на то, что среди многочисленных выпускников университета

было много талантливых людей.

Любопытной чертой правления следует признать периодическое появление «великих речей». В одной из них, например, император оправдывал жестокие наказания, которые предусматривались за измену, другая представляла собой поучительную историю для принцев царского рода (у императора было двадцать шесть сыновей), где рассказывалось о других принцах, которые восстали против отца, что привело к катастрофе. Речь под названием «Законы предков» предназначалась для них же и содержала правила поведения, еще одна являлась сборником рассказов о хороших и плохих министрах, а «Изучение установлений» предлагало подробные комментарии к законам о размерах жилищ аристократов и украшениях их паланкинов. В «Кратких наставлениях народу» император рассуждал о справедливом суде деревенских старейшин и предписывал, чтобы в каждой деревне инвалид, глубокий старик или слепой в сопровождении молодого человека ходил по улицам, звонил в медный колокольчик с деревянным язычком и декламировал «шесть наставлений» — исполнять обязанности по отношению к родителям, поддерживать дружеские отношения с

соседями, воспитывать сыновей и внуков, мирно трудиться, чтобы заработать себе на жизнь, и не совершать дурных поступков.

Жестокое правление императора Тай-цзу отмечено относительным спокойствием внутри страны. В 1369 году он «дал имена» всем духам стен и рвов с водой и обязал магистратов совершать им регулярные жертвоприношения, чтобы обеспечить процветание городов. Духи проявили благосклонность, и экономическая ситуация в стране стала улучшаться. В обмен на поставки зерна торговцы получали так называемые соляные чеки, по которым можно было получить соль, чтобы потом выгодно ее продать, и такая система позволила поддерживать стабильные цены. Торговля через морские порты не поощрялась, но в страну поступала дань из соседних стран. Медные монеты пришли на смену серебряным, которые открывали дорогу для разного рода спекуляций.

Из военных кампаний следует отметить карательную экспедицию в Тибет, укрепление позиций в Маньчжурии, а также освобождение провинций Юньнань и Сычуань из-под власти монголов. Военные действия против изгнанных монголов с переменным успехом велись на об-

ширной территории, в том числе за Великой Китайской стеной, и имперским войскам даже удалось сжечь Каракорум. Более серьезной проблемой было пиратство — восточное побережье страны страдало от постоянных набегов японских пиратов, а от их проникновения внутрь страны не защищала даже система укрепленных фортов.

Тай-цзу умер в 1398 году, и после его смерти самоубийство совершили тридцать восемь из сорока наложниц императора — согласно монгольской традиции, несмотря на то что император питал неприязнь к обычаям монголов. В последнем указе, выпущенном незадолго до смерти, он назначал наследником престола своего внука Чжу Юнь-вэня, и через несколько дней страной стал править новый император, Хуэй-ди, назвавший эру своего правления Чэн-вэн.

Это был мягкий человек, страстный любитель книг, окруживший себя чиновниками из числа конфуцианцев. Он снизил налоги и наложил ограничения на размеры имущества буддийских и даосских священнослужителей, разбогатевших при покровительстве его отца. Но когда он попытался поставить заслон опасным амбициям своих дядьев, которым Тай-цзу пожаловал звания

принцев, в стране началась гражданская война. Высокомерный и властолюбивый аристократ принц Янь, который после успешных кампаний против монголов собрал большую армию, базировавшуюся в Пекине, в 1399 году напал на соседей. Кульминация трех лет кровавых столкновений наступила в 1402 году, когда предатель открыл ворота Нанкина и торжествующая армия принца подожгла императорский дворец. После пожара в развалинах дворца нашли три обугленных тела — это были император, императрица и их старший сын; однако легенда гласит, что императору удалось бежать, переодевшись монахом. Второго сына императора, которому было всего два года, и всех оставшихся в живых родственников заключили в тюрьму — маленький мальчик проведет в заточении почти всю жизнь, выйдя на свободу в возрасте пятидесяти семи лет. Принц Янь не щадил противников — десятки тысяч чиновников Хуэй-ди и их родственников были казнены, заключены в тюрьму или отправлены в ссылку. Тем не менее трагическая фигура Хуэй-ди навсегда осталась в истории Китая.

В 1403 году принц Янь провозгласил себя императором, взял имя Чэн-цзу и объявил о начале новой эпохи правления Юн-лэ (Долгая Радость).

Он получил серьезное классическое образование, но больше всего интересовался военным делом; щедро раздавал поместья и титулы своим военачальникам, создав наследственную военную аристократию. Тем не менее император поддерживал доставшуюся ему в наследство эффективную гражданскую администрацию, поставив во главе ее ученых из академии Ханьлинь. Все государственные посты, вплоть до магистратур на местах, заняли люди, успешно преодолевшие систему экзаменов. Несмотря на то что стабильность и преемственность администрации стали характерной чертой правления, одновременно росло влияние евнухов. Они проникли во все государственные структуры и шпионили за чиновниками, как военными, так и гражданскими. Получив карт-бланш на искоренение коррупции, они возглавили столичное ведомство под названием Восточная группа — именно на это печально известное учреждение возлагали вину за пытки и загадочную гибель людей. Такими же полномочиями Чэн-цзу наделил и императорскую стражу, однако в период своего правления он держал под контролем эти инструменты власти, чего нельзя сказать о других императорах династии Мин.

Чэн-цзу всеми силами стремился доказать свою легитимность как Сына Неба и для этой цели приказал ученым переписать историю правящих династий Китая. Император также хотел представить себя как образцового мудрого конфуцианского правителя. В нравоучительном трактате он изложил этические нормы для императора и его подданных. Следуя его указаниям, ученые составили «Великий сборник философии человеческой природы», содержавший выдержки из классических произведений и комментарии к ним. Император также финансировал работу более двух тысяч ученых, работавших над грандиозным сборником «Великое хранилище литературы эпохи царствования Юнь-ло» — двадцать две тысячи глав, охватывавших такие области, как классическая литература, история, ритуалы, своды законов, военные походы, медицина, зоология, ботаника, сказки и драма. Эти произведения формировали интеллектуальный и культурный облик образованных людей того времени и, распространяясь за границей, помогали пропагандировать идеи конфуцианства в других странах.

Главной своей целью император считал распространение китайского влияния на север, в

самый центр Азиатского континента. Он активно применял дипломатические методы, отправляя посольства в соседние страны и жалуя торговые привилегии данникам, — в эту систему входила Корея, и к ней время от времени присоединялась Япония, пока в 1417 году новый сегун не объявил, что японские боги запрещают любые сношения с чужестранцами, — но в то же время не брезговал применением силы, лично возглавляя военные походы. Необходимость военных действий диктовалась появлением на западе новой политической силы.

В эпоху правления первого императора династии Мин эту силу возглавил монгольский хан Тимур (Тамерлан). Его империя с центром в Самарканде включала в себя большую часть Центральной Азии, территорию современных Ирана, Ирака, Афганистана, Азербайджана, Грузии и Армении, а опустошительные набеги монголов затронули Сирию, Турцию, Индию и юг России. Два посла, отправленных к Тимуру императорами Тай-цзу и Чэн-цзу, были казнены, а в 1404 году хан решил завоевать Китай и обратить его жителей в мусульманство. Для этой цели он собрал 200-тысячную армию, но умер, так и не успев осуществить задуманного.

Устранение этой опасности, однако, не принесло мира на северные границы Китая, потому что угроза, исходившая от монгольских орд, была постоянной. На протяжении пятнадцати лет в пяти военных походах Чэн-цзу уводил свои армии на семьсот миль к северо-востоку и северо-западу от Пекина, пытаясь разгромить монголов, но, несмотря на победы в отдельных сражениях, а также на затраченные силы и огромные средства, ему не удалось сокрушить быструю и мобильную армию кочевников. Император также стремился включить в состав Китая Аннам, вассальное государство на севере современного Вьетнама. Его армия сломила сопротивление противника, и китайские чиновники начали управлять завоеванной территорией, но постоянные восстания и партизанскую войну не удавалось подавить даже с помощью большого количества войск, и в конечном счете, после тридцати лет мятежей, империя отказалась от попыток аннексировать Аннам.

Как бы то ни было, правление императора Чэн-цзу чаще вспоминают в связи с успехами не на суше, а на море. На верфях Нанкина строили огромные океанские суда — девятимачтовые джонки длиной 444 фута и шириной 68 футов.

Императорские евнухи собрали флот из 300 судов с экипажем в 27 000 человек; командовал флотом тоже евнух, адмирал Чжэн Хэ. В период с 1405 по 1421 год он совершил шесть плаваний в Юго-Восточную Азию, Цейлон, Индию и даже в Персидский залив. Во время этих походов адмирал взял в плен и отправил в Китай многих правителей, а не менее восемнадцати государств прислали посольства и дань ко двору династии Мин. Среди подарков императору были такие экзотические животные, как страусы, зебры и жирафы, которых китайцы раньше никогда не видели. Эти экспедиции значительно расширили влияние Китая и представляли собой величайшие в истории морские исследования, на несколько десятилетий опередившие европейскую эпоху великих географических открытий.

В первые же годы своего правления Чэн-цзу решил, что столицей страны должен быть не Нанкин, а Пекин. По его распоряжению в городе начались масштабная реконструкция и строительство, и в течение пятнадцати лет сотни тысяч рабочих создавали удивительной красоты город, большая часть зданий которого сохранились до наших дней. Реконструкция Великого канала и постройка трех тысяч плоскодонных барж,

которые могли по нему плавать, обеспечили бесперебойную поставку продовольствия с юга. Правда, судьба отвела императору лишь несколько лет, чтобы насладиться Запретным городом — комплексом императорских дворцов в столице, прежде чем череда ударов, от которых он лечился даосскими эликсирами, содержащими мышьяк, свинец и другие металлы, окончательно подорвала его здоровье. Он умер в 1424 году, возвращаясь из очередного похода против монголов.

Трон унаследовал его старший сын, известный под храмовым именем Жэнь-цзун. Он страдал ожирением и болезнью ног и меньше чем через год умер от сердечного приступа. На трон взошел старший из его сыновей — император Сюань-цзун. Его правление началось малообещающе, с восстания дяди. Однако мятеж был быстро подавлен, а самого дядю лишили благородного звания и бросили в тюрьму, где он умер под пытками; шесть тысяч его сторонников были казнены, а 2200 человек выслали в пограничные районы.

После этих событий в стране воцарилось спокойствие. Воспитанный в традициях конфуцианства Сюань-цзун, подобно своим предшественникам, поставил во главе правительства ученых из академии Ханьлинь, хотя и при нем

евнухи сохранили влияние — в гареме даже создали специальную школу, чтобы они могли продолжать образование.

Администрация стремилась искоренить коррупцию среди армейских начальников, которые предъявляли необоснованные требования к населению, использовали солдат как личных слуг и отбирали у них жалование. Император ослабил налоги и освободил от них районы, пострадавшие от стихийных бедствий. Глубоко озабоченный вопросами справедливости, он лично председательствовал в суде при рассмотрении важных дел и приказал провести повторное расследование многих уголовных преступлений, в результате чего были оправданы тысячи невинных.

Мир внутри страны дополнился спокойствием на границах. Союз монгольских племен раскололся в результате противостояния восточных монгольских племен и ойратов на западе. Победителями в этом конфликте вышли ойраты, поддерживавшие дружественные отношения с двором Мин. При новом сегуне оживились дипломатические и торговые связи с Японией. Дружественные взаимоотношения поддерживались и с Кореей, которая не только поставляла в Китай боевых коней, но и удовлетворяла личные

потребности императора, присылая ко двору девственниц и евнухов для гарема, а также искусных поваров для приготовления корейских блюд, которые обожал правитель Поднебесной; однажды император даже попросил прислать ему конкретную девушку, славившуюся своей красотой. Сюань-цзун положил конец затянувшейся военной кампании в Аннаме. В начале 1432 года он приказал адмиралу Чжэн Хэ предпринять седьмое и, как оказалось, последнее плавание: требовалось оживить связи с государствами, платившими дань, и для этого флот вновь отправился в дальние страны, добравшись до Аравийского полуострова и северо-восточного побережья Африки. После смерти Сюань-цзуна — император умер в 1435 году после непродолжительной болезни — историки назвали его образцом конфуцианского монарха, сведущего в искусствах и склонного к благожелательному правлению.

Практически ничего из блестящего правления Сюань-цзуна не унаследовал старший из двух его сыновей. Поскольку при восшествии на трон новому императору Ин-цзуну было всего шесть лет, реальная власть принадлежала регентскому совету, в состав которого входили три евнуха.

Решающий голос принадлежал одному из них, Ван Цзиню. Он был наставником малолетнего императора и не выпускал мальчика из своих цепких рук. Умный и подозрительный, обладавший незаурядным обаянием, он запугал высших сановников, без колебаний отправляя в тюрьму или на плаху всех, кто осмеливался ему мешать. Но, несмотря на эффективную работу правительства, обстановка в стране была неспокойной: тяжелым бременем на население ложился принудительный труд, особенно на масштабных строительных работах, продолжавшихся в Пекине, и тысячи людей покидали родные места, чтобы избежать этой повинности. Кроме того, в период с 1435 по 1448 год обширные территории регулярно страдали от засух, наводнений и эпидемий; самым серьезным из всех бедствий стало наводнение 1448 года, когда река Хуанхэ вновь прорвала дамбы и изменила русло, что привело к серьезным разрушениям и массовой гибели людей. С 1422 по 1448 год в стране произошло несколько восстаний, причем два последних, самых крупных, удалось подавить с большим трудом. В это время Ван Цзинь начал военную кампанию против бирманского племени шан на границе с провинцией Юньнань; война по-

глощала много ресурсов, как людских, так и финансовых. Но еще серьезнее была ситуация с монголами. Вождь ойратов Есен стал во главе союза племен и контролировал огромную территорию на севере, от Синцзяна до Маньчжурии, которая вновь вышла из-под власти Китая. На протяжении многих лет с ойратами поддерживались дружественные отношения, основанные на взаимовыгодной торговле: согласно установленным правилам на любом рынке полтора миллиона фунтов чая обменивались на четыре тысячи лошадей. Однако честолюбивый Есен предложил женить своего сына на девушке из царского рода Мин и, получив отказ, двинул армию на север Китая (1449 г.).

Под влиянием Ван Цзиня не имевший боевого опыта император Ин-цзун, которому исполнилось двадцать два года, решил лично повести свою армию против монголов. Он собрал полумиллионное войско — огромную массу неподготовленных и плохо вооруженных людей, — которое в довершение всего увязло в грязи, образовавшейся из-за беспрерывных дождей. Военачальники предлагали укрепиться на хорошо защищенной позиции и отправить императора подальше от опасности, в Пекин, но Ван Цзинь

пришел в ярость и заставил их отказаться от этого плана. Тем не менее, когда крупный китайский отряд был разгромлен монголами и его не смогла защитить даже Великая Китайская стена, евнух признал риск похода в глубь степей и согласился вернуться в Пекин. Монголы уничтожили арьергард императорской армии, а основные силы китайцев встали лагерем на берегу реки у почтовой станции Ду-му в семидесяти милях к северу от, Пекина. Высокомерный Ван Цзинь отверг просьбу военачальников, умолявших его укрыться в соседнем городе под защитой крепостных стен. Армия страдала от нехватки воды для людей и лошадей, и когда китайцы попытались подойти к реке, монголы бросились в атаку. Охваченное паникой императорское войско было полностью разгромлено, лишилось почти половины людей и огромного количества оружия; все высшие военачальники погибли (включая и Ван Цзиня, убитого, по всей вероятности, собственными офицерами), а император попал в плен. Так мания величия деспотичного евнуха стала причиной одного из величайших военных поражений в истории Китая. Удивительно, что Есен не двинул свою армию на незащищенный Пекин, а отступил на север, увозя с собой богатую

добычу и пленного императора.

Регентом сначала назначили единокровного брата императора принца Чена, но поскольку император продолжал оставаться в плену, а его сыну было всего два года, в 1450 году регент провозгласил себя новым правителем страны, взойдя на трон под именем Цзин-цзун и девизом Цзинтэ. Пекин готовился к отражению неминуемой атаки Есена. Боевой дух защитников столицы был высок, и решимость не отдать город врагу овладела как населением, так и энергичными военачальниками, вставшими во главе 200-тысячной армии, собранной в ближних и дальних провинциях страны. Последовали несколько битв с войском Есена, в том числе крупных, с применением артиллерии. Есену на короткое время даже удалось окружить город, но вскоре он, похоже, устал от войны и отступил в Монголию.

Пекин был спасен, а правительство проводило разумную политику — даже несмотря на доминирование в нем евнухов. Армия подверглась серьезному реформированию, а масштабные восстановительные работы, строительство водохранилищ и шлюзов позволили укротить разливы Хуанхэ. Тем не менее этот период отмечен восстаниями на юге страны, страдавшем

от стихийных бедствий — наводнений, засух и небывалых зимних холодов, во время которых насмерть замерзло огромное количество людей. Доходы казны значительно сократились, и одновременно огромные суммы тратились на выплату компенсаций пострадавшим.

Тем временем обострилась ситуация с пленным императором Ин-цзуном. Сменивший его Цзин-цзун прочно обосновался на троне и не торопился возвращать сводного брата.

После полугода неспешных переговоров китайцев с Есеном вождь ойратов решил, что нет смысла держать у себя императора, и отпустил его. Ин-цзун вернулся в Пекин, отказался от претензий на власть, был лишен всех почестей и поселился в дальних покоях дворца. Однако в 1557 году, когда новый император заболел и не смог присутствовать на приеме, подспудный конфликт из-за наследства вспыхнул с новой силой. Группа влиятельных министров и военачальников воспользовалась случаем и совершила дворцовый переворот. Заговорщики низложили Цзин-цзуна и вновь объявили императором Ин-цзуна (эра его правления была названа Тяньшунь, что означает «Послушный небесам»). Цзин-цзун снова стал принцем и через несколько

месяцев умер — по некоторым источникам, он был задушен одним из дворцовых евнухов.

Последовали обычные в таких случаях увольнение высокопоставленных сановников и раздача почестей участникам заговора, многие их которых тем не менее перехитрили самих себя и были отстранены от власти. Наступил период удивительной стабильности в правительстве — с 1458 года до самой смерти императора в 1464 году все министры оставались на своих местах.

Наследником престола стал старший из оставшихся в живых сыновей императора, который взошел на трон под именем Сян-цзун и девизом Чэн-ху. Его правление примечательно десятилетней войной против монголов. Великая Китайская стена была восстановлена и достроена, стала такой, какой мы ее видим сегодня. На плато Ордос 200 тысяч солдат построили участок стены длиной шестьсот миль и высотой до тридцати футов. Это было грандиозное оборонительное сооружение, протянувшееся на 4500 миль, с многочисленными сторожевыми башнями, сигналы с которых подавались дымом от горящего волчьего помета. Фундамент стены был сложен из камня, внутренность наполнялась утрамбованной землей, а облицовка была выполнена

из необычайно прочного кирпича, твердостью напоминавшего бетон и скрепленного раствором из смеси рисовой муки, глины и извести. По некоторым оценкам, постройка этого величайшего на Земле инженерного сооружения стоила жизни восьми миллионам человек.

Великая Китайская стена и победа в ряде крупных сражений позволили стабилизировать ситуацию, но набеги монголов продолжали тревожить северные границы страны. В самом Китае наибольшее беспокойство вызывал регион в двухстах милях к югу от слияния рек Вэй и Хуанхэ. В этой горной местности веками скапливались беженцы, жертвы засух и наводнений, а также те, кто уклонялся от налогов или трудовой повинности. Эти сотни тысяч человек, согнанных с насиженных мест и находившихся не в ладах с законом, были превосходной питательной средой для «выращивания» вождей мятежников. Один из них, по имени Лю, о котором рассказывали, что он поднимал каменного льва весом в тысячу катти (один катти — примерно 600 граммов), возглавил крупное восстание 60-х годов XV века. Мятеж удалось подавить лишь в 1466 году, и вождю восставших отрубили голову. Волнения не утихали еще семь лет, но последовательная

политика умиротворения в конце концов принесла мир на эти земли.

Император Сян-цзун был коренастым, невозмутимым человеком, страдавшим сильным заиканием. Он находился в полном подчинении у своей бывшей няньки, которая была в два раза старше, но тем не менее под именем Госпожи Вэн стала его старшей женой. Она любила наряжаться в военный мундир и шествовать во главе процессии по двору, развлекая императора. Еще более пагубным было ее влияние на правительство, в котором ведущую роль играли «четыре порочных евнуха» и которое погрязло в коррупции. Самоустранение императора от государственных дел и назначение чиновников на должности прямыми указами, заменившими обычную бюрократическую процедуру, открыло простор для злоупотреблений: дворцовые евнухи торговали должностями, званиями и привилегиями, вводили особые сборы и пошлины, выпрашивали у императора освобождение от налогов для некоторых поместий. Широкое распространение получила практика конфискации земель, в результате чего возникли громадные императорские поместья.

Личная жизнь императора тоже не могла

считаться образцом для подражания. Под влиянием Госпожи Вэн — по ее наущению правителя снабжали порнографической литературой и афродизиаками, изготовленными даосскими магами, — он вел развратную жизнь. Император развелся со своей бездетной официальной супругой, а после того, как умер единственный ребенок Госпожи Вэн, она заставляла других наложниц делать аборты и не останавливалась перед убийством, чтобы предотвратить появление наследника. Но она просчиталась. Случайная встреча — в одной из кладовых дворца — императора с девушкой из южного племени яо привела к появлению на свет мальчика. Сына показали императору лишь в возрасте пяти лет — ребенка привел евнух, признавшийся, что не дал девушке посланное Госпожой Вэн зелье, которое должно было спровоцировать выкидыш. Довольный император поручил заботу о сыне своей матери, вдовствующей императрице. Госпожа Вэн была вне себя от ярости и приказала отравить мать мальчика. В 1487 году с разницей в несколько месяцев умерли Госпожа Вэн и император, и на трон взошел юный Сяо-цзун (эра его правления получила название Хун-чи).

Глава 23. Мин (1487–1644 гг.). Продолжение

Новый император сразу же открыто заявил о своих намерениях. Обнаружив шокирующие пособия сексуального характера в покоях отца, он перед всем правительством открыл имя льстивого дарителя, убеленного сединами сановника. Униженный старик лишился дара речи и пал ниц перед императором; он был с позором изгнан и через год умер. Сяо-цзун очистил двор от развращенных любимцев Госпожи Вэн и предыдущего императора — последовали казни, ссылка и заточение в тюрьму тысяч алчных евнухов, незаконно назначенных чиновников, нечистых на руку буддийских и даосских священнослужителей.

Сяо-цзун объявил свою супругу, госпожу Чань, императрицей и оставался верен ей — он был единственным сторонником единобрачия среди всех императоров Китая. Этот невысокий человек с блестящими глазами, обвисшими усами и клочковатой бородой являлся убежденным приверженцем конфуцианства. Он изо всех сил

стремился соответствовать требованиям этого учения: исполнял все предписанные ритуалы, назначал на министерские должности конфуцианцев и следовал их советам, заботился о благополучии народа.

У этого образца совершенства тем не менее была одна слабость — госпожа Чань, глупая и требовательная женщина, склонная к расточительству. Император постоянно исполнял ее просьбы, жалуя титулы, должности, земли — и создавая условия для коррупции — братьям, кузенам, дядьям императрицы, а также многочисленным прихлебателям. Подобная практика явно нарушала соотношение космических сил, и правление Сяо-цзуна отмечено чередой природных катастроф. Хуанхэ вновь вышла из-под контроля, и по распоряжению императора 120 тысяч человек отрядили на рытье каналов и возведение плотин, чтобы направить реку в новое русло к югу от полуострова Шаньдун, по которому она несла свои воды вплоть до XIX века.

В отношении правительства Сяо-цзун продолжил политику своих предшественников. С тех пор как основатель династии Мин упразднил пост первого министра, императоры сами исполняли эти обязанности. Все решения государ-

ственного аппарата должны были утверждаться императорскими указами, однако, вместо того чтобы действовать в согласии с учеными из академии Ханьлинь, которые обычно занимали ведущие министерские посты, правители все чаще полагались на советы министров в виде пометок к докладам, которые представлялись на рассмотрение императора. Эти советы, в свою очередь, нередко игнорировались или заменялись рекомендациями евнухов, имевших доступ к императору.

К тому времени численность евнухов выросла до огромных размеров, превысив десять тысяч человек. Эта бюрократическая структура сравнялась по численности с гражданской администрацией и действовала параллельно ей — со своей иерархией, карьерной лестницей, рангами, установленными жалованиями и правилами. Руководители двух структур вели ожесточенную борьбу за влияние на императора, однако в большинстве случаев они были вынуждены действовать совместно. Евнухи добились ведущего положения в армии — одни дослужились до генеральских званий, а другие контролировали такие важные сферы, как закупка лошадей и производство оружия. В гражданских областях они

управляли огромными государственными предприятиями, выпускавшими шелк, парчу и фарфор, контролировали международную торговлю — в ее основе лежала система дани, — занимались поставками товаров для императорского двора, руководили строительными проектами, а также надзирали за имперской полицией и системой наказаний.

В армии награды и должности в большинстве подразделений раздавались по числу захваченных в плен и убитых врагов, причем количество последних должно было подтверждаться отрубленными головами. Такая практика поощряла неразборчивую «охоту за головами». Вражеские головы, привезенные с севера и севера-востока, ценились особенно высоко, головы из Тибета и с юго-западных границ считались второсортными, а наименьшая награда причиталась за головы мятежников и бандитов. На протяжении почти всего XV века карательные операции по подавлению восстаний на крайнем юге — племена ли, яо и мяо по-прежнему сопротивлялись ассимиляции — служили богатым источником голов, счет которым шел на тысячи. Иногда в их число входили и женские головы — вождями многих племен были женщины.

Император Сяо-цзун умер в 1505 году в возрасте сорока лет — немногие из императоров династии Мин доживали до этого срока, — и престол унаследовал его тринадцатилетний сын, взявший себе имя У-цзун. Он был совсем не похож на отца.

Юноша вскоре бросил свою официальную супругу-императрицу и предпочел общество евнухов. Один из них, Лю-цзинь, отвечал за увеселения и развлекал императора танцами, борцовскими поединками, показом экзотических животных и музыкой. По совету Лю-цзиня император стал инкогнито бродить по улицам Пекина. Эти занятия, а также склонность к пьянству все больше отдаляли У-цзуна от государственных дел, вести которые он чаще поручал не правительству, а евнухам — преимущественно Лю-цзиню.

На протяжении трех лет этот человек, которому удалось сделать из евнухов инструмент государственной власти, наводил ужас на страну. Чиновники, осмеливавшиеся ему противоречить, лишались должностей, подвергались избиениям и пыткам, а высших сановников, которые не склонялись перед ним, за мелкие прегрешения — например, за использование паланкина без разрешения — заковывали в колодки, массивные

деревянные брусья, которые вешались на шею. Лю-цзинь стремился повысить стремительно сокращавшиеся доходы казны. На продажу соли были установлены квоты, увеличилась добыча серебра, отвечавшие за зернохранилища и финансы чиновники безжалостно увольнялись в случае малейших потерь или недостачи, во многих районах страны были повышены налоги. Повышение налогов коснулось и военных, что стало причиной многочисленных мятежей в гарнизонах.

В 1510 году один из таких мятежей вылился в восстание, охватившее центральную часть провинции Шэнси. Восстание быстро подавили, но во время этой кампании один высокопоставленный офицер из числа евнухов признался, что Лю-цзинь замышляет убить императора. Офицер выступил со своими обвинениями на пиру у императора, но У-цзун, к тому времени уже пьяный, отказался поверить в предательство фаворита. Однако на следующий день он убедился в предательстве Лю-цзиня — при обыске в доме евнуха был обнаружен тайник, в котором хранились четверть миллиона слитков золота, почти два миллиона унций серебра, а также множество других ценностей и оружия. Среди оружия имел-

ся кинжал, который должен был использовать убийца, спрятавшийся среди опахальщиков Лю-цзиня. Евнуха приговорили к мучительной казни — разрезанию на куски. Пытка продолжалась три дня, и рассказы о ней передавались из уст в уста. Все его распоряжения и указы были аннулированы.

Евнухи не утратили влияния на государственные дела, но теперь император предпочитал общество военных. Его любимцем стал начальник императорской стражи, который жил во дворце и часто пьянствовал со своим повелителем, для развлечения последнего приводя своих любимых музыкантов, женщин-мусульманок из гарема и тибетских монахов, разбиравшихся в магии тантрического буддизма. За благосклонность императора с начальником стражи соперничал еще один военный, который привлек внимание У-цзуна подвигом во время стычки с бандитами: в него вонзились три стрелы, причем одна попала в лицо, выйдя около уха, но солдат выдернул стрелу и продолжал сражаться. Эти друзья из числа военных подогревали интерес императора к военным походам, который поначалу вылился в увлечение охотой и потешными сражениями в императорском парке. В 1514 году во время охоты

У-цзуна покалечил тигр, но страсть императора к подобным развлечениям не угасла.

Вскоре после этого был устроен праздник фонарей — император всю жизнь увлекался изготовлением фонариков и специально для праздника придумал несколько новых конструкций. Фонари расставляли во дворе у палат императора и зажигали все сразу, так что ночь превращалась в день. Случилось так, что во дворе были установлены шатры, причем в некоторых хранился порох, использовавшийся для потешных сражений. Огонь каким-то образом попал на порох, и последовавший взрыв вызвал пожар, бушевавший всю ночь и полностью уничтоживший дворцы и приемные покои. Для их восстановления потребовалось тридцать тысяч солдат и семь лет упорного труда.

Тем временем император расположился в юртах, установленных на территории Запретного города — с воротами, спальными домиками, кухнями, конюшнями и туалетами. Отправляясь в путешествие, У-цзун брал с собой весь этот импровизированный город. Он все чаще нарушал дворцовый протокол, присутствовал на различных ритуалах в домашней одежде и перенес редкие аудиенции с утра на вечер, так что при-

дворные были вынуждены весь день томиться в ожидании приема. Он не обращал внимания на критические замечания чиновников и отдал государственные дела в ведение евнухов.

В последние годы он много путешествовал, обычно далеко от Пекина — однажды даже участвовал в стычке с монголами неподалеку от Великой Китайской стены, — и доезжал до Нанкина, второй столицы империи. (Более сотни чиновников подверглись порке за то, что возражали против этого путешествия.) Южнее Нанкина дальний родственник императора, принц Нин, поднял восстание, центром которого стала провинция Гуаньси. К мятежному войску присоединились многие разбойники, пользовавшиеся покровительством принца, а также часть влиятельных дворцовых евнухов. Восстание было подавлено всего за месяц, принца захватили в плен и после двухлетнего заточения отпустили; заговорщиков из числа евнухов приговорили к казни разрезанием на куски — таким было наказание за государственную измену.

Император к тому времени превратился в настоящего алкоголика — один из слуг должен был всегда сопровождать его с кувшином подогретого вина и ковшом, чтобы император мог в любой

момент удовлетворить свою страсть. Однажды У-цзин в пьяном виде упал с лодки и чуть не утонул; здоровье его неуклонно ухудшалось. Он развлекался тем, что спаивал придворных, а также издавал нелепые указы, например, предусматривающие бессрочную ссылку за разведение и забой свиней, в то время как свинина была основным элементом жертвоприношений и главным ингредиентом всех мясных блюд. Во время путешествий он похищал женщин — в гарем или ради выкупа, а случайно встреченная певица стала его любимой наложницей. Делая другим даже незначительный подарок — перо, кусок мяса, — он ожидал в ответ богатых подношений в виде золота или шелка. Придворные были такими же недисциплинированными, как сам император.

В 1516 году португальский король назначил Томе Пиреша, сына лиссабонского аптекаря, послом в Китай. Не жалея денег на подкуп евнухов, Пиреш добрался из Кантона в Пекин, куда прибыл в 1520 году. Но ему не суждено было увидеться с императором, который заболел и умер в 1521 году в возрасте двадцати одного года — возможно, это была расплата за распутную жизнь. Пиреша и его посольство изгнали из Пекина — так закончилась

первая европейская миссия в Китай.

У-цзин умер бездетным, и в 1522 году после нескольких месяцев неопределенности трон занял его пятнадцатилетний двоюродный брат, взявший себе имя Ши-цзун (эпоха его правления названа Чи-цин). Его рождение сопровождалось благоприятными знаками — вода в Хуанхэ оставалась чистой на протяжении нескольких дней, а в небе появились облака розового цвета. Однако эти предзнаменования не сбылись. Вскоре двор нового Сына Неба стал оспаривать законность наследования престола, и этот эпизод является самой яркой иллюстрацией того, какое значение в Китае придавалось предкам. Отец императора был сыном наложницы, которая никогда не поднималась до ранга жены императора, и поэтому его потомки не имели прав на продолжение династии. Приверженцы традиций заявляли, что такое право император мог приобрести только в том случае, если во всех установленных ритуалах обращался бы к своему дяде, императору У-цзину, и своей тетке-императрице как к родителям, а к своим настоящим родителям — как к дяде и тете. К числу запутанных династических вопросов также относилось право императора поместить в храм предков табличку с именем своего на-

стоящего отца, а также исполнять положенные императору ритуалы и совершать жертвоприношения. Спор все больше запутывался — в качестве аргументов приводились случаи из истории, а двор раскололся на враждующие фракции. В процессе этой борьбы сотни придворных были подвергнуты порке — некоторых забивали до смерти, — а на посту канцлера сменился десяток сановников. Прошло более двадцати лет, прежде чем император смог исполнить свое желание и поместить табличку с именем отца среди имен других династических предков в заново отстроенном храме предков. Все эти годы он вносил изменения в многочисленные ритуалы, посвященные Небу, Земле, солнцу, луне и душе Конфуция. Он очень любил пышные дворцовые церемонии.

Император также отличался мстительностью. Он считал, что тетка, вдовствующая императрица, пренебрежительно относится к его матери, и поэтому всеми способами старался ей досадить — казнил одного ее брата, а второго уморил голодом в тюрьме. Начиная с 1539 года в его покоях несколько раз вспыхивал пожар, и однажды он чуть не погиб. Эти пожары не были случайными. Вспыльчивость и жестокость Ши-цзуна вызыва-

ла ненависть многих людей из его окружения, и даже наложницы из гарема боялись визитов императора.

В одну из ночей 1542 года, когда император уснул в постели рядом с наложницей, женщина удалилась вместе со своими служанками, оставив опьяненного вином императора в бессознательном состоянии. Затем в комнату вошла служанка наложницы вместе с несколькими жившими во дворце женщинами. Они сорвали шелковый шнур с полога кровати, сделали петлю и стали душить императора, одновременно втыкая ему в пах длинные булавки для волос. Стражник из числа евнухов, встревоженный криком одной из женщин, которая испугалась, обнаружив, что император все еще жив, разбудил императрицу — одну из трех главных жен Ши-цзуна. Та ворвалась в покои и ослабила петлю на шее императора. Несмотря на сильнодействующие средства, прописанные императорским лекарем, Ши-цзун оставался без сознания восемь часов. Очнувшись, он долго харкал кровью и не мог разговаривать. От его имени императрица издала указ, согласно которому все женщины, участвовавшие в попытке убийства императора, в том числе его любимая наложница, приговаривались

к мучительной смерти. Тем не менее Ши-цзун не простил императрице казни своей любимой наложницы, и несколько лет спустя, когда в покоях императрицы случился пожар, он не разрешил ее спасать.

После покушения император стал затворником и вместе с женами и наложницами переселился в западный парк дворцового комплекса, во Дворец вечной жизни. Он надолго отказался от аудиенций и допускал к себе лишь небольшую группу доверенных лиц. В последующие тридцать лет его преследовала навязчивая идея достижения бессмертия при помощи эликсиров, ритуалов и эзотерических даосских диет.

Ши-цзун отстранил от дел большую часть евнухов, занимавших ключевые посты в правительстве его дяди, но на их место назначил других, и в целом евнухи сохранили свое влияние на государственный аппарат. Мирное течение жизни нарушали восстания. Мятежи в гарнизонах в пределах Великой Китайской стены к востоку и западу от Пекина были быстро подавлены. Более серьезную угрозу представляли постоянные набеги монголов. Мир с кочевниками мог быть достигнут уступками в торговле, поскольку монголы нуждались в китайском чае,

изделиях из металла, тканях и лекарственных травах, но Ши-цзун ненавидел кочевников и не соглашался на договор с ними. Набеги участились, и монголы проникали в глубь провинций Шаньси и Шэнси, появляясь даже в окрестностях Пекина. На то, чтобы их сдержать, тратились огромные средства, причем финансовые трудности усугублялись постоянными засухами и наводнениями, а также сильнейшим землетрясением, которое только в долине реки Вэй унесло жизни 800 тысяч человек.

Экономические трудности, которые переживала страна, требовали повышения доходов казны и мер по сокращению расходов. К числу последних относилось сокращение норм довольствия гарнизона в Нанкине, что послужило причиной мятежа. В 1560 году разъяренные бунтовщики вытащили министра доходов из его кабинета и убили, а обнаженное тело повесили в качестве мишени для стрел. Налоговые поступления снижались из-за того, что большое количество возделываемой земли вывели из государственного реестра, а вновь осваиваемые земли не регистрировались. Как бы то ни было, экономика страны развивалась, а государство переживало трудности. Международная торговля, которая

могла служить богатым источником налоговых поступлений, оставалась под запретом. Причиной этого запрета был страх перед иностранными шпионами и опасными союзами с влиятельными силами за рубежом. В результате восточное побережье страны на протяжении тысячи миль к югу от Нанкина жило контрабандой и пиратством.

Евнухи и коррумпированные чиновники портовых городов в большинстве своем нарушали запрет на международную торговлю, а богатые семьи снаряжали флотилии численностью в сотни судов, и начиная с 40-х годов XV века с Японией шла оживленная торговля. Из Японии также прибывали отряды бандитов, которые грабили прибрежные города даже к северу от Нанкина. Пиратство процветало и среди китайцев, и нередко торговцы совмещали легальное ремесло с пиратством и контрабандой. Стихийные бедствия, обрушившиеся на этот регион, вызвали поток беженцев, многие из которых присоединялись к пиратам. Бандиты захватывали даже укрепленные города и осмеливались отходить от побережья на большое расстояние. Имперские войска, отправленные против пиратов, время от времени добивались успеха — одна из карательных экспедиций привезла девятнадцать

сотен голов. Однако в целом правительство не контролировало ситуацию вплоть до конца 60-х годов XVI века, когда большая правительственная армия постепенно уничтожила пиратов, а через несколько лет побережье официально открыли для морской торговли.

В годы затворничества, последовавшие за неудачной попыткой покушения на его жизнь, император, давно увлекавшийся алхимией и даосизмом, все свои решения принимал на основе пророчеств. Один из методов предсказания заключался в следующем: два медиума держали короткие лучи предмета в виде буквы Т, а длинный луч с торчащим из него острым стержнем помещался над блюдом с песком и чертил ответы на вопросы, которые записывались золотыми чернилами на темно-синей бумаге, а затем сжигались, чтобы дым мог подняться к даосскому божеству, которому они были адресованы. Главный даосский советник императора, некто Дао Чжун-Вэн, прописал императору пилюли, усиливающие сексуальное влечение и состоявшие преимущественно из красного свинца и белого мышьяка. Император уже не мог обойтись без пилюль и постепенно отравлял свой организм. Для достижения бессмертия Дао также рекомендовал

сексуальные отношения с девственницами и в 1552 году отобрал для этой цели восемьсот девушек в возрасте от восьми до четырнадцати лет, а в 1555 году к ним добавились еще сто восемьдесят девственниц. Однако ничто не могло остановить действие эликсиров, разрушавших организм императора. Он страдал от бессонницы и резких перепадов настроения, мгновенно переходя от депрессии к ярости. С 1564 года евнухи клали персики — символ долголетия — в его постель, утверждая, что это дары бессмертных. Разум Ши-цзуна слабел, и когда состояние императора ухудшилось, его переселили из Дворца вечной жизни в Запретный город, где он и умер около полудня 23 января 1567 года. Так завершилось сорокачетырехлетнее правление, запомнившееся скорее странностями, чем достижениями.

Старший сын Ши-цзуна, которому исполнилось двадцать девять лет, взошел на трон под именем Му-цзун и девизом Лун-чян. Возможно, он был умственно отсталым, поскольку отличался неаккуратностью, плаксивостью и нерешительностью. В период своего правления, длившегося пять с половиной лет, он практически не вмешивался в управление страной, но государственный аппарат под началом компетентных министров

был настолько эффективен, что империя наслаждалась спокойствием и процветанием.

В 1573 престол унаследовал его сын, император Шэнь-цзун (эпоха его правления получила девиз Ан-ли). Это был девятилетний мальчик, умный и преждевременно повзрослевший; влияние его матери, исповедовавшей буддизм, проявилось в том, что он ни разу не утвердил смертный приговор. Однако его правление отмечено усиливающимися противоречиями между монархом и чиновниками. В результате Шэнь-цзун превратился в настоящего затворника, нелюдимого и тучного, а правительство империи состояло из тех, кто сумел победить в бесконечной борьбе за власть.

Самым известным из этих людей был Чжан Чу-чжень. В первые десять лет он единолично создал эффективную систему управления по всей стране и установил строгий финансовый контроль, сочетавший экономию расходов и тщательный учет доходов. Например, несмотря на то что прошлые экономические трудности оставили страну без государственных резервов, Чжан Чу-чжень сумел накопить в хранилищах Пекина такое количество зерна, что его хватило на девять лет, а запасы серебра в казне составили

несколько сотен тысяч фунтов; даже провинции не испытывали недостатка в средствах. Чжан Чу-чжень умер в 1582 году, и ни один из его преемников не мог похвастаться такими успехами.

В 1596 году в провинции были отправлены представители евнухов, чтобы наблюдать за сбором налогов с промышленного производства, торговли и добычи полезных ископаемых, что вызвало широкую волну возмущения среди чиновников на местах, особенно с учетом того, что евнухи часто набирали себе штат из бандитов и авантюристов. На этот раз ареной идеологической борьбы стало не только правительство, но и местные органы власти: ученые из академии Хань-линь вступили в противоборство с так называемой партией Дунлинь. Собственно, это была не партия, а просто группа лиц, исповедовавшая строгое следование принципам конфуцианства.

Именно эти принципы заставили их противиться желанию императора назначить престолонаследником сына любимой наложницы, который был младше сына императрицы. В этом ожесточенном споре победили строгие последователи Конфуция, что свидетельствовало об ограниченности власти императора. Сторонники партии Дунлинь — в 1603 году они основали

академию с тем же названием — также принимали активное участие в инспектировании государственных служащих, которых в случае выявления нарушений безжалостно увольняли. Противоречия между сторонниками партии Дунлинь и ее противниками вылились в падение престижа государственной службы, которая тем не менее оставалась единственной — торговля считалась низменным занятием — областью деятельности для представителей высшего класса общества.

Даже все писатели этой эпохи состояли на государственной службе. Те, кто не обладал творческими способностями, просто предавались праздности, выставляя напоказ свое богатство. Большая часть этого богатства не вкладывалась в дело, а тратилась на дорогие редкости вроде слоновьих бивней или рогов носорога, а также на посуду из драгоценных металлов, которую затем закапывали в землю как клад. Сельское дворянство окружало свои паланкины огромным эскортом из слуг, а люди, купившие титул за деньги, ставили у своих домов флагштоки. Предметом зависти стали не достижения, а статус.

Со временем качество управления постепенно ухудшалось, и весомый вклад в этот процесс внес

сам император, отказывавшийся сотрудничать с чиновниками. Так, например, он постоянно игнорировал просьбы утвердить новые назначения и отставки: в 1604 году министерство, занимавшееся подбором государственных служащих, докладывало, что более половины должностей мировых судей остаются свободными; такая же ситуация сложилась в министерствах Пекина и Нанкина. Император почти не появлялся при дворе; нередко чиновники целыми группами становились на колени у дворца и громкими криками пытались привлечь внимание правителя; из оставшихся без ответа докладных записок вырастали целые горы. Внимания удостаивались только ведомства, занимавшиеся сбором налогов, — император постоянно искал способы пополнения личной казны, приобретя репутацию самого алчного правителя в истории Китая.

Период его правления был отмечен несколькими восстаниями внутри страны, а также приграничными войнами с монголами и бирманцами, которые, впрочем, не представляли особой угрозы для власти. Более серьезные последствия имело возвращение европейцев. В конце 60-х годов XVI века португальцам было пожаловано право торговли в Макао, где китайская

таможня взимала с них пошлины; вокруг города построили стену, и за нее запрещалось выходить чужеземцам. В 1578 году португальцам разрешили закупать китайские товары в Кантоне, куда вслед за этим переехала таможня. Иностранцы были обязаны подчиняться строгим правилам: жить только в указанных районах и закупать товары не более одного раза в год. Нарушителей ждала конфискация товара и имущества.

Тем временем пример Португалии заставил обратить внимание на Дальний Восток и испанцев. В 1750 году они отправили экспедицию для колонизации Манилы, где уже давно жили китайцы. Возникшие трения вынудили Испанию задуматься о вторжении в Китай, но затем король Филипп II отказался от этой идеи. Как бы то ни было, полномасштабная война разгорелась на Филиппинах, и в 1603 году объединенные испано-филиппинские силы изгнали китайцев с архипелага; в этой войне погибли почти двадцать тысяч человек.

Подозрительность, с которой китайцы относились к Западу после этих событий, удалось несколько ослабить одному выдающемуся европейцу. Это был итальянский иезуит Маттео Риччи, построивший первую христианскую цер-

ковь в нескольких милях от Кантона и в 1602 году обосновавшийся в Пекине. Переняв китайские обычаи и проявив безграничное терпение, он установил дружеские отношения с представителями правящего класса, причем не в последнюю очередь благодаря тому, что распространял научные знания Запада — он сам был выдающимся математиком — и переводил на китайский язык труды Евклида и других ученых по гидравлике и астрономии. Он обратил в христианство нескольких аристократов, но его миссионерская деятельность наталкивалась на серьезное сопротивление: высшие слои общества стремились к индивидуальному совершенствованию, а низшие погрязли в суевериях и верили в идолов, так что ни тех ни других не интересовала чужеземная религия. Более того, считалось, что прерогатива слышать веления Неба принадлежит одному императору. В 1610 году, вскоре после смерти Риччи, христианская церковь в Китае впервые подверглась гонениям, хотя и не очень сильным.

Вторая половина правления Шэнь-цзуна отмечена несколькими военными кампаниями. Одна экспедиция была направлена против непокорного племени мяо на южной границе провинции Сычуань. Восстание не утихало все 90-е годы XVI

века, и для его подавления имперской армии пришлось прибегнуть к психологической войне, в которой применялись информационные бюллетени и листовки. Второй поход имел своей целью далекий северный Ордос, где армия взбунтовалась из-за задержки жалования. Мятежники укрылись в городе и оказывали ожесточенное сопротивление осаждавшим его императорским войскам, пока вокруг всего города не был вырыт ров длиной три мили и глубиной до девяти футов. В этот ров осыпались оборонительные стены, и вождь мятежников, монгол по национальности, совершил самоубийство — сжег себя заживо.

Велись военные действия и против японцев, которые в 1592 году вторглись на территорию Кореи, — конечной их целью был Китай. Китайцы контратаковали, в свою очередь нацелившись на Японию. В результате семилетней войны на суше и на море ни одной из сторон не удалось реализовать свои планы — удача сопутствовала то китайским, то японским войскам, и все закончилось тем, что японцы отступили из Кореи, оставив лишь небольшой гарнизон в одном корейском городе. Любопытный эпизод во время одного из многочисленных перемирий в этой войне иллюстрирует убеждение китай-

цев в том, что их император является Сыном Неба и, следовательно, повелителем всех народов, а остальные государства должны быть его вассалами. Китайцы предложили пожаловать японскому полководцу титул царя Японии, если тот согласится вывести войска, но когда китайские послы прибыли в лагерь противника с императорским патентом и шелковым халатом для церемонии, японский военачальник гневно отверг саму мысль о том, что он станет вассалом, выплачивающим дань китайскому императору. На протяжении многих веков китайцы верили во всемирный характер своей империи и доминирующее влияние, исходящее из ее столицы.

Еще одной военной кампании было суждено сыграть решающую роль в падении династии и бросить тень на ближайшее будущее страны. Племенной союз монголов и тунгусов (общее название — чжурчжэни), в XII веке основавший на обломках Северной Сун империю Цзинь, был вытеснен сыном Чингисхана далеко на северо-восток. Там к ним присоединились свежие силы за счет мигрантов на запад из их родных земель на севере Кореи, и они стали называться маньчжурами. Их армия была составлена из отрядов, которые назывались «знаменами». В 1583 году

под руководством одного из вождей, некого Нурхаци, которому в то время было двадцать четыре года, маньчжуры начали создавать империю, которая вскоре объединила всю Маньчжурию и проживавшие в ней монгольские племена. Поначалу они довольствовались торговлей с Китаем, добившись монополии на поставку жемчуга, соболя и женьшеня, и выплачивали китайской империи дань. Однако Нурхаци неприязненно относился к Китаю и стремился избавить свой народ от вассальной зависимости от соседа. После нескольких удачных стычек с китайскими войсками он опубликовал список претензий — так называемые «семь жалоб» — к Китаю, потребовав отдать часть территории и ежегодно выплачивать дары в виде золота, серебра и шелка.

Эти требования заставили Китай предпринять карательную акцию. В 1619 году 100-тысячная армия, в составе которой было крупное подразделение корейских стрелков, вооруженных мушкетами, вторглась в Маньчжурию. Ее командующий совершил ошибку, разделив свое войско на четыре колонны, тогда как маньчжуры, армия которых была вполовину меньше китайской, при каждом столкновении с противником собирали силы в единый кулак. В результате маньчжуры

в течение одной недели одержали серию блестящих побед. Только в одной битве китайцы потеряли 25 тысяч человек убитыми, а после другого поражения китайский главнокомандующий покончил жизнь самоубийством, подорвав себя при помощи пороха.

Результатом энергичного отпора со стороны маньчжуров стало массовое дезертирство из китайской армии. Кроме того, для компенсации затрат на неудачную кампанию правительство повысило налоги — даже несмотря на то, что император наконец согласился расстаться с запасами серебра, за которые он упорно держался. Здоровье его резко ухудшилось, и летом 1620 года он умер. Шэнь-цзун правил китайской империей сорок семь лет.

Население страны к тому времени достигло 150 миллионов человек. После того как в конце 60-х годов XVI века был дан зеленый свет морской торговле, порты Нагасаки и Манилы превратились в главные торговые центры для китайских купцов. Оттуда их товары расходились по всему миру — шелк носили в Киото и Лиме, хлопок продавался на рынках Филлипин и Мексики, фарфором пользовались в Сакаи и Лондоне. В обмен на товары Китай получал из Японии и Испании серебро,

приток которого позволил правительству уменьшить налоги, укрепить армию, стабилизировать положение на границах, создать ощущение мира и процветания.

Но все это быстро закончилось. Повышение цен, неконтролируемый рост городов и спекуляции на рынке увеличили разрыв между богатыми и бедными. Военные кампании, такие как война с японцами в Корее, а также крупные затраты на расширение сети каналов и строительство Великой Китайской стены истощили ресурсы казны. Ситуацию усугубляли и другие факторы, такие как расточительность императора, тратившего огромные суммы на личные нужды, нестабильность производства серебра в Перу, Мексике и Японии, усилившееся пиратство и череда неурожаев, вызванных неблагоприятной погодой. Резкое повышение налогов стало причиной недовольства, и вскоре после смерти Шэнь-цзуна в стране начались восстания.

Новым императором стал сын Шэнь-цзуна, взявший себе имя Гун-цзун (эпоха его правления называлась Тя-чян). Однако через месяц он умер — предположительно от ошибочно прописанного снадобья, так называемых «красных пилюль». Поэтому в сентябре 1621 года на трон

взошел один из его шестнадцати сыновей, четырнадцатилетний Ся-цзун (эпоха его правления была названа Тэн-чи). Это был физически слабый, необразованный мальчик с сомнительными умственными способностями. Он не вмешивался в дела правительства, отдавая предпочтение любимым занятиям — уединившись в императорских покоях, он занимался изготовлением мебели и моделированием.

Императорский двор буквально кипел от фракционной борьбы, а все важные решения принимали доверенные лица императора. Один из них, евнух по имени Вэй Чжун-чен, действовавший в союзе с бывшей нянькой императора госпожой Го, сумел стать самой влиятельной фигурой при дворе. Он безжалостно изгнал сторонников партии Дунлинь и установил режим террора, лишивший правительство дееспособности. Тем временем маньчжуры постоянно вторгались на китайскую территорию, голландские и китайские каперы угрожали торговле в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море, а внутри страны вспыхивали крестьянские восстания.

Гун-цзун правил менее семи лет — он умер в 1627 году, не оставив наследника. На троне его сменил семнадцатилетний брат, взявший имя

Сы-цзун (девиз Чэн-чян). Всеобщее недовольство действиями Вэй Чжун-чена заставило императора издать указ об аресте евнуха, но тот опередил события и повесился. Его труп обезглавили, голову выставили на всеобщее обозрение, а более двадцати его сторонников, в том числе госпожа Го, были казнены или покончили жизнь самоубийством.

Приверженцы партии Дунлинь вновь заняли должности в государственном аппарате, но борьба между группировками не прекратилась. Экономика юго-восточной части страны переживала временный подъем, чему способствовала ликвидация прибрежного пиратства, позволившая возобновить торговлю с испанцами в Маниле, которая обеспечивала приток серебра. Однако на северо-западе суровая зима, последовавшая за сильной засухой, стала причиной неурожая и голода — многие семьи продавали в рабство женщин и детей, и в охваченных голодом областях даже отмечались случаи каннибализма. Ширилось восстание в центральных районах Китая, и в то же время (1629–1630 гг.) на территорию страны вновь вторглись маньчжуры. Они прорвались через Великую Китайскую стену и подошли к Пекину, но затем отступили, оста-

вив тысячи трупов на подступах к городу. Через несколько месяцев они попытались укрепиться к югу от Великой Китайской стены, а через год предприняли новый набег, осадив китайскую крепость, защитники который были вынуждены употреблять в пищу лошадей и даже тела павших в бою товарищей.

В стране вспыхивали все новые восстания. На подавление бунта на севере Шаньдуна потребовался целый год, а восстания в центральной части охватили огромную территорию, от долины реки Вэй до Великой равнины и Янцзы. Правительственные войска, направленные на подавление бунтов, добивались лишь временных успехов. Восстания, засухи, повышающиеся налоги, сокращение притока серебра (которым выплачивались многие налоги), коррупция, постоянная смена министров вследствие фракционной борьбы при дворе — все эти факторы в сочетании с набегами маньчжуров создавали серьезную опасность для правящей династии.

В 1636 году вождь маньчжуров объявил себя императором новой династии, которую он назвал Цин. Покорив Корею, он направил все силы на завоевание Китая. Примерно в то же время среди лидеров восстаний внутри страны выдви-

нулись два человека. Один из них действовал на севере и в центре империи, а другой в южных провинциях; оба захватили множество городов и стремились свергнуть правящую династию. Тяжелое положение сложилось даже в провинциях, не охваченных восстанием. На южном побережье повышение налогов совпало со стихийными бедствиями — наводнениями, засухами, нашествиями саранчи, что привело к массовому голоду, обнищанию населения, детоубийствам, болезням и каннибализму. Налоговые поступления в казну сокращались — налогоплательщики покидали свои дома, арендаторы нападали на сборщиков налогов и землевладельцев, слуги бунтовали против хозяев, распространялся бандитизм, крестьяне занимались грабежами, чтобы не умереть от голода.

В 1642 году возобновились набеги маньчжуров, в рядах которых было много монголов и китайцев; они прошли рейдом к северу и востоку от Пекина, захватив девяносто четыре города, 360 тысяч пленных и богатую добычу. На сей раз они отступили в Маньчжурию, но перспективы династии Мин были безрадостными — орды маньчжуров и повстанцев осаждали императора со всех сторон. В апреле 1644 года один из

отрядов мятежников встал у ворот столицы, и министры уговаривали императора бежать на юг, чтобы оттуда возглавить сопротивление. Он отказался, но в последний момент попытался спастись бегством, переодевшись в одежду евнуха. Эта попытка не удалась, и в полночь 24 апреля император поднялся на небольшой холм на территории дворца, вошел в домик, где располагалось одно из министерств, и повесился — чтобы, согласно китайским поверьям, вознестись в небеса на драконе. Так завершилась трехсотлетняя история империи Мин.

Глава 24. Китай в эпоху династии Мин

Как бы то ни было, династия Мин не исчезла окончательно. Она продолжала существовать еще почти двадцать лет в виде Южной Мин. После того как войска Цин (маньчжуров) захватили Пекин, территория Китая к югу от Хуанхэ превратилась в арену боев — племенной союз численностью не более миллиона человек стремился покорить (правда, с помощью монголов) стопятидесятимиллионный народ. На первом этапе завоеватели издали указ, не имевший аналогов в мировой истории и устанавливавший единообразие внешнего вида по всей огромной стране. Под страхом смертной казни каждый мужчина должен был демонстрировать лояльность к династии Цин — брить макушку, оставляя волосы на затылке, и носить маньчжурскую одежду.

Этот унизительный указ усилил сопротивление, но все было бесполезно. Войска династии Мин со всех сторон осаждали не только маньчжуры, но и разного рода мятежники, бандиты

и авантюристы, которые нередко воевали друг с другом. Эти драматические события отмечены появлением героев и злодеев, массовыми убийствами и грабежами, редкими победами и частыми поражениями — в целом войска Мин безнадежно проигрывали из-за плохого взаимодействия между военачальниками, перехода солдат на сторону противника и отсутствия общей стратегии. Императорский двор, во главе которого поочередно становились несколько принцев, распадался в результате распрей, истощения государственной казны и постоянных переездов с востока на запад южной части страны.

Во время этих скитаний немецкий иезуит обратил в христианство нескольких членов императорской семьи; другой иезуит, поляк по национальности, был отправлен в Ватикан с посланием к папе, чтобы тот молился о реставрации династии Мин. Его святейшество ответил ободряющим письмом, которое, впрочем, принесло мало пользы — как и неоднократные обращения за помощью к Японии. Морские сражения у юго-восточного побережья страны были более успешными для династии Мин, чем военные действия на суше. Вторую морскую кампанию

возглавил некто Чжэн Чэн-гун, сын известного пирата и контрабандиста, который оказывал отчаянное сопротивление маньчжурам на суше, а затем перешел на сторону противника. Чжэн выиграл несколько морских сражений, что дало ему смелость с флотом из двух тысяч кораблей и 200-тысячной армией начать наступление на Нанкин, но маньчжурские пехота и кавалерия обратили противника в бегство. После этого он высадился вместе со своей армией на малонаселенном острове Тайвань, где с 1624 года существовала колония голландской Ост-Индской компании. В результате девятимесячных боев голландцы были изгнаны с острова, но вскоре после этого Чжэн умер (хотя его семья правила этими землями еще двадцать лет).

Это произошло в 1662 году, и тогда же принц династии Мин по имени Юн-ли, двумя годами раньше бежавший в Бирму, где он заболел астмой и жил в бедности, был захвачен маньчжурами и казнен. Так закончилось действие мандата Неба, выданного династии Мин.

Каракорум
МОНГОЛЫ
ТАТАРЫ
Л И Н
Б Э Й
КИДАНЕ
Л Я О Я Н
ЧЖУРЧЖЕНИ
Шандуо
Данин
ЧЖУН-ШУ
Синхэо
ГАНЬСУ
ДАДУ
Баодин
Хэцзянь
Ганьчжоу
Нинся
Иду
Цзиньнин
Цзинань
Хуайцин
ШЭНЬСИ
Хуанхэ
Фэньюань
Баньлян (Мэйфын)
Хуайань
Синьюань
Янчжоу
ХЭНАНЬ
Сучжоу
Чэнду
Учан
Ханчжоу
Шаосин
СЫЧУАНЬ
Чунцин
Янцзы
Чанду
ЧЖЭЦЗЯН
Вэньчжоу
Тяньшуй
ЦЯНСИ
ХУГУАН
Ханчжоу
Фучжоу
ЮНЬНАНЬ
Чжаотун
Гуйян
Цзинцзян
Шанчжоу
Цюаньчжоу
Чжанчжоу
Гуанчжоу
МЯНЬ
А Н Н А М
КХМЕРЫ
Столица империи
Границы провинций
КИДАНЕ
Названия народов
225 0 225 450

Империя Цин в XVIII в.

Тот факт, что династия Мин не выпускала мандат Неба из рук на протяжении почти трехсот лет, в значительной степени обусловлен рациональной организацией. Управление огромной империей, раскинувшейся на площади в полтора миллиона квадратных миль, представляло собой непростую задачу, которая, однако, облегчалась разделением страны на столичные округа вокруг Нанкина (столица до 1421 года) и Пекина (столица после 1421 года) и тринадцать провинций. Провинции, в свою очередь, делились на префектуры, а жизнью уездов и округов руководили управы. Учреждения местной администрации располагались в окруженных крепостными стенами городах, хотя лишь две столицы, разделенные на пять районов под управлением смотрителей, которые контролировали работу полиции и пожарных, имели городскую администрацию. Большая часть населения проживала в деревнях, вдали от органов власти («небо высоко, а император далеко»), и именно деревни, во главе которых стояли старосты, составляли основу системы управления страной.

Над всей этой структурой возвышался вели-

чественный Сын Неба, на аудиенции у которого все были обязаны соблюдать ритуал земных поклонов — опуститься на колени и девять раз склониться до земли. За 227 лет пребывания у власти, вплоть до эпохи Южной Мин в XVII веке, на троне сменились шестнадцать императоров — об их успехах и провалах, достоинствах и недостатках рассказывалось в двух предыдущих главах. Императоры династии Мин носили фамилию Чжу, но произносить личное имя живого императора было запрещено, и поэтому после занятия престола каждый из них выбирал себе тронное имя и соответствующий девиз — например, Чэн-дэ, или Истинная Добродетель, Чи-цин, или Достойное Восхищения Спокойствие, и так далее. К Сыну Неба запрещалось обращаться напрямую — только косвенно, или «с подножья ступенек» (помоста, на котором император располагался во время аудиенций). В разговоре его называли «Шан», что значит «высший». После смерти почившего императора удостаивали пышных титулов, таких как Безупречный в Искренности, Совершенный в Добродетели, Безупречный в Сыновнем Почтении и так далее.

Император мог иметь сколько угодно жен и наложниц, но только одна из них удостаивалась

титула императрицы, причем довольно часто она лишалась этого титула, особенно если не могла родить сына. Ниже рангом были жены императора — их насчитывалось как минимум шесть, и они носили пышные титулы, такие как Благородная Супруга Императора или Супруга Для Благочестивых Услужений. Большинство обитательниц гарема происходили из незнатных семей, избежавших опасности, которую в прошлом представляли влиятельные кланы аристократии. Они попадали в гарем императора двумя путями: в подростковом возрасте по рекомендации местных властей как самые добродетельные, красивые и благовоспитанные девушки, а также в качестве подарков от правителей дружественных стран. Статус попадавших во дворец девушек был низок, но те, кто сумели понравиться императору, могли сделаться женой и даже императрицей, а их близкие родственники получали денежные пособия и титулы. После смерти императора безутешные наложницы следовали примеру тех, кто покончили жизнь самоубийством, когда умер основатель династии, но в 1464 году по завещанию императора Ин-цзуна такая практика была запрещена как нецивилизованная.

К концу правления династии Мин число обитательниц гарема доходило до двух тысяч, и они выполняли обязанности служанок. Считалось, что они состоят на государственной службе, причем все они были потенциальными наложницами и выбирались именно с этой целью. Кроме них, во дворце имелась многочисленная женская прислуга, работавшая в разных дворцовых службах и подчинявшаяся управлению двора.

Изоляция гарема была такой строгой, что даже письмо к постороннему человеку каралось смертной казнью. Если женщина заболевала, то ее лечили согласно указаниям врача, но самому врачу не разрешалось входить на территорию гарема. Обитательницы гарема часто его покидали: одни преподносились в качестве подарка отличившимся сановникам и становились их наложницами, другие после долгой службы, заработав пенсию, возвращались домой, а третьи после шести лет верной службы получали право выйти замуж.

Евнухи, которые изначально были лишь смотрителями в гареме, стали влиятельной политической силой, занимая высшие гражданские и военные должности. Пагубность такого положения была столь очевидна, что основатель

династии Мин приказал развесить во дворце напоминания, что любой евнух, вмешивающийся в дела правительства, немедленно лишается головы. Однако история продемонстрировала, что этот запрет постоянно нарушался, и евнухи занимали все больше постов в разных ведомствах. К концу эпохи Мин только в пекинском дворце их насчитывалось около двух тысяч, а во всей империи — до десяти тысяч человек.

При поступлении на службу евнухов тщательно осматривали, дабы убедиться, что у них полностью удалены половые органы. Осмотр повторялся каждые четыре года — «на случай, если выросло заново что-то, что не было должным образом удалено». Евнухи держались обособленно и были распределены по разным службам, самой влиятельной из которых считалось церемониальное управление. Его глава был фактическим главой императорского двора, и именно это обеспечивало евнухам влияние и власть. Существовала также внушавшая страх тайная полиция евнухов, так называемая Восточная группа (Дон Чань), к которой впоследствии добавилась Западная группа: вместе с дворцовой стражей это подразделение занималось выявлением и наказанием изменников, а также

служило инструментом репрессий.

Затраты на содержание императорского двора тяжелым бременем ложились на финансы страны, отбирая до трети национального дохода. Огромные суммы тратились не только на роскошные дворцы с раздутым штатом, в том числе на целую армию слуг, сопровождавших императора при каждом выходе (при дворе было занято больше людей, чем в государственном аппарате), но и на родственников Сына Неба. Все потомки основателя династии — то есть все, носившие фамилию Чжу, как мужчины, так и женщины, — считались членами царского рода и находились на содержании у государства, причем к концу эпохи Мин число людей, получавших эту пенсию, составляло несколько тысяч человек. Этому в немалой степени способствовала плодовитость императоров — у половины правителей династии Мин было в среднем по тридцать детей.

Мальчики, рожденные женами императора, имели такие же права, как и сыновья императрицы, которую все они называли матерью. Обычно наследником объявлялся первенец императора, рожденный императрицей, и ему отводились покои в Восточном дворце с собственным штатом евнухов и администрацией, состоящей из

известных ученых.

Все сыновья императора носили титул принца, и для того чтобы они не вмешивались в государственные дела и не вступали в связь с жившими во дворце женщинами, их отправляли жить подальше от столицы, и они не могли покинуть свой город без разрешения императора. Их содержание частично оплачивалось из доходов выделенных им поместий. Штат государственных служащих не только управлял делами принца, но и отвечал за его поведение, так что если принц совершал неблаговидный поступок, то козлом отпущения становился начальник администрации принца.

Система титулов, которых удостаивались члены правящей династии, была очень сложной и запутанной. В эту систему были включены и женщины — все они получали государственное пособие, а их мужьям жаловали дворянство. Титулы и пособия полагались и дочерям принцев, но они не передавались по наследству, поскольку после замужества женщина меняла царскую фамилию Чжу на фамилию супруга. У правление делами императорского рода должно было одобрить любой брак члена царской семьи и вело специальный регистр на пластинках из яшмы, в котором записывались браки, рождения, смерти,

а также права наследования.

Тем, кто не принадлежал к царскому роду, титулы жаловались в основном за военные победы. Их обладатель получал государственное пособие, сумма которого была фиксированной и которое передавалось по наследству, если титул был наследуемым. Присутствие знати добавляло пышности различным церемониям, но она практически не участвовала в управлении страной, за исключением военной службы.

Главной движущей силой были государственные служащие. За всю историю Китая лишь при династии Мин в правительстве побывало столько людей, отобранных и продвигаемых по службе благодаря их достоинствам. Средством отбора служили экзамены на получение ученой степени.

В основе этих экзаменов, в свою очередь, лежала система образования. Она включала в себя общественные начальные школы в деревнях и городских районах, специальные военные и медицинские школы, частные академии для взрослых, а также государственные университеты в Нанкине и Пекине. Стержнем системы являлись конфуцианские школы, открытые во всех префектурах и уездах, где ученики проводи-

ли около десяти лет после окончания начальной школы (если не поступали в университет, где длительность курса обучения была примерно такой же). Число учеников в некоторых школах этого типа достигало двух тысяч человек, и их свободное время жестко контролировалось.

Важную роль в жизни Китая играли инспекции. Ни одна из сфер деятельности не могла избежать периодических проверок, будь то школы или любые государственные органы, включая суды и армию. Постоянным наблюдением, а также системой поощрений и наказаний государство стремилось обеспечить максимальную эффективность управления. Армия инспекторов, которую возглавлял и которой управлял цензорат, проводила непрерывные проверки по всей стране.

Экзаменационная система мало чем отличалась от той, что существовала во времена династии Сун: экзамены в провинциях и столице на степень *цзюйжень*, обладатели которой сдавали в столице экзамен на степень *цзиньши.* Для выдержавших испытание устраивался дворцовый экзамен — с целью присвоения ранга, — во время которого требовалось написать работу по конкретной политической проблеме. Успех

означал присвоение почетного звания *цзиньши* и славу, сравнимую с той, которая обрушивается на современных кино- и поп-звезд. И действительно, проводившиеся один раз в три года экзамены везде отмечались как настоящий праздник: это было важное событие в жизни китайцев, а из выдержавших испытание формировалась элита страны.

Экзамены в эпоху Мин были доступны для большего круга людей, чем при династии Сун — например, отменили запрет для такой категории, как выходцы из семей торговцев. В обязательной программе по-прежнему преобладали классические произведения, но отправной точкой для оценки служили другие критерии: анализ рассматриваемого предмета, указание всех «за» и «против», а также последовательность аргументации, подводящей к главному выводу. Эти этапы должны были оформляться в восемь четко сформулированных утверждений.

Государственный аппарат, куда по распоряжению Палаты чинов принимали на работу обладателя ученой степени, возглавлялся шестью министерствами, которые в соответствии с указаниями императора управляли всеми аспектами жизни страны, как гражданскими,

так и военными. Все чиновники делились на девять рангов (первый считался наивысшим), каждый из которых состоял из двух степеней. Ранг, который присваивался успешно сдавшему экзамены кандидату, зависел от его места в списке отличившихся. Далее его карьера определялась результатами периодических проверок. Эти проверки принимали разнообразные формы. Одной из самых важных считались характеристики, которые ежемесячно составляли на своих подчиненных главы всех органов государственной власти на местах. Эти записки поступали в префектуры, которые один раз в год отправляли сводный отчет наместнику провинции, а тот, в свою очередь, каждые три года составлял доклад для министерства. Оценка недостатков проводилась по восьми критериям — алчность, жестокость, легкомыслие, неуравновешенность, старость, плохое здоровье, усталость и невнимательность. Один раз в три года большое количество чиновников из провинций приезжали в столицу, где выносилась оценка их деятельности: способные получали повышение, не справившиеся с обязанностями увольнялись, а виновные в серьезных проступках, в том числе уголовных преступлениях, наказывались.

О результатах работы столичных чиновников в министерство докладывал их начальник, но чиновники четвертого ранга и выше отправляли отчет о своих успехах непосредственно императору, который и определял их судьбу. Другим важным дополнением к личному делу каждого чиновника были результаты проводимых региональными инспекторами тщательных проверок, в ходе которых выслушивались жалобы местного населения, и если инспектор узнавал о неблаговидных поступках чиновника, он мог обратиться с предложением о его увольнении к самому императору.

Подавляющее большинство государственных служащих занимали определенную должность на протяжении всей карьеры, и только для высших сановников — обычно членов академии Ханьлинь — срок пребывания в должности ограничивался двумя годами. Все чиновники имели привилегии, зависящие от ранга, — освобождение от налогов, от разнообразных трудовых повинностей и телесных наказаний, право носить определенные цвета и определенную одежду, отсутствие ограничений на размер и украшение домов, право ездить верхом или в паланкине (это не разрешалось тем, кто не состоял

на государственной службе). Кроме того, любые действия в отношении чиновников могли предприниматься только по указанию императора. Помимо всего прочего, обладатель каждого ранга имел два титула. Это были почетные титулы, от Особо отмеченного управителя высшей радости до Помощника начальника церемониальной службы, и титулы, пожалованные за заслуги, от Левой опоры государства до Равного правителю в добродетели. Произносить эти титулы было очень неудобно — так, например, одного из высокопоставленных чиновников полагалось называть Высочайший первый министр правительства, управитель, способствующий благоденствию, министр двора.

Эта система имела два серьезных недостатка. Во-первых, государственным служащим очень мало платили, и, во-вторых, они в любой момент могли подвергнуться суровым наказаниям. Жестоко карался любой проступок или ошибка — даже клерк на почтовой станции наказывался поркой за прочтение официального документа, который вез курьер. В предыдущей главе уже описывались некоторые наказания, применявшиеся к чиновникам; кроме того, они жили в постоянном страхе увольнения или навета.

Поэтому около трети высших чиновников заканчивали свою жизнь в бедности и унижении. Императоры позволяли евнухам и стражникам прилюдно пороть высших сановников. Как мы уже видели, евнухи и императорская стража нередко поддерживали репрессивный режим, даже если большинство членов правительства мужественно возражали против поведения или политики императора.

Для обеспечения непредвзятости был введен ряд запретов — родственникам чиновника запрещалось служить в том же ведомстве, а также (исключение составляли лишь школьные учителя) в той же провинции. Во исполнение сыновнего долга чиновник был обязан брать трехгодичный отпуск, чтобы оплакать смерть матери или отца; кроме того, ему разрешался трехмесячный оплачиваемый отпуск по болезни. Он имел право уйти на пенсию в возрасте пятидесяти пяти лет, если больше не мог исполнять свои обязанности, а в противном случае служил до семидесяти лет; пенсия была маленькой. После смерти чиновнику, о котором имелись хвалебные отзывы в министерстве обрядов, могли присвоить пышные посмертные титулы, такие как Преданный и Неподкупный или По-

святивший жизнь нелегкой службе, что больше соответствовало действительности.

Таким образом, поведение и действия этих людей, воспитанных в принципах конфуцианской этики, определяли все стороны жизни в империи Мин. Вне всякого сомнения, среди них было много высокомерных, коррумпированных, глупых, жадных, трусливых или просто некомпетентных людей, но не меньше было и честных, талантливых, разумных, мужественных и преданных своему делу. Именно благодаря последним правительство Китая служило верной опорой династии на протяжении нескольких веков, и его можно без преувеличения назвать одной из самых эффективных администраций той эпохи.

Монгольская система классификации населения по роду занятий, которая впоследствии стала наследственной, сохранилась и при династии Мин, хотя количество категорий в ней уменьшилось до трех. Самая многочисленная из этих категорий называлась просто гражданским населением; за ней следовали семьи военных, а затем ремесленники. Именно из семей военных государство набирало большую часть армии. Система военной подготовки была довольно сложной, и в нее входили специальные военные школы и

система экзаменов. Солдат получал один ковш зерна в месяц, и для производства необходимого количества зерна были организованы четыре государственных хозяйства. Они не справлялись с поставленной задачей, особенно в неблагоприятных для ведения сельского хозяйства районах, и поэтому к поставкам зерна активно привлекались торговцы, получавшие в обмен на товар чеки, которые они по выгодному курсу меняли на соль. Однако со временем правительству пришлось перейти на денежные выплаты военным — только так в последние годы удавалось противостоять набегам маньчжуров в условиях разваливающейся военной машины.

В эпоху династии Мин, как и в прежние времена, законом становилось то, о чем объявлял император, однако в отсутствие конкретного указа строго соблюдались традиции и закон. Свод законов представлял собой кодекс династии Тан, переработанный при первом императоре Мин. Подобно своему предшественнику, он устанавливал наказания, а не идентифицировал преступления. Среди мер наказания, как правило, отсутствовало тюремное заключение, хотя и истец и ответчик заключались под стражу до окончания суда. Преступления наказывались

поркой — от десяти до пятидесяти ударов легкой палкой или от шестидесяти до ста ударов тяжелой палкой, каторжными работами, пожизненной ссылкой (два последних наказания всегда сопровождались поркой с применением тяжелой палки), а также смертной казнью путем удушения, отсечения головы или разрезания на куски. Юридическая система, описанная в многочисленных юридических справочниках, была сурова, но бескомпромиссна: во главе угла стояли справедливость и беспристрастность, правоприменением на всех уровнях, от мировых судов до министерства юстиции, занимались компетентные чиновники, система апелляций позволяла дойти до самого императора, а обращение с заключенными было гуманным. К проступкам, подлежащим наказанию, относились и экономические преступления, такие как неуплата налога на сделку с землей (по письменному контракту, который подлежал обязательной регистрации), отказ в принятии выкупа при залоге имущества, установление процентной ставки выше трех процентов в месяц при займе у частного лица, организация картеля. Все приговоры подлежали проверке, и ни один смертный приговор не приводился в исполнение без одобрения императора.

Закон поддерживал традиционное главенство мужчин, однако наказания для женщин были более мягкими.

Появление португальцев в Китае — после того как в 1486 году Васку да Гама обогнул мыс Доброй Надежды, всего через шесть лет после путешествия Колумба в противоположном направлении — не имело таких драматических последствий, как прибытие европейцев в Америку. В XVI и начале XVII века воды у южного и юго-восточного побережья Китая стали свидетелями настоящей торговой войны между китайцами, португальцами, голландцами, испанцами и японцами, однако это соперничество практически не затронуло сушу — за исключением Макао, где португальцы отбивали попытки голландцев и испанцев вытеснить их из города. В Китае сложилась определенная структура торговли — в обмен на серебро империя снабжала весь мир чаем, шелком, текстилем, перцем и прочими специями, а также сахаром, лакированными изделиями и другими товарами, качество которых вызывало восхищение. Товары перевозились на европейских судах, но сам Китай не стал объектом экспансии европейцев.

Влияние Запада, ощущавшееся в Китае, можно

считать заслугой миссионеров-иезуитов, которые проникли в страну через Макао в конце XVI века. После Риччи католические миссии появились в центральных и южных районах Китая. К ним относились с подозрением — агрессивность, проявленная в Корее западными державами и Японией, не способствовала любви к иностранцам, — и в 1617 году вышел указ императора, предписывавший всем миссионерам вернуться в родные страны. Однако указ претворялся в жизнь без должного рвения, и в 1629 году произошло событие, которое помогло возродить миссионерскую деятельность. Близилось солнечное затмение, и начальник церемониального управления предложил рассчитать его день и час арабским, традиционным китайским и европейским методами. Точное время дал лишь последний способ, и после этого император одобрил реформу календаря по европейскому образцу, а для изготовления разнообразных измерительных приборов и перевода научных работ была сформирована специальная группа из иезуитов и китайских ученых. Укрепившись в столице, иезуиты распространили свою деятельность на весь Китай, а за ними последовали испанские доминиканцы и францисканцы.

Миссионеры не только знакомили китайцев с европейской культурой — через них Европа стала получать более достоверную информацию, чем приукрашенные истории Марко Поло (хотя именно они вдохновили Христофора Колумба). Процесс этот начался в 60-х годах XVI века с португальского солдата и торговца Галеота Перейры. Его описание порки расщепленной бамбуковой палкой легло в основу веры европейцев в жестокость китайцев, хотя ни одна нация не может иметь монополию на жестокость. Тем не менее об остальных аспектах китайской жизни Перейра отзывался с восхищением — хорошо организованный бюрократический аппарат на местах, государственные больницы и приюты для слепых, больных и хромых, отсутствие нищих, государственные запасы зерна, используемые во время засухи, справедливость и гибкость законодательной системы с публичными уголовными процессами, предотвращавшими тайное лжесвидетельство. Он писал о рыбных хозяйствах, инкубаторах и птицефабриках, где выращивали уток. Его поразило огромное количество людей на улицах промышленно развитых городов, в том числе торговцев вразнос и ремесленников, предлагающих свои изделия, а также вывоз

нечистот по ночам и использование палочек для еды. Самое неприятное впечатление на него произвел «содомский грех», который был весьма распространен среди низших слоев населения и не считался чем-то неприличным среди знати.

Через десять лет после записок Перейры появился «Трактат» Гаспара да Круса. Можно с уверенностью утверждать, что этот доминиканский монах заложил моду на все китайское. Он писал, что этот народ в наибольшей степени подходит для обращения в христианство, превосходит любую другую нацию по численности, по размерам государства, по совершенству политики и управления, а также по своему богатству. Среди прочих живописных подробностей он рассказывал о традиции держать соловьев в отдельных, но расположенных рядом клетках, чтобы они «соединялись в музыке». Он хвалил «превосходную гармонию» китайской музыки и отмечал, что пьесы в театрах «разыгрываются с большим искусством и очень жизненны». Что касается темных сторон китайского общества, то да Крус писал, что блудницы — многие из них были слепыми или проданы в рабство матерями — обязаны регистрироваться и селились в специальных домах за пределами городских стен. Как

и Перейра, Крус указывал на широкое распространение гомосексуализма (что, по его мнению, было вызвано отсутствием понятия греха), но, в отличие от Перейры и от Марко Поло, обратил внимание на социальное и эстетическое значение обычая бинтовать ноги женщин, а также на чайную церемонию как на важную составляющую гостеприимства.

В 1640 году вышел объемный труд «Странствия» португальского искателя приключений и литератора Мендеша Пинту. Его рассказы — сомнительной достоверности — о чудесах Китая подогрели интерес европейцев к этой стране. Правда, еще до выхода этой книги, в 1616 году, были опубликованы два манускрипта Маттео Риччи, значительно расширившие знания Запада о Поднебесной.

Риччи описывал огромную единую страну, управляемую на основе принципов конфуцианства. Знакомя европейцев с Конфуцием, он писал, что, критически проанализировав действия и высказывания этого мудреца, нельзя не признать, что тот ни в чем не уступает языческим философам древности, а во многом их даже превосходит. Он восхвалял китайскую администрацию, которой руководили государственные служащие,

отбиравшиеся в соответствии со способностями посредством системы экзаменов. Каждый класс общества знал свое место, браки строго регламентировались, ритуалы и правила поведения обеспечивали гармонию отношений внутри общества, традиция бинтовать ноги берегла целомудрие женщин. Распространение христианства, писал Риччи, затруднено преобладанием буддизма, который нередко проповедуют необразованные и развращенные священнослужители, а также широким распространением астрологии, влияющей на многие решения в частной и общественной жизни. Помимо всего прочего, китайцы не перейдут в христианскую веру, если для этого им придется отказаться от поклонения предкам — правда, Риччи считал последнее не религией, а просто традицией почитания усопших, потому вполне совместимой с христианством. Он сурово критиковал сексуальные обычаи китайцев, указывая на то, что в одном Пекине насчитывается до сорока тысяч проституток, не считая проституток-мужчин.

Однако самым серьезным недостатком китайской цивилизации являлось ее растущее отставание в науке. Китай больше не занимал лидирующего положения почти во всех научных

областях, в том числе астрономии и математике, с достижениями которых на Западе Риччи знакомил гостеприимных хозяев. Называются разные причины такой стагнации. Возможно, наибольший вклад в этот процесс внесли жесткие рамки конфуцианства. Строгие правила помогали сплотить общество, но одновременно возводили прочную преграду на пути любых сомнений, касающихся традиционных знаний. На Западе основой для развития науки стали алхимия и астрология, тогда как в Китае мыслители сосредоточились на философии. Даже даосизм, который наряду с буддизмом был самой распространенной религией, занимался больше демонами и магическими снадобьями, чем укреплением конфуцианской этики. Именно этика — ее источник, формы и цель, обсуждавшиеся на бесконечных диспутах и лекциях и анализировавшиеся в классических произведениях, и особенно в «четырехкнижии» («Рассуждения и беседы» Конфуция, «Великое учение», «Соблюдение середины» и «Мэн-цзы») — являлась основной темой интеллектуальных дискуссий эпохи. Неоконфуцианство определяло мышление всех ученых, а также экзаменационную систему, выходцами из которой были образованные люди

страны. Их не спрашивали, почему падает яблоко, им не предлагали исследовать законы, управляющие миром природы, а при обнаружении этих законов, как в случае с системой Коперника, они с явной неохотой их принимали — в отличие от жадного увлечения техническими новинками, например часами, с которыми китайцев познакомил Риччи.

Тем не менее Риччи отмечал обилие печатных книг — произведения на любую тему были доступны, а уровень грамотности населения очень высок (по оценкам исследователей, около десяти процентов мужского населения были высокообразованными людьми). Однако правительство осознавало необходимость коммуникации и с неграмотными слоями населения. Если, например, неграмотный человек хотел подать судебный иск, он излагал свое дело чиновнику, который записывал его в реестр «устных обвинений», а императорские указы распространялись по всем магистратурам для публичного оглашения. Огромное количество грамотных людей активно использовали печатную продукцию разного рода для получения информации, обучения и развлечения. Книги накапливались в государственных, местных и школьных библио-

теках, а частные собрания насчитывали тысячи томов. В большинстве своем книги печатались методом ксилографии, и хотя наборный шрифт уже появился, его распространение сдерживалось необходимостью заново набирать текст при повторном издании книги. Огромной популярностью пользовались цветные иллюстрации, также изготовленные ксилографическим методом.

Среди печатных изданий можно было найти руководства практически по всем видам деятельности. Так, например, искусство частной переписки, которая требовала соблюдения особых правил, касающихся формы и стиля письма, а также большого опыта в области изящной словесности, было подробно описано в специальном пособии. (Отправители неофициально пользовались услугами разветвленной системы государственной почты или вручали письма отправлявшимся в путешествие друзьям или торговцам.) Маршрутные карты — не только морские, составленные во время экспедиций Чжэн Хэ — существовали уже давно и использовали координатную сетку. В 1570 году появились книги записей маршрутов, которые помогали купцам, паломникам, мигрантам, чиновникам и путешествующим аристократам найти путь

среди густой сети дорог. Эти дороги поддерживались в хорошем состоянии — вместе с почтовыми станциями, а также каналами, которые были предметом особой заботы при династии Мин. Коммерческие издательства — в отличие от церковных, например, при буддийских монастырях — переживали невиданный подъем. Они удовлетворяли запросы массового читателя, выпуская различные карты и пособия, альманахи, учебники, трактаты на этические темы, романы, пьесы, эротические сочинения, юмористическую литературу, собрания писем, описания чужеземных обычаев. Например, в некрологе на смерть юного студента говорилось, что он полюбил необычные книги. Его любимым чтением были труды по географии и топографии, а также священные книги даосизма и жизнеописания отшельников; он читал их тайно, прикрывая классическими произведениями. У книжного бума был еще один интересный аспект: он помог богатым торговцам, которые, согласно древней традиции, были лишены доступа к образованию, проникнуть в среду мелкопоместного дворянства. Принадлежность к этому классу требовала знания ритуалов, умения поддерживать утонченную беседу, сочинять стихи, рассуждать о философии и оценивать

произведения искусства — и обо всем этом можно было узнать из книг.

Появился новый жанр литературы — дневники. Так, например, Юань Чжун-дао опубликовал описание своих путешествий на шестистах страницах, где подробно описал все, что с ним происходило, а также рассказал о своих радостях и печалях. Великие традиции китайской поэзии сохранились, но представители этого жанра утонули в противоречиях. Литературная группа так называемых «любителей древности» призывала к строгому следованию образцам прошлого, тогда как другие литераторы считали, что задача поэта заключается в выражении чувств, даже если произведение получится неформальным, трудным для восприятия и связанным с повседневной жизнью. Отпор сторонникам традиций дал импульс развитию прозы и драматургии, поставив эти жанры в один ряд с поэзией и эссеистикой. Потому вполне закономерно, что наивысшим достижением литературы в эпоху династии Мин стали длинные любовные романы.

Написанные просторечным языком, который иногда сочетался с классическим стилем, они стали продолжением жанра коротких рассказов, развивавшегося на протяжении нескольких

столетий. Среди самых известных романов того времени следует отметить такие произведения, как «Троецарствие», рассказывающее о войнах после падения династии Хань, «Речные заводи» — о благородных пиратах в эпоху Сун и «Царь обезьян, или Путешествие на Запад» — роман о путешествии буддийского монаха в Индию за священными текстами. Большой популярностью также пользовалась книга «Усмирение демонов», фантастический роман о низвержении последнего правителя династии Шан, полный демонов в человеческом обличье, волшебников, магических сил, бессмертных существ и буддийских фантазий.

Самым популярным литературным жанром тем не менее была так называемая «южная драма». Театральные метафоры — вроде известной шекспировской фразы «весь мир — театр» — широко использовались для комментирования событий политической и общественной жизни. В пьесах, большая часть которых была посвящена любви, реплики персонажей чередовались с песнями; многие из пьес печатались в роскошных, богато иллюстрированных изданиях. Они были очень длинными — вероятно, дань китайским представлениям о терпении, — с многоплановым

сюжетом, а количество сцен в них доходило до пятидесяти пяти.

Что касается изобразительного искусства, то придворные художники и аристократы, жившие в роскоши своих деревенских поместий, строго следовали традициям прошлого — рисовали пейзажи, птиц, цветы, а также с удивительной точностью изображали побеги бамбука. Они работали как в монохромной, так и в цветной технике. Не было забыто и изящное искусство каллиграфии. Большой популярностью пользовалась скульптура — крупные фигуры отливались из бронзы, а мелкие изготавливались из керамики и служили для украшения крыш храмов и дворцов, которые и так сверкали разноцветной черепицей, желтой, синей и зеленой.

При династии Мин были созданы непревзойденные образцы декоративно-прикладного искусства: перегородчатая эмаль, лакированные изделия и роскошный текстиль. Узорчатый шелк, вышивку и парчу носили чиновники и богачи, а из шелковых гобеленовых тканей не только шили халаты (часто украшенные драконами) и изготавливали декоративные панели, но также переносили на них живопись и каллиграфию. Эта ткань была необыкновенно тонкой — если

в тончайшем европейском гобелене от восьми до одиннадцати нитей основы и двадцать две нити утка на квадратный сантиметр, то китайцы добивались двадцати четырех и ста шестнадцати нитей основы и утка соответственно.

В XVII веке династия Мин стала известна в Европе благодаря сине-белому фарфору, который обжигался в многочисленных промышленных печах. Голландцы захватили два португальских судна с грузом фарфоровых изделий высочайшего качества, которые произвели настоящую сенсацию на рынке Голландии. В Дельфте и других центрах производства керамики безуспешно пытались воспроизвести его — пока один алхимик из Дрездена не сумел получить первый в Европе фарфор. Это произошло в 1708 году, через тысячу лет после изобретения фарфора китайцами.

При династии Мин успешно развивались разнообразные ремесла, как видно на примере фарфора, а также коммерческие предприятия. Этому процессу способствовало несколько факторов. Один из них — формирование экономики, основу которой составляли серебряные слитки и монеты. Еще один фактор — технический прогресс, который не останавливался даже несмотря на застой в науке. Ткацкие станки для шелка с

тремя или четырьмя челноками, усовершенствованные ткацкие станки для хлопка, пятицветная ксилография, технология производства белого сахара и сахарной глазури, сплав меди и свинца для изготовления наборного шрифта, усовершенствованная технология производства керамики — вот лишь некоторые из технических достижений Китая той эпохи. Процветающие мелкие мастерские превратились в крупные производства — настоящие промышленные предприятия по выпуску шелковых и хлопчатобумажных тканей, фарфора и бумаги, по выплавке железа и стали (в провинции Гуаньси на тридцати фабриках трудились пятьдесят тысяч рабочих). Совершенствовалась технология и в сельском хозяйстве: появились новые механизмы для обработки земли, орошения, высаживания семян и переработки продукции, причем все эти изобретения публиковались в многочисленных печатных изданиях. В стране стали выращивать новые сельскохозяйственные культуры, в том числе земляной орех, сладкий картофель, сорго и кукурузу.

Все эти достижения способствовали изменению китайского общества. Появился пролетариат и городской средний класс; прогресс в сельскохозяйственном производстве и влияние городов

изменили жизнь в деревне — отношения коммерциализировались, а численность сельского населения значительно выросла (в два раза по сравнению с концом правления монгольской династии); сформировалась прослойка влиятельных торговцев и предпринимателей, например банкиров. С падением династии Мин уходил в небытие старый Китай, а ему на смену — вместе с маньчжурами — шел Китай современный.

Прежде чем мы распрощаемся со «старым Китаем», который остался в прошлом вместе с династией Мин, стоит процитировать монументальный труд Джозефа Нидэма «Наука и цивилизация в Китае», в котором приведен список важнейших китайских изобретений, а также время до того момента, как они стали известны на Западе.

Количество веков до появления на Западе

Цепной насос с квадратными лопатками 15

Дробильные валки для измельчения материала 13

и использование силы воды 9

Воздуходувные машины в металлургии, использование силы воды 11

Роторный вентилятор и роторная веялка 14
Поршневой мех около 14
Ленточный ткацкий станок 4
Банкоброш для выравнивания нити на бобинах при прядении шелка и использование силы воды в прядильном производстве 3-13
Тачка 9-10
Парусник 11
Передвижная мельница 12
Эффективная упряжь для тягловых животных:
— грудной ремень 8
— хомут 6
Арбалет 13
Воздушный змей около 12
Вертолетный винт (вращаемый при помощи шнура) 14
Калейдоскоп около 10
Глубокое бурение 11
Чугун 10-11
Карданный подвес 8-9
Арочный мост 7
Цепной подвесной мост 10-13
Шлюзные ворота каналов 7-17

Конструкция морских судов (водонепроницаемые переборки и т. д.) 10
Ахтерштевень около 4
Порох 5-6
Применение пороха в военном деле 4
Магнитный компас:
— намагниченная ложка 11
— с иглой 4
— металлический портативный 2
Бумага 10
Книгопечатание:
— ксилография 6
— наборный шрифт 4
— металлический наборный шрифт 1
Фарфор 11-13

В книге Нидэма приводятся всего четыре изобретения, которые на Западе появились раньше, чем в Китае:

• Винт — на четырнадцать веков раньше;
• Нагнетательный насос для жидкостей — на восемь веков раньше;
• Коленчатый вал — на три века раньше;
• Часовой механизм — на три века

раньше.

Глава 25. Маньчжурская династия Цин (1644–1911 гг.)

После захвата Пекина в 1644 году и казни последнего принца династии Мин в 1661 году и вплоть до 1683 года, когда были подавлены последние очаги сопротивления, маньчжурская династия Цин стремилась обеспечить стабильность правительства. Первые попытки не увенчались успехом, потому что аристократия считала маньчжуров врагами и с неохотой подчинялась их распоряжениям: рядом с любым чиновником всегда должен был находиться маньчжур, браки между китайцами и маньчжурами запрещались, во всех крупных городах размещались маньчжурские гарнизоны, маньчжуры как господствующая нация освобождались от сдачи экзаменов при поступлении на государственную службу. Более того, за любое произведение, признанное подрывным, связанные с его публикацией люди наказывались смертной казнью — плюс смертная казнь или обращение в рабство членов их семей. Китайцев заставляли носить маньчжурские прически и одежду, и тысячи ученых, чиновников

и землевладельцев в отчаянии сводили счеты с жизнью.

Затем начался процесс, типичный для любого завоевания, — ассимиляция завоевателей культурой покоренной нации. Другими словами, маньчжурский режим все больше китаизировался. За сто пятьдесят лет в династии Цин сменились лишь четыре императора:

Ши-цзу (девиз Шуньчжи), 1644–1661 гг.

Шэнь-чжу (девиз Кан-си), 1662–1722 гг.

Ши-цзун (девиз Юнчжен), 1723–1735 гг.

Гао-цзун (девиз Цян-Лун), 1736–1795 гг.

Начиная с Шэнь-чжу, императоры заговорили по-китайски, сформировали пользующееся уважением правительство по образцу эпохи Мин, избавились от влияния евнухов, в значительной степени искоренили коррупцию, пригласили китайских ученых на государственные должности, переняли китайскую культуру и поощряли придворных следовать их примеру. В результате образованные люди вновь устремились в Пекин, а враждебность к захватчикам исчезла; нарушался даже запрет на смешанные браки, и императорский гарем украсили наложницы-китаянки.

Это был удивительно спокойный период в

истории страны — оглядываясь назад, можно назвать его затишьем перед бурей, разразившейся в следующем столетии. Правительство управляло страной при помощи чиновничьего аппарата, густая сеть которого добралась до каждой магистратуры, но порядок в обществе поддерживался в основном за счет мелкопоместного дворянства и прочных семейных связей. Население стремительно росло, и к 1800 году его численность достигла трехсот миллионов человек — во многих провинциях было больше людей, чем в Великобритании и Соединенных Штатах Америки вместе взятых. Улицы крупных городов изобиловали магазинами, чайными домиками, театрами, храмами и мастерскими. В сельской местности, среди многочисленных поместий аристократов, трудились массы крестьян, собственников земли и арендаторов; центром их жизни были деревни, среднее количество дворов в которых не превышало ста. Рост населения способствовал усилению миграции, со временем деревенское население стало нищать, и в этих условиях процветало ростовщичество.

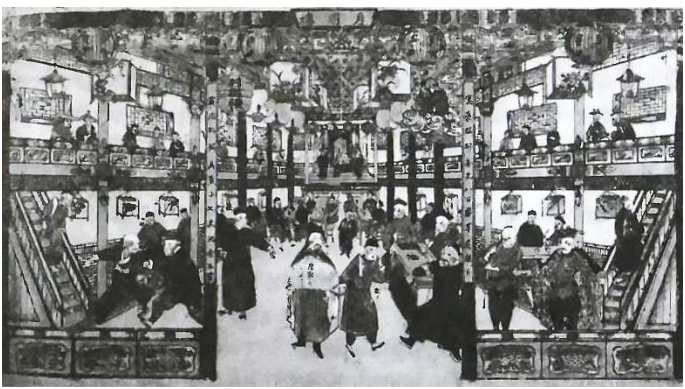
Тем не менее рост населения благоприятно сказывался на экономической активности — быстро развивались банковское дело и международная

торговля. Купцы нередко эксплуатировали малочисленные племена юга страны, экономику и культуру которых ждала судьба многих колонизированных народов: пристрастившись к спиртным напиткам, они нищали, лишались земли, а затем и дочерей. Запрет на торговлю с другими странами держался с 1661 по 1684 год, и после его отмены в Китай хлынул поток серебра — в основном в обмен на чай и шелк. Однако к концу XVIII столетия с ростом импорта опия этот поток стал иссякать.

Искусство переживало подъем. Император Шэнь-чжу поддерживал составление гигантских энциклопедий, которые содержали все накопленные знания, а при следующем правителе была издана единая энциклопедия, насчитывавшая 26 тысяч томов. Начался процесс признания Китаем достижений Запада в некоторых областях науки и техники. Итальянские миссионеры познакомили местных художников с отдельными приемами европейской живописи, например с перспективой, но китайцы по-прежнему считали изображение света и тени неестественным. Появились последователи у голландского натюрморта. В литературе по-прежнему доминировали поэзия — особенно лирические песни — и эссеи-

стика, но эти жанры не могли похвастать такими же достижениями, как рассказ, драма и роман. Сочинители рассказов, в которых почти всегда присутствовали сверхъестественные силы, отдавали предпочтение изящному ученому стилю, но в романах уже начал появляться разговорный язык. Одно из таких произведений, написанное в XVIII веке, относится к числу шедевров китайской литературы. Это роман «История камня», или «Сон в красном тереме», повествующий о жизни и судьбе нескольких поколений большой аристократической семьи, об ее возвышении и упадке. Более двадцати лет потратил Цао Сюэцинь на сочинение этого энциклопедического романа, который открыл новые горизонты для литературы Китая, откровенно изобразив чувства людей, что противоречило сложившейся традиции, и занял в китайской культуре место, сравнимое с местом пьес Шекспира или «Дон Кихота» на Западе. Во многих прозаических произведениях той эпохи содержалась критика существующих порядков, в частности, формализма конфуцианского учения, экзаменационной системы и общественных отношений. Некоторые проповедовали феминизм, вошедший в моду в Европе только в XX веке, и выступали против обычая бинтовать ноги жен-

щинам, который постепенно отмирал — вместо маленьких ступней признаком благородного происхождения стали длинные ногти. Драматурги существенно пополнили список пьес своих предшественников эпохи Мин — в каталоге 1781 года их насчитывалось 1013. Некоторые пьесы были необыкновенно длинными — одна такая пьеса состояла из 240 актов, и ее представление длилось два года. Тем не менее театральные спектакли обычно состояли из отдельных актов разных пьес.



Терем Лунного Света. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Императору переодетый простолюдином (в центре, с иероглифами на одежде) посещает увеселительное заведение Терем Лунного Света; в глубине видна театральная сцена

Мирное течение жизни почти не нарушалось крестьянскими восстаниями на юге, которые быстро подавлялись, а также военной активностью маньчжуров, которая хоть и была значительной, но проходила вдалеке от границ империи. До Китая они уже завоевали Корею, а вскоре (в 1683 году) им покорился и Тайвань. Монголы были союзниками маньчжуров, но по мере китаизации династии Цин начали превращаться во врагов. Шестилетняя война, которую начал монгольский хан Галдан, продолжалась до 1696 года, когда император Шэнь-чжу лично возглавил восьмисоттысячную армию, оснащенную артиллерией западного образца, и повел ее через пустыню Гоби во Внутреннюю Монголию. Решающее сражение произошло у югу от Урги (Улан-Батор), в девятистах милях к северо-западу от Пекина. Китайская армия одержала победу,

и Галдан покончил жизнь самоубийством. Это было важное историческое событие — угроза со стороны степных народов, на протяжении нескольких веков висевшая над северными провинциями страны, была практически устранена.

Два десятилетия спустя восстание на западе Монголии привело к тому, что китайцы завоевали всю Монголию и Сянган. Затем они продолжили наступление на Тибет, захватили Лхасу, а во главе китайского протектората поставили нового далай-ламу. Китай подчинил себе Непал, Бирму, Вьетнам и Сиам, и к XVIII веку империя расширилась до своих максимальных размеров. Со временем южные приобретения были утрачены, но Тибет, Синьцзян и Внутренняя Монголия и сегодня входят в состав Китая. Проникновение Китая в Центральную Азию имело далеко идущие последствия.

В этот период расширяла свою территорию и Российская империя. К северо-востоку от Монголии русские построили форт на реке Амур. Маньчжуры считали эту землю своей, и в 1685 году разрушили русское поселение. Войну удалось предотвратить при помощи переговоров, в которых переводчиками выступали миссионеры-иезуиты. Результатом переговоров стал

Нерчинский договор, но неточности в переводе китайского, русского и маньчжурского текстов стали причиной пограничных конфликтов, и в 1727 году в городе Кяхта был подписан новый договор. Несмотря на то что китайцы до сих пор оспаривают справедливость этих пограничных соглашений, они допустили в Пекин русское консульство и торговую миссию и разрешили построить православную церковь. В настоящее время это часто трактуют как первую из «уступок», которые вызвали такое недовольство в следующем столетии и привели к серьезным последствиям. Дело в том, что в китайской традиции считалось нормой предоставлять резиденцию дипломатическим миссиям варваров, платившим дань империи; послам разрешалось брать с собой купцов и строить храм — под контролем управления по делам варваров. Однако для европейцев цель посольства состояла в установлении постоянных дипломатических отношений между равными суверенными государствами, и они считали, что в этом случае купцам предоставляется право свободно торговать по всей стране, не ограничиваясь жесткими рамками специальных соглашений. Китайцы придерживались другой точки зрения, и действия, которые они считали

правильными, европейцы рассматривали как нарушение договора. Столкновение китайской убежденности в своем превосходстве и европейского высокомерия было неизбежным.

В XVII и XVIII веках поведение голландских и португальских послов по отношению к императору усилило убеждение китайцев в своем превосходстве, поскольку на официальных церемониях европейцы вели себя как вассалы. Во-первых, они приносили богатые подарки — с точки зрения китайцев, это была дань, — число которых доходило до нескольких сотен. Во-вторых, они били земные поклоны императору, то есть простирались ниц и девять раз касались лбом земли, вставая и кланяясь после каждых трех раз. Однако русский посол отказался исполнять этот ритуал и был вынужден уехать. Британцы же подошли к решению вопроса иначе.

В сентябре 1792 года из английского Портсмута в Китай отправились несколько сот человек, среди которых были купцы. Все они состояли в свите графа Макартни, чрезвычайного и полномочного посла Британской империи при китайском императоре, которому он вез письмо от короля Георга III. В письме, содержавшем пышные похвалы в адрес императора, «которому Провидение даровало

трон на благо всех народов Земли», упоминались также успехи британского монарха, который победил врагов «во всех четырех частях света». Но в данном случае, указывалось в послании, его цель — не завоевания, а «расширение знаний об обитаемых землях». Поэтому король выражал «страстное желание познакомиться с институтами многолюдной и обширной империи», писал о расширении «границ дружбы и благожелательности», восхвалял «преимущества свободных и дружеских связей между двумя такими великими державами, как Китай и Великобритания».

Секретарь посольства сэр Джордж Стаунтон впоследствии опубликовал подробные воспоминания об этом путешествии. По прибытии в Китай он довольно быстро почувствовал, что здесь не любят иностранцев и не доверяют им.

Под особым подозрением находились англичане, поскольку они якобы оказывали помощь непальскому радже, набеги которого на Тибет вынудили китайцев оккупировать эту страну. Посольству пришлось оставить на берегу подарок, состоявший из пушек и бочонков с порохом. Обоз из шестидесяти повозок, который перевозил в Пекин багаж миссии и подарки китайскому императору, китайцы украсили флагами с надписью:

«Посол, везущий дань из Англии». Высшие китайские сановники, которых европейцы называли мандаринами — маньчжуров они именовали татарами, а императора — великим ханом, — не упускали случая, чтобы выразить презрение к европейским товарам и достижениям.

У сэра Джорджа странные обычаи китайцев вызывали восхищение — традиция бинтовать ноги женщинам, медные монеты с отверстием в центре, абак, пагоды, паланкины, в которых разъезжала знать, отсутствие одежды белого цвета (который считался цветом скорби), тачки с парусом, таблички с именами предков, которым поклонялись в каждом доме… Он отмечал, что в этом обществе с сильными патриархальными традициями принципы взаимопомощи распространялись на самых дальних родственников, что делает ненужной благотворительность. Отмечая немногочисленность нищих, он писал о том, что бедняки часто оставляют умирать нежеланных детей — особенно девочек, поскольку мальчик необходим для поклонения предкам. Практически любое взаимодействие между начальником и подчиненным сопровождается подарками (практика, которая привела к тому, что сделки между западными торговцами и местными ман-

даринами стали рассадником коррупции).

Пекин, к которому вело вымощенное гранитом «шоссе» с мраморными мостами, производил неотразимое впечатление. Окружавшая город стена, ширина которой у основания составляла двадцать футов, постепенно сужалась до высоты сорока футов, имела зубцы и многочисленные сторожевые башни, и по ней могли в ряд проехать несколько всадников. Ширина главной улицы города достигала ста футов, но она была грунтовой и покрытой пылью — монголы сняли всю брусчатку, калечившую лошадей, — с которой пытались бороться разбрызгиванием воды. На тротуаре теснились дома, преимущественно одноэтажные, с лавками в фасадах. Среди других построек выделялись храмы Неба (круглой формы, как бы в подражание небесному своду) и Земли (квадратные, поскольку древние считали, что Земля имеет именно такую форму). Однако все величие этого места было сосредоточено в обнесенной стеной зоне, которая носила у европейцев названии Татарский город. Здесь на площади в четырнадцать квадратных миль располагался дворец императора — комплекс красивейших зданий и внутренних двориков среди деревьев и прекрасных садов, окруженный

обширной парковой зоной с беседками, каналами, искусственными холмами, долинами и озерами, в которых плавали лодки.

Британское посольство радушно приняли и поселили во дворце, где сэр Джордж получил возможность наблюдать за обычаями двора. Он был поражен уродством евнухов, которые вновь стремились к власти, — их морщинистыми безбородыми лицами, нередко с толстым слоем косметики, и высокими женскими голосами. Над всем возвышалась фигура императора. Только члены императорской семьи имели право носить одежду желтого цвета, и только у императора на ней мог быть вышит дракон с пятью лапами; лишь император имел право носить крупную жемчужину на шляпе и ездить по предназначенным для него улицам; приближаться к нему можно было только на коленях.

Привилегия императора украшать головной убор жемчугом резко контрастировала с шестнадцатью видами пуговиц на шапках мандаринов. Форма и цвет этих пуговиц соответствовали рангу сановника — шестиугольный камень темнокрасного цвета свидетельствовал о высшем ранге, а круглая серебряная пуговица — о низшем. Обладатели темно-красных камней

проявляли наибольшее любопытство в отношении подарков английского короля императору, которые хранились в отдельном здании. Среди них был европейский экипаж, с которого сняли козлы для возницы (в противном случае возница оказался бы выше императора), фарфоровые вазы фабрики Веджвуд, научные инструменты, в том числе телескоп, модель Солнечной системы, различные механические устройства и — в записках ничего не говорится о том, были ли они приняты с обычным для Востока выражением радости — портреты английских аристократов.

Прежде чем граф предстал перед императором, требовалось устранить два протокольных препятствия. Во-первых, перевод на китайский язык письма британского монарха — китайские переводчики боялись сурового наказания, которое полагалось за малейшее нарушение этикета или ошибку в переводе документов для императора. (Обычно переводчика подвергали следующему наказанию: жертва становилась на колени, на ее ноги клали длинный бамбуковый шест, и два человека, вставали на этот шест, приближаясь или удаляясь от осужденного, чтобы увеличить или уменьшить давление на ноги. Ошибка же в обращении к императору каралась смертью.) На-

конец с помощью миссионеров задача перевода письма была разрешена, и высшие сановники после продолжительных дискуссий одобрили окончательный вариант. Оставалась еще одна, более трудная проблема — земные поклоны. Британский посол настаивал, что падать ниц перед императором — унижение для британского монарха, которого он представляет. Несколько недель переговоров ни к чему не привели. В конце концов графа посетила плодотворная идея — он заявил, что согласен пасть ниц перед императором, если мандарин равного ранга с послом сделает то же самое перед портретом Георга III, который доставят из дипломатической миссии в уединенную комнату. Это предложение не встретило энтузиазма, и последовавшие длительные переговоры привели наконец к выработке ритуала, согласованного с начальником коллегии ритуалов.

В назначенный день рано утром император Гао-цзун занял место на троне, установленном на возвышении в огромном шатре, который специально установили для этой цели. В присутствии разодетых придворных в шатер вошел британский посол в плаще, накинутом на богато расшитый бархатный камзол со сверкающим

бриллиантами орденом Бани. В поднятых над головой руках он держал украшенную драгоценными камнями квадратную шкатулку из золота, в которой лежало письмо к императору. В пронизанной почти религиозным трепетом тишине он поднялся по ступенькам к подножию трона, опустился на одно колено, склонился в поклоне и произнес краткое приветствие. Император принял из рук посла шкатулку — разумеется, он знал содержание письма — и поставил рядом с собой, а затем обратился к графу с дружеской речью. Во время последующих церемоний и торжественного обеда, сопровождавшегося блестящим выступлением акробатов и другими развлечениями, образцы любезности по отношению к гостю демонстрировал сам император, которому было уже за восемьдесят и который вскоре добровольно отрекся от власти после успешного шестидесятилетнего правления. Он подарил послу украшенный драгоценными камнями скипетр, так что граф мог с полным основанием считать свою миссию доброй воли успешной — несмотря на то, что до отъезда домой ему так и не удалось получить никаких торговых концессий. Однако события ближайшего будущего показали, что все это была пустая трата времени.

Дневник сэра Джорджа Стаунтона, а также записки о миссии голландской Ост-Индской компании, прибывшей в Пекин несколько лет спустя, дополнили многочисленные рассказы миссионеров XVII и XVIII веков, из которых любознательные европейские читатели узнавали о чудесах Китая. Все китайское вошло в моду, особенно во Франции, а европейское Просвещение в значительной степени питалось идеями, позаимствованными у китайской цивилизации. Вольтер, Лейбниц — на создание работ по двоичной системе счисления его вдохновил китайский трактат «И цзин», или «Книга Перемен», — и Монтескье с похвалой отзывались о китайском мироустройстве, однако среди восторженных откликов слышалась и критика, что заложило основы двойственного отношения европейцев к Китаю, сохраняющегося по сей день.

Как бы то ни было, влияние многих китайских идей признается безоговорочно. Так, например, современная демография очень многим обязана китайской практике переписи населения, которая проводилась еще со времен династии Хань; на Западе первая перепись была проведена в Канаде в 1665 году, а затем в Швейцарии в 1749 году. То же самое относится к системе экзаменов

для кандидатов на государственные должности, которая была позаимствована французскими революционерами в 1791 году, Ост-Индской компанией в Индии в 1800 году и британским правительством в 1855 году. На эстетические воззрения европейцев сильнейшее влияние оказали сине-белый китайский фарфор, сады, мебель и безделушки, а любовь китайцев к природе дала импульс развитию романтизма в европейском искусстве. Менее заметным — по иронии судьбы оно совпало с упадком науки в Китае — было влияние китайской философии, подтолкнувшее западную науку к отказу от концепции вселенной как некой машины с высшей движущей силой: ей на смену пришло представление о системе взаимодействующих сил, определяющих порядок в природе. Европейские ученые стали исследовать магнетизм, силовые поля, в том числе гравитационное, волновые явления и саморегуляцию живых организмов.

Последние годы жизни императора Гао-цзуна были отмечены беспорядками, нарушившими мирное правление династии Цин. Самой серьезной проблемой был культ, распространившийся среди масс безземельных крестьян и городской бедноты, тяжелое положение которых

усиливалось с ростом численности населения; недовольство зрело и среди класса образованных людей, поскольку конкуренция при приеме на государственную службу усилилась, что, в свою очередь, привело к росту коррупции. Этот культ, возникший еще в XI веке, представлял собой смесь буддийских, даосских и манихейских концепций и назывался «Обществом Белого лотоса». Его последователи, объединенные в сеть молитвенных конгрегаций, верили, что Будда покажет дорогу к миру и процветанию, «принц света» принесет свет в мир, погрязший в грехах, а также обещали спасение души и исцеление от телесных болезней.

В 1793 году, когда секта значительно увеличила число своих сторонников в центральных районах Китая, правительство распорядилось провести расследование ее деятельности. Алчные чиновники на местах использовали этот запрос для того, чтобы терроризировать деревни, что вызвало сопротивление со стороны вооруженных отрядов «Белого лотоса», к которым вскоре присоединились лесные разбойники. Они нападали на органы государственной власти в деревнях и опустошали сельские районы. Одновременно правительство пыталось подавить восстания

племени мяо, вспыхнувшее на юге страны в ответ на приток китайских переселенцев (еще одно следствие роста численности населения); усмирить бунт удалось лишь в 1806 году. На север были отправлены войска с приказом поймать руководителей партизанских отрядов «Белого лотоса», но китайская армия потеряла квалификацию — не помогли даже противозаконные дополнительные выплаты офицерам. В конечном счете пришлось формировать местные силы самообороны и деревенские ополчения, усиленные наемниками. «Общество Белого лотоса» начало распадаться, и в 1805 году был разгромлен самый крупный его отряд численностью около 100 тысяч человек. Тем не менее по престижу династии был нанесен сокрушительный удар: ее военная мощь оказалась под сомнением перед лицом все усиливающегося Запада, а непомерные военные расходы истощили казну. «Общество Белого лотоса» тоже не исчезло окончательно, и в первой половине XIX века возникли его многочисленные преемники, поднимавшие восстания в различных частях страны, — «Общество небесного закона» и «Общество восьми знаков». В довершение всего процветало прибрежное пиратство, а в 1796 году из Тайваня в Китай пришли кри-

минальные сообщества, получившие названия «триад» и существующие по сей день.

Престарелый император Гао-цзун, последний год правления которого принес столько бед, отрекся от престола в 1796 году, поскольку считал несправедливым занимать трон дольше, чем его знаменитый дед. Одним из самых неприятных его «подарков» наследнику была коррупция, при попустительстве любимого министра императора Го-чена пронизавшая весь чиновничий аппарат. Не исчезла она и при следующих двух Сынах Неба — Жэнь-цзуне (1796–1820) и Сюань-цзуне (1821–1850). При Сюань-цзуне Высший секретариат был заменен Высшим советом, и в правительство вернулось единство — отчасти благодаря деятельности первого министра, убежденного сторонника конфуцианства по имени Цао Чжен-юнь, — хотя за это пришлось расплачиваться некоторой инертностью. Так, например, Цао посоветовал императору не беспокоить себя проблемами, изложенными в многочисленных докладах, направленных на его имя, а сосредоточиться на орфографических и стилистических ошибках, должным образом наказывая тех, кто их совершает.

Неудивительно, что при таком подходе власть

постепенно выскальзывала из рук центрального правительства. Этот процесс ускорился благодаря коммерциализации общественной жизни, а также приватизации. Тем не менее определяющим элементом китайской истории этого периода был «прядильщик снов и предвестник ночных кошмаров» — опий.

Глава 26. Цин: Опиумные войны и тайпины

В последние десятилетия XVIII века и в начале XIX века главными китайскими портами, через которые осуществлялась торговля с Западом, были Макао, где уже давно господствовали португальцы, и Кантон, где монополией обладала британская Ост-Индская компания, основа лондонского Сити и инструмент английского господства в Индии. Торговля с Кантоном выглядела своеобразно. Назначенный императором мандарин, начальник морской таможни, которого европейцы называли «хоппо», выдавал лицензии китайским купцам — каждого из них в отдельности называли «хон», а гильдию этих купцов — «Гунхан». Иностранные торговцы могли вести дела только с ними и не имели права напрямую обращаться к «хоппо». Поскольку последний отправлял императору большую часть таможенных пошлин, ссориться было невыгодно никому.

Гильдия китайских купцов продавала Ост-Индской компании шелк и чай, которые наполовину оплачивались импортом текстиля, а наполовину

— поскольку импортных товаров не хватало — американскими серебряными монетами. Китайские коммерсанты стонали от поборов чиновников, которые не упускали ни единой возможности набить карманы; гильдия даже создала специальный фонд для защиты своих членов. Центральное правительство быстро слабело, высокие должности покупались за мешок жемчуга, местные налоги разворовывались, экономика находилась в отчаянном положении из-за мятежа «Общества Белого лотоса», произвола «триад», прибрежного пиратства и большого наводнения, вызванного разливом Хуанхэ, — в этих условиях Пекин требовал все больше денег от гильдии и отдельных купцов, поскольку торговля с Западом процветала. Самым ходовым товаром был чай.

Но этот бум международной торговли — усиленный американцами, первое судно которых прибыло в Кантон в 1785 году, — привел к серьезному дисбалансу. Его не мог выправить импорт индийского хлопка и разнообразных предметов, например музыкальных шкатулок, которые со временем научились копировать в Кантоне. Проблему решил ввоз опия. После 1819 года торговля этим наркотиком переживала такой подъем, что если в период с 1800 по 1810

год экспорт Китая превышал импорт на двадцать шесть миллионов долларов, то с 1828 по 1836 год уже импорт превысил экспорт на тридцать шесть миллионов долларов.

Опий использовался в качестве лекарственного средства еще в эпоху Тан, но, после того как в 1620 году этот наркотик завезли на юго-восточное побережья жители Тайваня, он впал в немилость, и в 1729 году правительство династии Цин его запретило. Никто не может объяснить, каким образом к опию, несмотря на запрет, пристрастилась практически вся страна. Продавали его нелегально, что способствовало распространению контрабанды. На первом этапе каналом ввоза опия в страну стал Макао, но в 1831 году Ост-Индская компания согласилась поставлять опий из Индии, где выращивалась большая его часть, в Кантон, и именно этот порт стал играть главную роль в импорте наркотика. Через несколько лет английское правительство лишило Ост-Индскую компанию монополии на торговлю в Кантоне, открыв в город свободный доступ для всех желающих, и опий буквально наводнил страну. При помощи оружия и подкупа драгоценный груз перевозили вверх по реке, где его распространением занимались гангстеры

и «триады», а хорошо вооруженные клиперы доктора Джардина, игравшего ключевую роль в торговле с Индией, развозили товар по всему юго-восточному побережью; существовали и другие каналы поставки опия в страну.

К тому времени продажа опия заняла важное место в британской экономике: опий выгодно сбывался в Кантоне, а вырученные деньги вкладывались в прибыльные поставки чая на Запад, что позволяло финансировать дальнейшую колонизацию Индии. Запрет на торговлю опием не только стал причиной невиданного роста коррупции, этой неизменной спутницы контрабанды, но и указал британцам на многочисленные ограничения на легальную торговлю как в Кантоне, так и на всем побережье. Эти запреты закрывали огромный внутренний рынок Китая для производителей Манчестера и Ливерпуля, голоса которых были хорошо различимы в хоре защитников боевого девиза той эпохи — принципа свободы торговли. Поскольку посольство Макартни, а затем еще одна миссия, которую возглавлял Армхерст, не смогли получить торговые концессии, мысли англичан обратились к войне, которую, как заявила специальная парламентская комиссия, можно выиграть без особого труда, а затем

«построить взаимоотношения с Китаем на рациональной основе».

Путь к войне был отмечен несколькими «инцидентами», которые начались в 1834 году, когда британский министр иностранных дел лорд Палмерстон назначил лорда Непьера, шотландского морского офицера и скотовода, управляющим британскими торговыми операциями в Кантоне. Отказавшись вступать в контакт с местным губернатором, Непьер повел два военных корабля вверх по Жемчужной реке, но малярия и блокада реки, устроенная китайскими властями, заставили его повернуть назад. Китайцы пришли к выводу о беспомощности англичан, а британские торговцы, разъяренные таким, как они считали, оскорбительным для нации отношением, открыто протестовали против запрета торговать внутри страны и против поборов местных властей. Джеймс Матесон, который вместе с доктором Джардином играл важную роль в торговле с Китаем, перенес агитационную кампанию в Англию. В 1836 году был назначен преемник Непьера, гораздо более агрессивный капитан Чарльз Эллиот. После демонстративного появления английского флота у Кантона, которое, впрочем, не возымело действия, Эллиот стал

дожидаться дальнейшего развития событий.

В 1836 году в Китай ввезли опия на сумму, превышающую восемнадцать миллионов долларов. Нелегальная торговля опием превратила в наркоманов многих дворян и чиновников как в столице, так и в провинциях. Помимо деградации общества и роста преступности, связанной с торговлей опием, наблюдалось и такое явление, как повышение стоимости серебра, и от этого страдали крестьяне, вынужденные покупать серебро за медные деньги, чтобы уплатить налоги. При дворе императора разгорелись жаркие споры, похожие на дискуссию, которая идет в современном мире: ужесточить запрет, что вызовет рост коррупции и не даст практического эффекта без тотального террора, или примириться с действительностью и легализовать наркотик, поставив его оборот под контроль государства в надежде искоренить преступность и значительно увеличить доходы казны.

В споре победили сторонники ужесточения запрета. Энергичные меры правительства привели к аресту более двух тысяч человек. В 1838 году император назначил специального уполномоченного Линь Цзе-сюя, видного сановника с твердыми принципами конфуцианской морали,

в задачу которого входило покончить с торговлей опиумом в Кантоне. Линь объявил «крестовый поход» против аморального бизнеса и приказал членам купеческой гильдии Кантона сдать свои запасы опия. Приказ был выполнен лишь формально, и это убедило Линь Цзе-сюя, что главным поставщиком зелья является президент местной британской торговой палаты. Отбросив деликатность, с которой китайцы всегда обращались с иностранцами, уполномоченный императора распорядился арестовать англичанина и судить его по китайским законам.

Капитан Эллиот почувствовал приближение войны. Оставив большую часть эскадры у пустынного скалистого острова у Гонконга, он с небольшим эскортом отправился в Кантон. Там он обнаружил, что непреклонный Линь Цзе-сюй окружил войсками поселения иностранцев — так называемые фактории — с их сотнями жителей. Чтобы спасти жизни европейцев, Эллиот приказал соотечественникам отдать имеющиеся запасы опия, обещав компенсировать потери из государственной казны. Торжествующий уполномоченный императора тут же уничтожил опий в специальных прудах, заполненных морской водой и известью, и, уверовав, что «варвары тре-

пещут от страха», потребовал от иностранных купцов подписать обязательство, что они больше не будут торговать наркотиком. Объявление о том, что нарушение этих обязательств карается смертной казнью, фактически означало перевод англичан под китайскую юрисдикцию и противоречило принципам британской колониальной политики. Таким образом, конфликт вышел за пределы торговли опием и затронул проблему «экстерриториальности»; уполномоченный императора с возмущением воспринял протесты Эллиота: «Как вы смеете приносить законы вашей страны в Поднебесную?»

Опасаясь ареста, все сообщество иностранных купцов — за исключением американских торговцев чаем, которые подписали обязательство и радовались неожиданной прибыли, — покинуло Кантон, и их торговые суда в конце концов нашли убежище в Гонконге. Убежденный в том, что торговля опием выгодна лишь одному Эллиоту, Линь Цзе-сюй обратился с открытым письмом к королеве Виктории, в котором указывал на аморальность этой торговли. Однако правительство ее величества не собиралось прислушиваться к доводам какого-то китайца, и вскоре прозвучали первые выстрелы «опиумной войны». Линь

Цзе-сюй, считавший, что Эллиот укрывает преступника из банды пьяных матросов, который убил китайского крестьянина, приказал своему адмиралу напасть на одно из более чем пятидесяти торговых судов, находившихся под защитой Эллиота, и захватить в качестве заложника любого иностранца. Эллиот, убежденный в том, что адмирал намерен атаковать его эскадру, поднялся вверх по Жемчужной реке и обрушился на китайский флот, потопив несколько кораблей и рассеяв остальные. Когда вести об этих событиях — а также донесение Эллиота, в котором он призывал принять «немедленные и решительные меры» для легализации торговли опиумом, — достигли Лондона, два государства оказались на грани войны.

Китайский император решил, что пришло время раз и навсегда избавиться от англичан, а уполномоченный Линь Цзе-сюй убеждал его, что сделать это будет несложно. Но он недооценил огневую мощь кораблей с паровыми котлами, появившихся в составе британского флота, а также эффективность легких пистонных ружей, которыми была оснащена британская пехота. На вооружении китайской армии находились старинные фитильные ружья и такая же древняя

артиллерия — не говоря уже о том, что в качестве средства борьбы с западными канонерками китайцы собирались использовать мастеров боевых искусств, которые якобы могли находиться под водой до десяти часов, чтобы пробуравить отверстия в корпусе вражеского судна.

В Британии доктор Джардин вел активную кампанию, поддержанную тремястами текстильными фирмами из центральных графств; он называл «осаду фактории» второй «черной дырой Калькутты»[10] и смертельным оскорблением королевы. Палмерстон отправил крупные силы в помощь Эллиоту, однако, когда британский парламент обсуждал этот вопрос, резолюция против войны была отклонена пятью голосами, а Гладстон заявил, что война несправедлива по своей природе и покроет позором страну. Недовольство британского общества торговлей опием было заглушено желанием установить нормальные торговые отношения между двумя государствами. Это желание Палмерстон выразил в ноте китайскому императору, содержавшей также требование ряда серьезных уступок.

---

[10] Примечания: 10

«Черная дыра Калькутты» — каземат в форте Уильям близ Калькутты, где в 1756 г. держали пленных англичан, захваченных в ходе нападения бенгальского раджи на английскую миссию. — *Примеч. ред.*

Отправленная Палмерстоном британская экспедиция — шестнадцать военных кораблей, четыре оснащенных оружием парохода и четыреста солдат — вошла в прибрежные воды Китая в июле 1840 года и осадила город Чжушань к югу от Шанхая. Защитники города отказались сдаться, и тогда англичане взяли его штурмом, предварительно подвергнув бомбардировке. Если раньше китайцы относились к ним как к обычным пиратам, то теперь они опасались повторения набегов «варваров». Император отстранил от должности своего уполномоченного Линь Цзе-сюя, который утверждал, что «аппетиты англичан удовлетворить невозможно». На место не справившегося со своими обязанностями чиновника был назначен Ци-шань, один из богатейших людей Китая, ученый и аристократ, слывший искусным дипломатом. Он убедил капитана Эллиота прекратить военные действия и начать полномасштабные переговоры в Кантоне. В январе 1841 года на одном из островов Жемчужной реки было подписано мирное соглашение.

Несмотря на то что договором предусматривалось выполнение части английских требований, им остались недовольны оба правительства. Император заявил, что в пункте, подтверждавшем

передачу Гонконга Британии, Ци-шань превысил свои полномочия — сановника увезли из Кантона в цепях, а затем конфисковали его обширные поместья. Палмерстон был недоволен тем, что Эллиот отдал Чжу-шань, поскольку оттуда можно было выторговать более выгодные условия договора в обмен на бесполезный Гонконг. На место Эллиота назначили сэра Генри Поттингера, флегматичного ирландца, бывшего атташе в Синде (Британская Индия).

Тем временем китайский император поручил управление Кантоном триумвирату, в состав которого входил совершенно глухой генерал, приказавший укрепить город: по его распоряжению были восстановлены редуты, перегорожены каналы и мобилизовано местное ополчение. Узнав об этом, Эллиот двинул свой флот вверх по Жемчужной реке, разрушил несколько крепостей и подступил к Кантону. Поначалу его угрозы привели к временному соглашению, что позволило возобновить торговлю, но более воинственные члены правящего триумвирата настаивали на решительных действиях. По реке навстречу британскому флоту были спущены горящие плоты, и в ответ англичане потопили семьдесят один военный корабль китайцев, захватили шесть-

десят береговых батарей и высадили десант для захвата господствующих над городом высот. Триумвират быстро согласился отвести войска и в течение недели выплатить шесть миллионов долларов «выкупа», после чего Эллиот прекратил наступление и стал дожидаться Поттингера.

Последствия этого инцидента для Китая оказались весьма серьезными. Во-первых, наступление англичан сопровождалось грабежами и беспорядками, что придало смелости разбойникам и пиратам, которые на протяжении следующих десяти лет терроризировали окрестные провинции. Во-вторых, английские войска, расположившиеся вокруг Кантона в ожидании «выкупа», разоряли храмы и насиловали женщин, и местные крестьяне начали убивать чужеземцев, пуская в ход ножи и мотыги. Властям Кантона удалось восстановить порядок, но местное население чувствовало себя победителем. Так зародилось движение, направленное против чужеземцев и правительства, причем антиправительственные настроения со временем трансформировались в антиманьчжурские, потому что придворные ради спасения собственной шкуры были готовы уступить иностранцам.

Поттингер прибыл в Гонконг — к тому времени

город перешел в руки англичан — в августе 1841 года, и к нему направили новый, усиленный экспедиционный отряд: двадцать пять линейных кораблей, четырнадцать пароходов, девять вспомогательных судов и пехотный корпус численностью десять тысяч человек. Англичане вели наступление на порт Амой, расположенный южнее Шанхая. Его защищали пятьдесят больших джонок, три форта, считавшихся неприступными, и девятитысячный гарнизон — все это было сметено британскими войсками, которые без особого труда заняли город. Затем Поттингер продолжил движение на север, захватив хорошо укрепленный, но тем не менее продержавшийся всего три дня остров Чжушань и близлежащий порт Нин-бо, который стал зимней базой экспедиции.

План англичан был следующим: весенним наступлением вдоль реки Янцзы разрезать территорию Китая надвое. Император жаждал дать бой на суше, поскольку поверил лжи своих чиновников и считал британскую армию слабой. Он назначил своего кузена И-цзиня главнокомандующим и поручил ему разгромить чужеземцев. И-цзинь был известным ученым, занимал должность директора императорских

парков и охотничьих угодий, что полностью соответствовало его квалификации.

В Фучжоу, расположенном в семидесяти милях на запад от Шанхая, он сформировал шестидесятитысячную армию, состоявшую из подразделений регулярных войск и отрядов ополчения. Он агитировал вступать в армию представителей местных дворян и собрал таким образом многих молодых ученых, которые прервали изучение классических канонов и потребовали себе личных телохранителей и другие привилегии. Регулярные войска прибывали из разных провинций и отказывались подчиняться чужим командирам, а офицеры из числа ученых устраивали в гигантском лагере бесчисленные чайные церемонии, банкеты и поэтические состязания. Сам И-цзинь целыми днями размышлял о том, как устроить состязание на лучшее сообщение о победе. Наконец он двинул свою армию к Гуанчжоу, в ста милях к западу от Нинпо, и в местном храме обратился к богам, чтобы те указали ему наиболее благоприятный день для битвы с врагом. Вдохновленный результатами гадания, указавшего на знак тигра, китайский главнокомандующий назначил начало сражения на 3–5 часов утра 10 марта 1842 года — час тигра в

день тигра в месяц тигра года тигра. Кроме того, это был самый разгар весеннего сезона дождей, и поэтому войска, тащившиеся по грязи к своим позициям, оказались без застрявших в трясине обозов с продовольствием; промокшим, утомленным и голодным солдатам предстояло атаковать англичан.

День тигра обернулся катастрофой. Вместо 36 тысяч солдат наступление на Нинпо начали лишь семьсот уроженцев Сычуани, причем они плохо понимали диалект, на котором говорили офицеры, и поэтому не взяли с собой ружья и пошли на британские мины и гаубицы с одними ножами. Когда им на помощь наконец пришла плохо обученная китайская армия, то солдаты гибли тысячами, и их кровь ручьями текла по улицам. На другом направлении атака развивалась успешнее, но в критический момент накурившийся опия и впавший в прострацию командир не ввел в бой резервы. Третий удар должны были нанести пятнадцать тысяч моряков. Планировалось, что они захватят Чжушань, но большинство сразу же после отплытия свалились от морской болезни, а командир так боялся англичан, что несколько недель просто курсировал вдоль побережья, периодически отправляя

фальшивые донесения о сражениях.

Поттингер мог начинать запланированное наступление вдоль Янцзы. Вступив в самый густонаселенный и процветающий регион империи, он первым делом овладел городом Чжаба, охранявшимся маньчжурским гарнизоном, а затем незащищенным и покинутым жителями Шанхаем. Следующим на очереди был Чженьцзян, ключ к реке и транспортной артерии, при помощи которой снабжался продовольствием Пекин, — Великому каналу. Гарнизон оказал яростное сопротивление — маньчжурские воины убивали своих детей и перерезали горло женам, чтобы спасти их от изнасилования, а сдаче в плен предпочитали самоубийство. После взятия Чженьцзяна перед британскими войсками открылся путь к незащищенному Нанкину, бывшей столице империи и ее символу.

Императорский двор бурлил. Император столкнулся с моральной дилеммой — ему не пристало склоняться перед грубой силой. Многие советовали сражаться, однако в придворном хоре звучали и другие голоса: нужно делать выбор между опасностью и безопасностью, а не между правильным и неправильным поведением. Зачем, спрашивали они, рисковать потерей империи

из-за каких-то прав на торговлю? Такой позиции придерживался один из родственников императора, богатый и утонченный Ци-ин, которого император и назначил своим представителем на переговорах. Ци-ин немедленно отправил парламентеров на британские позиции под Нанкином, успев предупредить назревавший штурм города.

Переговоры продолжались несколько недель и закончились Нанкинским мирным договором, который был подписан на борту флагманского корабля Поттингера 29 августа 1842 года. Так закончилась первая опиумная война. В соответствии с договором китайское правительство обязалось выплатить контрибуцию в сумме 21 миллиона долларов, открыло для английской торговли пять портов Китая — Гуанчжоу, Сямынь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай — с правом учреждения в них британских консульств, разрешило равноправные отношения между чиновниками соответствующих рангов, отменило монополию кантонской гильдии купцов и передало Гонконг в вечное владение Великобритании. В договоре ничего не говорилось об опиуме, и нелегальная торговля наркотиком продолжалась при попустительстве китайских властей и британского флота — британские, американские и прочие

суда доставляли наркотик на побережье, откуда его по всей стране развозили китайские дилеры.

Теперь китайские власти осознали, что целью Британии была не территориальная, а торговая экспансия. Уполномоченный императора Ци-ин использовал все свое обаяние (как знак доброй воли он даже предлагал Поттингеру усыновить его сына), чтобы ограничить права иностранцев, но без особого успеха. В 1843 году было подписано дополнительное соглашение к Нанкинскому договору, по которому иностранцам разрешалось селиться в пяти открытых портовых городах и выезжать за их пределы; кроме того, в открытых портах разрешалась стоянка военных кораблей, а английским подданным предоставлялось в Китае право экстерриториальности. Еще один пункт соглашения предусматривал, что права и привилегии, которые будут предоставлены другим странам, автоматически распространяются на Великобританию.

После открытия пяти портов в них быстрыми темпами стала развиваться легальная торговля, особенно чаем и шелком, а вместе с тем и нелегальная торговля опием, число перевалочных пунктов для которого было как минимум в два раза больше. США, Франция, а затем и другие стра-

ны заключили аналогичные договоры с Китаем. Франция, однако, интересовалась не столько торговлей, сколько распространением католицизма. Французы добились частичной отмены введенного в 1724 году запрета на деятельность миссионеров, которые с тех пор действовали как тайное общество; равные с католиками права получили протестанты, хотя их деятельность ограничивалась в основном открытыми портами. Что касается американцев, то их активная торговля с Китаем получила новый импульс в 1849 году, после отмены британского морского законодательства, что позволило США напрямую торговать с Британией и ее колониями; тогда же начались знаменитые гонки «чайных клиперов».

Открытые порты представляли собой любопытное явление — осколки Европы, разбросанные по китайскому побережью. В этих крошечных подобиях колоний в 50-х годах XIX века жили около пятисот иностранцев, наблюдение за которыми осуществляло консульство. Они селились за пределами китайских городов в компактных «факториях» у самой береговой полосы, на так называемой «набережной», где ввозимые товары хранились на одноэтажных

складах, или «сараях». Из почти двухсот иностранных торговых фирм, которые вели дела с Китаем, крупнейшими считались британские «Джардин» и «Матесон», а также американские «Рассел» и «Бостонская компания». Такие фирмы нередко имели собственный флот, банки и предлагали страховые услуги. Кантон сохранил свое значение как крупный центр международной торговли, но быстрее всех развивался Шанхай, превратившийся в самый большой город Китая. Развитие этих открытых портов тормозилось сложными взаимоотношениями между китайскими чиновниками, китайскими купцами, или «компрадорами», консулами и «тайпанами» — главами западных компаний. Жизнь в поселениях европейцев — «концессиях» — часто романтизировалась, но на самом деле она имела и темную сторону, с обманом и мошенничеством, которыми не брезговали обе стороны, и взятками, считавшимися обычным явлением.

Гроза приближалась. Сотни людей, теснившиеся в иностранных «концессиях» в прибрежной полосе Кантона, требовали доступа в город. Одновременно возникали оборонительные отряды из местных крестьян и мелкопоместных дворян, враждебно настроенных по отношению к бри-

танцам. Бунты не прекращались на протяжении нескольких лет — иностранцев забрасывали камнями и избивали, на них нападали во время прогулок. В 1847 году англичане, раздраженные отказом китайских властей открыть города, отправили вверх по Жемчужной реке военные корабли, которые привели в негодность более восьмисот китайских пушек. После этого Ци-ин пообещал в течение двух лет открыть ворота городов. Когда же по прошествии двух лет англичане напомнили об этом обещании, им пришлось столкнуться с отрядами ополчения, а Ци-ин к этому времени уже уехал из Кантона.

Это были тяжелые времена бесчисленных мятежей, пиратства, засилья «триад» и других тайных обществ, а контрабанда процветала на всем южном побережье страны, от Шанхая до Макао. После запрета работорговли потребность в дешевой рабочей силе на плантациях всего мира, от Малайзии до Перу, привела к тому, что поставщики опия стали заниматься нелегальной торговлей китайскими рабочими (кули). В 1854 году волнения на побережье захватили и Кантон. Опасность для города исходила от движения «красных повязок», подавить которое удалось при помощи крестьянского ополчения и нанятых

аристократией наемников. Тысячи бунтовщиков были приговорены к смертной казни.

Популярное в Шанхае гуляние с фонарями. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

Но все это не остановило англичан, которые стремились не только получить доступ в Кантон, но и полностью пересмотреть Нанкинский договор. В 1857 году Палмерстон вновь занял пост министра иностранных дел и возродил политику принуждения в отношении Китая, отправив туда новый экспедиционный корпус. После задержки, вызванной мятежом в Индии, эскадра к концу

года достигла Кантона, где к ней присоединились французские войска, отправленные покарать виновных в убийстве миссионера из числа их соотечественников.

Англо-французские силы осадили Кантон — так началась Вторая опиумная война. После обстрела города они преодолели стены и отправили патрули, чтобы захватить генерал-губернатора, которого затем вывезли в Калькутту, где он и умер год спустя. В течение следующих четырех лет городом управлял созданный союзниками комитет, которому подчинялась марионеточная китайская администрация. Местное ополчение продолжало сопротивление, а в 1858 году напало на город. Атака была отбита, и патрули союзников проникли в глубь китайской территории, а когда на них было совершено нападение, захватили и сожгли штаб-квартиру повстанцев. Воинственные настроения постепенно улеглись, и жители Кантона начали привыкать к власти «варваров».

Лорд Элгин, руководивший действиями англичан в Китае, приказал экспедиционному корпусу союзников двигаться дальше на север. Захват морских ворот Пекина и наступление на Тяньцзинь, расположенный всего в семидесяти

пяти милях от столицы, вынудил правительство Цин в спешном порядке отправить своих представителей для переговоров. Однако дипломатические хитрости Ци-ина и его коллег ни к чему не привели, и они, несмотря на протесты, были вынуждены подписать новые договоры с Британией, Францией, Россией и Соединенными Штатами. Престарелый Ци-ин потерял лицо, и император сначала предал сановника суду, а затем, из соображений «справедливости и милосердия», приказал ему совершить самоубийство. Условия Тяньцзинского договора действительно были тяжелыми для Китая. Китайское правительство согласилось допустить постоянных послов иностранных держав в Пекин, выплатить огромную контрибуцию, утроить количество открытых портов, открыть для торговли реку Янцзы вплоть до Ханькоу, установить низкие торговые пошлины, допустить на таможню иностранных инспекторов и разрешить иностранцам (при наличии паспорта) разъезжать по стране. Более того, договор легализовал торговлю опиумом — зло получило официальный статус. После подписания договора войска союзников отступили, а затем лорд Элгин лично проплыл шестьсот миль вверх по Янцзы, чтобы оценить

новые перспективы для торговли.

На этом война не закончилась. Англо-китайские соглашения приносили пользу в открытых портах, где обе стороны сотрудничали в попытке пресечь нелегальную торговлю кули, но Пекин был недоволен. Особую неприязнь у приверженцев традиций вызывал пункт о постоянных дипломатических представительствах в Пекине. Они были твердо уверены, что послы варваров могут быть только гостями, которые каждые три или пять лет привозят дань и бьют земные поклоны. В марте 1859 года вышел императорский указ, запрещавший послам иметь штат более десяти человек, носить оружие и передвигаться по Пекину в паланкинах. Ни один иностранный король не мог считаться равным императору, владевшему мандатом Неба, — таков был основополагающий принцип.

Через несколько месяцев случайное столкновение в окрестностях Тяньцзиня привело к гибели четырехсот британских солдат и четырех военных кораблей, и ликующие «ястребы» императорского двора добились отказа от Тяньцзинского договора. Ответ англичан и французов последовал незамедлительно. В середине 1860 года они отправили на север Китая двести пять-

десят кораблей и двадцать тысяч солдат, часть которых была набрана среди гонконгского «дна». Вскоре те сломили сопротивление гарнизона, оборонявшего Тяньцзинь, и уже входили в город, когда прибыли послы из Пекина с предложением прибыть в столицу для переговоров. Однако союзники настаивали на аудиенции у императора. Когда англо-французские войска приблизились к Пекину, император бежал, укрывшись за Великой Китайской стеной. Китайцы взяли в заложники тридцать девять человек из числа сотрудников посольств, и после того как они отпустили лишь треть заложников, казнив остальных, союзники разграбили и сожгли Летний дворец императора к северо-западу от Пекина. Некогда это был величественный комплекс из павильонов для отдыха и развлечений в необычном стиле «китайского барокко», спроектированных итальянским иезуитом, — с искусными фонтанами и мебелью, скопированной с французских гравюр, со стенами, увешанными зеркалами и гобеленами, которые прислал в дар французский король в 1767 году.

В Пекине остался младший брат императора принц Гун, который должен был договориться с занявшими столицу варварами. Пекинский до-

говор подтвердил все положения Тяньцзинского договора, только сумма контрибуции увеличилась, а Британия, кроме Гонконга, получила полуостров Коулун. Союзники отвели войска, оставив гарнизон в Тяньцзине, и на этом вторая опиумная война завершилась.

На следующий год умер император. После нескольких дворцовых переворотов трон занял его сын Тун-чжи, а ведущую роль при дворе стала играть партия дяди нового императора, принца Гуна, которая выступала за мир и компромисс с Западом. Установился новый порядок: юрисдикция консульств в отношении граждан иностранных государств в открытых портах, иностранная администрация в «концессиях», иностранные военные корабли в китайских водах и иностранные войска на китайской земле, доступ иностранных торговых судов к морскому побережью Китая и внутренним водным путям, ограничение тарифов условиями договора, постоянно расширяющиеся возможности торговли в верхнем течении Янцзы. Торговля процветала. Укрепились связи между мандаринами, торговцами и консулами; иностранцы покупали недвижимость в центрах торговли, многие из которых превратились в крупные города, а

большое число китайцев получало английское образование.

Оглядываясь назад, можно сказать, что опий был всего лишь одним из элементов Опиумных войн, длившихся с 1840 по 1860 год, а истинной их причиной являлась прибыль от торговли в целом. Результатом войн стало не уничтожение суверенитета Китая, а его ограничение условиями договора. Эти условия все сильнее действовали на традиционное китайское общество и китайскую культуру, а появление быстроходных судов с паровыми двигателями и телеграфной связи постепенно втягивало страну в орбиту Запада. Время покажет, действительно ли Китай усвоил преподнесенный урок: Поднебесная не является владычицей мира.

Как бы то ни было, волнения, вызванные вторжением Запада, не угрожали самой династии Цин. Значительно опаснее были грандиозные восстания, потрясавшие страну с 1851 по 1864 год, что совпало по времени со Второй опиумной войной. Фактической причиной восстаний стала первая опиумная война и Нанкинский договор, в результате чего для иностранцев открылся порт Шанхая, и центр торговли переместился из Кантона на север, а тысячи людей остались без

работы. Эти люди пополнили ряды недовольных в «кипящем котле», который представляла собой провинция Гуандун (с городами Кантоном, Макао и Гонконгом), а также провинция Гуаньси к западу от нее и большая часть провинции Хунань на севере.

Бывшие наемники, услуги которых уже не требовались для борьбы с англичанами, пираты, оттесненные в глубь материка британским флотом, остатки «Общества Белого лотоса», этнические сообщества — в частности, иммигранты, которых китайцы называли «хакка», отряды самообороны, сформированные местным дворянством, обедневшие крестьяне — все объединились в своей ненависти к маньчжурам. Полная неспособность властей обеспечить соблюдение законности привела к восстаниям 1836 и 1847 годов, и именно в этот период сформировалось «Общество поклонения Богу», впоследствии ставшее известным под кровавым именем тайпинов.

Во главе самого жестокого мятежа за всю историю Китая стоял высокий человек с умными глазами и звучным голосом по имени Хун Сюцюань. Он родился в деревне к северу от Кантона, и его стремление к знаниям не было оценено по достоинству — он неоднократно

проваливался на экзаменах на право занятия государственных должностей. Будучи в Кантоне во время второй попытки сдать экзамены, он познакомился с миссионером, который вручил ему христианскую брошюрку. Каковы бы ни были успехи христианских проповедников в распространении своего учения, эти люди редко являлись предвестниками мира и спокойствия, хотя справедливости ради следует признать, что миссионер, подавивший Хуну брошюру, не мог предполагать последствий своего поступка. Это было сочинение необразованного жителя Кантона, написанное под влиянием британского проповедника-пресвитерианца и содержавшее искаженные отрывки из Библии вперемешку с проповедями автора. Книга излагала основные принципы протестантской веры: всемогущество Бога, мерзость такого греха, как идолопоклонство, и возможность выбора между проклятием и спасением души.

После третьего провала на экзаменах Хун слег с нервным расстройством: в своих галлюцинациях он скитался в космосе, убивая злых духов, а затем очистился и пережил второе рождение. В 1843 году он, немного оправившись от болезни, предпринял еще одну попытку сдать экзамены,

но снова провалился. Он злился на весь мир, и особенно на маньчжуров, и презрение к ним за неспособность противостоять варварам с Запада разделяли многие его земляки. Вновь обратившись к христианской брошюре, он теперь воспринял ее как призыв Господа: он, Хун Сюцюань, является младшим братом Иисуса Христа, и его священная миссия заключается в том, чтобы вернуть веру в Бога через христианство. Он сочинил несколько трактатов и поэм, в которых стремился примирить христианство с конфуцианством, в результате чего лишился места школьного учителя и занялся миссионерской деятельностью, обращая в христианство иммигрантов-«хакка» на юге провинции Гуанси. У него появились энергичные помощники, которые использовали противоречия внутри сельских общин, чтобы внедрять идеи Хуна, благодаря чему люди объединялись в религиозном экстазе. Хун, которого в 1847 году под свое крыло взяла американская баптистская миссия, удвоил усилия, и через несколько лет его организация, получившая название «Общество поклонения Богу», превратилась во влиятельную и все более агрессивную силу.

В 1851 году многочисленная паства Хуна собра-

лась в деревне на берегу Западной реки: двадцать тысяч крестьян, городских рабочих и даже членов триад, которые сожгли свои дома, отказались от косичек и отрастили волосы по всей голове, чтобы продемонстрировать ненависть к маньчжурам, и обосновались в этом месте, которое вскоре превратится в военный лагерь. Они поклялись поддерживать строгую дисциплину и чистоту нравов, и в день, когда Хун Сюцюаню исполнилось тридцать восемь лет, объявили о создании Небесного государства великого равновесия, интерпретировав видения вождя как подтверждение его власти над всем Китаем.

Затем они отправились в «крестовый поход» на север. Введя новый календарь — традиционный способ утверждения легитимности режима — и призывая крестьян к восстанию против маньчжуров, которые объявлялись чужаками, угнетателями и носителями зла, они объявили о своем намерении построить Царство Божье на земле. Вступив на территорию богатых регионов в низовьях Янцзы, мятежники вели сражения с разрозненными правительственными отрядами, чередуя победы с поражениями, но при этом фанатично шли вперед, собирая под свои знамена все больше сторонников. В 1853 году, когда

тайпины захватили Нанкин, их численность составляла около двух миллионов человек.

Мятежники переименовали Нанкин в Небесную столицу и принялись строить христианское государство фундаменталистского толка, граждане которого были твердо убеждены, что спасут свои души в битве против зла. Под запрет попали вино, опиум, табак, азартные игры и внебрачные связи, а также традиция иметь наложниц и бинтовать ноги женщинам, а женщины получили равные права с мужчинами и даже служили в армии. Земля принадлежала Богу, а государство справедливо распределяло ее между всеми мужчинами и женщинами — в полном соответствии с доктринами тайпинов, направленными против землевладения и богатства. Хун Сюцюань объявил себя Небесным князем, а его помощники стали просто князьями, причем многие из них впадали в транс, чтобы лучше воспринимать веления Неба. Для претендентов на должности в государственном аппарате были введены экзамены, предметами которых являлись христианское вероучение и добродетели тайпинов. Если представители высших классов, которых отпугивал отказ от традиций, ненависть к богатым и крестьянских характер движения, отказывались

занимать должности в государстве тайпинов, их заставляли под угрозой смертной казни.

Однако именно дворянство в конечном счете оказало решительное сопротивление тайпинам, которые распространили свое влияние на север и на запад, контролируя отрезок Янцзы протяженностью триста миль и 100 тысяч квадратных миль территории страны. Тайпины даже организовали поход на север, и лишь голод и холод остановили их в непосредственной близости от Пекина. Над маньчжурской династией нависла смертельная угроза. Ее армия бежала от тайпинов, прокладывавших кровавый путь из центра страны, и европейцев, наступавших с побережья. Одновременно правительству пришлось иметь дело с еще одним крупным восстанием. Это движение называлось Ньен. На протяжении многих лет в сельской местности к северо-западу от Нанкина активно действовали остатки «Общества Белого лотоса», а также многочисленные разбойничьи банды, а когда в 1855 году Хуанхэ внезапно изменила русло, переместившись с юга на север полуострова Шаньдун, положение местного населения сделалось невыносимым. Во главе движения Ньен встал образованный землевладелец и контрабандист, занимавшийся незаконной

торговлей солью; он объединил разрозненные преступные группы и иногда сотрудничал с триадами. Правительственным войскам потребовалось десять лет, чтобы подавить этот мятеж, и успех был достигнут лишь после отказа от традиционных кавалерийских атак маньчжуров в пользу тактики окружения противника. Эту тактику, позволившую разгромить Ньен, разработал бывший учитель из Пекина Цзэн Гуо-фан, который сумел высоко подняться по служебной лестнице и имел опыт боевых действий против тайпинов.

Цзэн был ярким представителем нового типа людей, появившихся в провинции после восстания тайпинов. Они принадлежали к тем представителям местной элиты, аристократам и землевладельцам, которые перед лицом угрозы для своей жизни, собственности и традиций взялись за оружие и сформировали отряды ополчения. Цзэн и его товарищи организовали вооруженное сопротивление тайпинам, причем во главу угла они ставили качество, а не количество войск, набирая в свои отряды людей, связанных родственными узами. Хорошо обученные и имеющие грамотных командиров, те объединились в так называемую Хунаньскую армию, содержать

которую помогал Пекин — продажей званий и титулов, а также посредством отказа правительства от налогов на торговлю. Усиленная правительственными войсками, эта армия противостояла «Обществу поклонения Богу».

Тайпины были заняты тем, что строили собственное государство внутри Китайской империи. Они перераспределили землю, снизили арендную плату и налоги. Простой народ был обязан соблюдать пуританские нормы, которые проповедовала новая религия, а вожди тайпинов присваивали себе все новые права и привилегии, купаясь в роскоши и не отказываясь от многочисленных наложниц. Вскоре среди них началась яростная борьба за власть, сопровождавшаяся убийствами и казнями (так, например, после убийства одного из самых известных «князей», который считал себя воплощением Святого Духа, были казнены двадцать тысяч человек).

В это период разброда (1856–1858 гг.) тайпины потеряли несколько стратегически важных городов в долине Янцзы, но вскоре в окружении Хун Сюцюаня появились новые энергичные лидеры — сам Небесный князь становился все более замкнутым и безумным, — одержавшие победы в двух крупных сражениях. Затем они

повернули армию тайпинов на восток, чтобы захватить дельту Янцзы и использовать ее как экономическую базу для наступления вверх по течению реки. Хун Сюцюань рассчитывал на помощь братьев-христиан с Запада, но европейцы считали «Общество поклонения Богу» аморальным, богопротивным и, самое главное, представлявшим угрозу для торговли. Поэтому они отказали тайпинам в просьбе предоставить пароходы для наступления в верховья Янцзы, а когда мятежники приблизились к Шанхаю, англичане и французы пришли на помощь правительственным войскам, поставляя им продовольствие, артиллерию и магазинные ружья, а также непосредственно принимая участие в боевых действиях. На стороне союзников сражались и американские офицеры, а среди англичан выделялся майор Чарльз Джордж Гордон, который затем стал генералом и погиб в Хартуме. Стычки, продолжавшиеся несколько лет, позволили очистить от тайпинов окрестности Шанхая, а выше по течению Янцзы отряды Цзэн Гуо-фана постепенно брали верх над повстанцами. В 1864 году Цзэн Гуо-фан начал наступление на Нанкин.

Стены города были разрушены, сам город сожжен, а его обитатели убиты. Тайпины яростно

сражались до самого конца — 100 тысяч фанатиков добавились к списку миллионов жертв на обширных землях, некогда завоеванных «Обществом поклонения Богу». Небесный князь, отвергнувший просьбы своих приверженцев покинуть Небесную столицу, когда к ней приблизился враг, принял смертельную дозу яда, и его тело впоследствии было найдено рядом с дворцом — в желтых атласных одеждах, расшитых драконами. Часть его сторонников, которые сумели избежать смерти и присоединились к движению Ньен, продолжали сопротивляться вплоть до 1868 года, но разрушение Нанкина положило конец государству тайпинов.

Однако этим далеко не исчерпывались драматические события в истории империи Цин в первые семь десятилетий XIX века. На обширной территории от Маньчжурии на северо-востоке и Монголии на севере до Синьцзяна на северо-западе и Тибета на западе мир и спокойствие были редкими явлениями. Горы, пустыни и степи населяли многочисленные племена и народы: китайцы, маньчжуры, монголы, тюркоговорящие и исповедующие ислам племена Центральной Азии, тибетцы. Торговля или даже попытки обеспечить возможность торговли, наталкивались

на сопротивление, поскольку политика китайских властей — в чем Запад имел возможность убедиться — была направлена на запрет международной торговли и обложение пошлинами разрешенного товарообмена.

В 1816 году Британия покорила Непал, и государственный флаг Соединенного Королевства оказался на границе Тибета, который с 1792 года входил в состав Поднебесной; в последующие годы британцы безуспешно пытались наладить торговлю с этим «царством снега». Россия расширяла свое влияние на севере, и Британия изо всех сил старалась не допустить русских в Индию, но они предпочли двигаться вдоль реки Амур на северо-запад Маньчжурии. По договору 1864 года Россия получила значительный кусок территории, а также право обменивать свои меха на чай, который в Москве пользовался не меньшей популярностью, чем в Лондоне.

Каждая из трех подвластных Китаю территорий, то есть Тибет, Монголия и Синьцзян (Китайский Туркестан, завоеванный в 50-х годах XVIII века), шла своим путем. Тибет был практически автономным и развивался в направлении, определяемом далай-ламой. Некогда могущественные монгольские племена с переходом от

кочевого к оседлому образу жизни утратили былую силу; крестьянство разоряли долги, ставшие следствием экспансии китайских торговцев; большинство населения болело сифилисом. В Синьцзяне, который находился в окружении мятежной провинции Ганьсу, Тибета, Кашмира и России, мусульманские фанатики из Восточного Туркестана вели борьбу за получение права торговли для своих купцов.

Однако в целом, несмотря на уступки России и мусульманам, правительству Цин — при помощи дипломатии, миграционной политики, а в некоторых случаях и применения силы — удавалось сохранять контроль над территорией страны. Империя вступала в судьбоносные для нее последние годы XIX века, сумев сохранить единство.

Глава 27. На пороге XX века

Император Вэнь-цзун умер в 1861 году, не успев вернуться в столицу, из которой он бежал после того, как англо-французские войска взяли Тяньцзинь. Наследником стал его единственный сын, пятилетний мальчик, который взошел на трон под именем Тун-чжи. Перед смертью император назначил совет из восьми сановников, которые должны были помогать малолетнему правителю, но в результате дворцового переворота, устроенного принцем Гуном, все они были казнены или сосланы, а власть в стране перешла в руки двух вдовствующих императриц — официальной вдовы последнего императора и наложницы, матери наследника династии Цин. Ведущую роль в этом тандеме играла бывшая наложница и мать юного императора — вдовствующая императрица Цыси руководила правительством на протяжении следующих сорока семи лет. Династия, которую ей предстояло сохранить и которая пошатнулась, но все же устояла под напором трагических событий XIX века, столкнулась с двумя главными проблемами.

Во-первых, как выразился первый министр китайского правительства, это был «новый демонический мир усиления государств». То есть китайцы, не отказываясь от убеждения в превосходстве своей цивилизации и культуры, были вынуждены считаться с некоторыми аспектами западной цивилизации — в частности, с передовой технологией, особенно в области вооружений. Несмотря на осознание того факта, что Запад стремится к увеличению прибыли, а не к расширению территорий, риск применения силы к тем, кто не желает подчиниться требованиям европейцев, заставлял Китай принимать меры по защите своих интересов. Лозунгом эпохи стала модернизация, которую называли «самоукреплением». Немалую роль в этом процессе играло усвоение накопленных Западом знаний — в империи издавали огромное количество литературы, посвященной производству ружей, пушек, мин, бомб и взрывчатых веществ в странах Запада.

Давала о себе знать и вторая проблема, о которой уже упоминалось, — ухудшение качества управления, особенно на местном уровне. Требовалось возродить забытые ценности конфуцианства. Правительство, писал один из видных

сановников и ученых того времени, опирается на человеческий талант, а талант опирается на образование. Его единомышленники, исповедавшие неоконфуцианство, открыто призывали восстановить моральные принципы, и в стране вновь стала действовать классическая экзаменационная система. Это тоже было частью процесса «самоукрепления», поскольку, как записал в своем дневнике один из китайских министров, «в свете самоусовершенствования важнейшими задачами, безусловно, являются улучшение управления и поиск ценных талантов; однако следует предпринять и конкретные меры, чтобы научиться отливать пушки, строить пароходы и производить оружие».

Для поддержки реформы вооруженных сил открыли несколько новых верфей и арсеналов, самыми крупными из которых стали предприятия в Шанхае и в окрестностях Фучжоу. К 1870 году шанхайская верфь превратилась в одно из крупнейших предприятий мира. Китаю оказывали помощь английские и французские специалисты, а правительства этих стран поставляли Цинской династии артиллерию, которая помогла разгромить тайпинов. При этих предприятиях были организованы школы, где преподавали не только

китайцы — в них наряду с классическими канонами конфуцианства обучали западным наукам.

Деревенщина становится уездным начальником, да не разумеет чиновничьего языка. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. На картине изображен неграмотный земледелец, купивший должность начальника уезда (справа на стуле) и пришедший представиться губернатору провинции (слева в кресле)

Процесс «самоукрепления» получил новый импульс в 1872 году, когда в Хартфордский уни-

верситет (США, штат Коннектикут) прибыли тридцать китайских студентов, преимущественно из Кантона. Первый уроженец Поднебесной, получивший образование в Соединенных Штатах, закончил Йельский университет в 1854 году и по возвращении домой предложил программу обучения китайских студентов в Америке. После долгих споров — масла в огонь подлило известие, что Япония посылает своих граждан в Европу, чтобы те учились лить пушки и строить корабли, — двор наконец согласился ежегодно отправлять на учебу сто двадцать мальчиков от двенадцати до шестнадцати лет (сначала верхняя граница возраста была установлена на уровне двадцати лет, но затем ее снизили, чтобы уменьшить вероятность возникновения ситуации, когда сын не в состоянии исполнить положенных ритуалов в случае смерти отца); эта цель была достигнута в 1875 году. Юноши, которых поселили в семьях и над которыми взяло шефство управление образования штата Коннектикут, вскоре увлеклись бейсболом — косички они прятали под большими кепками, — но сохраняли верность традициям родины, посещая лекции по «Священным указам маньчжурского императора» и периодически делая заявления о

верноподданнических чувствах к Пекину.

Тем не менее лишь небольшое количество их соотечественников побывали в Соединенных Штатах до начала американской «золотой лихорадки» и последующего расширения железнодорожной сети, которые привлекли тысячи рабочих из-за рубежа, перевозившихся на переполненных грузовых судах, прозванных «плавучим адом». К концу XIX века во многих американских городах выросли китайские кварталы; иммигранты из Поднебесной выращивали фрукты, ловили рыбу, работали в заброшенных шахтах, чтобы добыть средства к существованию, трудились на обувных и сигарных фабриках, открывали прачечные и рестораны. Поначалу к ним относились терпимо, но со временем они восстановили против себя профсоюзы и стали объектом ненависти невежественной толпы — во время беспорядков в Лос-Анджелесе были убиты более двадцати китайцев, в Вайоминге — около тридцати.

Параллельно с программой обучения в Америке осуществлялась и другая образовательная программа — в Европе. Она была предназначена для более взрослых студентов.

С 1877 года, когда впервые в истории открылось китайское дипломатическое представительство

в Лондоне, студенты из Китая приезжали учиться в Военно-морское училище в Гринвиче, в кораблестроительные школы в Шербуре и Тулоне и в школу минеров в Париже; химию, юриспруденцию и политику они изучали в Королевском колледже в Лондоне, а также в Париже. В период с 1882 по 1897 год в Европу прибывали и другие группы.

Движение «самоукрепления», как в среде промышленности, так и образования, финансировалось за счет таможенных сборов, большая часть которых поступала из бурно развивавшихся открытых портов. Английский специалист Роберт Харт, нанятый правительством Цин, создал эффективную таможенную службу, обеспечивавшую 21 процент доходов казны. Но на самом деле это движение «породило» лишь небольшое количество товаров и квалифицированных специалистов, способных идти в ногу с приближающейся модернизацией и индустриализацией экономики. Пекинский колледж иностранных языков подготовил несколько блестящих дипломатов, но западные специалисты и доброжелатели тщетно пропагандировали технические колледжи, телеграф и железную дорогу, механизацию труда в горной промышленности. В

Китае отсутствовал процесс целенаправленного усвоения западных знаний и технологий, наблюдавшийся в Японии, чему в немалой степени способствовали торговцы страны Восходящего солнца — в Китае этот класс всегда вызывал двойственное отношение в обществе.

Основным препятствием на пути прогресса стали консервативные — если точнее, реакционные — элементы в правительстве Цин. Апеллируя к самому мощному императиву китайского политического мышления, то есть к традиции, они утверждали, что возвеличивать варваров, перенимая у них знания и навыки, значит впадать в ересь и унижаться.

Это приведет к утрате народной поддержки, что воспринималось как первейшая потребность нации. Конфуцианские принципы были несовместимы с утилитаризмом, а конфуцианский космологический миф все наводнения, засухи и землетрясения, случившиеся в те годы, объяснял тем, что западные инновации потревожили духов ветра и воды. Рациональные же доводы сводились к тому, что западная технология, несмотря на все ее достоинства, потребляет ограниченные природные ресурсы, а также создает социальную несправедливость, когда богатый,

используя машины, становится еще богаче, а бедный, оставшись без работы, впадает в нищету. Кроме того, любые действия, мотивом которых является только прибыль, в конечном счете приводят к разорению. Поэтому, несмотря на постоянные усилия талантливых министров-реформаторов и мыслителей, процесс равнения на Запад был очень осторожным и медленным.

Ни в одной области вторжение Запада не было таким явным, как в распространении миссионерства, которое получило свободу после опиумных войн, — мирные договоры с иностранными государствами гарантировали терпимость к христианству. На протяжении нескольких лет Франция, стремившаяся ослабить влияние Британии, создавала в Китае католические миссии, и к концу столетия в них насчитывалось девятьсот священников. Протестантские миссионеры всевозможных религиозных направлений — баптисты, методисты, пресвитерианцы — поддерживались многочисленными обществами, которые в конце XVIII века внесли свой вклад в «Евангелическое возрождение» в Великобритании и в «Великое пробуждение» в США (британские Лондонское миссионерское общество и Церковное миссионерское общество, а также американское

Международное библейское общество). К концу столетия в Китае работали более трех тысяч протестантских миссионеров, девяносто процентов которых были американцами и англичанами, причем половину из них составляли женщины.

Железная дорога и телега, приводимая в движение огнем. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

Влияние этих людей, в большинстве своем отважных и преданных идее, было неоднозначным, но всегда значительным. Как проповедники христианской веры они потерпели неудачу: за полвека упорной работы они сумели обратить в

христианство лишь три четверти миллиона человек — капля в море по сравнению с населением Китая. Однако результаты их деятельности в миру впечатляют. Миссионеры открыли тысячи школ, приютов, центров обучения для слепых и глухих, центры реабилитации для курильщиков опия и пункты помощи голодающим. Они построили сотни больниц и пунктов раздачи бесплатных лекарств, а также медицинские школы, давшие образование сотням китайских врачей; они консультировали чиновников по вопросам здравоохранения и санитарии, водоснабжения, содержания государственных больниц и медицинского образования. Они активно защищали права женщин, которые традиционно находились в полной зависимости от родителей или мужа, а также были лишены доступа к образованию и государственной службе. Они открыли первые школы для девочек, а их решительная борьба против традиции бинтовать девочкам ноги привела к тому, что в начале XX столетия эта практика была запрещена. Их типографии выпускали огромное количество книг и научных работ, а также труды по мировой истории и международному праву. Таким образом, миссионеры сыграли важную роль в процессе модернизации.

С ними дружили многие китайские реформаторы, и в 90-х годах XIX века новую волну реформ возглавили обращенные в христианство уроженцы открытых портов, где влияние Запада ощущалось сильнее всего.

Однако несмотря на все эти достижения, многие действия миссионеров вызывали враждебность местного населения. Во-первых, неприятие вызывала практика помещения детей в католические приюты, где их крестили и воспитывали — как правило, этим занимались монахини — в христианской атмосфере; иногда миссионеры даже предлагали деньги родителям, чтобы те отказались от своих детей. Миссионеры использовали привилегию экстерриториальности, чтобы вмешиваться в дела местных властей, и обращали в христианство наименее законопослушных граждан, тем самым беря их под свою защиту. Церкви строились без учета принципов геомантии (фэншуй), и кроме того, миссионеры показали себя решительными противниками других древних верований и ценностей, таких как поклонение предкам, внебрачное сожительство и участие в праздниках, в том числе посещение театра, а также с пренебрежением относились к Конфуцию.

Когда недовольство крестьян перерастало в

бунты, миссионеры, пользуясь правами, предоставленными им мирными договорами, требовали возмещения ущерба, который производился за счет налогоплательщиков. Кроме того, дополнительные средства приходилось тратить на проведение праздников, поскольку христианам запрещалось принимать в них участие. Сами новообращенные, находясь под покровительством миссионеров, вели себя высокомерно по отношению к соотечественникам. Страсти накалились еще больше после серии оскорбительных антихристианских публикаций, в которых демонизировались миссионеры, обвиненные в тяжких сексуальных преступлениях и садизме. На протяжении всего XIX века действия Запада не давали Китаю особого повода для любви к себе, и в конечном счете необычного вида белокожие люди с бородами, длинными носами и в облегающих одеждах — не говоря уже об их предполагаемом пристрастии к чаю и ревеню, без которых они якобы ослепнут, — стали объектом ненависти, причем миссионеры считались такими же «чужеземными дьяволами», как и все остальные.

Проповедническая деятельность миссионеров не имела успеха у низших слоев населения, а у

аристократов и ученых просто не было на это времени. Такая ситуация коренным образом отличалась от той, что сложилась в Японии, где 30 процентов обращенных в христианство составляли самураи, а образованные христиане играли важную роль в интеллектуальной жизни нации. Христианский элемент в восстании тайпинов, к которому добавились подозрения о влиянии христианства на «Общество Белого лотоса», похоже, убедили высшие классы китайского общества в опасности христианской религии для общественной и политической жизни империи. Кроме того, под сомнение ставилась сама ценность христианской веры. Еще в 1640 году буддисты и приверженцы конфуцианства писали: «Если бог действительно добр и всемогущ, как утверждают христиане, то почему позволил Адаму и Еве совершить грех, такой тяжкий, что он позорным пятном лег на все последующие поколения?»

Как бы то ни было, но в одной сфере влияние миссионеров было, безусловно, благотворным. Это влияние осуществлялось через книги и периодические издания реформистского толка, издававшиеся протестантами с начала 80-х годов XIX века. Пик издания этой литературы приходится на 90-е годы. Это был голос, «разбудивший»

многих китайцев и заставивший их поверить в реформы — в идеи прогресса, пользы научных достижений и нового мирового порядка, предполагающего гармонию и мир. Даже если китайцы приходили к выводу, что можно отвергнуть христианского бога, но принять прогресс, этим они все равно были обязаны миссионерам.

На пороге XX века Китай оставался преимущественно крестьянской страной — около четырехсот миллионов человек в большинстве своем жили за пределами крупных городов в небольших сельских общинах, сосредоточенных вокруг деревень, среди которых были разбросаны немногочисленные поместья чиновников, аристократов и состоятельных торговцев. Последние покупали землю с помощью представителей местной элиты, которые жили, как правило, в соседних городах и использовали свое влияние на чиновников, чтобы повысить арендную плату.

Крестьяне занимались в основном выращиванием пшеницы и риса; кроме того, существенным подспорьем для них было прядение и ткачество. Они продавали изготовленные вручную хлопчатобумажные ткани на одном из 63 тысяч местных рынков и из них шили одежду, которую носили абсолютно все, за исключением представителей

высших классов китайского общества. Импорт и машинное производство еще не оказывали такого влияния на экономику, как в следующем веке, и ручное производство текстиля процветало. Важным источником дохода было производство чая, пока в 80-х годах XIX века на мировом рынке не появился серьезный конкурент китайскому продукту — чай из Индии и Цейлона (Шри-Ланки). Шелковые ткани ручной работы из центральных и южных районов страны по-прежнему пользовались спросом. В то же время расположенные в городах кустарные предприятия производили соевое масло для Европы и Японии, а также фейерверки, веера, мебель из бамбука и препараты народной китайской медицины.

К концу XIX века империя, несмотря на противодействие консервативной оппозиции, медленно двигалась по пути индустриализации. Однако внешний долг страны рос гораздо быстрее. Были построены первые железнодорожные линии и телеграф, но все эти проекты финансировались при помощи иностранных займов — попытка размещения внутреннего займа провалилась. Таким образом, проблемы в международных отношениях сопровождались ухудшением финансового положения империи.

В 1866 году Томас Уэйд, британский посланник в Пекине, указывал китайскому правительству на преимущества не только индустриальной модернизации, но и открытия дипломатических представительств за границей — чтобы «установить теплые отношения между правительствами». В результате по поручению принца Гуна в Европу была отправлена специальная комиссия. Ее с почетом принимали в нескольких европейских столицах, и по возвращении был составлен доклад, в котором подробно рассказывалось об обычаях Запада, о высоких зданиях, газовых фонарях, лифтах и машинах, но почти ничего не говорилось о политических институтах. Еще одна дипломатическая миссия отправилась за море в 1868 году, а возглавлял ее бывший американский посланник в Пекине, с помощью которого принц Гун хотел убедить Америку и Европу, чтобы те не форсировали перемены; в результате удалось завязать дружеские связи между политиками двух стран.

Увы, это был последний шанс для Востока и Запада добиться взаимопонимания и сотрудничества. Все усилия в этом направлении были сведены на нет антихристианским движением 70-х годов XIX века. В городе Тяньцзинь неподале-

ку от Пекина католический приют выплачивал деньги тем, кто приводил сирот, в результате чего участились случаи похищения детей. Это обстоятельство, а также высокая смертность детей (монахини стремились непременно крестить заболевших), вызвали недовольство местного населения, взбудораженного слухами о том, что в приюте несчастных сирот заколдовывают и убивают, их тела расчленяют, а глаза и сердца используют для изготовления снадобий. Официальная комиссия не обнаружила никаких нарушений, но у ворот приюта собралась толпа, и французский консул застрелил слугу одного из чиновников. Разъяренная толпа растерзала консула и его помощника, после чего сожгла приют и церковь. Этот инцидент вызвал напряженность в отношениях с другими странами, но французы, занятые войной с Германией, согласились замять дело, приняв предложение одного из влиятельных сановников: компенсация в полмиллиона долларов, казнь восемнадцати бунтовщиков и письмо с извинениями от императора.

Сановника звали Ли Хун-Чан, и его, наряду с принцем Гуном, считают самым выдающимся государственным деятелем Китая XIX века. Сыграв важную роль в подавлении восстаний тайпинов

и Ньен, он стал ведущим выразителем идеи «самоукрепления». Его пятидесятилетняя карьера достигла пика в 1896 году, когда во время триумфального путешествия по миру его принимали кайзер Вильгельм, Бисмарк, королева Виктория и президент Кливленд.

Иностранные дипломаты, которые, согласно мирным договорам, завершившим опиумные войны, поселились в Пекине в 1861 году, годами не могли добиться аудиенции у императора. Поначалу им отказывали под тем предлогом, что император еще мальчик, но после того как он достиг совершеннолетия и в 1873 году официально принял бразды правления — хотя и находился в полном подчинении у вдовствующей императрицы, — игнорировать требования послов стало невозможно. Длительные переговоры относительно соблюдения ритуалов привели к соглашению, что посланники иностранных держав не обязаны падать ниц перед императором, а могут просто поклониться. Их пригласили прибыть на аудиенцию в Павильон пурпурного света (хитрый ход традиционалистов, поскольку именно в этом помещении принимали иноземных послов, которые привозили дань) в 5:30 утра, но Сын Неба появился лишь в 9 часов, и раздражен-

ные послы Британии, Америки, Японии, России, Франции и Голландии получили наконец возможность вручить верительные грамоты. Этот эпизод послужил дурным предзнаменованием.

Вид города Тяньцзинь до 1900 г. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

В 1874 году лорд Солсбери, глава индийского департамента в кабинете Дизраэли, выдвинул идею создания комиссии, которая должна была оценить возможность проникнуть в Китай «с черного хода», соединив железной дорогой Бирму и провинцию Юньнань. Китай дал согласие, и молодой британский вице-консул по фамилии

Маргери отправился на границу с Бирмой встречать комиссию. Он пренебрег предупреждениями об опасности и был убит одной из бирманских банд, которые вели партизанскую войну против иностранцев. Не считаясь с международным правом, Британия потребовала компенсации. Когда посол Уэйд не получил от китайского правительства желаемого ответа, он перенес свое посольство из Пекина в Шанхай, и по стране тут же поползли слухи о войне. Чтобы избежать дипломатического разрыва, Китай согласился выплатить компенсацию семье убитого, открыть для иностранцев новые порты, а также пошел на другие уступки, в число которых входило письмо с извинениями от императора к королеве Виктории. Дипломат, прибывший в Лондон с этим письмом, в 1877 году основал первое посольство. Затем открылись дипломатические представительства в Париже, Берлине, Испании, Мадриде, Вашингтоне, Токио и Санкт-Петербурге. Китай присоединился к остальному миру.

Однако такой поворот событий не устраивал китайских ученых и консервативную аристократию. Они заявляли, что на протяжении всей истории Поднебесной именно китайская цивилизация ассимилировала варваров, а не наоборот,

что введение западных норм и установление дипломатических отношений с иностранцами — это позор, что служба дипломатов за границей подобна ссылке и что ни один добродетельный человек не согласится заниматься внешней политикой. Но независимо от их желания внешняя политика превращалась для Китая в вопрос жизни и смерти.

Промышленная революция привела к появлению великих держав с их имперскими амбициями, которые подпитывались национализмом и стремлением распространить евангельское учение — им требовались новообращенные и новые рынки. Такие события, как окончание гражданской войны в Америке, «реставрация Мэйдзи» в Японии, объединение Италии, объединение Германии и открытие Суэцкого канала (1869), расширили возможности для экспансии, которой способствовало и появление новых видов оружия. Китай с деградирующей династией Цин, в которой ведущую роль играла вдовствующая императрица Цыси, с разраставшейся коррупцией, с отсутствием реального прогресса на пути «самоукрепления», с огромными долгами и слабой армией выглядел большой созревшей сливой, которая ждала, чтобы ее сорвали. Единственным

препятствием к этому стало соперничество между великими державами, которые принялись захватывать приграничные области и зависимые от Китая государства.

Так, например. Япония предъявила претензии на острова Рюкю к северу от Тайваня (Формозы), подкрепив эти претензии вторжением на принадлежавший Китаю Тайвань. Когда китайцы обнаружили, что не могут защититься — их пушки, отлитые одним из собственных оружейных заводов, годились лишь для салютов и взрывались при использовании боевых снарядов, — они инициировали переговоры, которые закончились официальной передачей Японии островов Рюкю.

Примеру Японии последовала Россия. Во время мусульманского восстания в Синьцзяне (Китайском Туркестане) русские захватили северо-западную часть этой провинции, которая называлась Или — как и протекающая в этой местности река. В 1877 году восстание было подавлено, вслед за чем последовали четыре года переговоров, посредством которых Китай рассчитывал вернуть себе район Или. Это были непростые годы, поскольку Россия угрожала войной, демонстративно отправив эскадру из

тридцати трех военных кораблей к берегам Китая, и планировала нанести удар через Маньчжурию в направлении Пекина. Правительство Поднебесной обратилось за помощью к Чарльзу («Китайцу») Гордону, и тот настоял на переговорах вместо войны, за которую выступала одна из фракций императорского двора. Его аргументы оказались убедительнее, и Санкт-Петербургский договор 1881 года вернул Китаю большую часть Или. Однако Россия не отказалась от политики экспансионизма.

Следующей была Франция. Государство Вьетнам (китайцы называли его Аннам), правители которого были пылкими сторонниками конфуцианства, являлось данником Китая, но французы уже давно присутствовали в стране — через миссионеров-иезуитов. Вооруженная агрессия Франции вынудила вьетнамцев подписать договор (1874 год), согласно которому страна становилась французским протекторатом, а ее южная часть под названием Кохинхина передавалась Франции. Китай отказался признавать этот договор. Партия «ястребов» при дворе императора настаивала на войне, но по совету Ли Хун-Чана были начаты переговоры, которые длились десять лет и периодическими прерывались

франко-китайскими военными конфликтами, где удача сопутствовала то одной, то другой стороне. В конечном счете Ли Хун-Чан заключил с Францией соглашение, закреплявшее условия договора 1874 года.

Через год Бирма, еще один данник Китая, стала английским протекторатом, и бирманцам разрешили выплачивать дань Китаю один раз в десять лет. Вслед за этим начала самоутверждаться Япония, которой показалось мало островов Рюкю.

Приступив под влиянием Запада к ускоренной модернизации, Япония стремилась создать вокруг себя защитный кордон из захваченных территорий — крайности этой политики через много десятилетий привели к трагедии Хиросимы. Целью Японии стала Корея, крупнейший данник Китая. Это в значительной степени китаизированное царство уже привлекало внимание Франции и США, но французская эскадра, отправленная наказать убийц католических священников, получила отпор, а американцы, подвергшие обстрелу виновных в сожжении предпринимателя, безуспешно пытавшегося наладить торговые связи, тоже были вынуждены отступить. Японцы оказались более настойчивыми. Масштабной демонстрацией силы, в том

числе обстрелами из корабельных орудий, они добились ряда уступок, в число которых входило признание Кореи независимым государством. Императорский двор был вынужден согласиться на эти требования, что нашло отражение в Канхваском договоре 1876 года.

Однако междоусобная борьба в Корее, в которую были втянуты сторонники Китая и Японии, привела к убийству в Китае лидера прояпонской партии, тело которого отправили в Корею и расчленили — для устрашения изменников. Япония посчитала это оскорблением и послала в Корею войска. Усилия Ли Хун-Чана, который пытался убедить Россию и Британию вмешаться в конфликт, ни к чему не привели, как, впрочем, и призывы американцев к миру. 1 августа 1894 года, когда японцы потопили китайское судно с резервистами, в результате чего погибли 950 солдат, Китай и Япония объявили друг другу войну. За семь месяцев японские войска пересекли весь Корейский полуостров с юга на север и вторглись сначала в Маньчжурию, а затем на полуостров Шаньдун, разгромив китайскую сухопутную армию и флот. Японская военная машина, которой помогали английские и германские советники, оказалась слишком сильной, организованной

и хорошо вооруженной для слабеющей Поднебесной.

После самоубийства командующего китайским флотом и перед лицом прямой угрозы японского наступления на Пекин Ли Хун-Чан получил полномочия начать мирные переговоры. В Симоносеки, на японском острове Кюсю, он подписал мирный договор, согласно которому Китай признавал Корею независимым государством, не обязанным платить дань, соглашался на огромную контрибуцию, открывал свои порты для торговли с Японией и уступал Японии остров Тайвань. Кроме того, Китай отдавал Ляодунский полу остров, южную часть Маньчжурии, отделенную от Тяньцзиня водами залива. Эта уступка далась Пекину нелегко, но правительство все же подписало соглашение.

Предводитель японцев, поплевав на руки, захватывает остров Тайвань. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

В дальнейшем под давлением России, Франции и Германии Японии пришлось вернуть Ляодунский полуостров. Однако всего через два года Россия оккупировала Порт-Артур на самом краю полуострова, навязала Китаю договор о двадцатипятилетней аренде города и добилась разрешения строить железную дорогу в Маньчжурии. Свои действия Россия объясняла необходимостью защиты Китая от немцев, которые в ответ на убийство нескольких мисси-

онеров захватили область Цзяочжоу на севере провинции Шаньдун, после чего Германия взяла эту территорию в аренду на девяносто девять лет с правом строительства железных дорог на полуострове.

Британия, не желавшая отставать от других, захватила Гонконг, а также Кантон и Шанхай с широкой полосой земли между ними, получила в аренду на двадцать пять лет порт на северной оконечности полуострова Шаньдун и на девяносто девять лет Новые территории напротив Гонконга. Кроме того, Япония получила контроль над южным портом Амой, а Франция оформила 99-летнюю аренду залива Гуанчжоу к югу от Макао, а также права на обширную территорию, прилегающую к заливу. Китай уподобился лежащему дракону, от которого окружившие его хищники отщипывают кусочки плоти. Тем не менее иностранные державы интересовала не столько территория, сколько торговые концессии в пределах «сфер влияния».

Америка на первом этапе не участвовала в дележе, занятая войной с Испанией и революцией на Филиппинах, но после окончания этих конфликтов США приняли британские предложения относительно так называемой политики

«открытых дверей». Целью этого плана являлось сохранение системы открытых портов при уважении суверенитета и территориальной целостности Китая. Принятая в той или иной степени всеми великими державами, политика «открытых дверей» в сочетании с конкуренцией, характерной для расцвета империализма, несколько ослабила накал борьбы за концессии (которую часто называли разделом Китая).

Бьем японцев из пушек. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

Избежав разгрома, династия Цин продолжала править страной. В правительстве громко

звучали воинственные голоса тех, кто ратовал за энергичный отпор Западу и Японии, но их заставила умолкнуть последняя из череды выдающихся женщин в истории Китая — вдовствующая императрица Цыси. Реальная власть принадлежала ей уже на протяжении тридцати лет, и теперь императрица перешагнула шестидесятилетний рубеж. Она была одним из двух регентов во время краткого правления ее малолетнего сына Тун-чжи, **а** после восшествия на престол его преемника Гуансюя в 1881 году и после смерти своего напарника стала единственным регентом, а после официальной отставки в 1889 году, последовавшей за коронацией Гуансюя, продолжала определять политику государства.

Дочь маньчжурского аристократа, ростом всего около пяти футов, она сохранила свою красоту, благодаря которой в юности попала в императорский гарем. Императрица также не утратила присущего ей очарования и утонченных манер, хотя при необходимости умела быть жесткой и властной. Один из иностранцев описывал ее характер как «сложный, запутанный, обескураживающий, загадочный и несносный». На портретах ее изображали во всем величии — сидящей на троне в платье с роскошной вышивкой,

с паутиной из нитей жемчуга на плечах и груди, с девятидюймовыми ярко накрашенными ногтями и шляпкой, украшенной драгоценными камнями, среди которых выделялась большая императорская жемчужина.

Вечной жизни — десять тысяч лет. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Гуляния в пекинском парке Ихэюань на день рождения императрицы Цыси, сопровождаемые пожеланиями «вечной жизни — десять тысяч лет»

В Татарском городе (с севера примыкавшем к Китайскому городу) Пекина располагался Императорский город, а внутри него находился

Пурпурный, или Запретный, город, где жила вдовствующая императрица. За огромными воротами здесь прятались золоченые дворцы, павильоны, храмы и башни с пышными названиями — Ворота всемогущих духов, Башня драгоценного лунного света, Павильон сохранения гармонии, Палата вечной весны. Между ними были разбросаны дворики с ярко-красными колоннами, портики с мраморными ступенями и карнизами в виде драконов, веранды с лакированными ширмами, нависавшие над прудами с лотосом или клумбами, и просторные галереи, которые вели в пропахшие благовониями покои. Сюда не долетал дьявольский грохот фабрик, построенных по западному образцу, здесь не было слышно залпов морских орудий, не было видно работающих в поле крестьян — ничто из внешнего мира не могло проникнуть за тридцатифутовые стены Запретного города и нарушить уединение ее величества. Вместе с вдовствующей императрицей жил племянник, номинальный владелец украшенного драконами трона, его жена, наложницы и многочисленные принцессы со штатом евнухов, которые должны были быть китайцами, и служанок, обязательно маньчжурок. Загадочная, скрытая от посторонних глаз — только в послед-

ние несколько лет европейцам было позволено ее лицезреть — и окруженная таким ореолом святости, что критика Цыси была равносильна смерти, вдовствующая императрица правила огромной империей от имени послушного ее воле племянника.

Она была окружена коррумпированными евнухами, возродившееся влияние которых свидетельствовало о дальнейшем разложении правительства, и советниками, дававшими прямо противоположные рекомендации; в нации не было единства, поскольку в высших слоях общества усиливались антиманьчжурские настроения, а армия оставалась плохо организованной, оснащенной устаревшим вооружением и настолько необученной, что основными предметами на экзаменах по военной подготовке по-прежнему были стрельба из лука и фехтование. Вдовствующая императрица плохо представляла себе реальное состояние дел в стране. Например, несмотря на сложное финансовое положение страны, вынуждавшее правительство брать займы у России, Британии и Франции, Цыси тратила миллионы на строительство роскошного дворца в нескольких часах езды от Пекина.

Не стоит удивляться, что она не уделяла внима-

ния интеллектуальным дискуссиям, охватившим Китай в 90-е годы XIX века. Движение «самоукрепления» получило новый импульс благодаря унизительному поражению от японцев, которых привыкли презирать как варваров. У истоков этого процесса стояла группа молодых ученых из Кантона под руководством Кан Ю-вэя. Обладавший глубокими познаниями в области литературы, изучавший конфуцианство и буддизм Кан Ю-вэй адресовал правительству несколько докладных записок, настаивая на модернизации — по западному образцу — во всех сферах. Он предлагал сформировать сеть конфуцианских церквей по всей стране и заменить традиционную систему летосчисления — в соответствии с династией и девизом правящего императора — отсчетом лет со дня рождения Конфуция, а также ввести западные науки в список предметов для экзаменов. Более того, он выступал за конституционный образ правления и парламентский принцип формирования правительства, впервые выдвинув идею демократии. Тем не менее за его предложениями стояло присущее конфуцианству стремление к идеальному обществу, свободному от страдания, переполнившего мир, хотя в основе этого стремления лежало убеждение в необхо-

димости богатого и сильного государства для отражения угрозы — со стороны Запада — целостности нации и духу конфуцианства. Идеи Кан Ю-вэя, которые он пропагандировал при помощи лекций в основанной им академии, а также многочисленных публикаций, получили широкое распространение и пользовались успехом среди ученых и аристократов.

婦人坐
轎男
人走後
面跟
只好隣
狗外
洋風俗更
希奇
打躬怎
消幸！
壬光緒
甲午
仲秋嵩山
道人
寫

Жена едет в паланкине, а муж идет пешком. Карикатура на европейские нравы. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

Поражение от Японии убедило Кан Ю-вэя, что для введения конституционного образа правления недостаточно реформировать верхушку власти: необходимым условием является «развитие снизу». Вместе с единомышленниками, придерживавшимися реформаторских взглядов, он организовал «научные общества», сначала в Пекине, а затем по всей стране, для обучения и мобилизации дворянства. Кроме того, они использовали такой мощный инструмент пропаганды, как газеты — тех было основано не менее шестидесяти. Так, одна из них, выходившая в Шанхае, печатала яркие статьи одного из учеников Кан Ю-вэя, который утверждал, что технический прогресс может быть эффективен только при условии политических реформ, которые высвободят коллективный потенциал нации, а для этого необходимо в первую очередь избавиться от древнего монархического строя, чьей единственной целью является сохранение династии. Другой реформатор зашел так далеко,

что осмелился критиковать весь уклад жизни общества, в основе которого лежала конфуцианская доктрина «трех связей» — покорность подданных правителю, жены мужу, сына отцу — и которую он объявлял неправильной, порочной и репрессивной.

Такие радикальные идеи не принимались умеренными сторонниками реформ, число которых продолжало расти. Даже в крупных городах, где широко распространились либеральные взгляды, умеренные объединились с консерваторами для защиты, как они полагали, священных ценностей и устоев нации. Главной угрозой существующей династии считалось предложение о новом порядке летосчисления — со дня рождения Конфуция. Негативная реакция вылилась в преследовании радикалов, а также в почти полное запрещение «научных обществ» и газет. Однако в июне 1898 года произошло событие, встревожившее чиновников, — император пригласил Кан Ю-вэя на личную аудиенцию.

С 1889 года, после коронации восемнадцатилетнего императора Гуансюя, вдовствующая императрица официально перестала быть регентом, но по-прежнему не выпускала бразды правления из своих рук. Тем не менее причиной

усиливающихся разногласий с племянником стал его интерес к западным знаниям. В 1894 году, после трехлетнего курса обучения иностранным языкам у преподавателей-иностранцев, он стал изучать работы реформаторов, и когда через год вдовствующая императрица узнала, что император читает книги западных авторов, она запретила все занятия, за исключением традиционных китайских дисциплин. Однако его увлечение западными идеями продолжало беспокоить тетку, поскольку при дворе появились различные партии, и умеренные реформаторы яростно спорили с радикалами.

Последние воспрянули духом в 1897 году, когда в Пекин для возобновления пропаганды реформ приехал Кан Ю-вэй. В записках императору он предлагал принять конституцию и созвать национальную ассамблею, а также предпринять шаги по сосредоточению власти в руках императора и советников из числа реформаторов, чтобы ослабить влияние двора и чиновничества. После того как первая записка попала к императору, Гуансюй приказал принести ему все работы Кан Ю-вэя, а в июне 1898 года удостоил его личной аудиенции.

Беседа длилась несколько часов. Убеждая им-

ператора в необходимости глобальных институциональных перемен, Кан Ю-вэй говорил: «Через три года реформ Китай станет независимым. Затем страна будет каждый день двигаться вперед и превзойдет все другие государства по богатству и силе». Юный император так вдохновился реформаторскими идеями, что тут же объявил о начале «100 дней реформ». Императорские указы следовали один за другим — они позволяли энергично проводить реформы во всех областях, в промышленности, образовании и государственном устройстве. В них нашли отражение почти все идеи Кан Ю-вэя, за исключением принятия конституции и созыва национальной ассамблеи, однако император выражал готовность к диалогу даже по этим фундаментальным вопросам.

Чиновничество всполошилось. Эти указы не только отражали идеологию, чуждую традиционалистам, но также противоречили интересам и консерваторов, и умеренных: обновленная экзаменационная система, построенная по западному образцу, угрожала карьере большинства образованных людей, а упрощение государственного аппарата с устранением бюрократических каналов, реформа армии и назначение на государственные посты молодых реформаторов

ослабляли позиции многочисленного класса чиновников. Более того, программа реформ бросала вызов вдовствующей императрице и представляла опасность для ее евнухов.

Вдовствующая императрица не сидела сложа руки. Используя влияние своей партии при дворе, она потихоньку сосредоточивала власть, чему способствовало назначение ее доверенного лица на пост командующего армией на севере Китая. В сентябре 1898 года, когда император назначил молодых реформаторов в Государственный совет, она нанесла удар. 21 сентября произошел государственный переворот — император был отстранен от власти и помещен под домашний арест. Затем вдовствующая императрица уволила и арестовала многих сторонников Кан Ю-вэя. Шестеро реформаторов были казнены, один видный политик бежал из страны на японском военном корабле, а самому Кан Ю-вэю англичане помогли скрыться в Гонконге, а затем в Японии. Вдовствующая императрица в третий раз стала регентом, чтобы «давать указания правительству», и отменила все важные указы, изданные в период «100 дней реформ».

Иностранцы на охоте. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева

Она нанесла реформаторам смертельный удар, но ничего не могла поделать с последствиями их деятельности — с требованием перемен, которое выражалось через такое новое явление, как общественное мнение, и с появлением класса интеллигенции, отличавшегося от класса ученых-аристократов, которые всегда были опорой

династии. Тем не менее историческую сцену на время заняли новые, внушавшие страх фигуры.

В стране зрело недовольство обнищавших крестьян, усиленное наводнением 1898 года, когда Хуанхэ вышла из берегов, затопив сотни деревень, а также разразившейся в следующем году засухой. Поползли слухи, что причиной этих стихийных бедствий стали иностранцы, проповедовавшие свою религию и тем самым оскорбившие духов; кроме того, строительство железных дорог и добыча полезных ископаемых в горах нарушили гармонию человека и природы. Страх и ненависть по отношению к миссионерам и всем чужеземцам активно использовали приверженцы нового тайного культа, который стал наследником «Общества Белого лотоса» и в 90-х годах XIX века распространился в провинциях к северу от Янцзы. Это культ именовалось «Кулак во имя справедливости и согласия» (по ассоциации с гимнастикой, которой занимались члены общества), а поскольку в название общества входило слово «кулак», европейцы называли его членов «боксерами».

Пантеон легендарных и исторических фигур тайного общества отражал его националистический характер, а основу идеологии составляли

суеверия: «боксеры» верили, что при помощи магии — заклинаний, магических формул и ритуалов — они становятся неуязвимыми для пуль, обретают способность летать и получают помощь духов во время битвы. Испытывая фанатичную ненависть к иностранцам, они отвергали винтовки, предпочитая пользоваться мечами и копьями. Наконечники копий были красными — как и наголовные повязки, пояса, а также повязки на руках и щиколотках. Распущенные волосы и специальный шаг, которым они передвигались, производили устрашающее впечатление, усиливавшееся варварским поведением во время многочисленных мятежей, направленных против миссионеров и китайских христиан и сопровождавшихся массовыми убийствами и казнями. «Боксеры» также уничтожали железные дороги и телеграфные линии — символы присутствия ненавистных иностранцев.

Одна из групп «боксеров» называлась «Обществом Большого меча», и когда слухи об их необыкновенных возможностях достигли вдовствующей императрицы, она приказала привести к себе лидеров общества. Им удалось покорить императрицу, и с тех пор «боксеров» поддерживали армия и правительство. Стареющий сановник

Ли Хун-Чан, уволенный с поста генерал-губернатора Кантона, выступил против вдовствующей императрицы и вместе с губернаторами южных и юго-восточных провинций страны умолял ее изменить отношение к «боксерам». Их просьба осталась без ответа, и эти китайские провинции не приняли участия в последующих событиях.

Угроза со стороны «боксеров» настолько встревожила западных дипломатов, что они вызвали для охраны посольств несколько сотен матросов иностранных флотов, стоявших на якоре в порту Дагу, обслуживавшем Тяньцзинь и Пекин. 3 июня 1900 года «боксеры» перерезали железнодорожную ветку между Тяньцзинем и Пекином, и британский посланник, обеспокоенный безопасностью иностранцев в Пекине, обратился за помощью к адмиралу Сеймуру, командующему британским флотом на рейде Дагу. Через неделю Сеймур выслал подкрепление из тысячи матросов, но на полпути отряд был остановлен «боксерами» и с боями едва-едва вернулся в Тяньцзинь.

«Боксеры» ворвались в Пекин, сжигая церкви и дома иностранцев, расправляясь с принявшими христианство соотечественниками. Они убили секретаря японского посольства, затем немец-

кого посланника, извлекли из могил тела давно умерших миссионеров и надругались над ними, атаковали территории иностранных посольств. Безумие, похоже, заразило и вдовствующую императрицу — поверив слухам о победе «боксеров» над иностранными войсками под Тяньцзинем, она решила, что пришла пора избавиться от всех чужеземцев, и 21 июня объявила войну иностранным державам. Банды «боксеров», получившие оружие из правительственных арсеналов, и присоединившиеся к ним регулярные войска атаковали зарубежные посольства в столице империи.

На территории Татарского города вблизи ворот Императорского города (они назывались Воротами небесного спокойствия) на площади около одной квадратной мили располагались более десяти посольств. Самой крупной территорией, примыкавшей к академии Ханьлинь, владело английское посольство: внутри находился дом посла, архив, квартиры персонала, студентов и слуг, театр, часовня, колокольня, арсенал, конюшни, дорожки для боулинга, площадка для игры в мяч и, самое главное, колодцы с питьевой водой. Рядом располагались русское, американское, испанское, японское, французское и

немецкое посольства, а чуть поодаль — австрийское, итальянское и бельгийское. Под охраной 450 человек в них находились 475 европейцев, мужчин, женщин и детей (в том числе дипломаты и миссионеры с семьями) и 2300 китайских христиан. Они оказывали упорное сопротивление нападавшим. Атаки, начавшиеся 20 июня в 4 часа утра, усиливались с каждым днем — обстрел из ружей и пушек сопровождался поджогами близлежащих зданий и попытками заложить мины под стены посольств.

Известия об осаде посольского квартала дошли до Британии в разгар англо-бурской войны и всего через месяц после того, как с трудом удалось снять осаду крепости Мафекинг. Правительство отреагировало немедленно и вместе с другими заинтересованными государствами направило войска к китайскому побережью в район Дагу. К концу июля сформировался двадцатитысячный корпус из британцев, американцев, японцев, французов, австрийцев и итальянцев, и 4 августа началось наступление на Пекин. Союзные войска одержали три решительные победы и через десять дней вступили в китайскую столицу. Посольства были почти полностью разрушены, а сотни их защитников убиты или ранены: при-

ходилось сражаться под почти непрерывным градом пуль и снарядов среди дыма от горевших зданий. Мужчины занимали позиции на стенах и баррикадах, отбивая беспрерывные волны атакующих, а женщины дни и ночи напролет шили мешки для песка, ухаживали за ранеными и готовили еду, причем в пищу уже шли собаки и мулы.

Через день после того как союзники вошли в Пекин, вдовствующая императрица бежала из города. С ней был возмущенный император, любимую наложницу которого она приказала бросить в колодец, и небольшая свита. Нелегкое путешествие заняло два месяца. Их путь пролегал на юго-запад от Пекина через земли, кишевшие беженцами, взбунтовавшимися солдатами и бывшими «боксерами», и через высокие горы в столицу империи Тан город Сиань, где и обосновался двор. В полуразрушенном Пекине, улицы которого были завалены трупами людей и лошадей, иностранные войска устроили настоящую оргию. Время «боксеров», некогда владевших сорока пятью городами, в которых они убили тридцать тысяч христиан и более двухсот миссионеров, подошло к концу. Никакая магия не могла защитить их от пуль.

Союзники, которые официально не отреагировали на объявление Китаем войны, теперь долго и упорно торговались из-за условий мира. Переговоры от имени Китая вел престарелый Ли Хун-Чан, весь седой и наполовину парализованный, и в сентябре 1901 года, за несколько месяцев до смерти, он подписал «Заключительный протокол». Немецкое правительство настаивало на драконовских условиях, в том числе на разрушении Пекина — чтобы, как выразился кайзер, «впредь ни один китаец не осмелился косо посмотреть на немца». Договор, естественно, не заходил так далеко, но условия его были достаточно тяжелыми для Китая: казнь или пожизненное заключение более чем сотни руководителей «боксерского» движения и сочувствовавших им министров, контрибуции в размере шестидесяти семи миллионов фунтов стерлингов[11] (с рассрочкой на тридцать девять лет под четыре процента годовых), официальные извинения Японии и Германии, двухгодичный запрет на ввоз оружия и боеприпасов, размещение иностранных войск на территории от Пекина до побережья. В то же время двухсоттысячная

[11] Примечания: 11
Со временем большую часть долга списали.

русская армия под предлогом наведения порядка оккупировала Маньчжурию.

На такой печальной ноте началось для Поднебесной Империи новое тысячелетие. Тем не менее надежды на лучшее будущее не исчезли — они были связаны с реформаторским движением, не угасавшим все эти неспокойные годы.

эпилог. Двадцатый век

В 1902 году, после полуторагодичного отсутствия, в Пекин вернулась вдовствующая императрица Цыси — она въехала в столицу на троне, украшенном перьями павлина. Ее нрав смягчился: тяготы добровольной ссылки, а также соприкосновение с бедностью, нищетой и нуждой, столь хорошо знакомыми многим из ее подданных, вырвали императрицу из кокона и заставили взглянуть в лицо действительности. Она была вынуждена объявить о программе реформ, включавшей сокращение раздутого и коррумпированного бюрократического аппарата, поощрение торговли, реорганизацию армии и коренное изменение системы образования, которое становилось доступным и для девочек. Государство, однако, было почти банкротом, и несмотря на повышение налогов, вызвавшее новую волну недовольства, в казне не хватало денег для реализации программы реформ.

Но самое главное, что после возвращение в Китай комиссии, изучавшей конституционный образ правления в Европе, Америке и Японии, им-

ператор с благословения своей тетушки объявил о начале подготовительного периода, который через девять лет должен был завершиться принятием конституции. В результате реформы уголовного кодекса были отменены такие варварские обычаи, как смертная казнь разрезанием на части, публичная демонстрация отрубленных голов, обезглавливание трупов и клеймение; под запрет попали коллективная ответственность и пытки, а порка бамбуковыми палками заменялась штрафом.

Тем временем попытки России оккупировать Маньчжурию встревожили Японию, и между двумя странами началась война (1904–1905 гг.). Япония вышла победителем и заняла достойное место среди великих держав. Это событие усилило приток китайских студентов в Японию. Вскоре численность китайской студенческой общины здесь превысила тридцать тысяч человек — гораздо дешевле и проще было постигать западные премудрости в Японии, где многие европейские книги уже были переведены на японский язык. В 1906 году Китай решился на важный шаг, отменив просуществовавшую 1300 лет экзаменационную систему, после чего кандидатов на гражданскую и военную службу стали отбирать среди выпускни-

ков новых государственных школ и иностранных учебных заведений, особенно японских.

Япония начала играть определяющую роль в политике Китая, и это влияние сохранялось на протяжении многих лет. Ее собственное стремление к введению западных идеалов и норм в значительной степени обусловливалось примером Китая, технологическая отсталость которого не позволила соперничать с Западом, а условия для развития страны обеспечила «реставрация Мэйдзи». Таким образом, Япония всецело поддерживала китайские реформы — не в последнюю очередь потому, что сильный Китай играл бы роль противовеса агрессивной политике европейских держав на Дальнем Востоке. На мировоззрение студентов влияли и радикалы, бежавшие из страны после дворцового переворота, завершившего период «100 дней реформ»: они раздували антиманьчжурские настроения и выступали в поддержку реформ в целом и конституционной реформы в частности. Многие японские либералы также поощряли молодых людей, которые, кроме всего прочего, впитывали дух национализма и патриотизма. По мере того как набирало силу революционное движение в России, его пропаганда также завладевала умами

молодежи, получавшей образование в Японии.

Китайское правительство знало о потенциальной угрозе, исходившей от китайских студентов в Японии, и пыталось принять профилактические меры, но пользы от них было мало. Столь же безуспешными оказались попытки погасить как мелкие искры революции, вспыхивавшие по всему Китаю, так и крупный пожар, раздуваемый выдающимся политическим деятелем, христианином и врачом по образованию, которого звали Сунь Ят-сен. Он родился в 1866 году в окрестностях Макао, получил образование в Ханое и Гонконге и в двадцатилетием возрасте под влиянием заграничной жизни и реформаторских идей заразился идеями революции. Не добившись встречи с Ли Хун-Чаном, он в 1894 году основал в Ханое первую революционную организацию в современном Китае, «Общество возрождения Китая». Организация поддерживала связи с многочисленными тайными обществами в Китае, и поначалу ее членами были в основном бедняки, но после победы Японии над Россией в общество стали вступать дворяне и торговцы. Сунь Ят-сена поддерживали также миссионеры и принявшие христианство китайцы, но ему все равно приходилось постоянно искать новых

сторонников и источники финансирования.

Восстание, поднятое им в 1895 году в Кантоне, окончилось неудачей, и он бежал за границу, чтобы продолжать пропаганду революционных идей. Странный инцидент произошел с ним во время пребывания в Лондоне в 1896 году. По неизвестной причине он явился в китайское посольство, где его схватили, чтобы отправить в Китай — на верную смерть. Но тут вмешались два англичанина, у которых учился Сунь Ят-сен, и после двенадцатидневного заключения он вышел на свободу; эта история наделала много шума и принесла молодому китайскому революционеру международную известность. Он тут же опубликовал в прессе письмо, в котором благодарил англичан, восхваляя «благородство британского общества и любовь к справедливости, которая отличает этот народ». Он писал, что в полной мере ощутил, что значит конституционный образ правления и просвещенный народ, и теперь будет еще активнее бороться за прогресс, образование и цивилизацию в его любимой, но угнетенной стране. После нескольких месяцев занятий в Британском музее он отправился в Японию через Канаду, где собирал средства у китайских эмигрантов. Его книга «Похищенный

в Лондоне», пользовавшаяся огромным успехом, много лет была под запретом в Китае.

В Токио он развил активную деятельность среди китайских радикалов и их японских сторонников и в 1900 году решил, что созрели условия для еще одного восстания в Кантоне, которое оказалось таким же неудачным, как и предыдущее. Сунь Ят-сен вновь бежал в Японию и в 1905 году основал китайскую революционную организацию «Объединенный союз», попытавшись объединить многочисленные революционные группы, в основном студенческие, которые были разбросаны по всей стране. Его последователи выступали за свержение маньчжурской династии и установление республиканского строя, а также были убежденными сторонниками реформ. Первые годы XX века были отмечены многочисленными восстаниями; все они потерпели неудачу, но неумолимо приближали закат династии Цин, будущее которой выглядело еще туманнее в свете того, что идеи реформаторов проникли и в армию.

В 1907 году с вдовствующей императрицей случился удар, после чего у нее отнялась правая половина лица. Тем не менее она продолжала унижать императора, который фактически оста-

вался пленником, — окружила его надменными евнухами и пропустила его покои, когда во дворце проводили электричество. В 1908 году после десяти лет страданий император заболел, и эта болезнь оказалась смертельной. Он отказался надевать «одежды долголетия», в которые по традиции должен был облачаться Сын Неба, и проклял Цыси. Страдавшая от дизентерии вдовствующая императрица вместе с женой и любимой наложницей императора присутствовала при его кончине, которая наступила в час петуха (5–7 часов пополудни) 14 ноября 1908 года. На следующий день в час козы (1–3 часа пополудни) умерла и сама вдовствующая императрица Цыси.

中華大漢民國月份牌
新
和
武
大
胞
同
民國軍
孫文
民主統領
黎元洪
民主副帝
皇帝
徐武英
袁世凱
西曆壹千九百十二年至十三年
黃帝紀元四千六百另十年壬子
一心
天
英國大將
徐紹楨
黃興
俄國
大元帥

Календарь Китайской республики. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Слева вверху изображен Сунь Ят-сен, в центре император Пу Я, внизу немецкий и английский генералы (слева) и русский генерал (на коне справа). Календарь напечатан после революции 1912 г.

Придворный астролог, с которым она всегда советовалась, определил время погребения. Пышная похоронная процессия отправилась из столицы к Восточным гробницам: сановники в белых траурных одеждах, буддийские священники и ламы в шафрановых накидках и с прическами хохолком, тысячи евнухов и музыкантов, траурная музыка, далай-лама и другие знатные лица с цветами и под зонтиками, верблюды и верховые со знаменами. Завидев процессию, люди сжигали бумажные фигурки, деньги, еду и одежду, чтобы привлечь духов в величественный мавзолей, построенный по указанию усопшей в соответствии с законами геомантии. Со смертью вдовствующей императрицы фактически закончилась эпоха династии Цин. (Два десятилетия спустя бандиты взорвали мавзолей и проникли в подземелье, чтобы ограбить саркофаг. Они осквернили труп

императрицы, сорвав с него одежды и перевернув на бок. Так была обесчещена вдовствующая императрица Цыси, последний символ величия династии.)

Еще более важным делом, чем государственные похороны, стали первые шаги к введению конституционного образа правления — выборы провинциальных ассамблей. Эти органы, в которые попали преимущественно дворяне, выполняли консультативную функцию при губернаторе провинции. В том же году началось формирование Национальной ассамблеи, которая собралась на первое заседание в следующем году. Это был тоже исключительно консультативный орган, и в его состав по указу императора назначались члены провинциальных ассамблей. Появилась и система ассамблей на местах. Ни один из этих новых органов не имел реальной власти, но они могли стать предшественниками демократии и парламентаризма, которые со временем обязательно развились бы в Китае. Однако в этот процесс вмешались другие события.

Вдовствующая императрица Цыси перед смертью (на следующий день после смерти императора) назначила новым Сыном Неба своего племянника Пу И (девиз его правления Суань-

тун). Ему было всего три года, и поэтому регентом стал его отец, слабый и безвольный человек; вдовствующей императрицей называли теперь вдову умершего императора. Большинство придворных принадлежали к маньчжурскому клану, а правительство пыталось удержать в руках разваливающуюся империю. Ассамблеи, где постоянно сталкивались противоборствующие фракции, вызывали нервозность министров, которые были не в состоянии помешать процессу усиления губернаторов провинций, — на самом деле задача увеличения доходов казны требовала предоставления губернаторам больших полномочий. Многие стали поговаривать о независимости.

На рубеже 1909 и 1910 годов реформаторское движение — теперь его правильнее называть революционным — получило новый импульс. Оно развивалось параллельно со спорадическими восстаниями на местах. Деятельность революционеров всех мастей, а также непоследовательность руководителей провинций и уездов создавала атмосферу нестабильности по стране. Сами революционеры делились на тех, кто хотел избавиться от маньчжуров и маньчжурского императора, и тех, кто требовал конституционных

изменений и введения по примеру Японии парламентской системы при правящем императоре. Многие активисты революционного движения на местном и национальном уровне поддерживали Сунь Ят-сена и его «Объединенный союз», выражавший первую точку зрения, тогда как более радикальные элементы объединились вокруг другой фигуры, влиятельного военачальника с севера страны. Его звали Юань Шикай, и он командовал армией Китая — именно в его руках находилась судьба маньчжурской династии. Его представители встретились в Шанхае с представителями Сунь Ят-сена, чтобы выработать единую политику.

В конце года накалилась обстановка в провинции Сычуань — после того, как правительство объявило о намерении прибегнуть к иностранным займам, а также о планах национализации железных дорог, принадлежавших частным компаниям. Условия займов были выгодны для алчного Запада, а размер компенсаций за железнодорожные компании привел в ярость держателей акций, в основном студентов, дворян и торговцев. Пекин не проконсультировался по этим вопросам ни с Национальной, ни с провинциальными ассамблеями, а также отмахнулся от

всех протестов. Когда люди, вложившие средства в железные дороги, отказались платить налог, а ассамблея провинции Сычуань потребовала для себя законодательных прав, лояльный трону генерал-губернатор арестовал организаторов протеста. Возмущение охватило всю провинцию. Разные революционные группы, поддержанные «Объединенным союзом», приступили к активным действиям, но их оттеснили на второй план разгневанные крестьяне, члены тайных обществ и просто бандиты, которые уничтожали полицейские участки и налоговые инспекции, открывали ворота тюрем, грабили склады и обрезали телеграфные линии. Правительственные войска, ослабленные революционными идеями, не могли противостоять стотысячной разъяренной толпе.

Пламя восстания в Сычуани полыхало уже насколько недель, когда в соседней провинции Хубэй произошли события, положившие начало китайской революции. В ночь с 10 на 11 октября 1911 года к небольшому отряду революционно настроенных солдат присоединились тысячи их товарищей, и после ожесточенного боя мятежники захватили власть в городе Учань. Затем революционеры сформировали военное

правительство провинции Хубэй и объявили о создании республики. За последующие семь недель были уничтожены почти все гарнизоны правительственных войск в пятнадцати провинциях, и эти провинции, к руководству в которых пришли «Объединенный союз» и военные, объявили о своей независимости.

Вскоре после восстания в Учане двор, напуганный таким поворотом событий, вручил свою судьбу генералу Юань Шикаю, который занял должность премьер-министра. Его приверженность конституционной реформе ставилась под сомнение переговорами с революционерами, твердо настаивавшими на введении республиканского строя правления, за который выступали также великие державы во главе с Великобританией, пристально наблюдавшие за событиями в Китае.

Страну охватил самый глубокий за всю ее историю политический кризис. По всему Китаю бушевало пламя революции. Города и уезды объявляли о своей независимости раньше провинций, руководство на местах и в провинциях постоянно менялось — армейские офицеры, руководители ассамблей, бывшие правительственные чиновники, дворяне, торговцы, лидеры

тайных обществ и члены «Объединенного союза» сталкивались с одной и той же проблемой наведения порядка. Во главе большинства провинций стоял военный губернатор, действовавший совместно с провинциальной ассамблеей и выражавший ее интересы. В отличие от революции в России, до которой оставалось лишь несколько лет, в Китае главенствовала не идеология, а желание избавиться от маньчжуров. Основной задачей революционеров было определить форму республиканского правления, хотя идея конституционной монархии тоже имела своих сторонников. Старый порядок был уничтожен практически полностью, и на его развалинах возникал новый Китай.

Примерно через десять недель после восстания в Учане, в декабре 1911 года, доктор Сунь Ят-сен наконец приблизился к осуществлению своей мечты. Он двадцать лет упорно работал, путешествуя по миру в поисках средств и поддержки своих идей, поднял десять неудачных восстаний, а его «Объединенный союз» обладал лишь ограниченным влиянием, но теперь при помощи революционеров из Нанкина он объявил о создании временного правительства Китайской республики, а сам вступил в должность

президента. Сунь Ят-сен понимал, что с падением династии Цин он уступит место Юань Шикаю, который объявил в Пекине, что положение династии непрочно и что она больше не может рассчитывать на поддержку армии.

12 февраля 1912 года нелегкие переговоры закончились заявлением от имени императора, который, подчиняясь «воле провидения и народа», отрекся от престола. На смену монархии пришла республика. В Нанкине Сунь Ят-сен подал в отставку и рекомендовал на должность президента Юань Шикая. Юань Шикай был официально избран в октябре 1912 года, и иностранные государства признали новую власть.

Мандат Неба, которым императорский дом владел на протяжении двух тысячелетий, был отозван, и могущественная династия, правившая страной почти триста лет, быстро и тихо ушла в небытие. Малолетнему императору вместе с семьей разрешили жить в Запретном городе, а в 1917 году, в результате странного стечения обстоятельств, ему на целых восемь дней даже вернули трон. В 1924 году в возрасте восемнадцати лет Пу И выселили из дворца; впоследствии он был марионеточным правителем в оккупированной японцами Маньчжурии, а закончил свою

жизнь простым рабочим в Китайской Народной республике. Пу И умер в 1967 году.

Вернемся, однако, в Пекин, в насыщенный событиями 1912 год. Генерал Юань Шикай был способным, но вероломным человеком. В период «100 дней реформ» император Гу-аньсюй, понимая, что вступает в опасное противоборство с теткой, советовался с Юань Шикаем, но тот, делая вид, что помогает, информировал вдовствующую императрицу о планах юного императора и тем самым помог ей совершить дворцовый переворот. После смерти вдовствующей императрицы предатель был отправлен на север якобы «для лечения больной ноги», но после восстания в Учане, когда революция подступила к самой столице, двор запаниковал и в отчаянии вновь обратился за помощью к генералу. Поначалу Юань Шикай ответил, что его «нога не совсем зажила», но вскоре вернулся в Пекин — на этот раз на должность премьер-министра. Однако вместо того чтобы использовать свое высокое положение и влияние в армии для защиты династии, он стал искусно подготавливать ее свержение, очищая себе путь к президентству. Но и этого ему было мало — после успешного государственного переворота он поставил перед собой еще более высокую цель.

Не все были довольны избранием Юань Шикая на пост президента: восстания следовали одно за другим, а армии пришлось усмирять Кантон, который попытался отделиться от Китая. Возникли проблемы и в отношениях с другими странами. Тибет стремился добиться независимости от Китая, и его поддерживала Великобритания, поплатившаяся бойкотом ее товаров. (Вопрос статуса Тибета оставался неразрешенным вплоть до 50-х годов XX века, когда страна была захвачена коммунистическим Китаем. Попытки построить там общество по образцу китайского стали причиной восстания 1959 года; восстание было подавлено, далай-лама бежал в Индию, и с тех пор китайцы считают Тибет своей территорией.) Непростыми были отношения с Россией, которая претендовала на Внешнюю Монголию; Юань Шикай подписал соглашение — тайное, чтобы избежать народного гнева, — согласно которому эта территория отходила к России, тогда как Внутренняя Монголия оставалась в составе Китая. Но самая серьезная опасность по-прежнему исходила от Японии, которая не оставляла попыток проникнуть в Маньчжурию, а в 1914 году, после начала Первой мировой войны, захватила территории на полуострове Шаньдун, которыми

на правах аренды владела Германия. В следующем году Япония предъявила Китаю знаменитый ультиматум — «21 требование», в числе которых были предоставление прав на разработку полезных ископаемых и использование железнодорожной сети на Шаньдунском полуострове, а также передача в аренду всей Маньчжурии.

Правительство Юань Шикая согласилось почти на все требования Японии. Пекинские студенты были в ярости, но президента занимали другие проблемы. Он желал стать императором и основать новую династию, причем ему удалось получить на это согласие Национальной ассамблеи. Но осуществлению его планов помешало Небо — в июне 1916 года он внезапно умер, так и не успев вступить на престол.

Правительство быстро разваливалось. Провинции объявляли о своей независимости. Страны Антанты, втянутые в войну с немцами, вынудили Пекин объявить войну Германии, но никаких практических последствий этот шаг не имел. Власть продолжала выскальзывать из рук правительства; определенные силы даже предприняли попытку восстановить династию Цин, но военные отправили на Пекин самолет, сбросивший две бомбы, и за восемь дней мятеж был подавлен.

Север Китая находился под властью генералов, а на юге сторонники Сунь Ят-сена сформировали оппозиционное правительство. Все это время Япония оказывала финансовую помощь военным и мятежникам.

Таким было положение в стране, когда в 1919 году в Париже собралась мирная конференция по Китаю. Принятое решение закрепляло права, которые Юань Шикай втайне предоставил японцам после изгнания Германии из арендованных районов Шаньдунского полуострова в 1914 году. Ненависть к японцам, вызванная «21 требованием», вспыхнула с новой силой, когда известия о соглашательстве Юань Шикая и решениях мирной конференции достигли Пекина. Днем 4 мая 1919 года три тысячи студентов собрались на митинг протеста у Ворот небесного спокойствия (то есть на современной площади Тяньаньмэнь). Мирные намерения уступили место насилию — студенты избили прояпонски настроенного чиновника и сожгли дом одного из министров. Правительство арестовало несколько сотен студентов, что вызвало всплеск возмущения по всей стране. Студенческие волнения охватили более двухсот городов; в Шанхае торговцы на неделю закрыли свои лавки, а рабочие сорока фабрик объ-

явили забастовку. Столкнувшись с зарождением студенческого движения, в котором участвовали женщины и которое пользовалось поддержкой широких слоев населения — это было абсолютно новое проявление национализма, — пекинские власти пошли на попятную, освободив из тюрем 1150 студентов. День 4 мая стал легендарным. Само по себе это событие не имело серьезных последствий, но оно дало название целой эпохе в интеллектуальной, культурной и политической жизни Китая, для которой характерен разрыв с привычками, идеями и убеждениями прошлого.

Лидер южных провинций Сунь Ят-сен получил звание генералиссимуса, а его партия снова сменила название на Гоминьдан (буквально — национальная партия); ее сторонников часто называли националистами. Одновременно с этим при поддержке Советской России сформировалась коммунистическая партия — 1 июля 1921 года около десяти китайцев и два агента Коминтерна собрались в одной из школ французского района Шанхая и объявили о ее создании. Делегаты придерживались разных точек зрения относительно того, какой должна быть коммунистическая революция в Китае, пролетарской или крестьянской, но, поскольку

ку в Шанхае не было крестьян, победила идея пролетарской революции. В этот период партия Гоминьдан сотрудничала с коммунистами, которые присутствовали и в ее рядах — двое русских коммунистов были советниками Сунь Ят-сена при составлении устава партии, а еще сорок человек помогали в создании армии южного Китая, которой командовал верный помощник и зять Сунь Ят-сена, харизматичный и талантливый генерал Чан Кай-ши.

Сам «отец революции» Сунь Ят-сен умер в 1925 году в Пекине, куда он отправился в тщетной попытке достичь соглашения между партией Гоминьдан и генералами с севера страны. В этот период на юге Китая были сильны антианглийские настроения, а расстрел британскими солдатами безоружной толпы в Шанхае привел к бойкоту английских товаров, в результате чего Англия понесла серьезные убытки, а Япония установила контроль над поставками товаров на восточное побережье, что поставило китайскую экономику в еще большую зависимость от Японии.

В 1926 году на втором конгрессе Гоминьдана, проходившем в Кантоне, безусловным лидером партии стал Чан Кай-ши. Перед ним стояла непро-

стая задача объединить четырехсотмиллионную нацию, девяносто пять процентов которой составляли крестьяне, грамотных было менее двадцати миллионов, причем центральное правительство в Пекине не обладало реальной властью, а провинции воевали друг с другом. Чан Кай-ши повел армию — сформированную в окрестностях Кантона, модернизированную и обученную при помощи немецких военных специалистов — на север. Посредством дипломатии и военной силы он подчинил себе всех оппозиционных вождей. Достигнув Янцзы, он перенес столицу в Ханькоу. За ним стояли огромные массы людей, выступивших в поддержку Гоминьдана и коммунистов, которые привлекали крестьян обещаниями раздать землю, конфисковать крупные поместья, снизить налоги и унизить бывших землевладельцев, заставив их носить остроконечные шутовские колпаки.

Гоминьдан был партией среднего класса с социалистической, а не коммунистической окраской, поскольку Чан Кай-ши испытывал глубокое недоверие к коммунизму. Захватив Шанхай, он повернул оружие против бывших союзников. Он уволил или казнил русских советников, убил тысячи коммунистов, вознамерившись уничтожить

их всех, чем посеял семена будущей гражданской войны. Избежавшие смерти коммунисты рассеялись по всей стране, особенно по провинции Цзянси, где число их сторонников стремительно росло. Что касается самого Чан Кай-ши, то он, имея в своем распоряжении финансовые ресурсы банкирских домов Большого Шанхая (с ними была связана его жена) и доступ к иностранному капиталу, мог хорошо платить военным и сформировать эффективное правительство, которое теперь обосновалось в Нанкине и опиралось на поддержку небольшой, но хорошо обученной армии.

Все последующие годы, отмеченные разрухой, беззакониями и страданиями миллионов людей, Чан Кай-ши преследовал цель объединения страны. Он сражался, плел интриги, маневрировал и использовал подкуп, чтобы подчинить себе мятежных генералов. Одновременно его партия вела охоту на коммунистов, которые перед лицом постоянных атак гоминьдановской армии в октябре 1934 года приняли важное решение. Девяносто тысяч человек покинули Цзянси и выступили в «великий поход», направляясь на север Китая через западные районы страны. Впереди их ждали два года лишений, жестоких боев среди

гор и болот, холод и голод, отсутствие медикаментов, бомбардировки, нападения враждебных племен. Потеряв пятьдесят тысяч человек, они остановились в городе Яньань, расположенном в северной провинции Шэнси. Здесь лидером коммунистов стал Мао Цзэ-дун — третий человек (после Сунь Ят-сена и Чан Кай-ши), оказавший решающее влияние на судьбы китайского народа в XX веке.

Мао Цзэ-дун родился в 1893 году в окрестностях города Чанша, столицы провинции Хунань. Он был старшим из трех выживших детей (всего их было семь) в семье и с шести лет работал на земельном наделе отца площадью в три акра; поступив в деревенскую школу, Мао в свободное время продолжал помогать отцу. При поддержке отца мальчик научился считать на счетах, что могло пригодиться при ведении бухгалтерии, а в восемнадцать лет отец женил сына, но жена Мао умерла в возрасте двадцати одного года. Мао посещал разные школы и какое-то время занимался в библиотеке, делая перерыв лишь для того, чтобы съесть две рисовые лепешки; в семнадцать лет он прошел тридцать миль, чтобы поступить в новую школу. Мао читал запоем — сначала исторические романы, затем класси-

ку, а затем произведения европейских авторов — и сочинял стихи. Когда в провинции Хунань случился голод, бедняки стали отбирать запасы риса у более зажиточных крестьян, в том числе у его отца, и после этого Мао заинтересовался политикой. Книги познакомили его с великими людьми, такими как Наполеон, Екатерина Великая, Веллингтон, Гладстон, Руссо и Монтескье, но наибольшее впечатление на него произвел Вашингтон, который «после восьмилетней тяжелой войны одержал победу и создал свою нацию». Юноша был неутомимым путешественником и великолепным пловцом. В 1911 году Мао, прочтя в газете о революции и восстании Сунь Ят-сена в Кантоне, заразился революционными идеями и, подобно многим современникам, отрезал косичку в знак презрения к маньчжурам. Недолго прослужив в республиканской армии, он в двадцать четыре года получил диплом педагогического училища. Затем он вместе с тремя другими студентами снимал три комнаты на одной из узких улочек в бедном квартале Пекина и некоторое время работал в университетской библиотеке. В этот период он увлекся марксистской литературой. По возвращении в Чанша он сначала преподавал историю в школе, а затем открыл

книжную лавку, дела которой шли довольно успешно. Он присутствовал на первом съезде коммунистической партии и стал ее активистом, вербуя новых членов и организуя забастовки. Мао участвовал в северном походе Гоминьдана, но отсутствовал в Шанхае, когда Чан Кай-ши повернул оружие против бывших союзников. Затем он начал формировать крестьянскую армию, которая базировалась в горной местности между провинциями Хунань и Цзянси. Именно здесь он присоединился к «великому походу», а по его завершении поселился в пещере, где у него родился ребенок, — всего у Мао было десять детей от трех женщин, но выжили лишь четверо.

Усилия Чан Кай-ши по объединению страны и уничтожению коммунистов были полностью нейтрализованы катастрофическими событиями, начавшимися в 1937 году. Угроза со стороны Японии, вынашивающей агрессивные планы, никуда не исчезла. В 1928 году японские войска нанесли поражение доблестной, но неопытной армии Чан Кай-ши, через несколько лет окончательно подчинили Маньчжурию, на территории которой образовалось марионеточное государство Маньчжоу-Го, и вплотную приблизились к Пекину.

Тридцатые годы XX века стали судьбоносными для мира — на Европу надвигалась тень нацизма. Политика Запада состояла в том, чтобы столкнуть Японию и Китай, а японцы стремились выбраться из изоляции, в которой они оказались после заключения союза с Германией и Италией (в 1936 году). Япония хотела создать «Великую Восточную Азию», которая служила бы источником сырья и рынком сбыта, преодолеть Великую депрессию, начать завоевание мира, а если Запад будет оказывать сопротивление, то обеспечить жизненное пространство для стремительно растущего населения и создать «санитарный кордон» вокруг России. Началом осуществления этих грандиозных планов должно было стать завоевание Китая. Требовался лишь предлог, которым стал инцидент на мосту Марко Поло в июле 1939 года. 7 июля японские войска, размещенные между Тяньцзинем и Пекином в соответствии с «Заключительным протоколом», вышли на учения вблизи моста, расположенного в десяти милях от Пекина, и неожиданно были обстреляны китайскими солдатами; в результате один японский военнослужащий был захвачен в плен (правда, его вскоре отпустили). Бряцание оружием продолжалось целый месяц,

после чего японский премьер-министр объявил о намерении окончательно разрешить проблему японо-китайских отношений, тогда как Чан Кай-ши пообещал всеми силами защищаться от агрессии.

В ходе массированного наступления на Шанхай японские войска уничтожили более миллиона солдат гоминьдановской армии. Еще ужаснее была «нанкинская резня». После сдачи города китайцами японские солдаты устроили невиданную по своей жестокости бойню. Они убили всех защитников Нанкина, а затем на протяжении шести недель уничтожили — закололи штыками, облили керосином и сожгли, закопали живьем — двести тысяч жителей города; восемьдесят тысяч женщин были изнасилованы, после чего им вспарывали живот или отрезали груди. (После Второй мировой войны по приговору Токийского трибунала несколько японских военнослужащих были казнены, однако Япония продолжает замалчивать это военное преступление.)

Японцы контролировали обширные районы страны. После падения Нанкина Чан Кай-ши бежал на крайний запад страны, в город Чунцин на реке Янцзы в провинции Сычуань. Это был сельскохозяйственный район, и поэтому гоминь-

дановцы привезли сюда оборудование, снятое с фабрик на восточном побережье; студенты и преподаватели переезжали вместе с имуществом университетов. Из этого далекого города, снабжавшегося по воздуху союзниками (преимущественно Соединенными Штатами), Чан Кай-ши продолжал руководить сопротивлением, которое усиливалось благодаря партизанским отрядам коммуниста Мао. Китайцы храбро сражались, но их усилия были тщетными. Длившаяся восемь лет ужасная война унесла жизни пятнадцати миллионов китайцев, солдат и мирных граждан, а материальные потери страны не поддаются оценке. Война закончилась лишь в 1945 году, когда атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, похоронила японскую мечту о «Великой Восточной Азии». Китай наконец обрел свободу.

Но мир в стране так и не наступил. Между националистами и коммунистами существовали непреодолимые разногласия. Все усилия союзников, убеждавших противоборствующие стороны сформировать единый фронт, потерпели неудачу — даже несмотря на то, что Чан Кай-ши, временно захваченный одним из северных генералов, дал вынужденное согласие. Столкновение между гоминьдановцами и коммунистами было неиз-

бежным. Мао Цзэ-дун, укрывшийся в своей ставке в Яньани, последние девять лет разрабатывал и совершенствовал тактику партизанской войны. Сам он вернулся к крестьянским корням, вел простую жизнь и, к неудовольствию интеллектуалов, становился грубым до неприличия: мог во время беседы расстегнуть ремень и начать вылавливать вшей или в жару снимая брюки и ложился на кровать, когда у него брали интервью. Но он был прочно связан с крестьянскими массами, а его речи и письменные работы легли в основу революционной программы и принципов коммунистов.

В возобновившейся кампании против Мао Чан Кай-ши поначалу сопутствовала удача: его войска захватили Яньань и повели наступление на Маньчжурию, но местный коммунистический лидер, вооруживший свои отряды тем, что осталось от разгромленной японской армии, нанес им сокрушительное поражение. Националисты были деморализованы. Они сдали коммунистам Шаньдун, а в 1948 году после решающего сражения оставили Пекин. За Пекином последовал Нанкин, а потом и другие города. Чан Кай-ши бежал на Тайвань, который после капитуляции Японии был возвращен Китаю. Он привез с со-

бой около двух миллионов сторонников, триста миллионов долларов из государственной казны и под защитой Соединенных Штатов построил успешное капиталистическое государство. Съезд победившей коммунистической партии вновь перенес столицу в Пекин и вернул городу прежнее название. Именно в Пекине 1 октября 1949 года Мао Цзэ-дун объявляет о создании Китайской Народной республики. После того как эти слова прозвучали на площади у Ворот небесного спокойствия, Мао стал руководителем нации, насчитывающей около миллиарда человек. Такой власти еще не было ни у одного правителя.

Родилась новая династия, и в ее основе лежала не генеалогия и не семья, а коммунистическая партия. Возникла седьмая (если считать Хань, Тан, Сун, Юань, Мин и Цин) китайская империя. На ее недоверие Запад отвечает взаимностью. Взаимоотношения могут наладиться, если в полной мере будут соблюдаться благородные принципы, характерные для каждой цивилизации: христианская доброжелательность и готовность подставить другую щеку, а также глубокая вера китайцев в то, что вселенная — природа и человек — постоянно стремится к равновесию и гармонии, так что если зло нарушает баланс, то

для исправления ситуации необходимо добро, и таким образом инь и ян уравновешивают друг друга. Именно этот принцип красной нитью проходит через всю долгую историю огромной страны с ее неисчислимым населением и величественной цивилизацией — историю, которую мы попытались кратко очертить в этой книге.

Библиография

A Gallery of Chinese Immortals / tr. L. Giles. John Murray, 1979.

Alexander W. Picturesque Representations of the Dress and Manners of the… Chinese. John Murray, 1814.

Allom T., Wright, G. N. The Chinese Empire Illustrated. London: Printing and Publishing Co., 1845.

Anderson A. A Narrative of the British Embassy to China 1792–1794. London: J. Debrett, 1795.

Andersson J. G. Children of the Yellow Earth. Mass.: The MIT Press, 1934.

Anon. A Selection of Ancient Chinese Bronzes. Peking: Wen Wu Press, 1976.

Anon. Along the Yellow River. Peking: Foreign Languages Press, 1975.

Anon. Chinese Painting and Calligraphy from the Collection of John M. Crawford Jnr. N. Y.: Pierpont Morgan Library, 1965.

Anon. Historical Records Unearthed in New China. Peking: Foreign Languages Press, 1972.

Anon. Marco Polo’s Adventures in China. Cassell,

1965.

Anon. New Archeological Finds in China. Peking: Foreign Languages Press, 1973.

Anthology of Chinese literature / ed. C. Birch. N. Y.: Grove Press, 1965.

Asian Folklore and Social Life / ed. Lou Tsu-k'uang. Taiwan: Orient Cultural Service, 1975.

Atlas of Primitive Man in China. Beijing: Science Press, 1980.

Balazs E. Chinese Civilization and Bureaucracy. Yale U. Press, 1964.

Baynes C. F. The I–Ching. Routledge amp; Kegan Paul, 1951.

Beattie H. J. Land and Lineage in China. Cambridge U. Press, 1979.

BeechingJ. The Chinese Opium Wars. Hutchinson, 1975.

Bennett A. A. John Fryer the Introduction of Western Science… China. Harvard U. Press, 1967.

Bielenstein H. The Bureaucracy of Han Times. Cambridge U. Press, 1980.

BishopJ. F. The Yangtze Valley and Beyond. John Murray, 1899.

Bishop J. F. Chinese Pictures. Cassell amp; Co., 1900.

Blake C. Charles Elliot R. N. 1801–1875. London. Cleaver-Hulme Press, 1960.

Bloodworth C. P. amp; *D.* The Chinese Machiavelli. Seeker amp; Warburg, 1976.

BoddeD. Festivals in Classical China. Princeton U. Press, 1975.

BoulnoisL. The Silk Road. George Allen amp; Unwin, 1966.

Braam A. E. Van. Embassy of the Dutch East-India Co. to… China. London: R. Phillips, 1798.

Brent P. The Mongol Empire. London: Book Club Assoc., 1976.

Cambridge History of China. Cambridge U. Press. Vol. 1,1986 and ten subsequent vols. by 2000.

Cameron N. Barbarians and Mandarins. N. Y.: John Weatherhill, 1970.

Carl K. A. With the Empress Dowager of China. London: KPI, 1906.

Carter T. V. The Invention of Printing in China. N. Y.: Ronald Press Co., 1925.

Catalogue of Important Archaic Chinese Bronzes. London: Sothebys, 1967.

Cathay and the Way Thither / tr. H. Yule. Taipei: Ch'eng Wen Publishing, 1972.

Ch'enJ. China and the West. Hutchinson, 1979.

Ch'en P. H. Chinese Legal Tradition under the Mongols. Princeton U. Press, 1978.

Ch'u T'ung-tsu. Han Social Structure. Washington

U. Press, 1972.

Chaffee J. W. The Thorny Gates of Learning in Sung China. Cambridge U. Press, 1975.

Chan W. K. K. Merchants, Mandarins, and Modern Enterprise in Late Ch'ing China. Harvard U. Press, 1977.

Chang Chung-li. The Chinese Gentry. Washington U. Press, 1955.

Chang K. C. Early Chinese Civilization. Harvard U. Press, 1977.

Chang K. C. The Archeology of Ancient China. Yale U. Press, 1977.

Chen Chi-yun. Hstin Ytieh and the Mind of Late Han China. Princeton U. Press, 1980.

Chen Chi-yun. Hstin Ytieh. Cambridge U. Press, 1975.

ChesneauxJ. and others. China from the Opium Wars to the 1911 Revolution. Sussex: Harvester Press, 1977.

China in Maps / ed. H. Fullard. London: George Philip amp; Son, 1968.

China under Mongol Rule / ed. J. D. Langlois. Princeton U. Press, 1981.

China's Examination Hell / tr. C. Schirokauer. Yale U. Press, 1976.

China's Incredible Find // National Geographic

Magazine. National Geographic Society, April 1978.

Chinese Literature / ed. Mao Tun // Monthly No. 2. Peking: Foreign Language Press, 1964.

Chinese Medicine //Wellcome Historical Medical Museum and Library. 1966.

Chinese Snuff Bottles //No. 3/ed. H. M. Moss. London: Chinese Snuff Boxes.

Chinese Wit and Humour / ed. G. Kao. N. Y.: Coward-McCann, 1946.

Clark G. Impatient Giant: Red China Today. N. Y.: Ronald Press Co., 1925.

Cotterell A. The First Emperor of China. Macmillan, 1981.

Cotterell Y. Y. amp; *A.* The Early Civilization of China. London: Book Club Assoc., 1975.

Cotterell Y. Y. amp; *A.* Chinese Civilization, Ming to Mao. London: Book Club Assoc., 1977.

Courtier and Commoner in Ancient China / tr. B. Watson. Columbia U. Press, 1974.

Cranmer-ByngL A Vision of Asia. London: Readers Union, 1932.

Creel C. G. The Birth of China. Frederick Ungar, 1937.

Creel C. G. The Origins of Statecraft in China. Chicago U. Press, 1970.

Creel C. G. Shen Pu-hai. Chicago U. Press, 1974.

Danton G. H. The Culture Contacts of the U. S. and China. Columbia U. Press, 1973.

Dardess J. W. Conquerers and Confucians. Columbia U. Press, 1973.

Davidson B. and others. Fossil Man in China. Peiping: Geological Survey of China, 1933.

DavisJ. F. The Chinese. London: Charles Knight amp; Co., 1840.

Dawson R. The Chinese Chameleon. Oxford U. Press, 1867.

Dawson R. Imperial China. Hutchinson, 1972.

Dawson R. The Chinese Experience. Weidenfeld amp; Nicolson, 1978.

De Francis J. Beginning Chinese. Yale U. Press, 1963.

Dillon M. Dictionary of Chinese History. London: Frank Cass amp; Co., 1979.

Dolby W. A History of Chinese Drama. London: Elek Books, 1976.

Drake F. W. China Charts the World. Harvard U. Press, 1975.

Dudbridge G. The Legend of Miao-shan. London: Ithaca Press, 1978.

Earner J. B. The English in China. London: Curzon Press, 1909.

Eberhard W. A History of China. Routledge amp;

Kegan Paul, 1950.

Eberhard W. Conquerers and Rulers. Leiden: E. J. Brill, 1970.

Eberhard W. Social Mobility in Traditional China. Leiden: E. J. Brill, 1962.

Ebrey P. B. The Aristocratic Families of Early Imperial China. Cambridge U. Press, 1978.

ElisseeffD. and V. New Discoveries in China. N. Jersey: Chartwell Books, 1983.

Ellis H. Journal of the Proceedings of the late [Amherst] Embassy to China. John Murray, 1817.

Embassy from the East-India Company… to… China/ tr. J. Ogil-by. London: John Macock, 1699.

Eminent Chinese of the Ch'ing Period / ed. A. Hummel. Taipei: Ch'eng Wen Publishing, 1970.

Erotic Art of China / ed. A. Franzblau. N.Y.: Crown Publishers, 1977.

FairbankJ. K. Trade and Diplomacy on the China Coast. Stanford U. Press, 1964.

Fan Hong. Footbinding, Feminism and Freedom. London: Frank Cass, 1997.

Fesslev L. and others. China. Time-Life International, 1963.

Fitzgerald P. Ancient China. London: Elsevier Phaidon, 1978.

Franck I. M. and Brownstone D. M. The Silk Road. N.

Y.: Facts on File, 1986.

Franke W. A Century of Chinese Revolution, 1851–1949. Oxford: Basil Blackwell, 1970.

FreehiU N. China: All About It! Berlin: Seven Seas Publishers, 1959.

Fry R. and others. Chinese Art. London: B. T. Batsford, 1925.

FryerJ. The Great Wall of China. London: New English Library, 1975.

Fung Yu-lan. A Short History of Chinese Philosophy. Macmillan, 1948.

Gascoigne B. The Treasures and Dynasties of China. Jonathan Cape, 1973.

GemetJ. Daily Life in China, 1250–1276. Stanford U. Press, 1962.

Gemet J. A History of Chinese Civilization. Cambridge U. Press, 1982.

Gerson J. J. Horatio Nelson Lay and Sino-British Relations. Harvard U. Press, 1972.

Giles H. A. A History of Chinese Literature. Charles E. Tuttle Co., Inc., 1973.

Giles H. A. A Chinese Biographical Dictionary. Taipei: Ch'eng Wen Publishing, 1975.

Glover A. E. A Thousand Miles of Miracle in China. London: Pickering amp; Inglis, 1904.

Goldstein J. Philadelphia and the China Trade 1682–

1846. Pennsylvania U. Press, 1978.

GoodallJ. A. Heaven and Earth // Ming encyclopedia extracts. London: Lund Humphries, 1979.

Goodrich L. C. and Cameron N. The Face of China, 1860–1912. London: Gordon Fraser Gallery, 1978.

GrayJ. H. China: laws, manners, customs. Macmillan, 1878.

Greene F. Peking. Jonathan Cape, 1978.

Greene R. A. Hsiang-ya journal. Conn.: Shoe String Press, 1977.

Grosier J. B. A General Description of China. London: G. G. J. and J. Robinson, 1788.

Grosier J. B. The World of Ancient China. Geneva: Editions Minerva, 1972.

Guisso R. W. L. and others. The First Emperor of China. Stoddart Publishing Co., 1989.

Gulick E. V. Peter Parker and the Opening of China. Harvard U. Press, 1973.

Gulick R. H., van. Sexual Life in Ancient China. Leiden: E. J. Brill, 1974.

Hall W. H. Narrative of the Voyages and Services of The Nemesis. London: Henry Colburn, 1845.

Han Suyin. The Crippled Tree. Jonathan Cape, 1965.

Harrington L. The Grand Canal of China. Bailey Bros. amp; Swinfen, 1974.

Hirth F. The Ancient History of China. Columbia U.

Press, 1923.

Ho Ping-ti. The Cradle of the East. Chinese U. of Hong Kong, 1975.

Hong Ying. Summer of Betrayal. Bloomsbury, 1997.

Hopkirk P. Foreign Devils on the Silk Road. John Murray, 1980.

Hosie D. Portrait of a Chinese Lady. Hodder amp; Stoughton, 1929.

Hsii Chin-hsiung. Menzies Collection of Shang Dynasty Oracle Bones. Royal Ontario Museum, 1977.

Hsiao Ch'i-ch'ing. Military Establishment of the Yuan Dynasty. Harvard U. Press, 1977.

Hsiao Ch'ien. A Harp with a Thousand Strings. London: Pilot Press, 1944.

Hsu Cho-yun. Han Agriculture. Washington U. Press, 1980.

Huang R. China a Macro History. N. Y.: M. E. Sharpe, 1997.

Huang R. Taxation and Governmental Finance in Sixteenth Century Ming China. Cambridge U. Press, 1974.

HuckerC. O. China's Imperial Past. Duckworth, 1975.

Hue E. The Chinese Empire. Longman, Brown, Green amp; Longman, 1855.

Hughes E. R. Two Chinese Poets. Conn.: Greenwood

Press, 1960. I Ching — Book of Changes / tr. J. Legge. Bantam, 1969.

Ides E. Y. Three Years Travels from Moscow Overland to China. W. Freeman, 1706.

Jenner W. J. Memories of Loyang. Oxford: Clarendon Press, 1981.

Johnston R. F. Twilight in the Forbidden City. Victor Gollancz, 1934.

Kuan Han-ching. Selected Plays. Shanghai: New Art and Literature Publishing, 1958.

Lai T. C. Imperial China. George Allen amp; Unwin, 1966.

Lai T. C. A Scholar in Imperial China. Hong Kong: Kelly amp; Walsh, 1970.

Lai T. C. The Eight Immortals. Swindon Book Co., 1972.

Lai T. C. Ways to Paradise. George Allen amp; Unwin, 1979.

Laufer B. Sino-Iranica. Taipei: Ch'eng Wen Publishing Co., 1973.

Le Compte L. Memoirs and Observations... Journey through... China. London: Benj. Tooke, 1697.

Levenson J. R. and another. China: An Interpretive History. California U. Press, 1969.

Li Yu-ning. Shang Yang's Reforms. M. E. Sharpe Inc., 1977.

Lin Yutang. From Pagan to Christian. Ohio: World Publishing Co., 1959.

Lindqvist C. China Empire of the Written Symbol. Harper Collins, 1991.

Lo Hui-min. The Correspondence of G. E. Morrison. Cambridge U. Press, 1976.

Loewe M. Imperial China. George Allen amp; Unwin, 1966.

LoeweM. Crisis and Conflict in Han China. George Allen amp; Unwin, 1974.

Lowe H. Y. The Adventures of Wu. Princeton U. Press, 1983.

Lum Peter. Fairy Tales of China. London: Cassell, 1959.

M. Keswick. The Chinese Garden. London: Academy Editions, 1978.

MacGregor D. R. The Tea Clippers. London: Percival Marshall, 1952.

MacKerras C. P. The Rise of the Peking Opera. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Magaillans G. A New History of China. Thomas Newborough, 1688.

Mao Yi-sheng. Bridges in China, Old and New. Peking: Foreign Languages Press, 1978.

Martin R. M. China; Political, Commercial and Social. James Madden, London, 1847.

Mason G. H. The Costume of China and The Punishments of China / Illustrated W. Miller. London, 1800.

Maspero H. China in Antiquity. Dawson, 1978.

Maxim H. S. Li Chang's Scrapbook. London: Watts amp; Co., 1913.

Melchers B. Chinesische Schattenschnitte. Kassel: Friedr. Lo-mesch, 1956.

Meng Wu Wu. Houses of Joy. The Olympia Press, 1958.

Meyer C. and AllenJ. Source Materials in Chinese History. Frederick Warne, 1970.

Mirsky J. The Great Chinese Travellers. George Allen amp; Unwin, 1965.

Munro D. J. The Concept of Man in Early China. Stanford U. Press, 1969.

Murals from the Han to the Tang Dynasty. Peking: Foreign Language Press, 1974.

Myerdal J. Report from a Chinese Village. William Heinemann, 1965.

Nagel's Encyclopedia Guide: China. Geneva: Nagel Publishers, 1968.

Nancarrow P. Early China and the Wall. Cambridge U. Press, 1978.

Needham J. Science amp; Civilization in China // Vol. 1, 1954. 19 Subsequent Vols to 2000. Cambridge

U. Press.

New Songs from a Jade Terrace / tr. Birred A. George Allen amp; Unwin, 1982.

Newnham R. About Chinese. Penguin Books, 1971.

Nowak M. and Durrant S. The Tale of the Nisan Shamaness. Washington U. Press, 1977.

Oliphant L. Narrative of the Earl Elgin's Mission to China… Blackwood, 1859.

OvermyerD. L. Folk Buddhist Religion. Harvard U. Press, 1976.

Owen S. An Anthology of Chinese literature. W. W. Norton amp; Co., 1996.

Pilgrim of the Clouds / tr. J. Chaves. N.Y.: John Weatherhill, 1978.

Ping-ti Ho. The ladder of Success in Imperial China. Columbia U. Press, 1962.

Pirazzoli-t'Serstevens U. The Han Dynasty. Rizzoli International, 1982.

Poems of the Late T'ang / tr. A. C. Graham. Penguin Books, 1965.

PrattJ. T. China and Britain. Collins, 1944.

Prawdin U. The Mongol Empire. George Allen amp; Unwin, 1940.

Qian Hao and others. Out of China's Earth. London: Frederick Muller, 1981.

Rawson J. Mysteries of Ancient China. British

Museum Press, 1996.

ReischauerE. 0. Ennin's Diary. N. Y.: Ronald Press Co., 1955.

Republican China /eds. F. Schurmann, O. Schell. Random House, 1967.

Ross J. The Original Religion of China. Oliphant Anderson amp; Ferrer, 1909.

Salisbury H. To Peking and Beyond. Hutchinson, 1973.

Schafer E. H. Pacing the Void. California U. Press, 1977.

Scott A. C. The Classical Theatre of China. George Allen amp; Unwin, 1957.

Seven Hundred Chinese Proverbs / tr. H. Hart. Stanford U. Press, 1937.

Shabad T. China's Changing Map. Methuen amp; Co., 1956.

Shapiro H. L. Peking Man. London: Book Club Associates, 1976.

Sharf F. A. and Harrington P. China 1900: The Eyewitnesses Speak. London: Greenhill Books, 2000.

Shih Chung-wen. The Golden Age of Chinese Drama. Princeton U. Press, 1976.

Sickman L., Soper A. The Art and Architecture of China. Penguin Books, 1956.

Siren O. A History of Later Chinese Painting. London:

Medici Society, 1937.

Smith R. J. China's Cultural Heritage. The Ch'ing Dynasty. Colorado: Westview Press, 1983.

Sotheby Parke Burnet (Hong Kong). Five Chinese School. 4.12.78.

Sources of Chinese Tradition / ed. De Bary T. Columbia U. Press, 1964.

SpenceJ. D. Emperor of China. Jonathan Cape, 1974.

Spence J. D. The Death of Woman Wang. Wiedenfeld amp; Nicolson, 1978.

SpenceJ. D. The Memory Palace of Matteo Ricci. Faber amp; Faber, 1985.

Spence J. D. The Chan's Great Continent. Allen Lane, 1998.

Spence J. D. Mao. Wiedenfeld amp; Nicolson, 1999.

Spender S., Hockney D. China Diary. Thames amp; Hudson, 1982.

Staunton G. An Authentic Account of an [i.e. the Macartney] Embassy. China. 2 vols. London: G. Nicol, 1798.

Sullivan M. A Short History of Chinese Art. Faber amp; Faber, 1967.

Sun E-tu Zen. Chinese Social History / tr. J. De Francis. N. Y.: Octagon Books, 1966.

Taylor R. L. The Cultivation of Sagehood. American Academy of Religion, 1978.

The Book of Ser Marco Polo / tr. H. Yule. John Murray, 1903.

The Chinese Classics / tr. J. Legge. Hong Kong U. Press, 1960.

The First Chinese Embassy to the West / tr. J. D. Frodsham. Oxford: Clarendon Press, 1974.

The Golden Casket / tr. C. Levenson. N. Y.: Harcourt, Brace amp; World, 1964.

The Golden Chinggis / tr. U. Onan. London: Folio Society, 1993.

The Hundred Names / tr. H. Hart. California U. Press, 1933.

The Lament of the South / tr. W. Graham. Cambridge U. Press, 1980.

The last Manchu / tr. Tsai Kuo Ying Paul Tsai. Arthur Barker, 1967.

The Monks of Kublai Khan / tr. Budge E. A.W. N. Y.: AMS Press, 1928.

The T'ang Code / tr. W. Johnson. Princeton U. Press, 1979.

The Texts of Taoism / tr. J. Legge. The Julian Press, 1959.

The Travels of Marco Polo / tr. Latham R. Penguin Books, 1958.

Theroux P. Sailing through China. Michael Russell, 1983.

Three Judge Pao Plays / tr. G. A. Hayden. Harvard U. Press, 1978.

Thubron C. The Silk Road to China. Hamlyn, 1989.

TorbertP. M. The Ch'ing Imperial Household Department. Harvard U. Press, 1977.

TreistmanJ. M. The Pre-History of China. David amp; Charles, 1972.

Trevor-Roper H. A Hidden Life. Macmillan, 1976.

Tsao Hsueh-chin, Kao Ngo. A Dream of Red Mansions. Peking: Foreign Langauges Press, 1978.

Tuchman B. W. Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945. Macmillan, 1971.

TwitchettD. Financial Administration under the Tang Dynasty. Cambridge U. Press, 1970.

TwitchettD. The Birth of the Chinese Meritocracy. London: China Society, 1974.

Waddell H. Lyrics from the Chinese. Constable and Co., 1945.

Waley A. The Opium War through Chinese Eyes. George Allen amp; Unwin, 1958.

Warner M. The Dragon Empress. Wiedenfeld amp; Nicolson, 1972.

Watson W. The Arts of China to AD 1900. Yale U. Press, 1995.

Webb J. An Historical Essay Endeavouring a Probability That the Language of China etc. Nath.

Brook, 1669.

Wechsler H. S. A Mirror to the Son of Heaven. Yale U. Press, 1974.

Welch H., Seidel A. Facets of Taoism. Yale U. Press, 1979.

Wheatley Paul The Pivot of the Four Quarters. Edinburgh U. Press, 1971.

Williams S. W. The Middle Kingdom. London: W. H. Allen amp; Co., 1883.

Wolseley G. J. Narrative of the War with China in 1860. Longman, Green, Longman amp; Roberts, 1862.

Wu Ch'eng-en. Monkey. George Allen amp; Unwin, 1942.

Wu Ching-tzu. The Scholars. Peking: Foreign Languages Press; 1957.

Yang C. K. Religion in Chinese Society. California U. Press, 1970.

ZiircherE. The Buddhist Conquest of China. Leiden: E. J. Brill, 1972.

Zheng Shifeng and others. China. London: Frederick Muller, 1980.